

j.evola

---

métaphysique

du

sexe

*Перевод с французского
В.И.Русинова*

Юлиус Эвола

Метафизика пола

Métaphysique
J. Evola
du sexe

*"Беловодье", Москва
1996 г.*

ББК 71.0
Э15

Юлиус Эвола

Метафизика пола

Пер. с франц. — М.: Беловодье, 1996. — 448 с.

Книга известного итальянского мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эволы получила огромную известность на Западе и считается классическим трудом, исследующим проблемы пола и сексуальности. Проанализировав огромное количество материала, сосредоточенного в древних источниках, культурах, религиях, мистериях, наконец, в самой истории, автор приходит к парадоксальному выводу об ослаблении инстинкта пола в западном мире, вызванного разрушительным характером сексуальной революции. Книга, без сомнения, привлечет внимание достаточно широкого круга читателей, интересующихся сакральными аспектами взаимоотношений мужского и женского начала.

© Издательство *"Беловодье"*, 1996

© Перевод с французского: В.И.Русинов

© Предисловие: С.Ю.Ключников

ISBN 5-88901-006-9

Метафизика Эроса Юлиуса Эволы

За последние несколько лет имя барона Юлиуса Эволы, прежде практически неизвестное в России, стало очень популярным: в ряде журналов и альманахов появилось несколько отрывков из его произведений и даже отдельная книга "Языческий империализм". Наверное, настоящее признание Эволы, известного во всем мире мыслителя, в России еще не состоялось, хотя можно предвидеть, что интерес к его творчеству будет нарастать. Это предопределено не только талантом и глубиной философии Эволы, но и чрезвычайным разнообразием его интересов и яркостью личности.

Поэт, художник, культуролог, переводчик, философ, альпинист, политолог, общественный деятель, Юлиус Эвола прожил большую и яркую жизнь, которую можно разделить на несколько периодов: анархистско-нигилистический, активно-политический, уединенно-философский, во время которого он, парализованный после полученной им сильнейшей травмы позвоночника, уже не мог активно заниматься политикой и был способен осмыслять уроки истории лишь на теоретическом уровне. Однако, несмотря на все внешнее разнообразие его жизни, Эвола всегда сохранял в себе черты нонконформиста, углубленного в себя "дифференцированного человека", не идущего на компромисс с действительностью и готового на бунт против ее тирании.

Мыслитель утверждал, что среда не оказала на него почти никакого влияния, и все, чего он добился, он выработал в себе сам. Однако, аристократизм его независимой натуры наверняка сформировался на основе ощущения принадлежности к одному из самых древних родов Европы. Итак, барон Юлиус Эвола родился в самом конце прошлого столетия в 1898 году в семье итальянских аристократов. В юности Эвола активно занимался поэтическим творчеством и живописью и считался одним из наиболее одаренных представителей итальянского художественного авангарда дадаистского толка, был близок к футуристическим кругам, в частности, таким фигурам как Филиппо Томазо Маринетти и Джакома Балла. С ранних лет Эвола проявлял интерес к философии, с особым вниманием относясь к мыслителям линии консервативной революции, внимательно изучал древние религиозные тексты Востока и Запада, труды по мистике и эзотеризму, архивы, содержащие материалы по герметизму и масонству. В дальнейшем Эвола, отдавший дань нигилизму, решительно разорвал с ним и бес-

поворотом выбрал путь традиционализма в его наиболее резкой и бескомпромиссной форме. Этот период совпал с широкой общественной деятельностью мыслителя, начавшего одновременно публиковать работы по восточному и западному эзотеризму и по идеологии консервативной революции, с позиции которой он выступал все последующие годы. Наиболее значительные и яркие книги мыслителя: "Йога могущества", "Герметическая традиция", "Языческий империализм", "Восстание против современного мира", "Мистерия Грааля" сделали Эволю широко известным во всем мире. Особенно плодотворным для итальянского философа стало знакомство с идеями и трудами французского эзотерика Рене Генона, несколько работ которого он перевел на итальянский язык. Однако, после того, как консервативно-революционная идеология Эволю проэволюционировала в направлении фашизма, пути двух философов постепенно разошлись.

Период сотрудничества с фашизмом, какой бы нонконформистской и независимой ни была позиция мыслителя — не самая светлая сторона его жизни и личности. Трудно сказать, что привело его к фашизму — ярое отрицание ненавистных для Эволю буржуазной культуры и либеральных ценностей, характерных для идей третьего пути, или культ героического начала, умело эксплуатировавшийся и в Италии, и в Германии, но факт остается фактом — в течение многих лет мыслитель находился в одном лагере с последователями Муссолини, и сам дуче положительно оценивал его работы. Вполне возможно, что именно под влиянием трудов Эволю, посвященных теме индийской философии, лидер итальянского фашизма предпринял попытку "пристегнуться" к восточной традиции и сблизиться с Джавахарлалом Неру, но получил решительный отказ. Необходимо подчеркнуть, что верность этому направлению мысли с его во многом антихристианской и подчеркнуто-элитарной направленностью Эвола сохранял всю жизнь. Правда бескомпромиссность и решительный характер мыслителя, стремившегося одухотворить фашистское движение, создали ему множество врагов, которые тормозили его публикации и часто выступали с критикой идей Эволю. Да и сам мыслитель боролся против искажения идей консервативной революции, которое допустил, с его точки зрения, фашизм и в теории, и в жизни, и после второй мировой войны даже выпустил на эту тему книгу: "Фашизм, критика справа". Единственное оправдание идейного альянса Эволю с фашизмом — полное бескорыстие мыслителя (как и многие

творческие личности XX века, вроде Юнга и Борхеса), искренне верящего, что это движение способно вывести Европу и мир из кризиса: личных выгод в нем он не искал и часто поступал во вред собственной карьере.

После второй мировой войны Эвола заново редактирует свои прежние работы и выпускает ряд новых книг "Человек и развалины", "Оседлать тигра", "Маски и лики современного спиритуализма" и, наконец, "Метафизику пола". Яркая и насыщенная жизнь Эвола, на русском языке наиболее полно описанная А.Дугиным, закончилась в 1974 году.

* * *

Общее значение книги Юлиуса Эволы для современной культуры трудно переоценить. В известной степени он был пионером исследований подобного плана на Западе. В самом деле, за последние несколько десятилетий появилось немалое количество произведений, посвященных исследованиям сексуальных проблем, однако, подавляющее большинство из них, даже самые сильные, были ориентированы на постижение проблем пола и сексуальности в их обыденном виде и касались, так сказать, психологии и физики секса. Но сакральные аспекты пола и метафизика сексуальности на серьезном и глубоком уровне практически не рассматривались. Между тем, эти вопросы имеют особенное значение в наши дни, когда разливанное море сексуальной революции, отбушевавшее на Западе, подобно цунами обрушивается на Россию, оказавшуюся совершенно неподготовленной к подобным испытаниям. При всем многообразии изданий, посвященных теме секса и различным проблемам пола, в России существует дефицит серьезной литературы, отвечающей требованиям времени.

Работа Юлиуса Эволы, содержащая в себе колоссальный материал на это счет, собранный в результате многолетних кропотливых исследований дает ясные, прямые и жесткие ответы на многие неясные вопросы этой жгучей и "проклятой" темы. В этом она отличается от русской философии эроса, расцветшей в XX веке и за редкими исключениями (Бердяев, и в особенности, Розанов) отличающиеся при освещении проблем особым целомудренным тоном и сдержанностью. В отдельные моменты стиль Эволы может показаться циничным. Однако, такое впечатление обманчиво — чем дальше вчитываешься в текст, тем отчетливее впечатление мужественной чистоты и откровенности, с которой он касается самых острых и запутанных тем, говоря о которых мы привыкли стыдливо

опускать глаза. Итальянский мыслитель нигде не забывает о своей главной цели — изложить метафизику пола, помогающую человеку преодолеть проклятие собственного дуализма и разделенности со своей Высшей Природой. Такая предельная откровенность (а Эвола со своим альпинистским пристрастием к риску и сверхнапряжениям всегда любил преодолевать уже известные пределы) ценнее любого ханжества (даже если оно преследует самые добрые цели), ибо она дает возможность подойти к постижению тайны.

Итак, пол — есть величайшая тайна, сокрытая в глубинах человека, и потому познать ее природу впрямую, безо всяких усилий, исканий и сокровенных знаний, просто невозможно и нереально. Проблема пола не сводится к проблеме секса, хотя она включает в себя секс, но не отождествляется с ним. Потому данное название книги более точно отражает суть дела, нежели "Метафизика секса", как ее поторопились окрестить некоторые публикаторы ее отрывков и частей. Эвола стремится подчеркнуть, что само понятие пол, изначально означающее дуальность, раздвоение, сокращенную форму понятия половина, содержит в себе не только силу, разделяющую единое на части, но и силу взаимного притяжения, соединения, слияния. Его задача рассмотреть проблему пола со всех сторон, осветив ее светом сакральных знаний и очистив ее от ядовитых излучений фрейдизма и профанического либерализма. Традиционалистский подход видит решение проблемы пола, одной из центральных проблем человеческого существования — в преодолении глубинной разделенности двух начал и воссоединении половинчатых душ, потерявших друг друга во время затянувшейся космической одиссеи падшего человека. Решить проблему пола можно только при условии выхода в сферу, где двойственности попросту не существует. Прорыв в эту высочайшую область может быть осуществлен двумя способами, один из которых предполагает овладение эротическими энергиями в реальной практике половой любви (сексуальная разновидность тантры), другой же основан на полном вытеснении секса из сферы собственной жизни и сознания (аскеза). И тот и другой путь воспринимают пол и сексуальность как явления сакральной сферы, требующей соответственного отношения.

Совершенно по-иному оценивает область секса профаническое сознание. Оно видит в грозной и таинственной силе пола главный мотив человеческих устремлений и действий, доходя до явного преувеличения роли сакрального фактора.

Половой профанизм можно условно подразделить на два направления: гедонистическое, исходящее из признания чувства наслаждения основным двигателем сексуальной активности человека и утилитарно-естественное, утверждающее, что главная функция пола — это воспроизведение потомства. Христианская точка зрения, негативно воспринимающая сексуальный гедонизм, при этом оправдывала (пусть и без ветхозаветной апологии: "плодитесь и размножайтесь!") воспроизводственную функцию пола как природную основу семьи и брака — бесспорных и освященных церковью ценностей. Половое чувство воспринимается церковью как начало, содержащее в себе возможность греха, но его последствия — деторождение — благословлялись как основа и условие продолжения рода. (Правда, подобное отношение к половой любви присутствует не в церковной догматике, но прежде всего, в исторически сложившемся образе поведения христианского, в особенности, католического человека. На это противоречие христианства указывал в свое время В.Розанов). Русская религиозная философия пыталась разрешить это противоречие и согласовать христианство с областью пола. Две линии философии любви в отечественной мысли расходились между собой и в отношении к плотскому началу, и в своих культурно-исторических истоках. Одну из них, восходящую к античному пониманию Эроса, можно условно определить как неоплатоническую. Оно представлено такими фигурами как Вл.Соловьев, Л.Карсавин, Б.Выщеславцев. Русские неоплатоники и философы любви отрицали аскетизм, пытались рассматривать эротическую энергию как основу творчества и подчеркивали огромное значение индивидуального любовного чувства, в своих высших проявлениях просветляющего чувственность. Другое направление исходило из безусловного подчинения всех возможных воззрений на эту таинственную область христианским или, точнее говоря, ортодоксально-богословским взглядом. Его наиболее яркие апологеты — П.Флоренский, С.Булгаков, И.Ильин и Вл.Ильин ориентировались на высокую средневековую аскетику и подвижничество, давшее миру самые яркие образцы борьбы с грехом. В книге "Русский эрос" (М., 1991) говорится о том, что эти два противоположные направления так и не сблизились между собой, хотя серьезную попытку соединить Любовь-Эрос и любовь-сострадание или, как ее называли, "агапэ", сделал Н.Бердяев.

Но, как бы то ни было, попытки подобного объединения двух видов любви происходили больше в сознании мыслителей. К реальной российской жизни это имело очень мало отношения: взаимоотношения полов в России развивались по своим законам. Логика этих взаимоотношений, конечно, определяется прежде всего особенностями истории и национального характера народа, а уже потом национальной философией любви, осознанным и прочувствованным отношением к ней. Вместе с тем это не означает, что подобная национальная философия Эроса не нужна современному человеку. Она очень нужна, и существенную поддержку для разработки такой философии могут оказать сакральные знания и эзотерические учения, о которых говорит в своей книге Юлиус Эвола.

* * *

Многие положения, выдвигаемые мыслителем, с первого момента вызывают симпатию: акцент на здоровом и нормальном аспекте пола, неприятие любых половых извращений и патологий, в которых так любит копаться либеральное сознание, стремление исследовать духовное измерение секса, отвержение двух главных искажений в отношении к полу, характерных для современного мира — ханжества и пошлости. В своем отрицании лицемерно-моралистического замалчивания половой тематики, свойственного многим философским системам, идеологическим построениям и социальным теориям Эвола близок к Бердяеву, называющему пол "мировым вопросом" и писавшему о "центральной, религиозной важности проблемы пола" следующее:

"С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и о смерти. Это проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира; эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному. И поразителен заговор молчания об этом вопросе, о нем так мало пишут, так мало говорят, так мало обнаруживают свои переживания в этой области, скрывают то, что должно было бы получить решение общее и мировое. Это интимный вопрос, , самый интимный из всех. Но откуда стало известно, что интимное не имеет всемирного

значения, не должно всплывать на поверхность истории, должно таиться где-то в подполье? ...Необходимо победить ложную стыдливость и лицемерное ханжество в вопросе о поле, иначе человечеству грозит гибель от подпольных тайн пола, от внутренней анархии пола, прикрытой внешним над ним насилием. Само появление Розанова — серьезное предостережение. Хаотический пол много бедствий причинил человечеству и готовит бедствия еще большие. Человечество должно наконец сознательно и серьезно отнестись к своему полу, как к источнику своей жизни, прекратить грязные подмигивания, когда речь заходит о поле."

Бердяев оказался прав почти во всем, даже в идее заговора молчания вокруг пола. Как и всякий заговор, даже такой всеобщий и полубессознательный, как в данном случае, заговор молчания по поводу пола имел цель — хаотизировать половое сознание человечества, загнать сексуальную энергию в глубины подсознания, лишить людей высших и подлинных знаний об этой сфере, отрезать ее от подлинных эзотерических традиций, содержащих в себе конкретные методы просветления эроса — и все это для того, чтобы в определенный момент истории внезапно снять любые запреты и ограничения и выпустить из подполья на поверхность перезревших демонов сексуальной революции, жадно внедряющихся в неподготовленную и нарушенную психику масс. Как и Бердяев, Эвола, хорошо понимавший, что ханжеское отношение к полу, замалчивающее остроту проблемы, и профаническая пошлость сексуальной революции представляют собой две стороны одной медали, говорит о сексе свободно и открыто, привлекая к исследованию все накопления мировой культуры, особый упор делая на сакральные знания и эзотерические учения. Он не боится погружаться мыслью в самые сатанинские сферы пола и сексуальности, осознавая, что без освещения их светом истинного гнозиса они никогда не осветлятся, и человек не сможет ни овладеть этими силами, ни тем более преобразить их.

Мыслитель много времени затрачивает на то, чтобы точно определить предмет своего исследования. Он последовательно отбрасывает все теории о сущности полового чувства человека — теорию удовольствия, концепцию деторождения, доктрину платонической природы любви. Он подчеркивает, что метафизический угол зрения предполагает изучение глубинной основы соединения полов, отнюдь не ограничиваясь уровнем банального совокупления. Из всех многочисленных

концепций половой любви, как наиболее близкую к истине, Эвола выделяет магнетическую теорию, указывая однако, что проблема не сводится к магнетизму. Глубинная сущность полового чувства отождествляется со стремлением человека восстановить утраченное единство и обрести целостность на всех планах и уровнях своего бытия. Проанализировав множество древних религиозно-мистических источников, Эвола приходит к четкому убеждению, что существует нерасторжимая связь между Эросом и бессмертием. В подтверждение своей мысли он опирается на традицию Веданты, утверждающей, что в основе притяжения мужчины к женщине лежит не любовь, но атта (принцип всеобъемлющего света, полного бессмертия). Поскольку пол, выражающий идею разделенности единого высшего начала на мужское и женское, пронизывает весь человеческий состав, то существует по меньшей мере три уровня проявления пола: телесный, душевный, духовный.

* * *

Совокупность материала, приведенного в книге, позволяет описать характеристики пола и сексуальности в их идеальном измерении, соответствующем представлениям эзотерических традиций и сакральных учений. Если тезисно изложить традиционное понимание природы пола в интерпретации Юлиуса Эволы, то возникает примерно следующая картина.

1. Пол есть неполное половинчатое бытие, которое некогда было целым, полным и самодостаточным, но впоследствии разделилось на две части, два начала — мужское и женское. Однако, несмотря на разделение, эти два начала в своем райском измерении были прямыми проводниками божественной воли, находившимися в состоянии гармонии, счастья, притяжения и не знавшими вражды. После грехопадения мужское и женское начало пришли в совершенно иное состояние, исполненное своеволия и взаимной вражды, продолжающееся донныне.

2. Архетипическими идеальными первообразами каждого из двух начал являются Абсолютный Мужчина, носитель принципа динамической воли и логики, герой или аскет, и Абсолютная Женщина, носительница принципа восприятия и любви, любовница или мать. Божество, одушевляющее Абсолютного Мужчину, — Шива, Единый Зритель, Универсальный Наблюдатель, Мировое Духовное Начало. Божество, одушевляющее Абсолютную Женщину, — Кундалини, Танцующая Актриса, по спирали поднимающаяся к своему Высшему Супругу, Энергия, лежащая в основании Мира. Союз между Аб-

солютным Мужчиной и Абсолютной Женщиной есть высочайшая мистерия, исполненная гармонии и содержащая все-ленскую тайну. Такой союз традиция называет Иерогамией — священным браком, соединяющим мужское и женское начало в нерасторжимое единство — Божественный Андрогинат.

Путь к божественному единству и реализация трансцендентирующего принципа любви заключаются не в отказе от своего пола во имя плохо понятого принципа соединения двух начал, но в первоначальном утверждении лучших сторон собственного пола, подключении к соответствующему божеству-покровителю и лишь затем, по мере достижения высокой ступени совершенства, слиянии с высшим аспектом или божеством противоположного пола. Иначе на пути к посвящению мужчина должен становиться все больше мужчиной, женщина — женщиной, и только после установления духовного контакта с мужским (в случае мужчины) и женским (в случае женщины) Идеальным Первообразом, адепт должен пытаться осуществить мистическое соединение соответственно с Идеальной Женщиной и Идеальным Мужчиной внутри себя.

3. До тех пор, пока это соединение не осуществлено во всей полноте и необратимости, человек будет ощущать томление, беспокойство, неудовлетворенность, смутное стремление к чему-то, для чего трудно подобрать название, и это мучительно-дискомфортное состояние требует своего разрешения, которое происходит только тогда, когда человек находит более или менее подходящий объект для своих чувств.

Если описанное выше идеальное решение проблемы пола игнорируется, а человек начинает ориентироваться на банальные идеалы и половые стереотипы, гармоничные отношения между полами постепенно портятся и могут дойти до состояния войны, что мы по сути имеем сегодня.

4. Идеальный тип взаимоотношения полов — состояние равновесия и взаимодополнения, причем верховная роль — и на этом особо, пожалуй в большей степени, нежели говорят сами древние традиции, настаивает Эвола — принадлежит мужчине. Если установленная гармония нарушается и возникает явно выраженное преобладание одного из полов, то деградируют оба начала. По мнению итальянского мыслителя, в особенности опасна доминация женского начала в его низшем аспекте, присущая атмосфере современного мира.

Помимо метафизики пола книга — и это подтверждается прежде всего двумя вариантами перевода ее названия — со-

держит в себе подробное изложение метафизики секса. Ее основные положения можно представить следующим образом.

1. Секс сам по себе не грех и не зло, а реальная сила в человеке, внутри которой находится путь к Богу. Секс становится грехом и злом лишь в том случае, когда он превращается в инструмент греховной и злой воли. Являясь самым сильным из всех земных физических ощущений, секс уже в силу одного этого признака содержит в себе привкус метафизического бытия.

2. Секс может быть мощнейшим инструментом преобразования человеческой личности, потому что он предполагает участие другого человека и тем помогает выйти за пределы собственного эго.

3. Хотя сексуальные отношения по определению относятся к уровню физического тела, они требуют — причем, чем развитее человек, тем в большей степени — участия всех человеческих сил, свойств и способностей, в том числе и духовных сил и структур.

4. Сексуальная энергия не прощает небрежного к себе отношения и предполагает внимание и заботу, освещенную устремлением к Высшим аспектам бытия. Обычные сексуальные переживания, несмотря на всю их интенсивность и остроту на фоне других человеческих чувств и ощущений есть лишь бледная тень экстатических состояний, лежащих за гранью банального секса. Традиция говорит о нескольких путях решения сексуальных проблем человека, основанных на различном отношении к половой энергии: а) подавление (низшая аскеза), б) нормированное использование (в супружестве, освещенном церковью), в) преобразование (высшая аскеза или, напротив, тантра).

Приведенные выше положения половой и сексуальной метафизики изложены у Эволы подробно и красочно с большими отступлениями и экскурсами в историю мировых религий, мистических учений Востока и Запада, древних культур и традиций.

* * *

Еще в древности было известно, что по половой морали, характерной для тех или иных культур и общественных отношений, можно судить о состоянии общества в целом. Вырождение многих государств и крушение некогда великих империй во многом было предопределено деградацией и десакрализацией половой сферы народа, избравшего путь абсолютной бесконтрольности, гонки за удовольствиями, отказа от воле-

вого самоконтроля, что в своей совокупности приводило к росту сексуальных извращений и отклонений и, в конечном счете, к снижению пассионарности. Сексуальный инстинкт, совершенно справедливо названный в одном из американских фильмов основным, оказывал и продолжает оказывать мощное воздействие на исторический процесс. Примеры этого воздействия далеко не ограничиваются хрестоматийным примером Троянской войны, начавшейся, согласно преданию, из-за любви. Любовное чувство того или иного фараона, царя, императора, полководца нередко поворачивало колесо истории. В современном обществе с его псевдокарнавальной атмосферой непрерывной сатурналии (о чем ярко и убедительно писал Генон) влияние половой энергии на исторический поток практически не имеет персональной фокусировки — оно резко снижено и растворено среди масс людей, более или менее равномерно распределяясь и в лидерах и в толпах. На сегодняшний момент состояние половой энергии человечества как никогда ранее далеко от идеалов, заповеданных традицией. Перефразируя на серьезный лад курьезное высказывание, ставшее популярным в России несколько лет назад, можно с абсолютной уверенностью сказать: у нас нет метафизики секса. В сфере пола наблюдается растущее отчуждение между полами, временами достигающее до стадии холодной войны. Обещанной гармонии, увы, пока не наступило. Грубый патриархат и откровенная мужская доминация, сопровождающиеся высокомерным отношением к женщине как к низшему существу, странным образом сосуществуют в современном мире со скрытым господством низших женских идеалов, ценностей и представлений. Стремление к эмансипации и профаническое равноправие, за которое страстно сражаются многие женщины, по сути есть бегство от собственного пола и если договаривать все до конца — стремление стать мужчиной или снизить его до уровня своих недостатков. При этом космический закон равноправия двух начал нарушается.

* * *

С точки зрения указанного выше и имеющего отношение к данной теме интересно взглянуть на современное кризисное состояние половой и сексуальной сферы в масштабе всей планеты. Различия, существующие между положением дел в данной области на Западе, Востоке и в России весьма показательны, хотя подверженность процессам распада, характерного для века богини Кали, увы, становится всеобщей планетарной реальностью. Наиболее кризисной ситуация представляется на

Западе и прежде всего в Америке, родине сексуальной революции, волны которой ныне наводняют весь мир. Пусть пик этой революции в западных странах давно позади, состоявшаяся демонизация полового инстинкта сделала свое дело: рост сексуальных извращений всевозможного толка и преступлений, совершенных на этой почве, резкое снижение рождаемости, несмотря на благополучные материальные условия, превращение Эроса в товар, наконец, эпидемия СПИДа, от которого нет спасения — вот известные всем созревшие плоды эротического либерализма Европы и Америки. О глубине падения западного мира свидетельствует все более широкое распространение компьютерного секса, подобно вампиру, пожирающего тончайшую энергию Эроса.

В свете подобной перспективы зловеще и двусмысленно выглядит высказывание знаменитого американского футуролога Алвина Тоффлера, представляющего образ своей страны в XXI веке, спящей в обнимку с компьютером. В плане взаимоотношений полов западный мир несмотря на все его широко-вещательные заявления об успехах, достигнутых в области равноправия полов, страдает многими болезнями. Главная проблема состоит в том, что мужская доминация в ее примитивной и профанической форме, благодаря происшедшей эмансипации, начинает уступать место женской доминации, не менее агрессивной и примитивной, в результате чего в атмосфере торжества низших женских ценностей, с ее жаждой комфорта и накопительства, места для героического и возвышенного начала в современном мире практически не остается.

На Востоке, в тех странах и регионах, которые сумели дистанцироваться от западных идеалов и влияний, наблюдается во многом иная картина. Так, в арабских странах за счет жесткой политики, регламентирующей сексуальное поведение людей с позиции традиционных исламских ценностей, атмосфера неизмеримо чище и демографическая ситуация значительно лучше. Речь, разумеется, не идет о таких странах, как Таиланд, скопировавших худшие стороны западной морали и превративших секстуризм в основную статью дохода. Это является ярким подтверждением той мысли, согласно которой либеральная эротическая философия, примененная на практике, приводит к ухудшению демографической ситуации, а идеология "подмораживания" и разумного сдерживания "основного инстинкта", наоборот, способствует приросту населения. Впрочем, то, что подобный подход, во всех отношениях более здоровый и нравственный, нежели западная гинекократия, не

решает всех проблем взаимоотношений между полами тоже очевидно — женское начало, вне всякого сомнения, оказывается подавленным. И если отдельным ярким пассионарным особам женского пола, наподобие Индиры Ганди, Корасон Акино, Беназир Бхутто удастся пробить брешь в господствующей психологии мужского шовинизма и занять верховную ступень в области политической власти, бывшей до этого исключительно прерогативой мужчин, то большинство восточных женщин до сих пор продолжает пребывать на вторых ролях, как в бытовом, так и в историческом поведении.

Что касается России, то и в этой сфере, как в последнее время и во всех остальных областях бытия, она, на первый взгляд, идет впереди всего мира по части разрушительных процессов. Безудержный всплеск самой низшей сексуальной активности, наблюдаемый в нашей стране за последнее десятилетие подтверждает наблюдение, сделанное в свое время Пителимом Сорокиным: любая социальная смута порождает смуту и разгул половых страстей. Падение нравов, растление молодежи, пропаганда нестандартных сексуальных ориентаций, культ проституции, умело создаваемый средствами массовой информации, апология вульгарности, превращаемой в визитную карточку нового стиля отношений между полами — все это становится основным фоном, на котором происходит воспитание юного поколения, идет реальное общение между мужчиной и женщиной, разворачиваются любовные коллизии, драмы и трагедии. Иногда Россия, в особенности ее столичная и урбанистическая часть, ассоциируется с образом Вавилонской Блудницы или даже Содома и Гоморры, чья участь в свете предстоящих экологических катастроф кажется решенной.

Однако, если внимательно всмотреться в черты России, глаза ее мужчин и женщин, то можно увидеть, что не все так однозначно и не все потеряно. Никакие инфернальные воздействия массовой культуры, никакие ядовитые инъекции агрессивной западной эротики и порнографии не сумели убить в сердцах наших соотечественников ни прекрасную мечту о любви, ни жажду встречи со своей единственной духовной половиной, ни романтизм быстротечной юношеской влюбленности, ни теплоту в длительных семейных привязанностях. Как свидетельствует недавно приведенная в средствах массовой информации курьезная анкета сексуальное чувство в России еще не превратилось в предмет купли-продажи в отличие от Америки, где несколько процентов населения за гипотети-

ческую сумму в миллион долларов согласилось до конца жизни никогда больше не иметь половых отношений, то есть пошло на проституцию с обратным знаком — какая же разновидность хуже? У нас на это не согласился ни один из опрашиваемых людей, что само по себе внушает некоторую надежду. И конфликт между полами на отечественной почве пока еще не перешел в необратимую фазу взаимного отчуждения и холодной войны. Причудливые формы взаимодействия русских мужчин и женщин не обнаруживают женского превосходства и доминации ни одного из начал. Патриархальное преобладание мужского начала, характерное и для дореволюционного и для советского периода отечественной истории, и доныне распространенное в российской глубинке, уравнивается ростом эмансипированности в столичных городах, пока еще во многом выступающих законодателями моды и вкусов. Но в глубине потока российской жизни, на поверхности которого сталкиваются два течения профанического феминизма и не менее профанического патриархата, вызревают совершенно иные тенденции в отношениях между полами, пробуждаются ищущие и духовно устремленные мужчины и женщины. Не стоит заранее предугадывать, какой пол и в какой степени должен доминировать над другим полом. Наверное тот пол, который достигает больших духовных результатов и должен выступать в роли водителя, но поскольку каждый пол имеет внутри себя частицу противоположного пола, невозможно передвигаться к совершенству, не увлекая его (этот пол) за собой. Потому наилучшим вариантом должно быть одновременное пробуждение двух начал, поддерживающих друг друга в духовном восхождении.

* * *

Сегодня большинство людей, почему-то убеждено, что кризис в России, да и во всем мире, разрешим прежде всего на политической стезе. Другие стороны бытия, на самом деле относящиеся к неизмеримо более высокому уровню, либо вовсе не принимаются в расчет, либо относятся к второстепенным факторам. Между тем, если всерьез принять уже высказанный ранее тезис о том, что общее состояние и степень благоденствия страны и состояние половой сферы столь же связаны, как, например, сознание и подсознание, то становится очевидным, что невозможно возродить страну чисто внешне, политико-экономическими мерами без преобразования более глубокого слоя национальной души, отвечающего за внутреннее сущностное общение между полами. До тех пор,

пока русские мужчины в своей массе будут оставаться эгоистическими любителями грубых удовольствий с притупившимся сердечным чувством, а женщины будут страдать недостаточным развитием интеллекта, логики и воли к духовному совершенствованию, то не сможет Россия выбраться из тупика, не говоря уже о ее глубинном преображении и выполнении все-ленской миссии.

Какие тенденции вызревают в России в этой деликатной и тончайшей сфере? Какой путь выберут русские мужчины и женщины? Конечно, выбор в области пола, по своей сути, — личное дело каждого человека, но от суммы таких выборов зависит, какой будет эмоциональная атмосфера в стране. Поэтому Бердяев прав: истинность имеет порой мировое значение. Можно представить, что произойдет, если продолжится экспортированная с Запада сексуальная революция в еще более отвратительном российском варианте. Разумеется, ни о каком возрождении России или хотя бы о ее национальной самобытности в этом случае говорить не придется — страна неизбежно будет подвергнута дальнейшему психологическому обезличиванию, не говоря уже о демографической стороне дела. Можно вспомнить исследования Фромма и спрогнозировать также более тонкие разрушительные процессы — рост насилия и прочих деструктивных видов поведения, неизбежно проявляющихся как в случае подавления сексуальной энергии, так и в случае ее бесконтрольного расходования: опустошение в конечном счете завершается не смягчением, но агрессией.

Другой выбор — жесткое регулирование сферы пола и подавление всех тех сексуальных проявлений человека, которые покажутся слишком вольными для правящей идеологии — вероятен только в том случае, если будет принят сверху, что может означать только одно — установление авторитарного режима власти. История показала, что жесткое подавление "основного инстинкта" на уровне государственного регулирования, тем более если оно не имеет сакрального смысла, едва ли может просуществовать в течение длительного времени, и, конечно, имеет сомнительную пользу. Насильственная сверху аскеза или аскетический стиль поведения, как и любая диктатура рано или поздно кончается бунтом, революцией и смутой.

Возможен еще один путь — выбираемое верующим человеком разумное, мягкое регулирование трат половой энергии в соответствии с уложениями церкви (правда сразу возникает вопрос: какой церкви и конфессии? православной? католи-

ческой? исламской? буддийской?). Без церковной идеологии и какого-либо духовного обоснования никакая регуляция всех энергетических трат в этой сфере просто невозможна и невыполнима, поскольку ортодоксально-советская идеология запретов и подавлений перестала работать задолго до перестройки. Безусловно, религиозный брак по любви — наилучший выход для любого человека, имеющего проблемы, связанные с полом, и регуляция этой сферы для верующих — внутреннее дело церкви, но следует признать, что после того как наше общество утратило целомудренное состояние и прошло через развращающие объятия сексуальной революции, эти проблемы во многих случаях могут оказаться слишком тяжелыми для педагогических возможностей "исторической" церкви (Бердяев). Невозможно, не становясь аскетом и находясь на уровне блуда, вернуться к чистоте без того чтобы разобратся и познать: что же такое половое чувство? К сожалению религиозная философия половой любви, деликатно оставляя человека в ночной темноте наедине со своей проблемой, защищает его от пошлости, но не дает ему необходимых знаний для разгадки тайны Эроса. А на одном слепом чувстве далеко не уедешь. В результате возникает совершенно причудливая картина узаконенного браком эротического дилетантизма, невежества и закомплексованности современного верующего человека, который в зависимости от степени своей религиозности будет пытаться найти ответ на возникшие вопросы либо в беседе со священником, либо в кабинете сексологии (речь, разумеется, идет не о технической сфере эротики, но о сущностном невежестве и непонимании метафизических сторон пола). Эротика сегодня представляет собой тайну, которую вытащили на поверхность и опозлили, но так и не раскрыли. Наверное, эту тайну до конца раскрыть невозможно, да и не нужно делать, тем более при сегодняшнем резко сниженном уровне духовности, однако движение в данном направлении все же необходимо — и для того, чтобы очистить эту проблему от наслоений лжи и заблуждений, и для того, чтобы овладеть энергией пола, бушующей в эпоху развязанной стихии Кали.

* * *

Вышесказанное не означает, что предлагаемый Эволюй тантрический путь является единственным универсальным средством решения проблем пола для современного русского человека. Дело даже не в других корнях тантрической традиции. Истинная тантра в своем практическом варианте —

это действительно аристократическое, предназначенное для немногих, высочайшее духовное учение, но вместе с тем, относящееся к разряду весьма опасных путей, поскольку она предполагает практическую работу с мощнейшими и тончайшими энергиями, прикосновение к которым вызывает у человека необыкновенно острые переживания, чреватые всевозможными соблазнами. Однако именно тантра как ни одна другая духовная традиция мира воспитывает в человеке способность к самообладанию и волевой саморегуляции в сфере секса. По сути, тантрическая практика удерживания семени представляет собой особую форму *воздержания в сексе*, приносящую такую полноту физических и эмоциональных переживаний, которая превосходит банальное совокупление с целью разрядки и вместе с тем более трудную для реализации нежели аскетическая форма *воздержания от секса*. Наконец, не следует забывать, что тантра видит в сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной путь освобождения и приближения к Богу, более быстрый и прямой, нежели пути других традиций. "Наслаждение и освобождение не всегда исключают друг друга, как это утверждают чисто аскетические школы," — писал Эвола, видя в тантре единственную возможность очистить и метафизически оправдать понятие сладострастия и подчеркивая более полный и синтетический характер тантры по сравнению с самыми высочайшими традициями, основанными на подавлении сексуального инстинкта.

Это не значит, что мыслитель негативно относился к практике аскетического воздержания или к самой идее аскезы. Напротив, он, поклонник тантрической традиции и пути кшатриев, говорит об аскезе с ее идеей волевого самопреодоления с чувством глубокого почтения (вспомним и Агни Йогу, с одной стороны никогда не обуславливавшую высших достижений духа непременным аскетизмом в сфере пола, а с другой стороны советовавшую "принять воздержание как крылья", которые помогают более эффективно совершать духовные полеты). Но самая совершенная аскеза и воздержание состоит, по мнению Эволы, не в отказе от секса как такового, а в отказе от профанических низших переживаний в процессе полового акта, заключающихся в стремлении к повторению опустошающего удовольствия. Тантрическая аскеза совершается во имя самого чистого божественного наслаждения или Ананды, которое как женский принцип подчиняется высшему мужскому принципу — одухотворенной воле. Без такой аскезы, синтезирующей волю и гедонизм, человек всегда в процессе

половой жизни будет всегда сталкиваться с обжигающими объятиями смерти. Даже профаническая сексуальность несет в себе столь мощный гедонический заряд, что есть риск злоупотребления удовольствиями ради никогда до конца не насыщаемой тяги к разрядке. Эвола вводит термин "сосущая смерть", что означает яд, который якобы скрыт в каждой женщине, потенциально угрожающий каждому мужчине. Но если одна дверь в сексе ведет в царство смерти, то другая, напротив, приводит человека из сферы сексуальных переживаний в область Просветления и Освобождения.

Данная работа — отнюдь не практическое пособие по сексу, но скорее развернутая панорама традиций, касающихся темы пола, она предназначена не для скороспелой практики, но для глубоких размышлений об Эросе и его таинственных свойствах. Конечно, методам, позволяющим открывать дверь Освобождения не научишься по книгам. И Эвола совершенно справедливо говорил о необходимости личного опыта. Однако любая практическая школа тантры западного образца есть в подавляющем большинстве случаев профанация, маскирующая обыкновенный разврат или превращающая эрос в коммерческий товар. Думается, что в условиях России такие искания и опыт должны быть прежде всего внутренним интимным делом двух любящих существ, таинством семьи, стремящейся найти в сексуальной области путь к Богу. Православный подход к любви, завершающийся браком, освещенным церковью, ни в коем случае не должен быть отброшен. Вместе с тем он может получить новые импульсы от идей, предлагаемых Эволой, и помогающих мужчине приблизиться к образу Идеального Мужчины, а женщине — к образу Идеальной Женщины. Речь опять-таки идет не о вульгарном гибриде православия и тантры, что было бы неприемлемым и опасным, но о высоком пути познания метафизики пола, о чем в свое время говорил Бердяев. Книга Эволы позволяет понять, что метафизика секса есть ступень к познанию метафизики пола, познание которой в свою очередь приближает человека к метафизике андрогината и познанию Бога.

* * *

Как бы ни была интересна книга, какие бы глубокие идеи и новые материалы она в себе ни содержала, не все в ней представляется одинаково ценным. Можно начать с самого термина "путьлевой Руки", поднимаемого Эволой на щит. При всех специфических оговорках мыслителя и его попытках расширить и очистить значение данного понятия от всего

демонического, в России с ее сложившимся православным представлением о демонизме левого пути, такой термин едва ли будет воспринят положительно. Да и в той же индийской традиции отношение к "путилевой Руки", мягко говоря, неоднозначное. Лестным для мужского шовинизма, но весьма спорным и с метафизической и с человеческой точки зрения выглядит постоянно проходящая сквозь весь текст линия при-нижения роли женского начала на всех планах бытия, что находится в полном противоречии с другим направлением эзотеризма, отождествляемого с Учениями Эпохи Водолея, и не обязательно связанным с Нью-Эйджем. О высокой роли женского начала в его идеальном измерении говорили такие крупные духовные лидеры XIX-XX столетия как Вивекананда, Рерихи, Ауробиндо Гхош (впрочем, для мыслителя эта линия духовности не была близкой, он ориентировался на иные традиции). Эвола действительно тонко и справедливо говорит о недостатках женской природы, но его бездоказательные суждения об отсутствии у женщин Высшего Я, отчасти заимствованные у Отто Вейнингера и пронизанные чувством аксиоматического превосходства мужчин (о негативных свойствах которых работа ничего не говорит), не соответствуют положениям многих эзотерических традиций и учений. В эти моменты начинает казаться, что в своем отношении к женщине мыслитель находится во власти какого-то отрицательного личного опыта и глубинных комплексов, и фрейдизм, разбитый Эволой на теоретическом уровне, показывает свою практическую силу. Иногда думается, что в своей борьбе с безблагодатным и ханжеским морализмом впадает в другую крайность и сбивается либо на циничную интонацию, либо на чисто эмоциональные выводы, например, вроде тех, согласно которым тантрическая инициация в ряде случаев более эффективно происходит не в семье, а за ее пределами. Ссылки на личную жизнь Данте и Петрарки не кажутся безусловно убедительными, хотя именно Беатриче, а не жена Данте вошла в историю мировой культуры как символ вечной женственности. Вообще в блестящем исследовании Эволы хорошо раскрыта метафизика пола, но практически отсутствует метафизика семьи, и в этом работа итальянского мыслителя несомненно уступает книге Розанова "Люди лунного света".

Порой книга выглядит излишне академичной и слишком серьезной для темы Эроса, который по всей своей сути содержит в себе значительный элемент игры, пусть даже высокой и божественной, для которой индийская традиция придумала

специальное имя Лида. С этой точки зрения идеальный русский подход к эротике, в теории представленный гениальными прозрениями Розанова, а в поэзии и жизненной практике — чистейшей любовной лирикой и всей судьбой Пушкина, умевшего боготворить каждую свою женщину, кажется более точно отражающим суть вещей. В самом деле, многочисленные пушкинские романы не помешали Ивану Ильину поставить светоносного поэта едва ли не в один ряд со святыми. Возможно ли подобное сравнение, например, в отношении Мопассана? Кстати, фигура Пушкина, национального гения во многих областях, в том числе и в любовной, ставит на место любую сексуальную доктрину иностранного происхождения, которую могут предлагать России как единственную панацею от якобы пресущей ей варварской асексуальности. Потому любые публикации на эту тему должны восприниматься не как рецепт для заимствования и обучения (судя по Пушкину, мы все знаем и умеем, но только забыли об этом), а как средство, помогающее лучше разобраться в себе и в своей традиции.

Но все приведенные выше замечания не могут зачеркнуть значение этого чрезвычайно интересного и яркого труда, содержащего в себе и новые идеи, и неизвестную насыщенную информацию, и мужественную энергетику, зовущую к раскрытию тайн Эроса — этой самой загадочной сферы человеческого существования и бытия. Книга настолько неоднозначна, что трудно, занимая какую-то одну пристрастную позицию быть объективным в ее оценке. Это касается и практически неизвестной для отечественного читателя всей идеологии консервативной революции и "третьего пути", по поводу которой сегодня бытуют самые полярные точки зрения. Чтобы отразить неизбежное многообразие мнений по поводу книги, мы пошли на то, чтобы дать две сопроводительные статьи — от издательства и переводчика, точки зрения которых совпадают далеко не во всем.

Издательство выражает глубокую благодарность В.Русинову за высококачественный перевод текста, прекрасное послесловие и тонкие, насыщенные богатыми мыслями комментарии, и надеется, что книга будет читаться с неослабевающим интересом.

Ключников С.Ю.

ВВЕДЕНИЕ

1. К определению предмета

Заглавие этой книги требует разъяснения. Что такое "метафизика"? Мы употребляем это слово в двойном смысле. Первый — обычен для философии, разумеющей под "метафизикой" предельные, императивные основы бытия. В этом смысле метафизика пола есть изучение неких абсолютов, определяющих как статику пола, так и динамику полового поведения. Прецеденты здесь были. Очень условно окинув взглядом историю, увидим Платона, некоторых авторов "возрождения", затем Беме и его последователей, в том числе Франца фон Баадера, Шопенгауэра, в новейшее же время прежде всего Вейнингера и, наконец, Карпентера, Бердяева и Клагеса.

Сегодня работ по вопросам пола и их антропологическим, биологическим, социологическим, евгеническим и, наконец, психоаналитическим аспектам великое множество. Сотворен также неологизм для подобных изысканий — сексология. Но все это имеет малое или вообще не имеет никакого отношения к собственно метафизике пола. В этой области, как и во всякой другой, наши современники не заинтересованы в поисках конечных смыслов, или же поиски эти расплывчаты и неясны. Они думают, что можно достичь какой-то очень важной и очень серьезной цели, игнорируя связанную с человеческими характерами эмпирику. В основном же их интересуют побочные, чаще всего патологические, явления.

То же самое касается авторов, вчерашних и сегодняшних, которые рассуждают более о "любви", чем о проблемах пола вообще и секса в частности. Все они больны психологизмом. Даже то, что такие писатели, как Стендаль, Бальзак, Соловьев или Лоуренс опубликовали на этот счет, содержит в себе в действительности очень мало точек соприкосновения с истинными, глубокими смыслами пола. К тому же следствием частого обращения к "любви" явилось то, что сегодня понимается под этим словом. Истощение этого образа под

влиянием романтизма и сентиментализма, в соответствии со вкусами этих писателей, не могло не породить двусмысленностей, пошлости и общих мест. И все же, то тут, то там, обычно случайно, вдруг, тот или иной автор может коснуться и глубинного, метафизического измерения любви в ее соотношениях с полом как таковым.

Но в данной книге слово "метафизика" берется еще и в другом значении, дословно-прямом, то есть как наука, которая непосредственно следует за физикой, "сверхфизика". Это, однако, касается не абстрактных идей, а непосредственного опыта — но уже не физического, а именно метафизического, то есть транс-психологического и транс-физиологического, в соответствии с доктриной множества уровней бытия, антропологией, не ограниченной простым биномом "душа-тело", но знающей модальные, тонкие и даже трансцендентные человеческие состояния.

Неведомые большинству наших современников, знания подобного рода были составной частью древних доктрин и традиций самых разных народов.

Подобно путешественнику по незнакомой стране, мы будем метить путь вехами отправных, исходных точек метафизики пола во втором указанном смысле, то есть попытаемся прежде всего понять, как и когда любовно-сексуальный опыт ведет к прорыву обыденного сознания, к перемене личного на сверхличное, к выходу в иные измерения.

Эрос — всегда захватывающий поток, открывающий иные миры. Это знали все и всегда — пусть смутно, но знали. Чтобы знать яснее, не доставало какого-то особого, тонкого чувства, превыше простой чувственности. Не доставало вектора перемещения среди перемещающихся уровней бытия.

У тех же, кто пишет наукообразные трактаты о сексе, дела обстоят совсем плохо. Знание глубин *эроса* почти полностью утрачено. Тем более знание того, что называют "ирреальным", но что на самом деле реальнее всего на свете. Чтобы познать, следует отбросить все душевно-лирическое, романтико-поэтическое, приукрашива-

ющее, а значит и приуменьшающее значение чувств и страстей.

Продолжая наше обозрение, не обойдем, конечно, и того, что в дальнейшем будем называть профанической эротикой. Это, попросту говоря, весь опыт мужчин и женщин современного Запада и соответствующая литература. Значение, которое так называемые сексологи приписывают любви в целом и завершающему ее животному акту в частности, акту, в котором, как кто-то заметил, формируется существо сложное и ужасное, чрезмерно преувеличено. Ради скоротечных минут мужчина и женщина могут пожертвовать всем подлинно в них прекрасным (Барбюс). Возможно, многие с этим не согласны, им менее всего нужны "фантастика", персонализм, герметизм. Но мир вовсе не такой, каким он представляется нам ежедневно. Истоки же *эроса* не в сегодняшнем дне. Достаточно бросить взгляд на историю, этнологию, историю религий, мистериософию, фольклор, мифологию, чтобы быть уверенным в существовании различных форм *эроса* и эротического опыта, в которых брезжат глубинные смыслы, чреватые транс-физиологическими и транс-психологическими выходами.

Свидетельств этого, хорошо документированных в традиционных цивилизациях, друг от друга очень далеких, слишком много, чтобы избежать мысли, будто бы метафизика пола — чистая фантазия. Да, сегодня многие аспекты *эроса* атрофированы, латентны, почти неразличимы. В обычной половой любви это только следы, знаки, чтобы их как-то выделить, выявить — нужно нечто подобно дифференциальному и интегральному исчислению в математике. В самом деле, вряд ли древние сакрально-инициатические формы *эроса* случайны, вряд ли в них было что-то чего бы не было, пусть сокрыто, и в простом человеческом переживании. Но трудно представить себе, что же превратило переживание в привычку, бесконечно далекую от изначального опыта. Скорее всего, переживание это со временем выродилось, утратило остроту и просто отмерло в нашем цивилизационном цикле, ориентированном на материальный мир. Справедливо сказано: "Отрадно, что чело-

вечество занимается любовью глупо и бессознательно, как все, что оно делает; благодаря этому тайна любви еще занимает достойное ее высокое место".¹ Отсюда ясно, что исключительные значения *эроса* можно засвидетельствовать лишь исключительным образом. Но именно они, хотя и составляют единое целое с аналогичными свойствами на низшем уровне, служат ключом к пониманию как глубинно-потенциального, так и профанического. К. Моклэр, не имея, может быть, в виду большего, чем вариации профанической и, так сказать, естественной страсти, высказывает, однако, проницательную мысль: в любви все совершается бессознательно, а тайне ее причастно лишь ничтожнейшее меньшинство..." В бесчисленной толпе человекоподобных слишком мало собственно людей, да и среди них маловато осознающих смысл любви".² Здесь, как и везде, статистика не скажет ничего. Доклады доктора Кинзи о "границах допустимого в половых отношениях цивилизованного общества" в лучшем случае издержки, в худшем — пошлость. Нас это не интересует. Ценно только "нормальное" в высшем смысле этого слова.

Итак, обозначим области нашего внимания. Прежде всего, конечно, область эротико-половых переживаний в их полном объеме. Сюда входит и профаническая любовь, известная, наверное, и Ромео какому-нибудь, и какой-нибудь Джульетте. Но тут и намеки на иное, выходящее за рамки обычного, физического или чувственного. Они есть даже в лексиконе влюбленных и в характерных формах их поведения. Все это "валяется под ногами": нужно только присмотреться, и вещи, значительные для нашего исследования, будут открываться сами.

Материал для феноменологии профанической любви можно найти у романистов и драматургов: ведь сегодня их излюбленными объектами стали любовь и секс. В своем роде их продукция имеет некую ценность свидетельства, "человеческого документа", хотя бы потому, что, как правило, реально происшедшее или личное переживание служит сюжетной основой художествен-

---

¹ S.Péladan. *La Science de l'Amour* (Amphithéâtre des Sciences Mortes). Paris, 1911.

² C.Mauclair. *La magie de l'amour*.

ного произведения. Несколько добрых слов их искусство все же заслуживает, ибо оно предлагает нам в достаточной степени правдивые описания мыслей, чувств и поступков героев, не всегда выдуманные. Интересно отметить, что там, где описываются чужие переживания, повествование напряжено, выпукло, целостно; все детали происходящего отчетливее, яснее, чем в реальности. "Свое" же — неполно, немо, почти сокрыто. Иногда этим романы и интересны; к тому же в них описаны весьма разные формы эроса.

В некоторых областях нашего исследования поиск материала труден. Например, почти нигде не описан оргазм как таковой, то есть "акме" соития. Литература молчит. Буквально до вчерашнего дня на все это было наложено табу пуританства. Но даже в современных романах, даже более эпатажных, превалирует вульгарщина и банальность, использовать которую очень трудно. Пример — "Любовник леди Чаттерлей" Д.Г. Лоуренса, книга, которая в своей области и свою эпоху считалась своего рода "рекордом".

Чтобы собирать материал, так сказать, напрямую, существуют две трудности: субъективная и объективная. Субъективная — в том, что не только с иностранцами, но и со своими же соотечественниками мужского или женского пола не принято, да и не любят они искренне рассказывать о том, что испытывают они в наиболее острые моменты телесной интимности. Вторая же — объективная — состоит в том, что в "пиковом", напряженном состоянии центры нашего организма, ответственные за восприятие, слишком увлечены происходящим, тем самым лишая нас возможности вспомнить испытанное, в том числе даже просто разговоры, даже что-то совсем необычайное. Можно даже сказать, что экстатическое акме сексуальности предполагает некий провал, более или менее глубокий, в сознании влюбленных, и разрыв уровней, из которого они выходят как бы оглушенными. Это же можно определить и как всепоглощающий пароксизм чувств и эмоций.

Благодаря своей профессии, психиатры и гинекологи находятся в положении, довольно выгодном для сбора нужного материала, если они, конечно, заинтересованы

и могут ориентироваться в таких вещах. Увы, они не ориентируются в нем совсем. С предельно изысканным вкусом позитивистская школа минувшего столетия публиковала гравюры с фотографий женских половых органов для установления странных, причудливых соответствий между женщинами, преступившими закон, проститутками и женщинами-дикарками, туземками. Зато сбор свидетельств о внутренней жизни пола, кажется, не интересует их вовсе. Впрочем, когда в подобную область вторгаются с установкой на какие-то научные притязания, "сексологические", например... результаты являют собой поистине смехотворную некомпетентность исследователей. Здесь, как и везде, предварительным условием для понимания переживания другого является хоть какой-то опыт самопознания. Хэвлок Эллис¹ однажды заметил и что "женщины, которые серьезно и искренне пишут книги об этих проблемах, являются часто последними из тех, к кому следует обращаться как к представительницам женского пола": которые знают больше, те и пишут поменьше". Мы же добавим: ну а совсем много знают те, кто и не пишет вовсе — и это, естественно, касается так же и мужчин.

Наконец, касательно профанического *эроса*, недавно родившаяся научная дисциплина, известная как психоанализ, сотворившая из секса и либидо нечто вроде навязчивой идеи, не сообщает никаких импульсов нашему исследованию, но мы об этом уже говорили. И все же психоанализ в состоянии предоставить в наше распоряжение некоторые полезные указания. Выкладки психоаналитиков с самого начала безудержные, расхристанные в угоду их абсолютно искаженной концепции — основательно загадили человеческое существование. И здесь нужно сказать, и справедливо, что вплоть до наших дней психоанализ, с расстройством и путаностью почти маниакальной, пытается утвердить изначальность подчинения личности полу, подвластность ей. Этой "изначальности" необходимо противопоставить иную, метафизическую, ибо первая — факт вырождения. В этом цель нашей книги.

---

¹ Havelok Ellis *Studies in the psychology of sex* v.III, Philadelphie, 1909. p.vii.

Следует понять — "обычная" сексуальность современного человека не есть жизнь пола вообще. Есть совершенно иная область, может быть, даже "иная сексуальность". Мы имеем в виду традиции сакрализации пола, магические действия, ритуально-мистические освящения соединения полов. Истории известны массовые оргиастические культы, часто институционализированные, сезонные праздники, "священная проституция", иерогамия и так далее. Материал, который предлагается для рассмотрения, достаточно обширен, а то, что он, так сказать, ретроспективен, цены ему не убавит. Тут все зависит от того — иметь или не иметь нужные познания, чтобы приступить к точным интерпретациям, а не взирая на все свидетельства высшего начала с тем же "нейтральным" интересом, с каким разглядываем музейные экспонаты. По сути, только разглядыванием и занимаются почти все без исключения историки религии и этнологи.

Эта вторая область, со своей собственной феноменологией, уже не относится к профанической сексуальности. Но в ней есть строгое разделение, соответствующее общему разделению между экзотеризмом и эзотеризмом, правилами для всех и доктриной для немногих. Кроме таких известных культов, как дионисизм, народный тантризм, различные эротические обряды, существуют культы, в которых не только познаются истинные, глубинные измерения секса, но и формулируются техники, имеющие конечной своей целью очистительные и сознательные инициации. В таких культах часто присутствует особый порядок проведения ритуального соития, управления особыми формами экстаза с целью освобождения от оков условно-человеческого бытия и связанных с ним кармических проявлений. Сохранились документы, и это важно. Рассматривая все это как части некоего целого, мы находим взаимопроникновение, взаимосвязанность, когда одни явления проливают свет на другие. И тогда существование метафизики пола уже невозможно ставить под вопрос. Все привычное в любви обретает подлинное бытийное измерение. В связи с таким объемом наше изложение неизбежно становится эссеистичным. В других работах мы

уже говорили об эзотерической доктрине андрогината и о сексуальных практиках, на которых она основана. Профаническая любовь, казалось бы, может дать еще более богатый материал, но по причине вышеуказанных трудностей, придется довольствоваться тем, что есть. И этого, надеемся, достаточно, чтобы двигаться в указанном направлении и обосновать идею в целом.

2. Пол в современном мире

Прежде, чем погрузиться в само исследование, бросим взгляд на эпоху, в которую создается эта книга. Роль, отводимая сексу в данной цивилизации, известна всем. Сегодня можно уже говорить о реальной сексомании, одержимости сексом. Во всякие другие времена женщина и секс никогда не привлекали к себе такого внимания. Под разным видом они доминируют в литературе, в театре, в кино, в прессе, да и во всех практически сферах современной жизни. В бесконечном своем разнообразии женщина представлена только для того, чтобы вечно привлекать, сексуально приманивать мужчину и отравлять его. Стриптиз — американский обычай, перенесенный на сцену, спектакль, в котором девица постепенно раздевается, сбрасывая с себя один за другим дамские туалеты, даже самые интимные, до необходимого минимума, чтобы предельно напрячь зрителя, мгновенно разрешается наготой, полной и бесстыдной. И это символ всего, что производится в любой области под знаком секса, на стадии конца западной цивилизации. Для этого используются все мыслимые технические ресурсы. Красивые и привлекательные женщины не довольствуются больше тем скромным успехом у себя на родине, который еще вчера был отведен им семейными, общественными и религиозными приличиями. Тщательно отобранные, они выставляются напоказ, всеми средствами: кино, шоу-бизнесом, телевидением. Они только актрисы, "звезды" и "мисс", очаги эротизма с огромным радиусом действия, часто не знающим национальных и континентальных границ.

Все, что попадает в зону их влияния, не вправе ждать пощады, исчезают даже те общественные слои, которые в другие времена славились своими представлениями о "нормальной", "безобидной" морали.

Важно понять характер всей этой секс-пандемии. Речь вовсе не идет о буйной сексуальной жизни, неводержанности и даже распутстве на физическом уровне. Нет, это психическая агрессия, порождающая постоянное и настойчивое тяготение к женщине и любви. Есть ментальный эротизм, имеющий характер постоянного хронического возбуждения, почти не зависящего от конкретного физического удовлетворения, ибо существует только как возбуждение психическое. Иногда такая разновидность эротизма может сосуществовать даже с внешним целомудрием. Характерная деталь — сегодня о сексе размышляют больше, чем ранее, когда половая жизнь была менее свободной, когда обычай не допускал излишеств в свободном проявлении физической любви, и справедливо ожидалась бы та ментальная интоксикация, которая, напротив, типична и актуальна сегодня. Есть и иная ментальная форма эротизма — это женская сексуальная анестезия и "коррумпированное целомудрие". В психоанализе это называется нарциссическими вариациями либидо. Можно упомянуть современных девиц, для которых выставление напоказ собственной наготы, сосредоточение на всем, что может представлять своего рода приманкой для мужчин, культ тела, макияж и тому подобное — все это составляет принципиальный интерес. И, добавим, гораздо предпочтительнее для них, чем реальная половая жизнь; вплоть до фригидности, часто невротической. Эти типичные разновидности эротизма должны быть причислены к очагам, питающим все более и более атмосферу хронического и рассеянного умственного сладострастия нашего времени.

Толстой сказал однажды Горькому: "Для француза всегда и прежде всего — женщина. Они — народ истощенный, развинченный. Врачи утверждают, что все частотные крайне чувственны". Дело не во французах. Дело в том, что пандемическая пропаганда, способствующая постоянному интересу к женщине и сексу,

всякий раз указывает на эру сумерек, эру конца. И в современную эпоху это феномен, среди прочих, демонстрирует, что она, вероятно, близится к крайней точке упадка. Нельзя не припомнить некоторые идеи, сформулированные еще древними, по аналогии с человеческим организмом: голова, грудь и внутренние органы человека суть вместилища, соответствующие жизни интеллектуальной, душевной и "подчревной". Все это определяет способности: духовные, героические, материнские и сексуальные. Им соответствуют три принципиальных формы выгоды, три человеческих типа, три типа цивилизации. Регресс наших дней очевиден. Мы живем в цивилизации, в которой пропадает интерес к интеллектуальному и духовному и которую никак уже не назовешь героической. Нет никакого интереса к высшим проявлениям чувств, есть только стремления живота и того, что ниже. Может статься и сбудется угроза великого поэта, который сказал: "Грядут времена, когда голод и любовь по-своему сформируют историю." Утробная борьба уже сейчас губит человечество под видом социально-экономической. За ней неминуемо последует всеобщая "ценность" женщины, любви и секса.

Древняя индийская традиция делит время мира на четыре периода. В дошедших до нас тантрических формулах содержатся свидетельства, заключающие в себе фундаментальную характеристику последнего периода, который именуется темным, смутным (Кали-юга). Именно в это период должна пробудиться, выйти из состояния бездействия неистовая Кали. Ее знак, ее влияние будут господствовать над этим отрезком времени. Вследствие этого нам часто придется на нее ссылаться; в своем существенном аспекте она — не только богиня разрушения, но и покровительница желаний, удовольствий и секса. Тантрическая доктрина формулирует этику несколько иначе, чем другие — она указывает путь "превращения яда в лекарство". В предшествующую эпоху, даже по учению тантры, это сурово осуждалось и поэтому держалось в строгой тайне. Но такие указания никак не должны расслаблять нас и тем более как-то примирять с современной цивилизацией. Постепенно читатель увидит, что здесь имеется в виду. А пока еще

раз прямо укажем — никаких компромиссов: сексуальная пандемия является одним из знаков, присущих цивилизации погибельной. Естественной тенью пандемии, ее продолжением служит вся эта гинекократия, это безмолвное превосходство всего женского, каковой является и сама цивилизация.¹

Вот круг идей, очерченный нами в связи с метафизикой пола. Мы слегка коснулись некоторых противоречий, препятствий, даже мнений. Но дело не в этом. Из того, что читатель узнает дальше, он еще яснее увидит степень вырождения — духовного, душевного, физического — всякого! — современного "человека".

---

¹ См. J. Evola. *Rivolta contro il mondo moderno*. Milano, p. 422-423. Commentaire à J.J. Bachofen. *Le Madri e la virilità olimpica* Milano 1949, p. 14 seq. (Согласно некоторым текстам, признаками наступления "темного века" является "подчинение мужчин женщинами и превращение их в рабов наслаждения. Бунт против собственных душ, против господ и против себя" (Evola, *Il mito del fascismo*, [V, 5]).

Глава I. ЭРОС И ПОЛОВАЯ ЛЮБОВЬ

3. Эволюционистские предубеждения

Очевидно, что место, отдаваемое полу и сексу в конкретной цивилизации, зависит главным образом от ее понимания природы человека, от антропологической концепции в целом. Очевидно, что антропология, не сводящая человека лишь к его физиологической природе, иначе смотрит на эти проблемы, чем чистый биологизм. Добавим, есть эпохи, когда — как сказал Х.Л. Фильп — кажется более уместным писать с большой буквы — "Естественный отбор", чем "Господь Бог".

Общая картина так называемой "сексологии", от ее начала и до наших дней, представленная в основном претенциозно "научными" трактатами, несет на себе печать материализма XIX века, прежде всего дарвинизма. Человек в ней выглядит уродом и вырожденцем. Он будто бы происходит от животного в результате "естественной эволюции"; соответственно, и жизнь пола представлена в терминах чисто животных инстинктов. И тут же человек объявляется "исключительным" и "положительным" биологическим видом.

Общая тенденция ясна — замена "высшего" "низшим", стремление объяснить "высшее" "низшим". "Человеческое" просто заменяется "физиологическим" и "животным". Затем появляется под пикантным соусом тонкого вкуса утверждающий то же самое психоанализ. Следует ясно понять, что для психоаналитической антропологии важен до-личностный, под-личностный мир бессознательного, "Оно" коллективных архетипов исторического "низа", все якобы глубинное, якобы древнейшее. Исходя из гипотетического вездеприсутствия этих "глубин", психоаналитики и претендуют на объяснение всего происходящего с нами или внутри нас. Излюбленными объектами психоаналитических игрищ служат, конечно, любовь и секс, рассматриваемые как некие психические автономии.

Предпосылок для создания любой точки зрения всегда множество — и самых разных. Мы отвергаем со-

временную теорию эволюции, открыто предпочитая ей традиционный инволюционизм. Не человек произошел от обезьяны, а, напротив, обезьяна произошла от павшего человека. Совершенно справедливо мнение де Местра, что дикие народы не могут считаться примитивными (в точном смысле слова "примитивный" означает "первобытный"). Скорее всего это выродившиеся остатки каких-то более древних рас, полностью исчезнувших. Так же и у животных. Уже многие ученые открыто восстали против эволюционистской догмы — Кольбрюгге, Маркони, Вестенхеффер, Адлофф. Так называемые способности человека — лишь истощение тех действительно богатых возможностей, которые заложены в человеке. Это как бы побочный продукт истинного, внутреннего процесса человеческого становления. Онтогенез — биологическая история индивида — не повторяет полностью филогенеза — истории развития вида — но как бы "пробегают" заново потенциальные возможности, делает наброски, двигается дальше, подчиняясь некоему высшему принципу, все более и более определяющему развитие личности.

Фундаментальные различия подходов касаются и нашей проблемы. Мы не можем считать жизнь пола у человека продолжением животной жизни. Человек сам по себе, а животные сами. Любое совпадение, если оно касается человека, есть его падение и вырождение, не биологическое, но духовно-душевное. Сходство есть только там, где налицо "инстинкт размножения". Однако эта сфера производна.

4. Любовь и секс

Но каков же все-таки главный объект нашего исследования? Конечно, не половой акт сам по себе. Скажем так — раз речь идет о человеке, объектом внимания оказывается широкий феномен, именуемый обычно любовью. Но есть ведь и любовь в общем смысле, любовь к родителям, к прекрасному, любовь к родине, материнская любовь и так далее. Существует также "идеальная"

или сентиментальная концепция любви мужчины и женщины, где она теряет свои очертания или в филантропии текущей жизни или в интеллектуальных восторгах — не важно. Чтобы быть точным, следует договориться о более узкой сфере применения понятия "половая любовь". Мы будем говорить об этом чувстве только в совокупности физических, душевных, моральных и даже интеллектуальных факторов, выходящих за область биологического. О соединении в полном смысле слова, а не о простом совокуплении.

Действительно, человеческая любовь различна в своих формах и выражениях. Стендаль различал любовь-страсть от любви чисто эстетической, любовный изыск как от чисто плотского соития, так и от любовного тщеславия. Нас все это мало интересует. Это чисто периферические аспекты, сходящие на нет, как только один из них становится господствующим. Надо понять их как части единого эротического феномена. Конечно, больше всего нас интересует любовь-страсть. По сути, она одна и есть любовь как таковая. И лишь о ней — слова Поля Бурже, что лишь одно душевное и физическое состояние способно упразднить все остальные в наших мыслях, сердцах и чувствах, и это — любовь.¹ Любовь физическая, о которой говорит Стендаль, — это все-таки всегда растворение, развоплощение и упрощение. Она кажется составной частью любви-страсти. Отчасти — да, но сама по себе она лишь низший предел последней, хотя и всегда присутствующий. Наша фундаментальная точка зрения, в отличие от "позитивистской", такова: соединение полов — не биологический и не физический акт. Но в то же время это важнейшая цель и заключение каждого переживания, основанного на взаимном тяготении между полами, центр тяжести всякой любви.

Конечно, в любви могут сыграть свою роль утонченность, преданность, верность, дух самопожертвования, возвышенные проявления чувств. Но этого, как и "чистой биологии", мало. С экзистенциальной точки

---

¹ P Bourget. *Physiologie de l'amour moderne* Paris. 1890. Этот автор утверждает, что "любовник, который ищет в любви чего-то, кроме самой любви, скажет, вероятно, что он любит себя, уже не любящий".

зрения все это — "другое", любовное двойничество, которому не хватает "воплощения", по привычке именуемого "физическим" влечением, следствием которого является соединение тел и потрясение собственно полового соития. Это характерно как раз для такого момента, которому свойственна, если можно так выразиться, излишняя поспешность, быстрый переход к действию и завершение в кульминационной точке оргазма, являющемся естественным "terminus ad quem" всего эротического переживания. Когда мы охвачены "физическим" притяжением, в нас пробуждается половой зов, наиболее глубокие, стихийные слои нашего существа приходят в движение. Увы, самая возвышенная любовь между разнополами существами невозможна, в некотором роде ирреальна без такого вот досадного, казалось бы, случая "короткого замыкания", наиболее грубая форма проявления которого — оргазм. Но в нем же спрятано и метафизическое надличное измерение пола... Конечно, "чистая" любовь может также вывести за пределы индивидуального, например, когда любящий просто жертвует собой ради любимого. Но как склонность духовная, она начинает в этом случае "плодоносить" иначе, на ином уровне: не в особом ощущении, а, так сказать, на реальном изломе бытия. Глубины же, повторим, приводятся в движение только действительным соединением полов.

Очень часто такие формы "чистой" любви, как простая симпатия, нежность, жалость, замещающая собою проявления сексуальности, не представляют ничего иного, нежели сублимацию, замещение или даже извращенную инфантильность. Это, правда, в большей степени интересно для психоаналитиков, но и нам придется это иметь в виду.

Следует также отвергнуть взгляд, что переход половой любви в социальную и интеллектуальную, связанную с брачно-семейными отношениями, есть некий "прогресс". С экзистенциальной точки зрения это как раз "падение". В любви формализованной связь с ее собственно изначальной силой или будет утеряна вовсе, или удерживается "по привычке". Как мы в дальнейшем увидим, любовь, перенесенная в такую плоскость, в плоскость "человеческого, слишком человеческого"

(Ницше), является ничем иным, как суррогатом. Метафизически в такой любви человек создает себе иллюзию растворения, хотя он, напротив, нуждается в утверждении и в онтологической интеграции, которые составляют главную и бессознательную основу полового влечения. Шиллер писал: "Страсть проходит, любовь должна остаться". На это можно смотреть как на что-то естественное, а можно увидеть и одну из драм человеческого существования. Ибо только страсть может вести к "сверкающему мгновению единства".

5. Эрос и инстинкт продолжения рода

Соображения, развитые далее, должны свидетельствовать о крайней силе энергии пола, если, конечно, эротическое переживание целостно и не раздроблено. Сразу отметим — для нас совершенно неприемлема не только сексология биологического направления, но и усилия тех, кто в духе бунта Руссо против "цивилизации" в защиту "природы" сегодня проповедуют почти что религию секса и плоти вместо или против Евангелия. Наиболее известный представитель подобной тенденции — Д.Г. Лоуренс. Его точка зрения прекрасно изложена Олдосом Хаксли в романе "Контрапункт", где устами Чемпиона говорится: "Вовсе не "естественные" желания и аппетиты придают облику человека звероподобность". И добавляет: "Нет, звероподобность, пожалуй не верное слово, оно содержит в себе прямое оскорбление животным, скажем лучше, вменяет им человеческую испорченность и греховность. И виновником этого — наше воображение, наш интеллект, наши принципы, образование, традиции. Предоставим инстинкты самим себе, и они не сделают ничего дурного". В большинстве своем средний человек гнушается как тем, кто, удаляясь от "центральной нормы человечества", слишком плотололюбив, так и тем, кто, отвергая плоть вовсе, "слишком духовен". Но Лоуренс как бы отвечает: "Моя религия это

вера в кровь и плоть — она мудрее интеллекта".¹ Тем более странно, что иногда этому автору удается сказать нечто не вполне банальное, вроде вот такого: "Есть Бог Отец, непостижимый, непознаваемый. Мы несем его во плоти, в женщине. Она — дверь, в которую мы входим и через которую появляемся на свет. Через женщину мы возвращаемся к Отцу, подобно тем, кто ослеп и обезумел, видя чудо Преображения". Лоуренс чувствовал мистику крови. Но в целом такая экзальтация ведет к двусмысленным искажениям. Пеладан справедливо писал: "Реализм в любви не менее абсурден, чем в искусстве. Подражание природе в эротике становится подражанием скотине".² Всякий "натурализм" есть деградация. Ибо только выделяющее человека из слепой природной стихии можно считать естественным. И не все "естественное" присуще животным. "Реализм" противен всей глобальной иерархии жизни.

Человеческая любовь, человеческий секс, если принять за "норму" животный мир, — извращение. По смыслу слов героя Лоуренса природное бытие для человека тождественно денатурализации. Человеческий секс совсем иной. Он свободен от сезонных периодов, впрочем, не без "умысла" в меньшей степени у женщин. В любое время, не важно какое, человек может желать и любить; и это является естественной чертой его любви.

Когда говорят, что секс есть физиологическая потребность человека, делают ошибку. Человек может без него жить. В сущности, у человека никогда не бывает "физического" полового желания; по сути, желание человека всегда психическое, желание же физическое только "отблеск". Только у очень примитивных людей дело обстоит несколько иначе. "Круг событий" для них замыкается слишком быстро — остается чистая похоть, иногда — еще одно, тоже животное, желание, о котором сейчас и пойдет речь.

Сексология, наряду с прочими мифами, создала миф об "инстинкте размножения" как основе эротизма. По

---

¹ См. Н.Т. Moore. D.H. Lawrence's letters to Bertrand Russell. éd. Gotham Book Mark, в частности письмо от 8 декабря 1915 года.

² S.Péladan. *La Science de l'Amour*.

их мнению всю жизнь определяет инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. Это якобы фундаментальные силы, связанные с родом, и действенные у человека не менее, чем у животных. Ограниченность и плоскостность этой теории ясна из невольного саморазоблачения позитивистов вроде Морселли¹, доказывающих будто индивид борется за существование и питание, чтобы размножиться и размножается ради сохранения вида. Так высшей целью становится некая "непрерывность универсальной жизни".

Нам нет нужды вообще говорить об "инстинкте самосохранения". Тем более указывать на проявления, его не только нейтрализующие, но и упраздняющие вовсе, разъяснять отсутствие какого-либо отношения этого инстинкта к "конечным целям рода". Как раз так называемый "инстинкт продолжения рода" может ставить первый инстинкт под вопрос, а то и вообще делать пустым заботу о собственном здоровье и благополучии.

Последний же — представляет собой абсолютно абстрактную экспликацию полового импульса, его морально-психологическое оправдание в мире условностей. И можно сказать, что концепция "инстинкта размножения" как неотъемлемо присущего человеку — лишена всякого основания. У человека "инстинкт" и сознательное деяние нераздельны. Но, как содержимого сознания, инстинкта размножения не существует, момент "воспроизведения" не фигурирует вовсе не только в половом желании как переживании, как опыте, но и в его развитии как собственно желания. Знание того, что половое желание и эротизм, особенно, когда они ведут к единению мужчины с женщиной и могут дать место рождению нового существа — есть знание *a posteriori*. Никто не занимается любовью специально чтобы родить. Рождение ребенка — одно из возможных последствий любви.

В подтверждение выше сказанного приведем известный факт, что в некоторых "первобытных" народах рождение нового человека приписывают случаям и причинам, не имеющим какой бы то ни было связи с половым

---

¹ *Sessualità umana. Milano, 1944.*

союзом. Клагес пишет об этом так: "Это заблуждение, это заведомая фальсификация — называть инстинкт размножения инстинктом половым. Размножение — возможное следствие половой активности, но оно не является источником собственно полового возбуждения. Животным это неизвестно — только человеку дано это знать".¹ Клагес показывает, что инстинкт совершенно не самостоятелен; вряд ли мужчина специально ищет случая оплодотворить свою возлюбленную. И он делает характерное замечание: "Если хотите, попробуйте сопоставить фактор "воспроизводительности" с теми, кого обыкновенно воспринимают как высшую модель человеческой любви, с великими образами влюбленных в истории и в искусстве: Тристаном и Изольдой, Ромео и Джульеттой, Паоло и Франческой и другими. Попробуйте представить их в ситуации "хэппи энда", с дитятей, а то и с целым выводком ребятни, так сказать, по завершении дней". Кстати, что касается влюбленной пары, которая никогда не имела детей, один из персонажей Барбе д'Орвилли говорит: "Они слишком любят друг друга, огонь же только пожирает, истребляет, но не творит". Одну женщину спросили, не грустно ли ей без детей, а она ответила, что и не хочет их: "Дети годятся только для женщин несчастных".

Кто-то насмешливо заметил: "Адам! Просыпаясь в присутствии Евы, не вопи, как тот современный сенатор, изрекший: "Вот мать моих сыновей, жрица моего очага". И даже если желание иметь потомство лежит в основании отношений между мужчиной и женщиной, то только из соображений рассудочно-социальных. И желание это не имеет ничего общего с метафизическим аспектом пола. Даже если мужчина и женщина заключают брак с целью иметь потомство, мысль эта вовсе не преследует их собственно во время половой близости, как и не она, конечно, источник их восторга в этот момент."² Возможно, конечно, завтра будет иначе. В

---

¹ L. Klages. *Vom kosmogonischen Eros*. Léna, 1930, p.25.

² Исключение — сакральные брачные союзы древних цивилизаций, когда зачатие специально подготавливается с соблюдением определенного ритуала и произнесением соответствующих мистических формул (эти обычаи сохранились в Индии и в исламском мире). Миллер

уюду общественной морали, в особенности католической, изобретут искусственное оплодотворение или же попытаются медицински устранить сам факт эротического восторга. Но тогда исчезнет и понятие полового влечения. Пока что все-таки притяжение полов остается событием высшей значимости — со всей его мистериальностью и метафизикой, с непреодолимым побуждением к единению и обладанию, в котором смутно и пока еще неопределенно проступают иные измерения. Но о них — после. Пока что нам надо ясно понять, что стремление к "размножению" не есть факт сознания.

Кое-какие верные наблюдения по этому поводу сделал В. Соловьев. Он заметил ошибку тех, кто как раз думает, что *raison d'être* половой любви — продолжение рода; любовь-де служит лишь средством. Большинство организмов как животного, так и растительного мира размножаются бесполом путем. Секс вмещивается в размножение не организмов вообще, а организмов высших. Вот почему "смысл половой дифференциации" и соответственно половой любви следует искать не в идее жизни рода и его продолжения, но единственно в идее "высшего организма". Более того: "Чем выше поднимаемся мы по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила влечения, напротив, больше... Наконец, у человека сравнительно со всем животным миром размножение совершается в наименьших размерах, а половая любовь достигает наибольшего значения и высочайшей силы... Отсюда явствует: половая любовь и продолжение рода находятся между собой в обратном отношении; чем сильнее одно, тем слабее другое." В обоснование этих двух крайностей животной жизни Соловьев указывал, что если в низшем пределе мы находим только размножение, воспроизведение, без всякой половой любви, то в высшем пределе, на вершине, во всех ее страстных проявлениях мы обнаруживаем половую любовь, которая возможна лишь в резуль-

---

вернемся к этому, говоря о сакрализации половых отношений. Античному миру также были известны половые связи с целью иметь детей и без такой цели. По преданию, Демосфен говорил: "У нас есть гетеры для утоления похоти, конкубины для ежедневных телесных нужд и законные жены для рождения сыновей и содержания домов".

тате полного, исключительного существования с воспроизводства, согласно с отмеченным выше.¹ А вот другой автор: "Половая страсть допускает в себе почти всегда извращение инстинкта... иными словами, на деле, в ней почти всегда избегают того, что называется родоиспроизводством".² Это значит, что речь идет о двух разных явлениях, одно из которых не может быть представлено орудием или средством другого.³ В своих высших, типических формах проявления — эрос имеет неизъяснимое свойство: он совершенно не зависит от каких-либо материальных потребностей и даже просто от физической любви.

6. Миф о "гении рода"

В Новое время одну из редких попыток обозначить контуры метафизики пола предпринял Шопенгауэр. Однако и эта попытка основана на двусмысленности. Чтобы сохранить идею о том, будто зачатие является первичной целью любви, Шопенгауэру пришлось допустить существование некоего мифического "гения рода". Его призвание — способствовать пробуждению тяготения между полами и таинственным образом предопределять тот или иной сексуальный выбор, без ведома на то индивидов, вводя их в заблуждение, да и просто используя как орудия. "Как только родился ребенок, — говорит Шопенгауэр, — тут-то и истинный конец всякому любовному роману, даже если участники его не имеют об этом никакого понятия: каким образом цель достигнута — это уже вещь второстепенная".⁴ Особой целью является рождение такого нового существа, которое наиболее близко к чистому типу совершенного рода и достаточно способно к выживанию; таким образом, "гений рода" подводит всякого мужчину к из-

---

¹ V.Solovieff. *Le sens de l'amour*. Paris, 1946, p.7-11.

² A.Joussain. *Les passions Humaines*. Paris, 1928, p.171-172.

³ V.Solovieff. *Op.cit.* p.11.

⁴ A.Schopenhauer. *Die Welt als Wille und Vorstellung*. II, c.IV (Metaphysic der geschlechtsliebe), ed. Cotta, Berlin-Stuttgart, v.VI, p.88-89.

бранию женщины, наиболее способной к осуществлению конечной биологической цели именно данного рода. Только особо predeterminedная "гением рода" женщина представляется мужчине как идеал, облеченный ореолом красоты; она может возжечь огонь страсти, пробудить предвкушение удовольствия, сущности всякого блага, смысла жизни. "Лучшее для рода находится там, где индивиду случается обнаружить максимум удовольствий". Очевидно, что и женская красота, и "удовольствие" — иллюзии, механизмы, при помощи которых "гений рода" овладевает человеком. "Вот почему, — добавляет Шопенгауэр, — каждый любовник после окончательного достижения своей цели, иными словами, после полового удовлетворения, испытывает чувство разочарования: ибо иллюзии, которыми прельщал и обманывал "гений рода", рассеялись."¹

Кое-что из этого круга идей нам понадобится. Но в сущности, речь идет о "боковой ветке" того же дарвинизма с характерными для последнего односторонностью и отвлеченностью. Механизм биологической целенаправленности следует признать совершенно бессознательным, как это виртуозно проделал Э. фон Гартман, приводя теории Шопенгауэра к большей ясности. Ведь влечение к женщине (или наоборот), обладающей подходящим биопотенциалом для продолжения рода, действительно бессознательно. Подчеркнем вновь — никто сознательно при этом не стремится зачать. В минуты притяжения и флюидного экстаза о продолжении рода не думают. И даже если принять идею о "гении рода", проблема сексуального выбора окажется гораздо сложнее, чем это могли представить себе приверженцы теории "естественного отбора". Как ни грубо подобное сравнение, в жизни пола проявляется, нечто подобное тому, что происходит в области гастрономической. Человек, если он не совсем примитивен, ест не то, что ему полезно, но то, что вкусно, вопреки, так сказать, "мнению" организма, и не потому, что он "испорчен", а потому, что такое — человеческая природа.

---

¹ *Ibid.*, p.90. sqq., 26

Это все, конечно, поверхностно. Можно вспомнить множество случаев, когда интенсивное притяжение, "фатальное" даже, возникало между существами, мало пригодными для продления рода. Вот почему даже сдвинутый в бессознательное шопенгауэровский импульс является или очень относительным, или попросту несуществующим. Имеется же нечто другое: следуя вышеозначенной биологической теории "целеполагания", мы должны были бы обнаружить ограниченную, умеренную сексуальность у менее благородных особей рода человеческого, тогда как совсем наоборот — именно у них она не имеет границ, и как следствие они наиболее плодовиты. И ради справедливости нужно сказать, что "гений рода" со всем своим скрытым коварством и кознями — довольно-таки неразумен, и ему следовало бы поучиться в школе, ведь мы же отлично видим, что, благодаря физической любви, землю нашу населяют главным образом субпродукты человеческого рода. Но и это не все. Генетика утверждает, что психосоматические свойства зависят от определенной комбинации половых хромосом обоих родителей. Хромосомы же эти являются носителями сложной наследственности, которая может не проявиться вовсе в фенотипе родителей. Получается, что не красота, телосложение, сила, здоровье и тому подобное являются определяющими в половом и биологическом выборе, но "гений рода" порождает влечение мужчины к той женщине, которая обладает самыми подходящими и "способными" хромосомами. По-видимому, это абсурд. Кроме того, наверное, после оплодотворения следовало бы определить, *какие* мужские хромосомы и *какие* женские будут преобладать и объединяться, предпочитая одну удаленную половину другой — в формировании нового существа. При нынешнем состоянии биологических знаний все это остается окутанным дымкой таинственности.

Известно, однако, что в случаях наиболее бурной страсти у самых разных народов (у которых мы и по-ищем доказательств истинной нормальности, нормальности в высшем смысле — то есть типичного для человека как такового) можно редко обнаружить, даже ретроспективно, харизму "конечной биологической цели".

Очень часто такая любовь бесплодна. Конечно, человек *может* быть вовлечен в стихию "биоса" и "завершения себя" в нем, но не естественно, а вследствие падения, краха. К этому круговороту относится и сам факт рождения, физической репродукции. Но у человека как такового есть и нечто не-биологическое; именно оно и активизирует половой процесс, даже когда налицо "физический элемент", приводящий к оплодотворению. Таким образом, инстинкт продолжения рода, особенно если рассматривать его с позиции биологической целесообразности, выдуманной дарвинистами и Шопенгауэром, является мифом. Между любовью и рождением нет и никогда не было никакой связи.

И еще одно наблюдение, правда, довольно банальное, свидетельствует против "биологического кренинизма". Даже в чисто физической любви известны многочисленные случаи, которые не объяснить этим "биологическим обоснованием цели" и которые соответственно мы должны рассматривать как излишние, бесполезные и иррациональные. Но именно они входят в эротическое переживание в том смысле, что при полном их отсутствии чисто физическое единение может потерять добрую часть своей привлекательности. А в некотором случае его или вовсе не будет, или оно "опустится" и станет совсем примитивным. Достаточно вспомнить о поцелуе, который природе и "роду" не требуется вовсе. И если имеются люди, которым не известен или не был известен до последнего времени поцелуй в губы, то у них имеются его эквиваленты, как, например, "обонятельный поцелуй", прикосновение лбами и так далее, то есть действия, которые, как и поцелуй в собственном смысле, служат не биологическим, а чисто эротическим целям. Как и смещение дыханий, вдыхание запаха женщины в объятии, все это способствует лишь "флюидному" действию, которое возбуждает собственно половое чувство. Впрочем, то же самое касается неистовства, исступления, которое влюбленные обычно пытаются растянуть и усилить в своих объятиях, когда само прикосновение тел не оставляет никакого сомнения в их почти тщетном стремлении проникнуть друг в друга или абсолютной любви, выраженной в выражении Коелетт,

они как две части одного животного. Непонятно только, какому биологическому "целеполаганию" и какому "роду" все это нужно. Ведь чтобы зачать, требуется лишь одно и очень простое действие, тогда как эти и другие аспекты физической любви, и даже профанической, есть символы совершенно иной, особой реальности.

7. Эрос и стремление к удовольствиям

Итак, нам необходимо признать приоритет элементарного импульса, который толкает мужчину к женщине, приоритет и реальность сугубо онтологические, причем онтологические совершенно недвусмысленно.

Вот пример происходящего с теорией "принципа удовольствия" как основы всякого влечения. Конечно, можно признать, что в большинстве случаев, когда мужчина чувствует влечение к женщине и желает ее, скорее всего он испытывает предчувствие того удовольствия, которое она ему может дать, что заранее отражается на выражении его лица и в его поведении во время оргазма, что в конечном счете определено заранее "целями рода". Предполагается, конечно, рождение наилучшего потомства. Тем не менее, необходимо сказать, что насколько все это "сознательно", настолько и удалено от нормального, здорового *эроса*. В своем естественном развитии всякое страстное переживание и всякая глубокая привязанность направляется к тому, что называется "удовольствием", — но не оно является верховной и отдельной самостоятельной целью. Если же все это так, то приходится говорить о сладострастии и распушенности — то есть о проявлениях диссоциации, дегенеративности и "рационализации" физической любви. При нормальном, здоровом состоянии *эроса* идея удовольствия не является определяющим мотивом, но есть некий импульс, который, пробуждаясь от сексуальной полярности как таковой, провоцирует опьяненность вплоть до оргазма в телесном союзе. Тот, кто любит истинно, обладая женщиной, так же мало думает об "удовольствии", как и тот, кто рождает потомство. Фрейдизм оказался

сперва в заблуждении, когда в первое время пытался положить "принцип удовольствия" — Lustprinzip — в основу не только *эроса*, но и всей психической жизни человека. И в этом он просто был порождением своей эпохи, ибо в диссоциированной форме простого "удовольствия", в которую принципиально выродился эротизм в эпоху упадка, подобную нашей, сексуальность, как таковая, есть некое "одуряющее" средство, которое, впрочем, используется так же профанически, как и наркотики.¹ Но тот же фрейдизм вынужден был быстро отказаться от первоначальных посылок, чему свидетельством служит сама работа З.Фрейда "По ту сторону принципа удовольствия".²

Все это, конечно, не означает осуждения всякого *ars amandi* как извращенно упадочного. *Ars amandi* — искусство любви существовало всегда и вовсе не было ограничено техникой чистого сладострастия. Это искусство было известно в древние времена и до сих пор сохранилось на Востоке. Именно там женщины, обучавшие таким искусствам, были почитаемы и уважаемы, в равной степени как и те, кто владел секретами любого другого искусства и знал их применение. В классической античности гетеры, как известно, высоко ценились и уважались такими людьми, как Перикл, Фидий, Алкивиад; Солон воздвигнул храм, посвященный богине "проституции"; некоторые элементы культа этой богини в определенных формах поклонений и ритуалов, предназначавшихся Венере, достигли Рима. В Японии некоторые из этих женщин были удостоены особой чести — их скульптуры устанавливались в святилищах. Как и в случае с любым другим искусством, в традиционной сфере за *Ars amandi* скрывается некая тайная наука. И мы действительно имеем свидетельства связи женщин, владеющих этим искусством, с определенными культурами.

---

¹ Как говорит один из персонажей Андре Мальро, всякое желание есть яд. Китай был побежден опиумом, мусульманский мир — гашишем, Запад — женщиной... Видов отравы много. Запад из них избрал любовь.

² S. Freud. *Jenseits des Lustprinzips*. Leipzig-Wien, 1921

Разумеется, довольно трудно ожидать, чтобы высшие возможности *эроса* проявились и развертывались в полном объеме, если оставить их на произвол судьбы и в тех грубых и слепых формах, которые предопределяет примитивная спонтанность. Существенно важно увидеть, что развитие этих возможностей в пограничных формах восприятия и ощущения, к которым так чувствительно эротическое переживание, — или содержит в себе и даже допускает преобладание наиболее глубокого, психического измерения *эроса* — или вырождается в поисках распутства и внешнего "удовольствия". Едва ли нужно отмечать, что по поводу *Ars amandi* легче всего впасть в самообман: нет такой любовной техники, которая, даже в области "удовольствия", смогла бы привести к чему-либо интересному, сильному и качественно отличному — без предпосылок внутреннего, психического порядка. Простое прикосновение руки может иногда привести к большему опьянению, чем любая сознательная активация "эрогенных зон". К этому мы еще вернемся.

И понятно, что слово "удовольствие" мы сознательно заключаем в кавычки, ибо оно имеет отношение лишь к некоему "посредническому" аспекту физической любви. Между тем, наверное, полностью отменить сексологические толкования — крайность. Но при этом их всегда следует очищать от мусора материализма.

8. О сладострастии

Пиобб написал в своей книге: "Сексуальный спазм, собственно говоря, не является физиологическим. Остается лишь "списать" удовольствие от полового акта на чисто нервный механизм".¹ И это так. И все попытки истолковать "удовольствие" научно или же, что одно и то же, профанически — заранее обречены на провал. Здесь, как и в других случаях, причиной двусмыслен-

---

¹ P. Piobbo. *Vénus magique*.

остич является неумение выделить содержание переживания от условий, часто необходимых, его проявления.

Подобное происходит, например, в области психологии, где психологические феномены сами по себе не определены, но "успешно" исследуются условия их возникновения, причем из предпосылок *физиологических*.

Рекорд же пошлости был побит позитивизмом XIX столетия, опирающимся на такую вот теорию: "Генетическая потребность может рассматриваться как потребность к эвакуации, удалению; выбор детерминирован ощущениями, которые делают подобное удаление наиболее желательным".¹ Удовольствие, стало быть, вызывается эвакуацией, извержением продуктов пола. Однако, хочется спросить, почему аналогичный процесс, как, например, опорожнение мочевого пузыря не вызывает подобного эффекта? Кроме того, эта теория более приложима к мужчине, так как у женщины сексуальный апогей никак не связан с истинным "опорожнением"; у нее появление редких выделений уравнивается с общим состоянием эротического возбуждения и, собственно, выделения эти могут и отсутствовать. И если процесс эвакуации никогда и никоим образом не связан у женщины с детумесценцией, с деконгестией половых органов, и только в некоторых случаях он может совпасть с моментом семенной иррорации, то в других случаях женщина, тем не менее, независима, и как бы то ни было — терминальный эффект у женщины выражен нервно, функционально и психически.

Есть одна вещь — она касается как мужчин, так и женщин, на которую сексологи обращали мало внимания, — а зря. Это удовольствие во сне и, во всяком случае, при полном отсутствии "двойника" эякуляции, иными словами, без поллюций. Кое-кто рассказывает, что довольно часто такое удовольствие имеет характер более экстатический и всепоглощающий, чем то, которое имеет место в физическом акте (и мы увидим почему).² К этому следует добавить, что как у мужчин, так

---

¹ Féré. *L'instinct sexuel*. Paris, 1865, p.6.

² Чаще всего это происходит с теми, кто видит не черно-белые сны, как большинство людей, а цветные.

и у женщин удовольствие это часто останавливается на определенном уровне интенсивности вплоть до момента пробуждения. Точная интерпретация этого содержится, главным образом, в привычной связи между удовольствием и физическим событием, которая в момент пробуждения автоматически возвращает спящего на физический план, обусловленный дневным переживанием, и прерывает психический процесс. Но в принципе на удовольствие, испытываемое во сне, можно сослаться как на один из аргументов, доказывающий возможности отдаления эротики от физиологии. В случае же с мужчинами, между прочим, удовольствие может быть испытано во сне даже тогда, когда воспроизводительные способности истощены по старости или когда, например, эякуляторная возможность упразднена в результате какой-нибудь травмы; и это подтверждает дальнейшее изложение нашего тезиса.

То, что половое влечение не поддается вульгарным объяснениям и в некотором смысле глубинно, хорошо видно даже на примере с животными. Эксперименты Тарханова доказали, что в определенных случаях семенные каналы животного были пусты до копуляции, потом они постепенно наполнялись в течение этой копуляции, так что причинно-следственная связь оказалась почти опрокинутой: половой импульс далек от детерминированности "опорожнением".¹ Если бы аналогичные изыскания проводились на человеке, они могли бы подтвердить это в еще большей степени. Мы уже могли наблюдать, что у евнухов, лишенных семенных желез, может наступить полная половая анестезия, однако имеются случаи, когда половое желание продолжало существовать и даже увеличивалось. Во-вторых, засвидетельствованы формы желаний, которое не идет дальше потребности "спустить", причем для этого пущены в дело все экстремальные ресурсы половых органов, и, совершая почти насилие над естеством, мужчина испускает, наконец, субстанцию, более похожую на кровь,

---

¹ Известно, что у некоторых животных гормональное насыщение, которое некоторые считают причиной полового возбуждения, не совпадает с моментом коитуса. См. A.Hesnaré. *Manuel de sexologie*. Payot, Paris, 1951, p.65.

чем на сперму. Р-третьих, удостоверены равно и случаи, в которых экстремальная интенсивность желаний, вместо того, чтобы собственно и завершить дело эякуляцией, — тормозит его (мы еще вернемся к этому).¹ Наконец, испытание, довольно часто встречаемое в любви-страсти, когда все ресурсы физического процесса исчерпаны в половом акте, а чувствуется, что не достаточно и хочется продолжения, но возможности плоти не позволяют большего — вот, что создает истинные мучения.

Итак, даже Хэвлок Эллис после рассмотрения различных попыток объяснения феномена "сладострастия", заключил, в полном сознании, что импульс, который ведет к удовольствию, является "некоторым образом независимым от герминативных желез и их состояния".² В анатомо-физиологической области допускается существование церебральных половых центров (это содержалось уже в предположениях Галла), помимо спинного и симпатического: это как бы тень того, что у человека имеет ясный, очевидный характер, например, по причине очень существенной роли, которую играет воображение, не только в любви вообще, но и в любви физической даже; воображение, которое сопровождает, а иногда начинает и активизирует весь процесс совокупления, тогда как в других случаях оно может, напротив, бесповоротно парализовать его.

Сегодня в ходу так называемая гормональная теория. Хотели бы объяснить половое возбуждение следствием гормональной интоксикации; кое-кто видел в этом причину всякой страсти вообще. Дабы не оказаться в порочном круге, следует объяснить, может ли такая интоксикация быть психически обусловленной. И даже если это не так, следует отделить катализирующий переживание фактор от детерминирующего. Простой пример —

---

¹ L.Pin. *Psycologia dell'amore*. 1944, p.145.: "Чувство становится таким напряженным, что превращается в страдание и тогда оно уже мешает физиологическому процессу".

² H.Ellis. *Studies in psychology of sex*. v.III. Philadelphia, 1908, p.7; Hesnard, *Op.cit.*, p.13: "Можно сказать, что у человека, даже в чисто физических отношениях, деятельность как таковая не всегда развивается не всегда под влиянием гормонов и нервной системы."

половому возбуждению часто способствуют такие вещества, как, например, алкоголь, которые к гормонам никакого отношения не имеют. Конечно, реакция на такие вещества сугубо индивидуальная — на разных людей они часто действуют противоположным образом. В любом случае это второстепенно.

Все это позволяет говорить об автономии либидо, являющегося прежде всего психическим фактором, проявление которого главным образом состоит в желании сексуального единения. Психоанализ открыл известную степень независимости либидо от физиологии; возможность перемещения "бремени" либидо засвидетельствована в многочисленных и типических случаях, например, когда его осуществление заставляет исчезнуть болезненные симптомы. Известны прегенитальные стадии либидо и формы его утолнения, в каковых связи либидо с физиологическим процессом нет. Материал, собранный по этому поводу, свидетельствует против физиологических объяснений полового влечения. Однако в том, что касается специфического акта "удовольствия", психоанализ эквивалентен теории Фере, уже критиковавшейся. В обоих случаях налицо заблуждение, связанное с оценкой "удовольствия" как "облегчения", обязанного прекращению предыдущего состояния, горестного и малоприятного. Близкое к этому объяснение — сведение "удовольствия" к чистому расслаблению как следствию детумесценции, опорожнения и эякуляции. Все же психоаналитики не могли не видеть, что в результате почти механических и взаимозаменяемых процессов удовольствие приводит к достигаемому тем или иным способом прекращению состояния напряженности, иными словами, к облегчению бремени со-деятельности (*Besetzung sinergie*) либидо. В немецком языке слово, которое означает, главным образом, удовлетворение или сексуальное удовольствие, *Befriedigung*, имеет уже в своем значении нечто, настраивающее на определенное восприятие, ибо это слово содержит в себе также чувство успокоения, отстранения от предшествующего состояния натянутости, возбуждения, всего того, что, должно быть, ощущалось как нежелательное. И приходится снова спросить себя, не является ли эта теория

порождением своего времени и может ли достичь подобного чувства сексуальность и удовольствие в эросе, ставшем примитивно-физическим?¹

Итак, можно констатировать, что половое желание — сложное целое, где "физиология" — лишь его часть, половое возбуждение, главным образом психическое, провоцирует возбуждение физическое и постепенно приводит в движение физиологический состав организма. При этом проявления физического могут быть, а могут и не быть. Однако "великий свет" может придти только со стороны метафизики пола, но не со стороны психологии или физиологии секса. Ибо уже сейчас можно предчувствовать, что телесный союз, рассматриваемый как он есть, является не более чем механизмом, на каковой опираются и каковой употребляют в роли "проводника" к процессу высшего порядка, частью которого этот союз является. Так называемое "удовольствие", как грубое и плотское удовлетворение, находящееся в узкой зависимости от физических условий, которые могут являться чем-то вроде "приманки для детопроизводства", вообще оказывается очень проблематичным.

9. Магнетическая теория любви

Попытки исследовать трансцендентные значения пола будут предприняты нами немного позднее. В настоящий же момент перенесем внимание на область, так сказать, промежуточную, дабы пролить свет на элементарный субстрат всякого эроса; для этого нам необходимо начать использовать понятие "метафизика" в другом смысле этого слова — как познание гиперфизической, невидимой стороны человеческого бытия.

Как мы уже видели, ни биологический "финализм", ни генетический импульс, ни отчужденная идея удовольствия не объясняют природы Эроса. Попробуем рассмотреть эрос как состояние, прямо детерминиро-

---

¹ Это, конечно, шутка, но не только — о молодой американке, которая спрашивает своего парня после того, как он "кончил": "Do you feel better now, darling?" ("Тебе стало лучше, дорогой?").

ванное полярностью полов, подобное полярной природе магнетизма. Конечно, через материальное, психологическое можно попытаться объяснить стихийный магнетизм пола. но все это только область предположений. Всякое явление может быть объяснено, в конечном счете, только "само из себя".¹

Это не просто мнение. Оно вытекает из древних традиций. Можно сослаться, например, на традиционное учение Дальнего Востока, согласно которому частые встречи, даже без контакта, мужчины и женщины, порождают в глубине их подсознания особенную энергию, нематериальный "флюид", *tsing*. Он-то и есть основа полярности *yin-yang*. К значению этих категорий мы еще вернемся, а пока сможем только постараться придать им, пусть временно, значение чистых принципов сексуальности как таковой. Эта энергия *tsing* есть проявление жизненной силы *tsi* пропорционально содержащей *yin* и *yang* у лиц разных полов. Эта магнетическая сила обуславливает состояние вибрации, "опьянения" и собственно желание. С ее проявлений и начинается изменение "дневного" сознания, первая стадия, за которой могут последовать другие. Простое присутствие женщины перед мужчиной стихийно возбуждает *tsing*. Более того, в этом надо видеть не моральную, а экзистенциальную основу, что подтверждают обычаи некоторых народов (в том числе европейских), у которых сохранилось еще чувство стихийной силы пола. Так, женщина, строго говоря, не может посещать мужчину иначе, как в сопровождении другого, особенно, если первый женат. Это правило касается всех женщин, так как пол не имеет возраста, и нарушившая это правило, даже самым невинным образом, будет подозреваться в совершении чего-то греховного. Сам факт пребывания с женщиной наедине, даже если "ничего не было", будет расцениваться так, как будто это "что-то" все-таки было.

---

¹ В связи с этим вспоминаются слова одного из героев Э.М. Ремарка: "И вдруг я увидел, что могу быть чем-то очень важным для другого человеческого существа — быть просто рядом. Когда об этом говорят, это кажется простым, но если вдруг происходит, это нечто огромное, без границ, способное разрушать и восстанавливать заново. Это любовь, но это и что-то еще..."

"Виной" тому — магнетизм *tsing*.¹ Дальше — больше: от легкого пожатия руки до поцелуя или чего-то ему подобного — это уже собственно телесный контакт. И, наконец, третья ступень — мужская плоть оказывается внутри женской в том или ином виде. В чисто телесной любви эта ступень является своего рода порогом, границей "магнетического" накала. Однако в сакральных, инициатических и магических формах секса эта ступень не только не конечна, но, собственно, только начальна. Эти различные стадии сопровождаются и соединяются между собой изменениями на тонком плане, имеющими отношение к дыханию, к крови особенно. Психически же налицо "экзальтация" как таковая.

Вообще-то можно говорить о *естественной магии любви* как о чисто позитивном гиперфизическом факторе существования даже заурядного и примитивного человеческого сообщества. То, что затруднительно для современных психологов, утверждает и подтверждает народная мудрость. И даже не имеющие ясной концепции содержания слова "флюиды" полагают, что взаимная тяга мужчины и женщины возникает, когда налицо эти самые "флюиды". Да и brutальное желание принято рассматривать как своего рода спазм этой "флюидной" тяги. Считается, что отрицание таких "флюидов" есть и отрицание возможности перемещения энергии пола на более тонкий план. И когда говорят о женском "очаровании", плохо понимают, что оно, собственно, означает, и впадают в бессмыслицу. А ведь, если вдуматься, то речь как раз идет о магическом измерении любви: "очарование", *fascinum* — это, собственно, и есть о-чаро-ванность, то есть результат колдовства.

Впрочем, концепция подобного рода являлась частью "теории любви", которая бытовала на Западе примерно до так называемого "ренессанса", но была известна и другим цивилизациям, особенно в исламе. Мы обнаружим представление о ней, кроме Лукреция и Авиценны, также и у Марсилио Фичино и у Делла Порты. Фичино говорит, что основа любовной лихорадки и коренится в

---

¹ См. E. Levi. *Cristo si é fermato a Eboli*. Torino, p.93. В этой книге есть интересные сведения о психофизиологии народностей южной Италии.

"perturbatio" и в некоем заражении крови, подобном действию "дурного глаза", так как заражение действительно осуществляется, главным образом, через глаз и взгляд. Это — если, конечно, понимать не буквально и имея в виду тонкие планы, — в высшей степени точно. Флюидность tsing воспламеняется взглядом, а затем поглощается кровью. С этого момента влюбленный как бы носит возлюбленную в своей крови и vice versa, не взирая на возможную пространственную удаленность друг от друга.¹ "Универсальный язык" влюбленных как бы "проговаривается" о таком знании: "Ты — моя кровь", "Я чувствую тебя кровью", "моя кровь кипит от желания", "I have got you under my skin" и так далее. Все это хорошо известно и гораздо более существенно, чем все выкладки современной сексологии.² Когда в древних традициях говорится о крови, это почти всегда относится к парафизиологии. Конечно, современному человеку покажется "пророческим" утверждение: "Кровь есть великий симпатический агент жизни, это — двигатель воображе-

¹ M.Ficino. *Sopra lo amore*. ed. Levastu, VII, 7. "С полным правом можно сказать: жар любви наполняет кровь". О самом эротическом процессе в гл. VII, 4-7, 10 говорится как о передаче материализованных образов от одного существа к другому. VII, II: В "вульгарной любви" (автор так называет физическую любовь в отличие от "платонической") "агония любовников длится до тех пор, пока не будет остановлено волнение (perturbatio) в крови, вызванное колдовским взглядом". См.тж. G.V.Della Porta. *Magia naturalis*. I, XV. Платон (Федр, 251, а,в) говорит, что стоит любящему взглянуть в глаза любимого, "как он сразу меняется, он как в лихорадке, его бросает в пот и в необычный жар". "Жар" не следует здесь понимать в физическом смысле, но, скорее, как "экзальтацию". На этом основана "пиромантия" Дж.Креммера, о чем см. далее в § 57.

² G.D'Annunzio (*Il Piacere*. éd.nat., 69): "Любовное очарование этой женщины казалось ему железом, взрезавшем его плоть и там засевающим. Это и было магнетическое наслаждение, одно из особых, глубочайших ощущений начала любви. Оно пленило не тело и не дух, но страшную, неизвестную, загадочную часть человеческого состава — тоньше плоти, но грубее духа — вместилище страсти". Далее р. 87: "Он чувствовал присутствие женщины в его крови, смешанное с кровью до такой степени, что ее жизнь становилась его, а его — ее; и такой же была кровь, их общая кровь". Подобное описывают и другие авторы. Д.Г. Лоуренс в одном из своих писем (Moore, *Op. cit.*) рассказывает: "Когда я владею женщиной, она, как верховный правитель, проходит сквозь мою кровь. Я не знаю как, но в эти минуты ее кровь стекает в мою. Когда мы разделяемся, я понимаю, что знаем друг друга именно кровью".

ния, субстрат, одушевленный магнетическим или астральным светом, поляризованным в живых существах, это — первая инкарнация универсального флюида, материализованная жизненная сила".¹

Сегодня К. Моклэр, совершенно игнорируя какие-либо знания предшественников, самостоятельно пытается обосновать "магнетическую теорию любви". Будто бы эта теория поможет преодолеть старую антитезу между физическим и духовным, между плотью и душой, антитезу, которой в эротическом переживании попросту нет, ибо в нем все есть во всем, а эти два элемента как бы расплавлены друг в друге и оживляются попеременно. Чувства ли, будящие душу, или наоборот, но оба элемента взаимно растворены, трансцендируя друг друга. Можно смело говорить просто о "магнетическом состоянии". К. Моклэр именно этим состоянием объясняет гиперстезию влюбленных — ни плотскую, ни духовную, но и ту и другую вместе, которая оказывается совершенно независимой от текущей морали. Магнетические основания, единственно верные, остаются тайными, их порой не замечают сами любящие: если спросить их о "причинах" своей любви, они ссылаются на случайные совпадения, которые, собственно, бессознательно подчинены невидимым законам. Мужчина любит женщину не потому, что она красива, желанна или умна, изящна, и не из чистой похоти. Все эти объяснения не объясняют ничего... Он любит, потому что любит, вне всякой логики — это и есть признак "магнетизма" любви.²

Уже Лолли различал три вида любви: "платоническую", чувственно-физическую и магнетическую. Последняя, самая могущественная, завладевая человеком, проявляется прежде всего в его дыхании.³ Но в действительности, эта последняя не есть какой-то особенный род любви, скорее всего, это самое глубокое основание всякой любви.

---

¹ Eliphas Levi. *La science des esprit*. Paris, 1865.

² C. Mauclair. *Le magic de l'amour*.

³ M. Lolli. *Sulle passioni*. Milano. 1865, c. III.

Иногда можно легко свести к единому целому все эти традиционные представления. Они способны изъяснить элементарное, то есть первичное в своем роде — "магнетическую" структуру *Эроса*. И как при отсутствии "флюидной" связи между мужчиной и женщиной сексуальное притяжение между ними невозможно, так с исчезновением этого магнетизма оно также исчезает. В таком случае все попытки сохранения любовной связи будут столь же тщетны, сколь и попытки тех, кто хочет заставить двигаться машину, отключенную от источника энергии; или же, употребив более соответствующий магнетическому символизму образ "металла", соединяемого с любимым человеком "электро-магнетически", когда не имеется более творческого "поля". Внешне все может оставаться неизменным: молодость, сила, симпатия, интеллектуальная утонченность и так далее. Но, когда "магнетизм" отключен — *эрос* уходит... И пусть не все еще кончено, и даже не потерян интерес одного к другому, любви уже нет. Остаются привычные связи, основанные на сентиментальных воспоминаниях, общественном мнении, социальных факторах — на всем том, что является даже не "сублимацией", но суррогатом, не имеющим никакого отношения к притяжению полов.

Маго-магнетическая тяга влюбленных возникает, как правило, спонтанно — дальше же все зависит от нас самих. Хорошо памятен образ любовной "кристаллизации" у Стендаля: как голые ветви дерева, насквозь просоленного ветрами вокруг Зальцбурга, покрываются кристаллами, так и желание влюбленного, сосредоточенное на образе возлюбленной, выкристаллизовывает его, как ореол, все более и более "психически наполняет".¹ То, что мы называем магнетическим очарованием, в психологической терминологии именуется кристаллизацией, монодеизмом или со-дейтельным образом — *Zwangvorstellung*. В подлинной любви мысли одного становятся мыслями другого — это своего рода шизофрения. Не случайно говорят "обезуметь от любви",

---

¹ Stendal. *De l'amour*. Это основной термин Стендаля в отношении любви. Под кристаллизацией он понимает своеобразную лихорадку воображения, которая, изменяя его объект, делает его неузнаваемым, вещью-в-себе.

"безумно любить", "обезуметь от тебя" и так далее. Пин понимает, что такая ментальная концентрация происходит почти автоматически, не зависимо от личности и волеизъявления. "Всякий, будь он безвольным или энергичным, мудрым или невеждой, бедным или богатым, занятым или праздным, — вдруг обнаруживает себя буквально привязанным к некоей персоне, без какой бы то ни было возможности выхода из этой ситуации. Концентрация является феноменом, своего рода герметическим,¹ всеохватывающим, равномерным, неоспоримым, безрассудным и неизменным.² Это состояние — своего рода барометр для влюбленных. "Думаешь ли ты обо мне?", "Всегда ли ты будешь думать обо мне?", "Думал ли ты обо мне?" — их основные вопросы друг к другу. Они хотят, чтобы событие это не только длилось, но и усиливалось, являясь как бы полной мерой любви. Все любовные средства и уловки весьма обычны, и цель их именно эта. "Я всегда думаю о тебе" — то же самое, что и "я всегда чувствую тебя кровью". Итак, все начинается "встречей" или "магическим событием", а затем уже любовь уступает место стендалевской "кристаллизации". В своей "Liber de arte amandi" Андреас Капелланус уже определил любовь как некую агонию, которая обязана своим рождением "экстремальной медитации" на лицо противоположного пола.

Элифас Леви, который, в отличие от остальных, объявляет себя, с большим или меньшим основанием, специалистом по магическим наукам и каббале, говорит, что встреча магнетических полей двух лиц противоположного пола провоцирует полное опьянение "астральным светом", проявлениями которого и являются собственно любовь и страсть. Особенное опьянение, причина которого в конгестии "астральным светом", образует основу любовного очарования.³ Эти идеи словно выдернуты из традиций, о которых мы уже гово-

---

¹ Интересно отметить, до какой степени словоупотребление современных психологов не соответствует истинному смыслу слов.

² Pin. *Psicologia dell'amore*. cit., p.139, pp.121-124. "А когда я сумела отвлечься, Ваш образ постепенно рассеялся, и я уже больше Вас не любила" (Нудон де Лаклю, цит. по В. Dandennes. *Lettres d'Amour*. Paris, s.d., p.55).

³ *Journal de la magie de Maria Magu*

рили, и могут прояснить иной аспект феномена, рассматриваемого здесь. Помня, что терминология Элифаса Леви остается сивиллической для обыкновенного читателя, мы считаем нужным прибавить к этому кое-какие объяснения.

Конгестия "астральным светом" есть своего рода объективный "заместитель" того, что мы называли "экзальтация". "Астральный свет" — это синоним "Lux naturae" — особенно излюбленный термин Теофраста Парацельса. "Akâṣa" индуистской традиции, "chi" — китайской традиции, "aor" — каббализма и многие другие выражения эзотерических учений — имеют тот же смысл. Все это — гиперфизическая подоплека жизни и собственно природы, "витальный эфир", "жизнь жизни"... В "Орфических гимнах" читаем: "Эфир есть душа мира, исток любой жизненной силы". Что же до Lux naturae, то известно, что свет и жизнь нераздельно соединены во всех традициях: вспомним начальные строки Евангелия от Иоанна. Причем этот "свет" на определенной ступени может стать объектом переживания, только в измененном состоянии сознания, или же, если это "обычный" человек — во сне. И даже во сне воображение действует свободно, следовательно, всякое смещение сознания, в результате конгестии и опьянения "астральным светом", допускает форму воображения, в своем роде магическую.

К этому "обратному" плану бытия, как это ни необычно для современного естествознания, можно свести все указанное нами раньше. Реальность "магнетизма сознания" у влюбленных отрицать невозможно. Вспомним английское "to fancy one another". Даже определение, данное Шамфором: "Любовь — это контакт двух эпидерм и обмен фантазиями" — невольно задевает что-то очень важное. Если физический контакт есть просто проявление силы чистой полярности, то действие двух фантазий приносит именно "экзальтацию" и ту или иную степень изменения сознания. Как мы увидим позже, именно на этом основана оперативная половая магия. У обычных влюбленных, конечно, все это не выходит за рамки сентиментального романтизма, все это вяло и дрябло — но все равно значительно. А. Кьюссон

определенно не отдавал себе отчета в том, что он коснулся, говоря, что влюбленные живут между сном, грезами и смертью. Выражения: "мечтать о тебе", "грезить тобой", "ты мне снишься" общеизвестны. Мечтания и грезы — обычное состояние влюбленных. Стереотипные повторения подобных выражений журналами для дам полусвета бесчисленны. Объективное их содержание — смутное, темное предчувствие изменения сознания, "экзальтации"; оно связано с различными степенями *эроса*. Как и выражения: "флюиды", "чары", "очарование", они свидетельствуют лишь о степенях и уровнях отношений мужчин и женщин. Если бы любовь имела только биологическую, прокреационную природу, то все они были бы бессмысленными.

10. Уровни "сексуализации"

Дальневосточная традиция объясняет *эрос* взаимодействием *yang* и *yin* двух человеческих существ. Элифас Леви называет причиной любви соприкосновение магнетических аур — по сути это то же самое. Исходя из этих посылок, рассмотрим проблему "сексуального выбора".

Все ныне существующие концепции сущности мужчины и женщины состряпаны наспех и очень приблизительно. Так называемая "сексуализация" имеет различные уровни и совсем не в равной степени присуща мужчине или женщине. Биологи знают, что изначально эмбрион двупол. Уже Оршанский признавал, что половая железа, производная Вольфова тела (первичной почки), является гермафродитной. И лишь потом вступает в действие сила, образующая половую дифференциацию органической материи. Признаки и возможности одного пола развиваются, другого — отмирают или же остаются в латентном состоянии. Происходит то же самое, что и в онтогенезе: как процесс индивидуации человеческого бытия оставляет за собой в состоянии как бы чернового проекта возможности, которым соответствуют различные виды животных, так и процесс сек-

суализации оставляет за собой, так же в виде чернового проекта или рудиментов атрофированных органов у мужчин и женщин — первородные возможности противоположного пола.

В проявлении сексуализации различают первичные половые признаки, которые связывают с половыми железами и гениталиями; вторичные — чисто соматические и анатомические и третичные признаки, которые большинство сексологов относят к морально-психологической и поведенческой области. Все это, конечно, следствия. Основа же — пол как созидающая, дифференцирующая сила.

В биологии взгляды Дриша и других "виталистов" более не под запретом. Мы снова возвращаемся к аристотелевской концепции как эвристического, биологического принципа: она-то и есть внутренняя, все определяющая физико-биологическая сила, своего рода "жизнь жизни". Когда-то ее рассматривали как "душу" или "форму" тела, таким образом она имеет свойство гиперфизическое, нематериальное.

Представляется, тем не менее, очевидным, что в основе процесса сексуализации лежит дифференцирующая энтелехия, которая образует истинный корень пола. Первичные, вторичные или третичные половые признаки лишь производны и по сути своей чисто манифестационны.

Желая углубить тему половой дифференциации, Вейнингер задавал вопрос, не является ли в таком случае реанимированной теория, защищавшаяся некогда Стинструпом, который предполагал у индивидуумов обоего пола существование особой дифференцирующей плазмы, для которой тот же Вейнингер и предложил наименование арреноплазмы и телеиплазмы: она якобы присутствует в каждой клетке организма.¹ Только дальнейшие углубленные биологические исследования могут подтвердить или же опровергнуть эту гипотезу. Во всяком случае, как бы то ни было, ко всему этому примешивалась интуиция, в своем роде верная и точная. Неверна была основная посылка. Дело в том, что субстрат

---

¹ O. Weinger. *Geschlecht und Charakter*. Wien; 1918, с II, p. 14 sqq.

пола является сверхфизическим, обитающим в том, что вслед за древними мы называем "душой тела" или "тонким телом", чем-то промежуточным между материальным и нематериальным. Под разными именами оно фигурирует в традиционных учениях различных народов (например, *sūkshuma-çarīra* у индусов и "звездное тело" Теофраста Парацельса). Мы вновь возвращаемся к "флюиду", который окружает, проникает и определяет тело мужчины и женщины не только в его физических аспектах, но также и как проявление "дифференцирующей энтелехии". Если различие "плазмы" мужчины и женщины реально, то именно этой энтелехии обязано оно своим происхождением. Следовательно, когда Вейнингер говорит, что пол не определяется лишь одной частью тела мужчины и женщины, — он прав, при условии, конечно, непривязанности единственно к биологическому плану. В самом деле, уже признав "эротизм" всего человеческого тела, Вейнингер тем самым преступил границы биологии и оставил нас перед проблемой "парафизического".

Все это уже весьма близко к концепции "полового магнетизма", о которой мы говорили раньше; в дальневосточной терминологии это *yang* и *yin*, пронизывающие как внутреннее бытие, так и телесность мужчины и женщины, то есть флюиды стихийно созидающей энергии.

Одно из имен "тонкого тела" — "благоуханное", "ароматическое". Связь с обонянием известна сексологам. Они говорят, в частности, о роли пота в половой привлекательности у разных народов.¹ Обоняние играет также активную роль в магнетизме физической любви и во "флюидных интоксикациях" влюбленных. В древние времена считали, а у некоторых первобытных народов и по сей день считают, что флюиды одного существа проникают в другое, пропитывая и насыщая не только одежду, но и тело, что можно сопоставить с некоторыми чертами фетишизма. Отсюда и некоторые "странности" поведения как влюбленных, так и первобытных народов: у последних вдыхание запаха и натягивание на себя

---

¹ H.Ploss et M.Bartels. *Das Wieb in der Natur- und Völkerkunde.*

одежды другого служит средством сохранения верности друг другу в периоды разлуки. Это встречается, например, у филиппинцев. Это, конечно, не просто суеверие или "символика". Событие "психическое" всегда некоторым образом параллельно физическому. Иногда же эротическая интоксикация осуществляется посредством взгляда в большей степени, чем обоняния. "Он смотрел на нее и вдыхал ее, она смотрела на него и вдыхала его" (Моэм).¹ Нужно отметить, впрочем, что латинское слово "fascinum" по происхождению имело связь с миром обоняния. Всякий, кто обладает более или менее утонченной чувствительностью, может признать роль, которая в любовных отношениях отводится тому психическому вампиризму, одной из основ которого является запах. Однако чисто секреторные проявления всегда вторичны. Ведь всему чисто физическому у людей сопутствует некий психический, "субтильный" эквивалент. У животных же все это более акцентуировано: то, что в принципе у человека принадлежит к высшему плану, в животном мире подчинено биологическому инстинкту.

После этого отступления, не совсем бесполезного, вернемся все же к проблеме сексуализации. Мы уже говорили, что она имеет разные уровни: в каждом индивидууме одного пола присутствуют рудименты другого. Имеются существа, которые не являются чисто мужчинами или чисто женщинами, но находятся как бы на промежуточных уровнях. Следует пояснить, что в каждом человеке есть и мужское и женское, но в разных соотношениях. И, хотя жизненная сила, флюид существа данного пола как такового принадлежит, несмотря ни на что, все-таки именно этому данному полу, то только

---

¹ Часто в связи с этим упоминают французских королей Генриха III и Генриха IV, воспламенявшихся неистовой страстью к женщинам после малейшего прикосновения к их нижнему белью; в первом случае это вызвало трагическую гибель Мари де Клев. См. тж. Н. von Kraft-Ebing. *Psychopatia Sexualis*. tr. fr., Payot, Paris, p. 36-37. Когда этот автор на с. 37 утверждает, что обоняние никак не участвует в половом возбуждении "у нормальных людей", становится ясным, что под "нормальным" он понимает просто людей с притупленным воображением. Плосс и Бартельс (*Op. cit.*, I, p. 467 sqq.) справедливо пишут, что запах тела (точнее "всего существа") способен "отравить и поработить" существо противоположного пола.

по причине доминирования yang или yin, если пользоваться китайской терминологией. Особенной заслугой Вейнингера является определение методологии: необходимо выделить "абсолютного мужчину" и "абсолютную женщину" как вещи-в-себе, как "платоновскую идею", архетип, и лишь затем уже говорить об "уровнях сексуализации" тех, кого очень условно называют мужчинами и женщинами.¹ Так, например, существует некий абстрактный треугольник как чистая геометрическая сущность, а уже ей соответствуют многочисленные треугольные формы реальности. Оговорка, которую должно сделать здесь и к которой мы впоследствии вернемся, — это то, что в отличие от случая геометрического, абсолютный мужчина и абсолютная женщина не должны пониматься единственно под эвристическим титром, как некие абстрактные меры маскулинности и феминности у мужчин и женщин, но и в терминах экзистенциально-онтологических, и метафизических, как изначальные, мощные реальные силы, которые, однако, неделимо и неодолимо присутствуют и действуют в людях, даже если их наличие у конкретных мужчин и женщин проявляется не так явно.

Во всех случаях, кроме определенных (и в определенных же переживаниях — очень важно добавить это) любой ординарный мужчина и любая ординарная женщина просто содержат в себе различную дозировку мужского качества и чисто женского. Отсюда — как бы первый закон сексуального притяжения. Он известен уже Платону, использующему категорию комплиментарности, выраженную через $\xi\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\nu$,² что означает некий предмет, разделенный на две части. Такие предметы исстари использовались как опознавательные знаки. При предъявлении $\xi\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\nu$ складывался и составлял единое целое. "Так и каждое существо, — говорит Платон, — носит в себе отличительный знак и ищет инстинктивно и безостановочно "половинку, ему соответствующую, того, кто носит те же отличительные знаки", иными словами, ту комплиментарность, которая и за-

---

¹ Weininger. *Geschlecht und Character*. cit., I. c. I (p.7-13).

² Платон. *Пир*. 191 d.

вершает единое.¹ То же самое утверждает и Шопенгауэр,² который говорит, что условием для сильной страсти является взаимная нейтрализация двух лиц, как это происходит с кислотой в соединении со щелочью, в результате чего образуется соль; следовательно, поскольку существуют различные уровни сексуализации, постольку и ситуация эта реализуется тогда, когда данный уровень вирильности находит свое недостающее в соответствующем уровне фемининности. Вейнингер³ предложил формулу первоосновы полового притяжения. Разделяя, в сущности, идею "абсолютного мужчины" и "абсолютной женщины", он утверждает, что во всякой женщине есть нечто от мужчины, как и во всяком мужчине есть нечто от женщины. При этом максимальное притяжение пробуждается между теми из них, мужское и женское начало которых при соединении составляют, как целое, "абсолютного мужчину" и "абсолютную женщину". Например, мужчина, который на "три четверти мужчина" (yang) и "на четверть женщина" (yin), находит женщину, которая так же только "на три четверти женщина" (yin) и "на четверть мужчина" (yang). Это его естественное половое дополнение, к которому он чувствует неотразимое притяжение и в соприкосновении с которым развивается максимальная интенсивность магнетизма, поистине потому, что восстанавливается в своей цельности "абсолютный мужчина" и "абсолютная женщина".⁴ Это и есть изначальная полярность полов, бросающая первую искру эроса. Но мы знаем, что ищущие "свою половину" готовы влюбляться в кого угодно и заниматься любовью с кем угодно. До определенного момента, если, конечно, "встреча" произошла. А это означает, что женщина любит единственного мужчину, а мужчина — единственную женщину. Формула же Вей-

---

¹ *Ibid.*

² *Metaphysik der Geschlechtsliebe. cit., p.102.*

³ *Op.cit., c.III, p.31-52.*

⁴ Аналогичная идея присутствует в древних астрологических теориях о том, что взаимное влечение зависит от гороскопов мужчины и женщины, в которых солнце и луна меняются местами, то есть когда солнечный знак одного соответствует лунному другого. Нетрудно понять, что солнце есть yang, а луна — yin.

нингера фиксирует только одно из существеннейших условий сексуального выбора, выбора, при котором втягиваются в действие наиболее глубокие пласты бытия.

11. Пол физический и пол внутренний

Есть общий, единый для всего и всех принцип. Повсюду, где человеческое не выходит за пределы именно человеческого, пол есть "судьба". Существуют *только* мужчины и *только* женщины. Это — вопреки тем, кто считает, что человек рождается мужчиной или женщиной случайно, что все это вообще "чистая биология", а потому, дескать, не имеет смысла допускать "фактор пола" в те области жизни, которые находятся за пределами простого натурализма. Такая точка зрения — абстрактна и неорганична; в действительности она может быть приложима только к человечеству, состоящему из биологических дегенератов. Да и пол-то здесь понимается лишь в его поверхностных, осязаемых, грубых аспектах. Но истина такова, что пол, существующий в теле, — существует также и с самого начала в душе, а в некоторой мере и в духе. Человек является мужчиной или женщиной прежде всего внутри себя, до и прежде себя внешнего; мужское и женское первоначально растворено во всем бытии, видимо и невидимо, подобно краске, растворенной в жидкости. Но если все же существуют промежуточные уровни сексуализации, а они, как мы уже видели, существуют, то это говорит только о большей или меньшей проявленности качественной основы у разных людей. И тогда те или иные проявления пола оказываются "снятой условностью". Всякий раз, когда секс является "превышением" чисто человеческого, за "обратную сторону пола" принимают "социально-интеллектуальные" отношения, свойственные дегенеративной цивилизации и не имеющие никакого отношения к глубинам бытия. Человеческая жизнь разделена как бы на две половины. Одна является имманентно присущей себе самой. Другая — внешней, искусственной, приобретенной, социальной. Она и со-

ставляет "персону" индивида, что, как известно, означает ларву, маску актера в противоположность "лицу", которое, напротив, присуще человеку изначально. В зависимости от индивидов, но также и от типа цивилизации, та или иная сторона может быть более развитой. Дегенеративный порог соответствует почти исключительно, тератологическому развитию внешней части, искусственно сооруженной, той "маске" индивида "социального", "интеллектуального", "спиритуализированного", которая образуется почти как бытие в себе и не сохраняет никаких органических связей с глубинным и существенным бытием. Именно в таких случаях сексуальная "встреча" может рассматриваться как желательная или несущественная. Именно тогда анестезия или примитивность половой жизни становится ее привычным "заместителем" и следствием. И вот уже неважно — мужчина ты или женщина. Но тогда и определение призваний, формирование себя, управление жизнью, выбор рода занятий — все это определяется не глубинным фактором, но фактором чисто социальным, сугубо вторичным во всякой нормальной цивилизации. Цивилизация же современная, социально-интеллектуальная и чисто практическая, вообще не имеет никакой связи с внутренней, существенной стороной человеческого бытия, то есть является неограниченной в принципе; ее ценности глубоко упадочны и ориентированы только на упадок. В этой мутной атмосфере женщина легко проникает в любую область, соперничая с мужчиной. Следует понять, что именно активность, устремленность к самовыражению и самореализации, прогрессизм и все подобное как раз и закрывает современную цивилизацию от глубинных пластов бытия, где категория пола существует сама по себе, вне и прежде ее физических, биологических и психических проявлений. Основное заблуждение феминизма как раз и состоит в предпочтении "аксессуаров" физической, да и "духовной" жизни бытию, жизни как таковой. Но именно эти внешние проявления внешне-ориентированного псевдобытия

обезобразивают, "нейтрализуют", "развоплощают" в равной степени как мужчину, так и женщину.¹

И все-таки — каково истинное положение женщины в сравнении с мужчиной — равна ли она ему, выше или же ниже его? Следует осознать: такая постановка вопроса вообще не имеет смысла, ибо предполагает некую соизмеримость. Отбросив все внешне-приобретенное и наносное, а также и превышающее воплощения "платоновской идеи" пола как такового, следует признать, что между мужчиной и женщиной существует различие, которое исключает все обычные мерки: даже способности и качества, по всей видимости, простые и "нейтральные" у мужчин и женщин, по-видимому, имеют разную природу. Вопрос "выше ли женщина мужчины или ниже по сути, по положению?" бессмыслен, как и вопрос, подобный такому: "Что лучше — вода или огонь?" Вот почему для каждого из полов критерием меры не может служить пол противоположный, но только сама по себе "идея" его пола, собственного. Иными словами, о женщине можно судить лишь по степени ее приближения или удаления от "абсолютной женщины", и то же самое можно сказать о мужчине. "Притязания" современной женщины — производное от ошибочных амбиций и комплекса неполноценности, то есть ложной идеи, что женщина как таковая и "только женщина" является низшим существом по сравнению с мужчиной. Феминистки борются не за "права женщины", но, и, в общем не отдавая себе отчета в этом, за право женщины стать равной мужчине: если это вообще возможно, то приведет лишь к уравниванию женщины в общем праве на вырождение.² Единственным квалифицированным критерием для всех, мы повторяем это, является ступень, более или менее приближенная к полной реализации природы, заложенной в *каждом* существе. Нет сомнений в том, что совершенная женщина выше несовершенного мужчины, так же, как, скажем, крестьянин, верный сво-

---

¹ Вот слова о современных женщинах-"субпродуктах": "...эти бесполые дамы из роскошных городских кварталов, с интеллектуальными и спиритуальными запросами, клиентура врачей, психоаналитиков и писателей с фантазией" (Л. о'Флаэрти).

² Об этом см. Evola. *Rivolto contro il mondo moderno*. cit., I, p.224, sqq.

ей земле и умеющий ее возделывать, будет несомненно выше короля, не справляющегося с государством.

В круте идей, с которыми мы имеем дело, важно утверждение, что мужское и женское в человеке — это прежде всего внутренние качества; более того, пол внутренний может не соответствовать полу физическому. Хорошо известно, например, что можно быть мужчиной, так сказать, телесно, и не являться таковым душевно, и то же самое касается женщины: *anima mulieris in corpore inclusa virili*.¹ Такие случаи асимметрии обязаны своим существованием самым различным факторам; то же самое встречается в расовой области — некто, имеющий соматические признаки одной расы, обладает психическими и духовными признаками другой. Это, однако, не умаляет ни основу флюида сексуализации, ни целостности ее процесса. Подобные явления можно объяснить не-центрированностью пола теми или иными половыми признаками и соответственно возможной асимметрией личности в целом. Тем не менее, типологически этот процесс — всегда событие внутреннее, определяющее именно внутренний пол: видимая сексуализация, единственно в физических формах, развитых до какой угодно степени, определенным образом является укороченной и бессодержательной. Всему этому следует придать большую рельефность, потому что необходимо принять в расчет закон сексуального притяжения, о котором мы говорили ранее. "Количества" мужского и женского взаимно дополняют друг друга благодаря именно этому закону (§10), о котором идет речь, и должны пониматься в полном, совершенном смысле.

В самом деле, духовной вирильностью является та, которая, даже если она и смутна, неопределенна, возбуждает и пробуждает абсолютную женщину: в предельном случае, особенно когда эта вирильность является большим, чем просто вирильность, например, у воина или властителя, здесь наблюдается присутствие сверхъестественного. Мы поговорим в дальнейшем, с позиции метафизической, а не только экзистенциальной, об этом

---

¹ Каждая женщина заключает в себе мужчину (лат.).

последнем случае. Пример, наводящий на определенные размышления, — "Саломея" Оскара Уайльда. Саломея не замечает центуриона, который обезумел от любви к ней, предлагает ей все и в конце концов кончает с собой. Она очарована Иокананом — пророком, аскетом. Она, девственница, говорит ему: "Я была целомудренной, а вот ты меня заразил; я была чистой, а ты наполнил мне вены огнем... Что делать мне без тебя? Ни реки, ни озера не смогут потушить огонь моей страсти".¹

Действительно, прежде мы говорили лишь о степенях сексуализации, физической и духовной, теперь необходимо привлечь к участию еще одну, более высокую ступень: ступень различной взаимообусловленности между полом внутренним и полом телесным. Конечно же, только в случае, когда говорится об индивидах примитивных, иными словами, деградировавших по сравнению с общим типом, взаимообусловленность эта является ригидной. Если же, напротив, внутренний пол отличен от внешнего, то он может утвердиться только определенной независимостью от физических условий. Следовательно, все эти гормональные манипуляции (каковым поклоняются современные биологи, основываясь на идее, что пол не зависит ни от чего, кроме как от определенной "гормональной" формулы) могут порождать важные изменения истинных характеристик пола, только и единственно у животных и у существ человеческих, мало между собою различающихся; но не у мужчин и женщин полных, совершенных, "типических". Относительность обусловленностей "ниже пояса", так сказать, подтверждается даже в некоторых случаях кастрации: физическое искажение, как мы уже говорили, не только *не может* разрушить сексуальный импульс, но оно же также *не может* изменить и внутреннюю ви-

---

¹ Драма О. Уайльда все-таки чересчур эстетизирована. Гораздо глубже одноименная опера Рихарда Штрауса, в которой присутствуют эвокативные, космические мотивы, господствует стихия Луны и Ночи. Кроме того, в этой опере Саломея исполняет "танец семи покрывал", к которому мы еще вернемся. Во время праздника Mahāvratā совершалось ритуальное совокупление блудницы (pumçali) и аскета (brahmācārīn) в заранее избранном и освященном месте (см. M. Eliade. *Yoga: immortalité et liberté*. Payot. Paris, 1954, p.115, 257-258.) Это как бы соединение двух крайних полюсов мужского и женского.

рильность. Примерами могут служить: Нарсет, один из самых лучших полководцев поздней античности, Аристоник, министры Фотин и Евстроп, Соломон, который был одним из военачальников Велизария, Хали — великий везир Сулеймана II, философ Фаворино и Абельяр, и так далее, вплоть до хорошо известного полковника Лоуренса, организатора восстания арабов во время Первой мировой войны.

12. Условия существования и формы эротической притягательности

Для полного и совершенного определения факторов сексуального выбора необходимо детально рассмотреть структуру человека, имея в виду традиционные учения в большей степени, чем современные.

Ранее мы уже различали два главных уровня человеческого бытия (сущность, лицо, маска, "персона"); теперь мы должны разделить первую из этих областей, к которой принадлежат наиболее глубинные проявления. В результате у нас получаются уже три уровня. Первый — внешний уровень индивида произвольный, текучей формы, что верно как раз по причине его неорганического характера. Второй уровень принадлежит уже к глубинному измерению бытия и является тем, что в философии называется "*principium individuationis*". На этом уровне действуют силы, посредством которых бытие является тем, что оно есть, психически или физически, а также приобретает специфические отличия, присущие представителю того или иного рода; этот уровень предполагает также наличие "собственного естества" или естества врожденного, присущего собственно бытию. В индуизме подобные созидающие силы называются *samaskâra* или *vâsanâ*; они вовсе не сводятся лишь к наследственным или родовым факторам — их источник может вообще находиться и за пределами частной

жизни человека.¹ Все то, что в человеке есть характерного и естественного, то, что мы называли его "лицом" в противоположность его "маске", "лярве" — в области психической тесно связано с этим планом. Напротив, свойственное первому из трех уровней, самому внешнему, а также соотносимое со вторым — все это устойчиво и постоянно. Такие выводы сделаны Кантом и Шопенгауэром, которые говорили о "трансцендентальном характере" всякого индивида как о "ноуменическом", иными словами, имеющем отношение к области, лежащей по ту сторону пространственно-временных феноменов.

Третий уровень, наиболее глубокий, касается сил "элементарных", глубинных, стихийных, которые, однако, и образуют собственно стержень личности. Именно там — первичный корень пола, перворожденная сила *эроса*. В себе самом план этот предшествует и форме, и детерминации. Им как бы покровительствует всякий процесс, постепенно, по мере того, как энергия блокирует оба других плана бытия, пока процесс этот не станет их частью.

И это ключ к пониманию всех сторон полового влечения. В глубине своей оно всегда выходит за грани индивидуума; и эротическое переживание в пределе, когда оно томит и ранит, принадлежит именно этому плану. Именно здесь проясняется смысл уже сказанного: все женщины любят одного и того же мужчину, а мужчины — одну и ту же женщину. Здесь господствует принцип индифферентности или заменяемости. В силу аналогичных соответствий, которые существуют между границей высшего и низшего, этот принцип господствует над слепым животным влечением, присущим наиболее brutальным формам *эроса*, или же над его возвышенно-безичными, например, дионисийскими проявлениями. Некоторые считают вульгарной и животной формой любви, когда любят одну-единственную женщину. Это не всегда так. Может существовать и прямо проти-

---

¹ O samsakâra и vâsana см. Evola. *Lo Yoga della Potenza*. Milano, 1949, p.102-105; Eliade. *Yoga*, cit., pp.62,91,103, 54; sqq., 60.

воположное.¹ Да, переживая половые объятия, человек почти теряет свою индивидуальность: расстаться с ней можно двумя противоположными способами, соответствующими двум путям развоплощения. "Пол, занимающий место индивида" в такие моменты — выдумка. Наконец, когда говорят, что любовь "рождается с первого взгляда", и особенно, если речь идет об "ударе грома" в любви, — это как раз относится к случаям, в которых сила наиболее глубинного слоя действует направленно, беспрепятственно, как бы наверняка.

Первый закон, которому на глубинном уровне подчиняются отношения полов, котором уже было сказано, — закон восстановления и дополнения абсолютно мужского и абсолютно женского в соединении конкретных мужчины и женщины. На границе третьего и второго уровней, между глубинным и промежуточным, факторы, присущие собственному естеству данного бытия, вступают в действие почти одновременно. Здесь все, составляющее суть женщины, все, превышающее ее существование, а это-то и есть та "дополнительность", о которой мы уже говорили. Она и оказывается источником собственно эротического. Сюда входят и особенности расы, и другие свойства, телесные и душевные — все это вместе и формирует иллюзию незаменимости данной особы.² Так рождается вера в "единственную любовь", так за особенную какую-то личность принимают обычную женщину (или мужчину, дабы не обидеть женщин). В том случае, когда вся элементарная сила, свойственная наиболее глубокому пласту и первичному процессу, направляется и закрепляется на этом промежуточном уровне, который является планом инди-

---

¹ Некоторые коллективные сексуально-магические ритуалы называются *colî-mârga*, что означает "бюстгальтер молодой девушки". Множество этих предметов туалета свалено в кучу, из которой мужчины вытаскивают по одному; кто чей вытащит, тот с той женщиной и совершает ритуальное соитие (см. Eliade. *Op.cit.*, p.402). Вспомним также известные в истории Вакханалии и Сатурналии, связанные с сезонным промискуитетом.

² Здесь можно провести некоторую аналогию с фрейдистским делением на "первичный психический процесс", когда *libido* находится в "свободно плавающем" состоянии и "вторичный психический процесс", при котором оно строго "закреплено" и "локализовано".

видуации и "трансцендентного характера", она и проявит себя "фатальной страстью". Такая страсть, оставаясь в сфере чисто человеческой и профанической, почти никогда не бывает счастливой, ибо здесь чрезвычайно активны сила и "бремя", превосходящие индивида; отсюда и ситуации, подобные вагнеровской интерпретации "Тристана и Изольды".

В общем, промежуточно-иллюзорна всякая "идеализация" любимой женщины: кажется, что ее любят за то или иное ее качество, тогда как на самом деле любят и берут ее *естество*, наготу. Напротив, когда глубинная сила *эроса* не направляется прямо к промежуточному плану и не фиксируется на нем совершенно (что как раз и случается в подавляющем большинстве случаев), остается некоторый простор для неопределенности: вместо "единственной и неповторимой" появится любовь к женщине "определенного типа", образующая условие для притяжения, тоже достаточно интенсивного. Но эта воистину великая независимость движения и перемещения *эроса* может также иметь и другую причину — личностная незавершенность любящего. Если внутреннее "Я" человека не оформлено, то и объект его желаний будет размыто-замещаемым. Но тогда умножение любовных переживаний может способствовать снятию неподвижности, устойчивости, закреплённости, присущей первому периоду эротической жизни. Еще Бальзак заметил, что в первой любимой женщине любят все, как если бы она была "уникальной", единственной; гораздо позднее видят женщину во всякой встречной.

В этом последнем случае выбор "полового дополнения" уже совсем случаен. Здесь нет никакой органики, никаких "корней в бытии". На этом уровне с одной стороны находится тип "бабника", оценивающего женщину лишь с точки зрения возможного удовольствия. С другой — люди, для которых важны факторы моды, морали, тщеславия, классово-социальный фактор и так далее. Такова обычно "нормальная", "цивилизованная", "буржуазная" любовь. Но порой *эрос* требует своего, и тогда он катастрофически ломает все вокруг и, возвращая себе ему принадлежащее, разрушает все социальные связи и условия, созданные для себя внешним чело-

веком. Простые сходства, определенные природой и *sâ-maskâga*, в случае подобной "встречи" могут взорвать все, принадлежащее *homo socialis*. Именно об этом Шамфор говорил как о "божественном праве любви": "Они (любовники) располагают собой по божественному праву, вопреки человеческим законам и соглашениям".¹ До сих пор таких случаев множество: они-то обычно и дают материал для литературно-театральных сюжетов. Это означает, что даже в современной цивилизации существует, пусть на иллюзорном уровне, но все еще сохраняющееся стремление как-то осмыслить отношения между мужчиной и женщиной.² Но любовь всегда катастрофична: "бабники", например, часто становятся жертвами собственной игры и влюбляются в женщину, каковой пытались играть, находя свой конец в незаменимости объекта своего *эроса*. Они же порой впадают в совершенно маниакальные состояния: играя с огнем, они пробуждают в женщине силы очень глубоких планов, даже на грани *sâmaskâga* и индивидуации.

Само собой разумеется, что эти случайные, но возможные "выходы на поверхность" глубинных планов бытия, таких, как, например, любовь к "единственной и неповторимой", разрушают привычный быт "человека общественного". Но в области профанической подобные случаи крайне редки, а там, где они засвидетельствованы, почти никогда не удается распознать их истинную природу.

Другой случай, внутренне родственной — сочетание страсти и непреодолимого влечения с взаимным презрением и даже ненавистью между влюбленными. И здесь тоже проявляет себя энергия очень глубокого плана, взрывающая все промежуточное. В подобных случаях также никто совершенно естественно не считается ни с

---

¹ См. *Shopenhauer. Op.cit*, p.110.

² Еще одна черта современной "моногамной" цивилизации — массовые разводы и повторные браки, что есть признак крайней поверхностности уровня бытия. Прежние, органические и традиционные цивилизации, имевшие глубокие корни, или строго хранили семейные союзы, или (что также обеспечивало стабильность и устойчивость) были полигамны. О предпосылках как моногамии, так и полигамии мы будем говорить в дальнейшем.

какой моралью и ни с какими социальными условиями. Можно, наконец, указать и на действие искусственных способов пробуждения *эроса*, хотя обычно они не затрагивают действительно глубоких уровней. Таково, например, действие алкоголя и некоторых одурманивающих средств; и уже сейчас необходимо заметить, что в *sacrum* пола (дионисизм, тантризм) вещества подобного рода часто играют определенную вспомогательную роль. Здесь же различные приворотные зелья и любовные напитки, природа которых нашим современникам, однако, неведома; а ведь именно отсюда начинается путь к некоторым формам демонизма, в основе своей эротического, а отчасти и к половой магии в собственном смысле слова.

В нашем предмете нет нужды смешивать обуславливающее и определяющее. Чтобы машина производила какие-то действия и имела к тому же высокую производительность, необходимо, чтобы она была составлена из определенных частей и части эти были надлежащим образом прилажены. Но если ей не хватает энергии, машина, даже самая совершенная, останется неподвижной. Это касается и всех условий, правда, наименее глубоких, человеческого бытия. Исключением не является половое влечение — необходимо, чтобы, исключая помехи, первичная сила *эроса* пробудилась, вследствие подачи "напряжения" или как-то иначе, и установила магическое или магнетическое состояние, которое, как мы уже говорили, является основой всякой серьезной половой любви.

У индивида ординарного и, особенно, у цивилизованных особей Запада, эротическое переживание стоит в ряду прочих, отмеченных прежде всего пассивным характером, переживаний, как если бы соответствующие процессы начинались и разворачивались спонтанно, без всякого вмешательства воли человека. А ведь без нее никак невозможно получить сведения о сосредоточении этих процессов на любом из трех обозначенных уровней. Эту ситуацию рассматривают как естественную и нормальную, до такой степени, когда терпит крах насилие, налицо беспомощность в чувстве или в чем-то другом, начинают сомневаться в самой искренности ощу-

щений и желаний. Собственно слово "страсть" или "passione" на языках романской группы имеет определенный пассивно-страдательный оттенок. Можно сказать то же самое о немецком слове "Leidenschaft", производном от "Leiden", которое означает: "подвергаться", "терпеть", "страдать".

В зависимости от различия людей и их характеров этот феномен более или менее ярко выражен. Более того, можно делать выводы относительно дифференциальной психологии, основываясь на различных социально-правовых институтах. Например, полигамия имеет первым естественным условием своего существования господство мужского типа, в котором "Я" наиболее независимо и свободно от *эроса* и менее на нем фиксировано. Для таких мужчин эротическое переживание само по себе важнее отношения к женщине как к личности — по арабскому высказыванию: "Виноградника за виноградкой — и вся гроздь". А поскольку никак не доказано, что это обязательно связано с распутством, то, вопреки всем конформистским взглядам, можно спокойно признать, что переход от полигамии (или брака, допускавшего наложниц) к моногамии вовсе не был переходом к более высокой степени вирильности. Скорее как раз наоборот — такой переход знаменовал собою всеобъемлющее порабощение мужчины женщиной и эротической стихией вообще. А это вовсе не признак высокоразвитой цивилизации.

Что касается элементов эротической и эротико-экзистенциальной техники, то ничто не ново — все это было и есть как в древнем мире, так и у первобытных народов. Именно у последних матримониальные обряды носят чисто колдовской характер. Это колдовство, чары пробуждают половое влечение непреодолимой, неотразимой мощи;¹ это и есть пробуждение стихийной силы *эроса*, которое, однако, всегда чревато демонизмом и одержимостью в прямом смысле этого слова.

---

¹ E.Crawly. *Mystic Rose*. London, 1902, p.318

Перед тем, как двигаться дальше, бросим взгляд на пройденный путь. Мы оттолкнули от себя всякую "биологически-финалистскую" интерпретацию эротического события и фрейдистские толкования "принципа удовольствия"; нас не может устроить и чисто прокреационная теория эротического влечения. "Магнетическая" теория показалась нам более соответствующей реальности; мы попытались углубить ее и сопрячь с традиционными учениями. Эти последние утверждают, что "флюидное" состояние вызывается "катализом" у влюбленных yin и yang, определяющих половую полярность и сексуализацию в общем виде. Любовная "встреча" вызывает смещение планов сознания, и это становится, в свою очередь, причиной магического пробуждения воображения более или менее интенсивного. Древнее учение о видимой перемене, которая образуется в крови при состоянии охваченности, одержимости *эросом*, также высоко оценено нами. Наконец, мы рассмотрели условия, связанные с экзистенциальным комплиментаризмом влюбленных, в рамках доктрины разнообразных, сложных пластов или слоев личности. При этом за основу всего процесса мы приняли отношения между категориями чисто мужского и чисто женского. При этом очевидно, что чем более отчетливыми являются различия полов, иными словами, сексуализация, тем интенсивнее весь исследуемый процесс.

Добравшись до всего этого, мы вдруг начинаем понимать, что не добрались, по сути, ни до чего, а все наши рассуждения есть "ходьба на месте". Но можем ли мы признать, что ничто не может объяснить хоть как-то эротическое событие кроме его самого, в нем самом и изнутри себя? Неизбежно, во всяком случае, мы оказываемся лицом к лицу с фундаментальной проблемой: *почему, по какой причине мужчина и женщина чувствуют притяжение друг к другу?* Добившись признания эроса как события элементарного, стихийно неделимого, необходимо начать поиски *смысла* этого события, факта. Но это равноценно тому, чтобы спросить себя: какой же смысл имеет пол как таковой?

Все это выносит в центр нашего внимания метафизику пола в собственном смысле. Как раз о ней мы и поговорим, но, впрочем, в следующей главе.

II. МЕТАФИЗИКА ПОЛА

13. Миф об андрогине

В мифе традиционный мир выражал предельные, последние знания и значения бытия. Миф — это ключ. Еще недавно к нему пытались подыскать естественно-исторические, биологические или психологические объяснения. Нам же, напротив, миф послужит и поможет понять особенное отношение, связывающее наши пестрые знания с глубинными смыслами.

Через мифы мы постигаем метафизическую глубину пола. Возьмем один, который на Западе считается ближайшим к нам по времени, предупредив, однако, что мифы, принадлежащие к другим циклам, в целом идентичны. Выберем платоновский "Пир". Среди его участников двое как бы представляют нам две мифологические теории любви. Это Аристофан и Диотима. Мы увидим, что определенным образом две эти теории дополняют друг друга, высвечивая антиномии *эроса*.

Первая теория касается мифа об андрогине. Как и почти все мифы, вставленные Платоном в свои философские сочинения, миф об андрогине, надо полагать, ведет свое происхождение от обрядов инициации, соотносящихся с Мистериями. В самом деле, эта же тема тайно циркулирует в литературе достаточно варьированной, начиная с древности, в сочинениях мистериософских и гностических, вплоть до авторов Средневековья и даже первых столетий нового времени. Встречаются также соответствующие темы и вне нашего континента.

По Платону¹ существовала некогда исконная, первоначальная раса, "сущность которой ныне угасла", раса существ, заключавших в себе два принципа, — мужской и женский — так называемые андрогины. "Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов". Этой расе также приписывают предание, донесенное Гомером, о братьях Оте и Эфиальте: "Это они пытались совершить восхождение

---

¹ Платон. *Пир*. XIV, XV в т.ч. 189 с-190 с.

на небо, чтобы напасть на богов". Это та же тема, что и тема титанов и гигантов; это и прометеевская тема, и она же встречается и в других мифах — в некоторой степени также и в библейском мифе о Рае и Адаме, поскольку там фигурирует обещание "стать как боги" (Бытие, III, 5).

У Платона боги не поражают молниями и громом эти андрогинные существа, как до того поразили Гигантов, но лишают их могущества, разделив надвое. Отсюда мужской пол и женский; и лица разного пола, у которых жива еще память о предшествующем состоянии, вожделеют восстановления первоначального единства. По Платону, именно в этом импульсе, побуждении и нужно искать конечный смысл *эроса*, метафизический и вечный. "Вот с таких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу.¹ Помимо простого стремления к удовольствию, "ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них".² Как бы испытывая влюбленных, Платон заставляет Гефеста вопрошать их: "Чего же, люди, вы хотите один от другого?.. Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлучаться друг с другом ни днем, ни ночью? Если ваше желание именно таково, я готов сплавить вас и срастить воедино, и тогда из двух человек станет один, и, покуда вы живы, вы будете жить одной общей жизнью, а когда вы умрете, в Аиде будет один мертвец вместо двух, ибо умрете вы общей смертью. Подумайте только, этого ли вы жаждете и будете ли довольны, если достигнете этого?" И далее: "Случись так, мы уверены, — утверждает платоновский Аристофан, — что каждый не только не отказался бы от подобного предложения и не выразил никакого другого желания, но счел бы, что услышал именно то, о чем давно мечтал, одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо. Причина

---

¹ *Ibid.* 191 c-d, XIV-XV.

² *Ibid.* 192.

этому та, что такова была изначальная наша природа и мы составляли нечто целостное. Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней".¹ Смысл этого единства — это как бы переплетение двух частей, их взаимопроникновение.²

Конечно, здесь надо отделить все побочное, метафорическое и баснословное от главной концепции. Конечно же, речь не идет о первоначальных, исконных существах, о которых Платон рассказал на манер сказки, дав их описание вплоть до соматических подробностей, словно существа эти — представители какой-нибудь доисторической расы, и нам осталось только обнаружить их в виде останков или окаменелостей. Доктрину множества состояний бытия следует воспринимать не исторически, а духовно-онтологически. В этом смысле андрогинат есть абсолютное, не разделенное и не раздробленное дуализмом бытие, даже, возможно, бессмертное. Именно это несколькими страницами позже утверждает у Платона Диотима, затем об этом рассказано в "Федре", правда, в связи с учением о прекрасном и с тем, что потом стали называть "платонической любовью". Но в любом случае связь между *эросом* и бессмертием очевидна.

Как второй элемент, в платоновском мифе мы имеем один из вариантов общей традиционной темы "падения". Различие полов соответствует условиям разорванного, а, следовательно, конечного и смертного бытия; то есть уже не первородного "дуализма", при котором бытие имеет жизнь не в себе, но в "другом". Здесь параллель даже с библейским описанием падения Адама и, как следствия, — удаления его от Древа Жизни. В Библии также говорится об андрогинате первочеловека, сотворенного по образу и подобию Божьему ("Мужа и жену сотвори их". Бытие, I, 27). Имя Ева, символ метафизического дополнения человека — переводится как "жизнь", "живущая". Как мы это увидим, в каббалистической интерпретации отделение женщины-жизни от андрогина ставится в соотношение с падением и

---

¹ *Ibid.* 192 d-e.

² *Ibid.* 187 a.

кончается, тождественно этому падению, — удалением Адама от Древа Жизни. "И рече Бог: се Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое. И ныне да не когда прострет руку свою, и возьмет от древа жизни, и снесть, и жив будет вовек. И изгна его Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть" (Быт. III, 22).

В общем кругу платоновский миф находится в числе тех, которые намекают на переход от единства к двойственности, от бытия к его утрате. Его отличительное свойство и важность обнаруживаются, тем не менее, в приложении именно к дуальности полов, обозначая и определяя тем самым тайный смысл и конечную цель *эроса*. Особенно часто выражение уже известного нам следствия (то есть силы, действующей в мужчине и женщине, которая побуждает их к цели, кажущейся иллюзией, можно встретить в Упанишадах: "В основе стремления мужчины к женщине лежит не любовь, но *âtma* (принцип "всеобъемлющего света, полного бессмертия")".¹ В контексте такого подхода эротический импульс — это стремление преодолеть последствия падения, то есть экзистенциальную двойственность, и тем самым восстановить первообразное состояние. Это и есть тайна тяги мужчины к женщине и всевозможных ее вариантов, именуемых любовью, вплоть до случаев соединения существ, которых нельзя называть чистыми мужчинами и чистыми женщинами. Именно в этом ключ ко всей метафизике пола: "через диаду к единству". Наиболее фундаментальная форма половой любви — мгновенно взрывающая дуальность, экзистенциальную преграду между "Я" и "не-Я", между "Я" и "Ты". Плоть и пол здесь служат всего лишь инструментами к экстатическому достижению "единства".² Этимология, данная

---

¹ *Bhrahâranyaka-upanishad*. II, IV, 5.

² Надо иметь в виду, что вследствие широкого распространения гомосексуализма в Греции его времени Платон придавал метафизический смысл гомосексуальной любви, то есть отношениям между лесбиянками и педерастами (Пир. 191 с, 192 а; Федр. 251 с, 253 в, 265 с, 240 а и так далее. Говоря о любви, Платон вообще прежде всего имеет в виду любовь к юношам). Применительно к такой любви невозможно говорить о стремлении мужского или женского начала в примордиальном смысле к восстановлению единства. Мифологический

слову "amor" средневековыми "Адептами Любви" (Fideli d'Amore), хоть и не "научна", но от этого не менее значительна: "частица "a" означает "без"; "mor" (mors) — "смерть": соединяем оба — получаем "без смерти", то есть бессмертие.¹

В сущности, любя и желая, человек ищет собственный корень, почву, причастность к абсолютному бытию, ищет разрушения *στήρεσις* — "потерянности" и связанного с ней экзистенциального страха. Поняв это, мы поймем и любовь, даже профаническую, и даже простой "секс". И начнем постепенно нащупывать путь, ведущий в область мистического эротизма сакрализации пола и даже половой магии — всего того, что составляло важную часть древней традиции. И это потому, что перед нами уже раскрылась "элементарная", стихийная, не физическая, но метафизическая сущность эротического импульса. Проследуем по этому пути — его этапы станут последующими главами этой книги.

При этом не будем забывать о деталях и частностях. Как мы видели, платоновская доктрина об андрогине имеет вполне определенную "прометеевскую" окраску.

смысл такой любви — не андрогинат, а гомогения, "полнота мужского" (педерастия) или "полнота женского" (лесбиянство). Любящие ищут соединения со своей собственной субстанцией; сущностные основы полярности и дополнительности полов рушатся. (Ю.Э.)

От переводчика: В.В. Розанов пытался понять эти явления, исходя из вариативности уровней пола (см. "Люди лунного света"). Его выводы в целом сопоставимы с тем, что Ю. Эвола говорит о "поле физическом и поле внутреннем". Другой русский философ, Л.П.Карсавин, писал о "четных и нечетных духах" и их соответствии типам людей. При этом, будучи православным христианином, он настаивал на том, что люди "нечетного духа" призваны к строгой аскезе. А.Ф. Лосев полагал гомосексуализм имманентно присущим платонизму как таковому, вне зависимости от распространения или нераспространения этого явления в конкретных условия Эллады, считал платонизм анафематствованным Вселенской Церковью и несовместимым с "византийско-московским Православием". В то же время отношение Церкви к Платону (а, следовательно, и к его философии) никогда не было однозначным — его изображение мы находим среди изображений "внешних мудрецов" в Благовещенском соборе Московского Кремля. Существует предание о том, что кости Платона были крещены. По-видимому, "проблема Платона" относится к числу антиномически-неразрешимых. Сам же гомосексуальный акт ("содомский грех") Церковь официально относит к числу "грехов, вопиющих на небо".

¹ A. Ricolfi. *Studi sui Fedeli d'Amore*. Milano, 1933, v.I, p.63.

Если эти мифические существа по сущности своей были способны внушить страх богам и бороться с ними, то, значит, эротическая реинтеграция не только сама по себе мистична, но и несет с собою некое могущество, возможно, опасное. Мы вернемся к этому, когда предпримем исследование инициатических форм половой магии. Весь "пафос", однако, отсюда. В широком мифологическом обрамлении прометеизм теряет или отчасти теряет свои негативные свойства: одна и та же традиция оформила как мифы о Прометее и Гигантах, так и героические мифы о Геракле. А ведь последний достиг той же цели, которой добивались Титаны, — открытия подступов к Древу Жизни. Герой "наслаждается" яблоками бессмертия (по одной из версий путь к Древу Гераклу указывает именно Прометей), а на Олимпе он — обладатель Гебы, вечной молодости, и не как вероломный мошенник, но как равный Олимпийцам.

Итак, традиция намекает на латентный прометеизм всякого эроса. В богатом инициатическом содержании, но зашифрованном под рыцарские приключения цикле о святом Граале искушение, которое представляет женщина для избранного рыцаря, приводит иной раз и к Люциферу.¹ Это является преткновением для моралистических толкований. У Вольфрама фон Эшенбаха падение Амфортаса соотносимо с девизом "Amor" — девизом, который, как говорит поэт, не согласовывается с покорностью и смирением.² Это означает, что в любви некоторым образом присутствует противление чистому смирению, ὕβρις существ, "единых" по происхождению. К тому же, нужно заметить, у Вольфрама сказано, что "путь к Граалю открывается только с оружием в руках", иными словами, через насилие, что и приводит главного героя поэмы Парсифаля к своего рода богоборчеству.³ Следовательно, открыть себе путь к Граалю — более или менее равноценно открытию заново пути к Древу Жизни или бессмертию; всякое вялое и дряблое обрамление этой легенды, подобное опере Вагнера, не соот-

---

¹ Тексты содержатся в кн. J.Evola. *Il mistero del Graal*. p.92.

² Wolfram von Eshenbach. *Parzifal*. III, 70-71.

³ См. J.Evola. *Il mistero del Graal e la tradizione ghibellina dell'Impero*. Roma, 1957, p.87-88.

ветствует изначальным смыслам и потому не может быть принято во внимание. Наконец, нужно отметить, что в кругах, в которых практиковались половая магия и мистический эротизм, имелись адепты, которые открыто исповедовали доктрину "единства" и отрицали какую-либо онтологическую дистанцию между Творцом и творением. Их взгляды порой содержали откровенную аномию, то есть отрицание не только человеческих, но и божественных законов. Вот очень приблизительный перечень: от Сиддхи и Каулы индусов до тантристов "Пути левой руки"; в Европе — от "Братьев Свободного Духа" христианского Средневековья до саббатрианства Якова Франка, а в наши дни вплоть до Алистера Кроули.¹ Но все это следует выделить особо, "отшелушив" от вульгарного "прометейства" и в то же время подчеркнув конкретно эротический аспект, вовсе не касающийся обычной любви мужчины и женщины. В то же время будем помнить, что у самого Платона² "выздоровление", "восстановление" и "высшее блаженство" понимались как "высшее благо и добро", к которому может привести

---

¹ Один из персонажей С. де Гуайта (*Le Serpent de la genesis, Le Temple de Satan*. v.I, Paris, 1916, p.503), представленный автором в довольно зловещем виде, утверждает своеобразный мистический эротизм: "Поймите слова Эли — если вы дрожите, вы потеряны. Надо быть отважным; если вы не таковы, вы никогда не поймете ничего в любви. Любовь предприимчива, она все ниспровергает, грохочет, сияет. Поднимитесь над собой! Станьте великими в своих выдумках. Вгоните в ужас и небо, и ад... Да, служители Эли, озаренные, возрожденные, преображенные на вершине горы Кармильской, произносите вслед за Эли: "Нам — наказание! Нам — ад! Нам — сатана!" С другой стороны, неоплатоник-христианин Марсилио ле Фичино (*Sopra lo Amore*. XI, 19) утверждает почти то же самое, освобождает идею "свободы" от люциферианских смыслов: "Конечно, мы разделены и ущербны, но соединенные в Любви, мы становимся единым целым. Любя Бога в Его творении, мы и творение начинаем любить в Боге, и тогда мы искуплены. Ведь если мы любим Бога, то и сами любимы". И далее (II, б): "В любви и желании человек становится Богом..." Мы встречаем подобные мотивы и у современного, гораздо более профанического писателя (H. Barbusse. *L'enfer*): "Желание, полное неведомого, ночная кровь, желание, само сотканное из ночной тьмы... — и вопль победы! Любовники говорят друг другу "я люблю тебя", но их объятия — это борьба; они стонут и плачут, но восклицают: "Как мы счастливы!" Уничтоженные друг другом, они разлучаются и говорят "Навеки!" Кажется, в глубине их любви пылает огонь, похищенный с небес самим Прометеем".

² *Пир*. 193 с-а.

эрос. Все это сочеталось с неприятием безбожия и нечестивости. Но в определенном смысле такая установка отделяет от божественного начала, ведет к подчинению и раздробленности человека — это как бы обратная сторона платоновского "антипрометеизма". Такая грань отделяет Геракла от Прометея и соответственно от установки на сатанизм. К этим проблемам мы еще вернемся.

14. *Эрос* и различные состояния опьяненности

Рассмотрим теперь ту "теорию любви", которую Платон вложил в уста Диотиме. Но сначала послушаем, что говорит Платон о высшей форме *эроса* как состояния, иными словами, о влиянии его на подсознание. Персонафицированный *Эрос* уже в "Пире" назывался "могущественным гением", "пребывающим посередине между богами и смертными" и передающим, как и другие гении, соответственно приказания или молитвы.¹ В "Федре" пространно говорится о *μανία*. Слово это довольно трудно перевести, буквальный перевод "мания" наталкивает на что-то негативное и болезненное, так же неточна попытка перевести это слово как "фурор", предпринятая гуманистами Возрождения (*eroici furori* у Джордано Бруно). Но можно говорить о состоянии восторга, "божественного энтузиазма", экзальтации или светлой, ясной опьяненности: об этом мы уже говорили в связи с первичной природой эротического импульса. Платон строго различает две формы "мании" или "неистовства": "неистовство бывает двух видов: одно — следствие человеческих заболеваний: другое же — божественного отклонения от того, что обычно принято...² Так что не стоит его бояться, и пусть нас не тревожит и не запугивает никакая речь, утверждающая, будто следует предпочитать рассудительного друга тому, кто охва-

---

¹ *Ibid.*, 202 d-e.

² *Федр*, 265 а.

чен порывом. Пусть себе торжествуют победу те, кто докажет к тому же, что не на пользу влюбленному и возлюбленному ниспосылается богами любовь, — нам надлежит доказать, наоборот, что подобное неистовство боги даруют для величайшего счастья".¹

Самым важным для нас здесь является то, что *неистовство эроса* включено в совокупность признаков метафизического измерения. Платон различает четыре вида позитивного "неистовства", не относящегося к человеческой патологии. Он вменяет их четырем божествам: любовная *μανία* у него увязана с Афродитой и Эротом (эросом), профетическая — с Аполлоном, *μανία* инициаций — с Дионисом, а поэтическая — с музами.² Марсилио Фичино³ говорил, что это как раз "те образы фурора, на которые вдохновил нас Бог, возвышая человека над его человеческим, земным содержанием; и они же обращают человека в бога". Не будем здесь говорить о "поэтическом неистовстве", отметим только, что сейчас поэзия стала делом субъективно-профаническим, но когда-то поэт был пророком, а сама поэзия — *сартен*. Во всех остальных случаях даже сейчас *μανία* — это некая опьяненность, выводящая за пределы индивидуального переживания. У влюбленного, как и у посвященного, видение превышает ограниченность времени и самого субъекта.⁴ Но почему-то ни Платон, ни его комментаторы не упоминали о неминуемом развитии анагогической, то есть ведущей ввысь *μανία*, которое происходит уже обычно под знаком Марса. Это странно вдвойне, ибо в древности героическое часто было связано с инициатическим.⁵ Вспомним о священном безумии Коривантов и Куретов с их особой техникой, включавшей в себя танец.

---

¹ *Ibid.*, 245, b.

² *Ibid.*, 265, b.

³ *Sopra lo Amore* VII, 13, 14.

⁴ Об Эросе (Эроте) в целом Платон (Пир, 202 е, 203 а) говорит, как и о других гениях: "Благодаря им возникли всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству".

⁵ См. об этом Evola. *Rivolta contro il mondo moderno*. cit., I, §19.

В то же время совершенно очевидно, что Платон признавал существование некоего древа, ветвью которого является эрос пола. Одушевленная опьяненность первоматерии от имени бога или гения, подобно прививке высшей жизни, освобождает "пленницу". И тогда, подчиняясь исключительно метафизике андрогината, материя приобретает высшую возможность — *τελετή* — эквивалент мистерийных инициаций. Весьма знаменательно, что слово "οργία" ("оргия"), которое сегодня ассоциируется с половой распущенностью, возникло как обозначение состояния восторженной, воодушевленной экзальтации, которая в античных мистериях служила отправной, исходной точкой всякой инициации и имела эпитеты "священная", "сакральная". Но если эротическая *μανία*, родственная другим сверхчувственным переживаниям, о которых говорит Платон, локализуется, становится вожделением, а впоследствии лишь плотским, тогда она из "обуславливающей" становится "обусловленной", причем обусловленной биологически, исключительно телесным низом, деградирует и завершается синкопой чистого "удовольствия". Это и есть "похоть Венеры".

Но даже здесь есть разные степени падения: "удовольствие" может оставаться экстатическим, если "магнетический" аспект любви, при флюидном слиянии двух существ, достаточно интенсивен. Когда эта интенсивность слабеет, в частности в результате привычки, "удовольствие" оказывается уже просто связанным с известными зонами и прежде всего с гениталиями. В особенности это свойственно мужчинам. Наконец, оно просто отделяется от всякого глубокого переживания. Вообще, "похоть" это действительно *синкопа* или коллапс состояния *μανία*. Последняя в своей сверхчувственности воли к абсолютному бытию всегда противоположна уничтожению эроса, замыкающему его в круге физического поколения. Это и есть у Платона вторая "теория любви", представленная Диотимой.

Не будет лишним еще раз подчеркнуть разделение Платоном видов "неистовства" — в дальнейшем это поможет нам развить наши идеи подробнее. *Μανία*, властно вмешиваясь в жизнь человека, либо полностью

подчиняет себе его индивидуальный менталитет (в индийской терминологии — *manas*), либо вообще упраздняет его. Эта могущественная сила может быть онтологически высшей или низшей в отношении индивидуальности. В последнем случае неистовство становится животнo-регрессивным. На очень тонкой, едва различимой пограничной линии находится, в частности, половая магия.

Своего рода иллюстрацией к изложенному являются теории уже цитированного нами Людвига Клагеса, который отчетливо отделял стихийное неистовство эротического события от его психофизического аспекта. Все "не-физическое" и экстатическое, по Клагесу, существует отдельно. "Это не дух человека освобождается в экстазе, — утверждает Клагес, — но душа, и освобождает она не тело, но дух."¹ Хотя для этого автора дух и не совсем дух, а в сущности синоним "ментала", очевидно, что "душа", о которой он говорит, соответствует низшим пластам (почти бессознательным, соседствующим с биосом) человеческого бытия, в большей своей части характеризующимся господством женского, смутно-ночного, *yin*, а не принципом *yang* — мужским и светлым. Следовательно, экстаз, рассматриваемый Клагесом, можно, собственно, назвать теллурическим, может быть, даже демоническим.

Итак, существует разветвленная феноменология видов *манья* и *эроса*, важность которой невозможно преуменьшить. При этом надо понять, что ни негативно-демонический, ни божественный аспект *эроса* одинаково не имеют никакого отношения к брутальному импульсу, к чистой животности. Этнологи, так же, как и историки религии, как и современные психологи, — не знают почти ничего об этих важнейших тонких различиях.

---

¹ *Vom kosmogonischen Eros. cit., p.63.*

15. "Биологизация" и падение Эроса

В "Пире" Платона Диотима появляется, на первый взгляд, только для того, чтобы спорить с Аристофаном. Она утверждает, что смысл любви вовсе не в поиске своей половины и жажде единства. Нет, это обладание добром, "жажда блага и счастья".¹ Но, по существу, спор Диотимы с Аристофаном вызван своего рода разночтением. В эллинистической концепции "добро" — не моральная, а онтологическая категория, оно тождественно бытию, тому, что *есть*, то есть всему наиболее полному и совершенному. А ведь миф об андрогине, хотя и в сказочной форме, но как раз на это и намекает. Далее, Диотима утверждает, что пылкая заботливость и напряженность стремящегося к этой цели, приобретает специфический любовный облик. "Дело в том, Сократ, что все люди беременны, как телесно, так и духовно, и когда они достигают известного возраста, наша природа требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном."²

Ранее уже обозначенный смысл метафизики пола, с одной стороны, получает здесь свое подтверждение: стремление на едином вздохе к вечному обладанию добром; любовь, следовательно, является стремлением к бессмертию;³ но с другой стороны, в изложении Диотимы метафизика пола ниспадает до *физики секса*. А ведь это прямое предвосхищение теорий Шопенгауэра и дарвинистов! Смертная натура, даже если она истомлена, измучена, доведена до исступления любовным жаром, пытается все же достичь бессмертия в виде продолжения рода, в порождении. "Ведь у животных, так же, как и у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем — порождением, оставляя

---

¹ *Пир.* 205 d - 206 a.

² *Ibid.*, 206 b.

³ *Ibid.*, 207 a.

всякий раз новое вместо старого". В таких построениях человек становится почти сверх-индивидуальным — посредством вечной цепочки поколений он как бы вытягивается во времени и пространстве благодаря эросу = производителю. "Ведь даже за то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой — человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом — оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе... Так вот, таким же образом сохраняется и все смертное: в отличие от божественного, оно не остается всегда одним и тем же, но, устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие. Вот каким способом, Сократ, — заключила она, — приобщается к бессмертию смертное — и тело, и все остальное. Другого способа нет. Не удивляйся же, что каждое живое существо по природе своей заботится о своем потомстве. Бессмертия ради сопутствует всему на свете рачительная эта любовь".¹ Диотима рассуждает совершенно как дарвинистка, пытаясь объяснить наиболее глубокий смысл не только естественного импульса, побуждения людей сохранить свою расу. "В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вожделения? Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные, и наземные, и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить и вообще сносить все, что угодно. О людях еще можно подумать, — продолжала она, — что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных, ты можешь сказать?"²

---

¹ *Ibid.*, 207 a.

² *Ibid.*, 207 b, 208 b.

Не случайно все это вложено в уста женщины. И не просто женщины, а именно Диотимы из Мантинеи, посвященной в Мистерии, которые с уверенностью можно назвать "Мистериями Матери" и которые возвращают нас к доэллиническим, доарийским расам, ориентированным теллурически и гинекократически. Ко всему этому мы еще вернемся; здесь же отметим, что для цивилизации, кладущей продолжение рода чуть ли не в основу религии, не существует вообще понятия личности. Если даже оно как-то присутствует, то в чахоточном, эфемерном состоянии. Оно "вечно" лишь постольку, поскольку вечна материнская космическая субстанция, в которой человек вечно растворяется, но и оттуда же вечно появляется заново. Так новые, молодые листья вырастают на месте старых и мертвых. Это кредо полностью противоположно концепции олимпийского бессмертия, которая, напротив, обязывает решительно и резко разорвать физические и материнско-теллурические оковы, выйти из вечного круга порождений и вступить в область чистого бытия.¹ Поражает, что весь этот "модернизм" дарвинистского толка есть не что иное, как мотивы пеласгической и теллурической религии Матери. Что это за "наивысшие таинства откровений", на каковые намекает Диотима, — мы увидим в дальнейшем. Сейчас нам важно понять, что перед нами два антитетических подхода — мифология андрогината и концепция выживания в Роде. Первый подход — ураничен, метафизичен, вирилен и, возможно, имеет в себе некую часть прометеева духа. "Теория" Диотимы — материнско-теллурическая и "физическая".

Но отложим до времени противопоставления и займемся гораздо более важным — внутренним единством, а именно — взглянемся в переход одного воззрения в другое, в смысл этого перехода. Ясно, что "теллурическое" или "временное" бессмертие — иллюзия.

---

¹ Характерно, что, говоря о "темпоральной вечности" или "временной вечности" рода, Шопенгауэр (*Op. cit.*, с.41, р.25-26.) использует гомеровский образ старой ветхой листвы — *qalis folia generatio, talis et hominum* — в котором Й.Й.Бахофен (*Das Mutterrecht*. Basel, 1897, § 4, cf. §15.) видел материнско-теллурическую основу античных цивилизаций Средиземноморья.

Человека, идущего этим путем, "абсолютное" как бы избегает: человек, отдавая свою жизнь другому, искренне страдает от ограниченности своего желания, и он начинает все снова и снова... и так без конца.¹ Впрочем, конец возможен, правда, всегда негативно-безысходный — раса может угаснуть или просто стать жертвой природного катаклизма. Мираж бессмертия в этом случае уже более чем мираж... Шопенгауэровский "гений рода" как бы говорит: вот, это я правлю влюбленными, удовольствие — лишь приправа к размножению и женская красота тоже; вот, вы, влюбленные, верите, что живете какой-то там высшей жизнью и достигаете единства, но на самом же деле вы — просто мои слуги... Киркегард очень точно подметил, что любовники, как бы составляющие единое "Я", — просто жертвы обмана, ибо в минуты соития род празднует победу над личностью. Киркегард находит, что это противоречие — самое смешное из всего, что Аристофан находил в любви. И все же даже здесь высшая перспектива возможна — ведь влюбленные, отказываясь от подлинного осуществления сами, жертвуют собой для третьего, для дитяти. Это, конечно, что-то, но... рожденное ими еще менее способно к подлинной жизни. Если бы сын был способен "окончить серию" своих отцов и дедов... Нет, он в лучшем случае — существо, им подобное.² Все это похоже на бесполезно-вечное наполнение

---

¹ Cf. S. Maclair. *Op. cit.*: "Что есть преемственность рода, как не проекция одного и того же желания на новое бытие, затем опять на новое и так до бесконечности?" В некотором смысле это явление того же самого порядка, что описал Платон (Федр, 255 d.): "Он любит, но не знает, что именно. Он не понимает своего состояния и не умеет его выразить... от него утаилось, что во влюбленном, словно в зеркале, он видит самого себя".

² S. Kirkegaard. *In vino veritas.*

От переводчика: Противоположный взгляд на онтологическую судьбу рода высказал священник Павел Флоренский: "Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки. Каждое время его жизни ценно по-своему; однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить. Эта задача должна быть окончательно выполнена особыми органами рода, можно сказать, энтелехией рода, и породить их — ближайшая цель жизни всего рода. Ими заканчивается какой-то цикл родовой

бочки Данаидами, бесполезно-вечное плетение Окносом нити, которую осел низшего, адского мира пожирает снова и снова.¹ Но в безнадежно-тщетном вращении в "круге рождений" есть своя метафизика. Это метафизика нисхождения, "низ хождения" — вырождающееся бытие ищет суррогатов. Эрос, внутренне озаренный, становится все более и более внешним — жаждой, плотским

жизни, они последние или какие-то предпоследние проявления рода. Будет ли от них потомство или нет — это вопрос уже несущественный, по крайней мере, в жизни данного рода, ибо в лице этих своих цветов он уже выполнил свою задачу. Если появится потомство, то это может быть развитием рода по инерции, а в ближайшем будущем, то есть через три, четыре и так далее поколения (а что значит три-четыре поколения в истории рода!) жизненной энергии рода суждено иссякнуть. В других случаях возможно, при притоке надлежащей крови, и рождение стойкого потомства. Но таковое чаще всего исходит от какой-либо из младших ветвей рода, с новой родовой идеей и новой исторической задачей. Но чем полнее и совершеннее выразился в известном представителе исторический смысл рода, тем менее оснований ждать дальнейшего роста родовой ветви, к которой он принадлежит.

Нет никакого сомнения, что жизнь рода определяется своим законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнений также и в *свободе*, принадлежащей роду, — свободе, столь же превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем, как и полнота жизни рода в целом превосходит таковую же отдельных родичей в среднем. Кроме того, в какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода это самоопределение его получает чрезвычайные возможности. Род стоит тогда у дверей собственной судьбы. Если вообще, в другие времена и в лице других его членов ему предоставлена некая беспечность и от него не требуется четких решений и прозрения задачи целого, то наоборот, в такие времена и в лице таких своих членов он приобретает возможность подтянуться, духовно напрячься и на этих поворотах сделать выбор, ответить либо ДА, либо НЕТ высшему о нем решению. Так бывает в жизни отдельного человека; но неизмеримо ответственнее эти узловые моменты в жизни целого рода. И тут род волен сказать НЕТ собственной идее и вырвать из себя источник жизни. Тогда, после этого рокового НЕТ себе самому, роду уже незачем существовать, и он гибнет тем или иным способом" (Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993, с.211-216).

¹ Если Е.Карпентер (*Love's coming-of-age*. Manchester, 1896, p.18) прав, утверждая, что главная цель любви в создании единства, то продолжение рода не является необходимым следствием такого чисто творческого состояния. Ребенок может родиться и после изнасилования, без всякого внутреннего расположения женщины, и от искусственного оплодотворения, когда половой акт вообще отсутствует. Идея Карпентера нам станет понятнее, когда речь пойдет о половой магии (§ 59).

вождедением, чисто сексуальным, а затем и просто животным инстинктом. И наконец — спазм, изнеможение сладострастия, каковое, особенно у самцов, всегда обусловлено физиологически и направлено на оплодотворение. Высшая точка восторга оказывается крахом диады, горькая пилюля которого, однако, растворяется в той же, которая именуется "удовольствием". *Liquida voluptas*, феномен растворения — латинское выражение, своевременно использованное Микельстедтером.¹ Но сила эта непослушна: она соскальзывает в область биоса и становится "инстинктом", безличным, как автомат. Не существующий чисто эротически, инстинкт продолжения рода становится, тем не менее, реальным в терминах "Es" — смутной, мрачной тяги, витального принуждения, которое отрывается от сознания и, возможно, начинает его разрушать. Все это не потому, что существует некая "воля рода", но потому, что воля личности, преодолевающая границы, никогда не сможет быть искорененной или "отмысленной" полностью. Она, пускай в пасмурно-демонической форме, но выживает, исполняя функцию *δύναμις*, изначального импульса в вечном круговороте рождений, и в той же степени, в какое временное причастно вечному, хотя бы через последовательность размножающихся индивидов как "бессмертие в Матери", можно еще удержать в памяти последний, обманчивый отблеск абсолютного. Но вот он блеснул, а грань между человеческим миром и миром животных мало-помалу стирается...

Как мы уже говорили вначале, любой процесс должен быть инвертированным: низшее выводится из высшего, высшее объясняет низшее. Физическое проистекает из метафизического. Импульс *бытия* изначален и безусловно метафизичен. Инстинкты самосохранения или размножения суть "осадки", действие которых эффективно лишь на присущих им низких планах. Феноменология человека проходит процесс самоисчерпания от анагогической и гиперфизической экзальтации в высшей точке до плотского оргазма, имеющего лишь генетическую природу, — в низшей. Можно, конечно, опус-

---

¹ C. Michelstfedter. *La persuasione a la retorica. Firenze. 1922, p.58.*

тяться еще ниже, до чисто животного уровня. И, как в различных видах животных должно видеть вырождение тех или иных возможностей человека, причем вырождение окончательное, безысходное, гротескно-бесовское, так и всякое, возможно, случайное соответствие между жизнью пола и любви, с одной стороны у людей, с другой — у животных является дегенеративной пародией на человеческий эрос.

Мы видим, как половое влечение толкает и ведет — иногда телепатически — всевозможные виды и роды животных к брачным миграциям. Четвероногие и пернатые покрывают неслыханные расстояния, попадают в невиданные переделки, часто погибают в пути — и все это только чтобы достичь, наконец, места, где можно совершить оплодотворение или отложить яйца. Мы видим кровавые разборки хищников, половая борьба которых, несмотря на повод, не является борьбой за самку, но скорее — за обладание *бытием*, которого домогаются тем более дико, чем более удален сам предмет вождления. Мы видим, как метафизическая жестокость абсолютной женщины "макроскопируется" у богомола, самка которого убивает самца сразу же после совокупления. Похожие явления можно наблюдать у перепончатокрылых и разных других видов: губительные, смертельные кутежи и свадьбы, пожираемые самцы, жизнь которых завершается после акта зачатия, или же прямо во время самого полового акта; самки, умирающие сразу же, как отложат уже оплодотворенные яйца. Мы видим абсолютное совокупление лягушек, которым не мешают ни раны, ни смертельные увечья; можем лишь подивиться эротике улиток, их беспредельной потребности в продолженном сношении и даже садизму проникновения друг в друга, зачастую болезненному и многообразному. Но мы видим и как похоже на размножение "пролетарской" части человечества кишение низших видов, плодящихся и пожирающих самих себя и доходящих до таких форм неиндифференцированного биоса, как гермафродитизм моллюсков и первичнохордовых, партеногенез одноклеточных организмов, протозоеров и самых последних метазоеров, образующих основу для начала нисходящей серии. Все это, кстати, перечислено Реми де Гурмоном

в его книге "Физика любви".¹ Но ведь все это лишь результат падения человеческого эроса, в конечном счете его инволютивно-низшие стадии, приоткрывшиеся нам под видом автоматизированных, осатаневших побуждений к безумию и бросков в бездну. Ну как не признать тот факт, что метафизический корень такого животного эроса — особенно если говорить о его императивности — даже более видим, чем в многочисленных вялых, но так называемых "духовных" формах человеческой любви? Ведь все грубо-брутальное — лишь отражение низом верха, то есть абсолютного бытия, находящегося по ту сторону эфемерной, усредненной жизни индивида.

Здесь мы находим исходные точки экзистенциального статуса обычного человека. В плане эмоций всякий мужчина нуждается в любви и в женщине, чтобы избавиться от экзистенциальной тоски и страха и, по возможности, придать смысл своему существованию; бессознательно он озабочен поисками суррогата, который помог бы ему принять и вскормить иллюзии, овладевшие им. Этот суррогат — "субтильная, нежная атмосфера, источаемая женским полом, которую никто не замечает, хотя ею все окутаны, погружены в нее; но как только атмосфера эта улетучивается, мы начинаем чувствовать все возрастающую пустоту и волнение от смутного, расплывчатого влечения к чему-то неопределенному, необъяснимому" (Джек Лондон). Это основа социологии секса как социального фактора, начиная с брака и вплоть до желания иметь семью, потомство и прочее подобное. Это желание тем могущественнее, чем ниже опускается, падает, терпит крах магический замысел пола. Потому-то неизбежно разочарование — ведь всякий пусть смутно, но помнит блистающие мгновения первых встреч и особенно первых соитий. Потому мы можем назвать всю сферу "социального" секса дрессированного человека областью сексуальных субпродуктов

---

¹ R.de Gourmont. *La Physique de l'Amour*. Paris, 1912, p.120: "Сексуальные выдумки человечества существуют и до и вне его. Нет такого способа, которого бы не знал животный мир". p.141: "Всякое наше излишество имеет прототип в животном мире". Наблюдение интересное, однако будем помнить, что де Гурмон использует собранную им информацию для того, чтобы "вписать" человеческий эрос в животный.

низших проявлений метафизики пола. Этим "риторический" мир заменяет "убеждение" и правду, в том смысле, который придал этим выражениям Микельстедтер.¹ Область эта имеет и свои окраины, маргинальные зоны, заполняемые абстрактными и порочными поисками венерического удовольствия, одурманивающего и квазиутоляющего, но абсолютно бессмысленного. Но довольно об этом. Пора вернуться к основной теме.

16. Афродита Урания. Эрос и красота

Как мы знаем, платоновская Диотима, утверждая мысль о бессмертии в потомстве, намекнула на некие "высшие таинства откровений". Рассуждая далее, она как бы развивает теорию "двух Афродит", приписываемую в "Пире" Павсанию. Якобы одна из них — Афродита Пандемия² или простонародная является воплощением любви "пошлой", а другая — Афродита Урания или "небесная" — любви божественной.

Область эта для исследователя темна. Прежде всего, что же это за "высшие таинства" — неужели простой гуманизм культуры? Вроде бы и да — ведь Диотима тем, кто зачинает телесно, во плоти, так сказать, противопоставляет тех, кто дарит жизнь "потомству" бессмертному, то есть артистическим, правовым, моралистическим и иным творениям. Но... "Кто, наставляемый на пути любви, — говорит Диотима,³ — будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительное по природе", совершенно непохожее на зачатое по естеству человеческому. Но такое "бессмертие" в людской памяти является, очевидно, даже более призрачным, чем бессмертие в потомстве и роде; все это находится в области

---

¹ В связи с этим можно напомнить слова Корана (сура LXIV, 14): "О вы, которые уверовали! Поистине, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам, берегитесь же их!"

² *Пир.* 180 d-e.

³ *Ibid.*, 209 d-e.

совсем уж профанической, почти той, которая породила "бессмертными" членов Французской Академии. Но в эллинских Мистериях так называемые праведники, вроде Эпаминонда и Агесилая, никак не могли рассчитывать на особое благое посмертное состояние, хотя и были посвященными. И в этом смысле они разделяли участь злоумышленников и негодяев.¹ Но Диотима, наивно веря, что "бессмертные" и есть плод любви, просто выражает мистико-экстатическую эстетику.

Для нас ее "теория" мало полезна. Она дуалистична и по сути асексуальна. Вся проповедь Диотимы вообще не связана с *эросом*, возбуждаемым женщиной, магнетическим влечением к ней, но с красотой как таковой, каковая, впрочем, постепенно становится не красотой тела даже, не красотой бытия или некоего особенного объекта, но некоей абстрактной красотой-в-себе.² Меняется даже "ключевой миф": *эрос* небесный, уранический основан не на воспоминании об андрогинате, но, правда, уже в "Федре", отсылается к пренатальному состоянию, когда душа созерцала божественный мир. "Сияющую красоту можно было видеть тогда, когда мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное зрелище... и приобщались к таинствам, которые можно по праву назвать самыми блаженными и которые мы совершали, будучи сами еще непорочными и не испытавшими зла, ожидавшего нас впоследствии".³ Любовь же телесная представлена в виде черного коня, одерживающего верх над белым; оба эти коня и возничий вместе суть душа,⁴ терпящая падение из-за недостатка трансцендентной памяти: "Человек, очень давно посвященный в таинства или испорченный, не слишком сильно стремится туда, к красоте самой по себе: он видит здесь то, что носит одинаковое с нею название, так что при взгляде на это он не испытывает благоговения, но, преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное, покрыть и оплодотворить".⁵ Отсюда и

---

¹ См. Диоген Лаэртский, IV, II, 29.

² *Пур.* 210 а - 212 а.

³ *Федр.* 248-250.

⁴ *Ibid.*, 248, 254 а

⁵ *Ibid.*, 250 е

следующее определение любви, достаточно спорное: "Ведь влечение, которое вопреки разуму возобладало над мнением, побуждающим нас к правильному поведению и которое свелось к наслаждению красотой, а кроме того, сильно окрепло под влиянием родственных ему влечений к телесной красоте и подчинило себе все поведение человека, — это влечение получило прозвание от своего могущества, вот почему и зовется оно любовью".¹ Марсилио Фичино² придет к тому, что "венерическая ярость" и "желание соития" в основе своей не только не тождественно любви, но есть нечто противоположное".

Из всего изложенного мы все-таки будем обращаться к тому виду *эроса*, который, хотя и препятствует животнo-генетической деградации, все же связан с женщиной и дуальностью полов. В частности, нас будет интересовать так называемая "куртуазная любовь" Средних веков. Теория же любви как желания абстрактной красоты, конечно, имеет отношение к метафизике, но никак не к области метафизики пола. Более того, сомнительно, что она имеет какое-либо отношение к Мистериям, как бы это ни утверждала Диотима. Мы будем постоянно встречать тему андрогината в мистериософии и эзотеризме самых разных традиций, чего, например, не скажешь о теме "платонической любви".³ Даже в периоды своего цветения, например, в эпоху "ренессанса" эта последняя представлялась исключительно как просто философическая теория: неизвестны мистические шко-

---

¹ *Ibid.*, 238 b-c.

² *Sopra lo Amore*. VII, 15, I, 3.

³ *Ibid.*, I, 3. Идея Фичино (*ibid.*, VI, 14) достаточно любопытна. У Платона она доведена до логического предела. Чистой красотой, вдохновленной Афродитой Уранией, он считает гомосексуальную любовь к юношам, *эрос* же, пробужденный женщиной, — более низкой ступенью, связанной с венерической похотью, с Афродитой Пандемией (Пир, 181 с.). "Федр" также основан на идее, что восхождение к чистой красоте начинается с эротического влечения к мальчикам. Порой утверждается, что гомосексуальная любовь в толковании Платона бестелесна. Однако речь Алквиада в "Пире" (214 sqq) ясно показывает, что есть на самом деле "платоническая любовь" эллинов. В отличие от Платона Плотин (*Enn.* III, v.1; III, v.7) называет гомосексуальную любовь постыдной и ненормальной, болезненным состоянием вырожденцев, "которые не понимают смысла бытия и не знают о последствиях своего развития".

лы или мистерии, в каковых нашлось бы место экстаической технике, действительно последовательной, связанной с "платонической любовью".¹ Заметим, что мистика красоты у Плотина — совсем иная. Красота скорее соотносится с "идеей", господствующей над враждебной и бесформенной природой". Отсюда никакого отношения к полу не имеющая связь красоты форм и интерьеров с величию души, справедливостью, ясной мудростью, мужественно-суровой энергией и целомудрием, бесстрашием, сдержанностью, бесстрастием и, выше всего, разумом, достойны бога".² Наконец, отметим, что и современная эстетика, в частности, Канта, Шопенгауэра и других, есть чистый "аполлонизм", не имеющий ничего общего с эросом. Да и в быту — женщина, которую рассматривают исключительно как воплощение чистой красоты, обычно сексуально не привлекательна, подобно, скажем, мраморной статуе. Здесь как бы недостаток *up*, бездонности, неистовства, очарованности.³ И наоборот, сексуальная женщина часто некрасива.

Платоническая теория красоты — вещь-в-себе; ее трудно изъяснить даже экзистенциалистской терминологией. Это нечто полу-магическое и полу-интеллектуальное, любовь к чистой форме. Решительно отличаясь от "влажного пути" любви мистиков, она соединилась с духом цивилизации, которая, вслед эллинам, стала видеть харизму божественного во всем ограниченном и оформленном.⁴ Применение подобных концепций к

---

¹ Единственный известный случай — *nazar ilâ-l-mord*, опыт, практикуемый в некоторых арабских инициатических кругах, развивающих мотивы платоновского "Федра" о любви к мальчикам и основанных на толковании слов Пророка: "Я видел своего Владыку как безбородого юношу".

² Plotin. *Ennéades*. I, vi, 3, I, vi, 5.

³ Стендаль (*De l'Amour*), утверждая, что любовь-страсть всегда сильнее любви к чистой красоте, говорит в то же время, что есть мужчины, не способные к страсти именно из-за тонкого чувства прекрасного — настолько оно поглощает их в отношениях с женщиной.

⁴ Цивилизация, которой свойственна повсеместная экзистенциальная тоска и разорванность, не способна осуществить возможности трансценденции, связанные с красотой женщин, юношей и даже произведений искусства и общественных учреждений, из-за ее устремления к абстрактной бесконечности и удаленности от живой жизни.

проблеме пола приводит, однако, к парализующей двойственности. Чистый платоник в вопросах любви, Джордано Бруно, например, рассуждая об *eroici furori*, безжалостно нападает на всех любителей женщин, как и на них самих: "Это невероятное оскорбление естеству — своей внешностью, призрачностью, мечтой, очарованием цирцеевским служить размножению и обманывать нас своей красотой, что приходит и проходит, рождается и умирает, цветет и гниет; да, женщина прекрасна, но только снаружи, ее нутро содержит и гниль ночной вазы, и грех торговли, и скуку таможни, и несметное количество мерзкой, базарной гадости, ядовито-гнойной — все то, что только может произвести наша мачеха-природа: приютив и приняв у себя это семя зла... как бы после не пришлось расплачиваться за все это зловоние печалью, грустью, усталостью... и всяким иным горем, которое только возможно в этом мире".¹ Джордано Бруно допускал любовь к женщине, но только "за мелкие радости, за досуг, которым мы обязаны ее естеству, иными словами, за красоту, внешнее великолепие, за услуги, без которых они были бы еще более бесполезны, чем какой-нибудь ядовитый гриб, занимающий кусок земли в ущерб лучшей растительности".² Так мы видим, что концепция "двух эросов", или, что то же самое, "двух Афродит", ведет к упрощению и вырождению половой любви и к недооценке ее потенциальной силы. В эпилоге цитируемого произведения Бруно Джулия — некая истинно праведная женщина — говорит воздыхателям, которым она отказала: "Право, прелесть есть в моем упрямстве и в моей невинной, чистосердечной жестокости". Оказывается, что тем самым она оказывает им несравнимо более великие услуги, "чем те, на которые они могли бы рассчитывать в случае благосклонности". Отвратив их от любви человеческой, она направила их эрос к божественной красоте.³ Это полное отде-

---

¹ G. Bruno. *Degli eroici furori*. Proemio, ed. Universale, p.6-7.

² *Ibid.*, p.8.

³ *Ibid.*, II, 5.

ление "высокого" от "низкого", красоты от половой любви, хотя бы и в "экзальтированных" формах.¹

Плотин еще мог удержать в разумных границах весь этот набор идей, порожденных "платонизмом", приветствуя, помимо "любящих чистую красоту", также "того, кого к единству толкает любовь и, более того, кто желает обрести бессмертие в смертном, домогаясь и находя прекрасное в размножении как форме сохранения красоты... Ибо любящий красоту телесную, хотя такая любовь и не вполне чиста, любит все же красоту, а женщин — дабы сохранить навсегда жизнь; итак, и такие тоже любят вечное".²

17. Вожделение. Миф о Поросе и Пеннии

В "Пире" рассказан еще один миф, заключающий в своей сокрытой форме глубокий смысл. Речь идет об одной из версий рождения бога Эроса (Эрота). "Когда родилась Афродита, боги собрались на пир, и в числе их был Порос, сын Метиды. Только они отобедали — а еды у них было вдоволь — как пришла просить подаяния Пенния и стала у дверей. И вот Порос, охмелев от нектара — вина тогда еще не было — вышел в сад Зевса и, отяжелевший, уснул. И тут Пенния, задумав в своей бедности родить ребенка от Пороса, прилегла к нему и зачала Эрота".³ Образы Пороса и Пеннии толкуют по-разному. Наиболее глубокий смысл, вытекающий из мифа в целом, состоит в том, что Порос олицетворяет богатство, то есть метафизически — бытие, а Пенния — бедность, истощение, утрату, недостаток бытия — *στῆρεσις*

---

¹ Толкование любви как "желания красоты", то есть телесной красоты, открытой прежде всего органу зрения, предполагает исключение других органов чувств из эротической области и соответственно исключает животную любовь из эротики вообще. М.Фичино (*Op.cit.*, II, 8) писал: "Осязание не есть часть Любви, оно входит составной частью в чувство влюбленности. Это ощущение человека-раба". По нашему мнению, хотя зрение и играет решающую роль в любви, ни осязание, ни обоняние не могут быть полностью исключены как тонкие стимуляторы эротического возбуждения.

² Plotin, *Enn.*, I, v.I.

³ Платон. *Пир.* 203 b-c.

категория очень важная в греческой философии, отчасти тождественная "материи" — ὕλη (см. §31). Под знаком рождения Афродиты, а значит, в неразрывной с ней связи бытие в его слепой опьяненности соединяется с не-бытием, точнее, с недостатком бытия; и этот иррациональный союз, в котором пьяный Порос, изменяющий своей мудрости, свойственной ему как сыну Метиды, зачинает Эроса, есть любовь и желание.

В том же контексте, хотя и в другом измерении, сам Эрос — нечто двойственное, по причине своей двойной наследственности и даже "двойного рождения". Он одновременно беден и богат, будучи "грозным обольстителем" и "искусным ловцом". Он носит в груди своей утрату, истощение, не-бытие, свойственное Пеннии, и никогда не достигает полноты. "По природе своей он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять". Иными словами, это жажда, для которой всякое удовлетворение мгновенно и иллюзорно. Такова природа Амура, Амора, Эроса в его роли "спутника и слуги Афродиты".¹ Так рассказывает Платон, и если освободить этот миф от некоторого "интеллектуализма", он открывает свой очень глубокий смысл. В частности, объясняет и экстравертирование пола, являющееся причиной как вступления в "круг порождений", так и связанных с этим противоречий.

Этот миф является составной частью очень широкого круга "мифологии падения". Пьяный союз "бытия" (Порос) с "истощением" (Пенния) тождествен смертельной любви Нарцисса к собственному образу, отраженному водами. Восточные традиции говорят о некоем сверхэкзистенциальном событии, порожденном слабостью или помрачением, возникающим на основе иллюзорного события, Мâуа, вполне тождественным пьяному обмороку Пороса. Сопричастность Мâуа приводит подлинное бытие к самоидентификации с ней и с "другим". Отсюда закон дуальности и становления; "ставшее" вновь впадает в то же падение и так далее —

---

¹ *Ibid.*, 203 с, 204 а.

желание и жажда становятся условием бытия — во времени.¹

Вот экзегеза "двойного рождения" Эроса, предложенная Плотинем. Она вытекает из существования "двух Афродит". Афродита Урания, по Плотину — фигурация женского замещения чистого, интеллектуального, мужского принципа, *νοῦς*. Оплодотворенная этим последним и вечно соединенная с ним, она производит на свет *эрос*; это и есть та первоначальная, истинная любовь, каковая зарождается между двумя, — точнее, между красотой одного и другого. Каждый из любящих видит свое собственное отражение в другом, и так рождается духовное бытие.² С другой стороны, *эрос*, рожденный Поросом и Пенией, — и тут Плотин точно ссылается на платоновское изложение мифа — воспламеняется на низшем уровне. Рожденный на земле от соития бытия со своим отражением или призраком (ср. с мифом о Нарциссе), он страдает и будет вечно страдать от неполноты, неукорененности, истощения. Плотин пишет: "Итак, разум, соединенный с неразумным, производит, самой сутью ложного вожделения неполноты нечто не совершенное и беспомощное, неимущее... И он (Эрос) оказывается как бы привязанным к Психее (каковая эквивалентна здесь Пении), от которой рожден, в то же время сохраняя печать основного начала. Так пребывает он отчасти отмечен логосом, который не покоится в себе, но смешивается с этой бесконечной субстанцией (материей ὕλη)... И, следовательно, эта любовь может напомнить нам слепня, мучимого своим неудовлетворенным желанием, ибо как только получит он утоление жажды своей, его жажда продолжает жить. Смешанное не может породить полного. Полное существует только в себе самом, по естеству. Поэтому желание, рожденное утратой естества, если и найдет вдруг удовлетворение, всегда восстанавливается и устремляется далее. Такое

---

¹ "Жажду" как метафизическое состояние ограниченного бытия (*tahüâ* или *concupiscentia originalis* католического богословия) следует отличать от специфики полового желания, являющегося лишь частью первой.

² Plotin. *Enn.* III, v.2.

подобие удовлетворения — от неполноты, вотще приобретенной к природе логоса".¹

Греческие философы рассматривали соединение "того, что есть, и того, что не есть", "жизнь, смешанную с не-жизнью" как субстанцию и смысл, теллурическую экзистенцию, заключенную в вечном круге рождений. Отсюда их понимание природы любви и желания, приткнутой мифом о Поросе и Пеннии. Влюбленные, из века в век повторяя пьяный обморок Пороса, не догадываются, что, желая и порождая, они отдаются смерти, хотя им и кажется, что этим они продлевают себе жизнь, ибо верят, что их соитием дуальность разрушена. На самом же деле они утверждают ее вновь и вновь.² Желание, даже если это просто вожделение "другого" — а именно так "желает" большинство — бесконечно повторяет врожденную утрату полноты — и это даже при полной уверенности в удовлетворении. Так над нами господствует слепой закон нашего бессилия, зависимости, неполноты перед лицом абсолютного бытия. Все ищущие абсолютную жизнь вовне, изливая себя и теряясь в женской сущности, отрекаются от этой жизни. Таков метафизический парадокс жажды: утоление не гасит ее, но, напротив, поддерживает, ибо говорит этой жажде "да". Так теряет себя и возрождается Эрос, вновь и вновь. Во внешнем и детородном вожделении диада не превышает, она лишь обнаруживает себя в рождении третьего, сына. "Другое", то есть женщина, породившая спазматический обморок, снова разрешается "другим", сыном, которому вместе с жизнью передается и смерть — таково смертное бессмертие Эроса. С появлением сына всегда надеются на продолжение и непрерывность, однако чисто родовую, тщетно домогающуюся полноты от изначально неполного. Поэтому здесь и речи не может быть о трансценденции сознания, останавливающей этот непрерывный выброс. Отсюда и получается, что сын всегда убивает отца, а бог земли не обманывает всех, кто верит в женщину как в свое дополнение. Обморочное, животное рождение без сомне-

---

¹ Plotin. *Enn.* III, v.2.

² *Ibid*, III, v.7

ния прекращает рождение вечное, или возрождение. Гетерогенерация (порождение) замещает здесь аутогенерацию, то есть порождение, возрождение самого себя, восстановление андрогина.¹

Такова метафизика падения и вырождения *эроса*. Становится понятным, почему как на Востоке, так и в древние времена на Западе, божества любви и плодородия оказывались божествами смерти. Известна, например, надпись, посвященная Приапу, сделанная на некоей гробнице: *Custos sepulcri pene districto deus Priapo ego sum. Mortis et vitae locus.*²

Укажем еще на один эллинский миф — о Пандоре. Заковав в цепи Прометея и вернув себе обратно огонь, Зевс, дабы умиротворить его брата Эпиметея, преподносит ему в дар Пандору, то есть "женщину желания", "безнадежную надежду". Эпиметей ("понимающий слишком поздно") — такой же титан, но более "туповатый", "закругленный". И вот боги находят средство, способное помешать ему повторить попытку брата. Несмотря на все предостережения Прометея, Эпиметей принимает в дар Пандору. Он очарован, а олимпийцы смеются над ним. Из всего, что было в сосуде Пандоры, — а, судя по имени этой женщины, там были дары всех богов — не осталось ничего, кроме безнадежной надежды. С Пандорой завершился эон — возникла желанная женщина, и смерть вошла в мир.³

В этом метафизический корень тех проклятий по адресу женщины и сексуальности вообще, которые в течение всей истории слышны из уст тех, кто ищет бессмер-

---

¹ Об этом см.: J.Evola. *Lo Yoga della Potenza*. cit., p.301 sqq.

² Страж могилы бог Приапа со вставшим членом я есмь. Место жизни и смерти (лат.).

Об этом же, но на профаническом уровне, слова А.Бергсона (*L'Evolution creatrice*. Paris, 1932, p.14): "Личность скрывает в себе своего врага. Жажда иметь продолжение во времени приговаривает его к ограниченности в пространстве".

³ Hésiode *Théog.* 521; *Op. et die.*, 48 sqq. Вот толкование Зосимы на этот текст (XLIX, 3 texte de Berthelot): "Гесиод называет внешнего человека скалой, к которой прикован Прометей. К нему послана Пандора, которую *Евреи зовут Евой*. Аллегорически Прометей и Эпиметей суть "единое бытие", а непослушание Эпиметея Прометею — это непослушание духовному началу (*vous*)".

тия и свободы от человеческих обусловленностей, идя прямым, долгим и многотрудным путем аскезы. Только в этой перспективе, но никак не в "платонической", можно противопоставить один эрос другому. Исключая пока из рассмотрения то, что мы в шестой главе скажем о "течении, устремленном ввысь", и о режиме трансмутаций, наметим направление дальнейшего изложения, исходя из уже показанного. Итак, для магнетического опьянения эроса "другое" — лишь пища, и когда диада находится на грани распада, восстает эрос плоти. В своем слепом импульсе самоутверждения он спасает диаду на имманентном плане, но и попадает в ловушку: потенциально возможное восхождение оказывается уничтожено животным оплодотворением и рождением.

Может быть, окончательное суждение обо всем этом содержится в некоторых строках апокрифических Евангелий, мистериософских и гностических по вдохновению. В Евангелии от Египтян мы читаем: "Ибо говорят они, что Спаситель провозгласил: "Я иду положить конец трудам жены, а значит, и вожделения (*eupiditas, ἐπιθυμία*), трудам рождения и смерти". Это — первая возможность. И затем: "Господь сказал об окончательном исполнении, и Саломея спросила: "Доколе же будут умирать мужи?", и Господь ответил: "Дотолле, пока вы, жены, рожаете"; и тогда она прибавила: "Лучше бы я не рожала". Господь же ответил ей: "Ешь всякую траву, но не ешь ту, которая имеет горький вкус смерти". И спросила Саломея, когда будут явлены знамения вещей, о которых она вопрошала, и Господь сказал: "Когда одеяние позора падет к ногам и *двое станут одним*, а муж и жена — ни мужем, ни женой".¹

Тем не менее, Плотин говорил, что любовь несет болезнь души, "почти так же, как желание добра приносит

---

¹ Излож. по Clément d'Alexandrie. *Strom.* III, p.63, III, 9, 64 sqq., III, 13, 92. См. также слова, приписываемые одному из посвященных гностиков: "Я признаю себя как бы соединением всего; я не плод семени Архонта, но мои корни проникают во все сущее; и я знаю, что ты существуешь потому, что я спустился с высот" (цит. G.R.S.Mead. *Fragments of a faith forgotten.* London. 1900).

с собой зло".¹ И это весьма точно указывает на двойственность *эроса*.

Итак, мы зафиксировали исходные точки метафизики пола. Ссылаясь на миф об андрогине, мы указали прежде всего на метафизический изначальный смысл *эроса* как импульса к восстановлению единства бытия в его разорванности, "дуальном" состоянии. Далее мы сопоставили *эрос* с иными экстатическими формами деперсонализации (*μανία*), которые, как считали древние, способны разорвать обусловленность и соединить со сверхчувственным. Следуя за Платоном, мы указали на различия между высшей и низшей формами *μανία*, и, следовательно, на двойственную природу всякого экстаза. В метафизике деторождения и "выживания в роде" мы разглядели вырождение первоначального смысла *эроса*, в то же время имманентно *эросу* присущее. Иными словами, пусть падшую, но все равно волю к бытию и бессмертию. Прекрасную иллюстрацию того, до чего доходит дегенерация секса, нам предоставил мир животных — кривое зеркало социально-половой жизни людей. Ключ к пониманию всего этого нам дал миф о Поросе и Пенни — в нем уже давным-давно выявлена структура бесконечно-конечной, смертно-бессмертной, неизлечимой силы, питающей вечный круговорот рождений и смертей под знаком биоса — раненой воли неполноты к полноте.

Теперь этого достаточно для ориентации во всем разнообразии феноменологии *эроса*, как профанического, так и сакрального. Ее исследование — от мифологии мужского и женского до отсылок к технике половой магии — будет предметом последующих глав.

---

¹ Plotin, *Enn.* III, v. I.

III. ЯВЛЕНИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ В ПРОФАНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ

18. Пол и "человеческие ценности"

Метафизическая характеристика всякой любви — превышение индивидуального бытия, его ценностей, норм, интересов, интимных связей — тем более спокойствия, благополучия и даже самой физической жизни.

Абсолютное всегда — по ту сторону замкнутого "я" эмпирической личности — физической, социально-трудовой, моральной и интеллектуальной. Потому только то, что преодолевает эту жизнь и это Я, создает в их недрах кризис, силой своей преодолевает их силу, что перемещает центр самости вне ее самой — иначе говоря все проблематичное, катастрофическое, разрушительное — открывает более высокие измерения.

Даже в повседневной жизни любовь и секс всегда есть некоторое самопреодоление, саморасширение. Нет смысла напоминать о мощном воздействии любви — это вечная тема искусства и литературы! — на индивидуальную и всеобщую человеческую историю: героизм и восхождение, малодушие и низость, преступления и измены... Как бы и кто бы ни пытался обнаружить сходство между половой любовью людей и животных, совершенно очевидно, что человек в этих отношениях стоит на неизмеримо более низком уровне — в отличие от животного мира в человеческом обществе любовь, секс и женское начало настолько отравляют жизнь и господствуют над ней, что тут речи не может идти о простом инстинкте. Но если взглянуть на это с точки зрения метафизики пола, все может предстать в ином свете, совсем иначе. Тирания любви и секса, а также способность эроса взрывать и подавлять все остальные проявления есть с одной стороны свидетельство крайней деградации и демонизма человеческого существования, с другой — потенциальная возможность так или иначе, тем или иным способом разрушить замкнутость ограниченного индивидуального существования.

Биология не может уравнивать между собой функции питания и размножения — можно жить, не совокупляясь, но невозможно без еды. Но нам-то ясно, что на деле все иначе. Желание есть, за исключением случаев тяжелого голода, никогда не подчиняет человека целиком. Не так в случае половой жажды — в нормальных социальных условиях относительной сытости именно она глубочайшим образом влияет на все проявления эмоциональной, моральной, интеллектуальной и даже духовной жизни. Нет иной жажды, так глубоко затрагивающей все существо, как жажда половая — она не исчезает с простым ее утолением, но всегда складывается в тот или иной "комплекс", существующий вне зависимости от непосредственного удовлетворения чисто физической потребности.

Общим местом является "трансцендирующая" роль любви. Она рушит границы каст и традиций, превращает во врагов людей одной крови и идей, отрывает детей от отцов, ломает самые устойчивые и священные связи и институты. Вспомним драматические ситуации внутри дома Габсбургов и судьбы Британской короны; а вот пример из литературы — влюбленный в Миранду шекспировский Фердинанд готов отказаться от королевского достоинства и стать рабом Просперо; но, конечно, все превозмогающая сила любви отнюдь не только предмет художественной фантазии или похождения опереточных принцев. Сексуальные проблемы Генриха VIII не в последнюю очередь повлияли на возникновение англиканства; и невозможно не признать, что важнейшую роль в возникновении Реформации сыграла сексуальность Лютера, не выдержавшего монастырской дисциплины. Если Конфуций утверждал, что улыбке женщины можно верить скорее, чем справедливости, если Леопарди в "Первой любви" признавал *эрос* силой, способной подавлять даже тщеславие и вовсе презирать всякое иное удовольствие, если классический миф рассказывает, как Парис под знаком Афродиты предпочел красивейшую из женщин власти и высочайшей мудрости, предложенных ему Афиной-Минервой, и даже несметному богатству Геры-Юноны. "Я более рад, о дева, одному твоему взгляду, одному слову, нежели уни-

версальному знанию," — говорит Фауст. Из древних времен доходит до нас соблазнительный глас Мимнермы: "Без Афродиты золотой жизнь не подлинна".¹ Сексология также утверждает, что "любовь, эта рвущая все связи страсть, подобна вулкану, который из бездны своей взрывает и поглощает в себе все: честь, благополучие и здоровье".²

С психологической точки зрения можно, конечно, отметить и положительное действие любви. Еще Платон признавал, что совершить нечто постыдное постыднее всего именно в присутствии любимого: "И если бы возможно было образовать из влюбленных и возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, чем при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, — да разве найдется на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрецу? И если Гомер прямо говорит, что некоторым героям "отвагу внушает бог", то любящим дает ее не кто иной, как Эрот."³ Можно много говорить о том, как любовь и женщина вдохновляют людей на возвышенные поступки, хотя романтическая литература тут все-таки преувеличивает. И если в обычной речи влюбленных мы встречаем слова "нет такой вещи, какой бы я для тебя не сделал", то они всего лишь отголосок языка средневековой рыцарской любви, во имя которой предпринимались сражения и опасные приключения, а мужчина жертвовал собой ради женщины, посвящая ей и славу и честь. Конечно, надо отделять любовь, ставящую целью овладение женщиной, от высокой, творческой, само-

---

¹ C.Kerényi. *Le Figli de Sole*. Torino, 1949, p.128

² Kraft Ebing. *Psychopatia Sexualis*. cit., p. 21.

³ *Пур*. 179 a-b.

преодолевающей любви — своего рода искупительной жертвы: только о такой любви и может здесь идти речь.¹

Однако для нас важны примеры негативного действия любовной страсти, взрывающей мораль и основные ценности существования. Сошлемся снова на Платона, рассказывающего, "как ведут себя порою поклонники, донимающие своих возлюбленных униженными мольбами, осыпающие их клятвами, валяющиеся у их дверей и готовые выполнить такие рабские обязанности, каких не возьмет на себя последний раб".² Такого обожания от своих подданных не требует самый развращенный тиран. При этом "тебе не дадут проходу ни друзья, ни враги: первые станут тебя отчитывать, стыдясь за тебя, вторые обвинят тебя в угодничестве и подлости; а вот влюбленному это все прощают..."³ В этике арийцев высшая добродетель — верность, и нет ничего омерзительнее, чем ложь. Но ложь, которая в исключительных случаях допустима ради спасения человеческой жизни, также почему-то допустима в человеческих отношениях. Критерий дозволенности, *fairness*, приобретает своеобразную окраску: *all is fair in love and war*. Клятва теряет святость: "по мнению большинства, боги прощают клятвопреступление влюбленному, поскольку, мол, любовная клятва — не клятва вовсе и боги и люди предоставляют влюбленному любые права," — утверждает Платон.⁴ А вот Овидий: "Юпитер с небесных высот смеется над клятвами влюбленных — он хочет, чтобы они остались без последствий, чтобы зефиры и ветры унесли их вдаль". "Женщины превращают добродетель в мошенничество и губят веру, верность же перед их лицом постыдна."⁵

---

¹ В одном из рыцарских романов Ланселот говорит Гиневре: "Я могу совершить во имя твое любой подвиг, ибо имею мужество сделать все, что другие просто не имеют сил сделать". Однако сама Гиневра отвечает, что стремление совершить подвиг ради овладения ею "лишает тебя права на подвиг более высокий, подвиг во имя Святого Грааля, в честь которого и учреждено братство Круглого Стола" (Delécluze, *Roland ou de chevalerie*. Paris, 1845).

² *Ibid.* 183 a-b

³ *Ibid.*, 183 a-b.

⁴ *Ibid.*, 183 b.

⁵ *De arte amandi*. I, 635-636

Все это свидетельствует о присутствии в любви чего-то абсолютного, превыше всех добродетелей; вот почему мы часто видим ее по ту сторону добра и зла. Последний смысл страсти, толкающей мужчину в женские объятия, — жажда *бытия* в его трансцендентном смысле, того самого, что незримо утверждает каждый день жизни обыденной, наполняя его и делая понятным. Но делая понятным и иное — как и почему элементарная, неделимая сила *эроса* толкает человека к самоубийству, убийству или безумию. Миражи профанической любви, то есть такой, которая не способна вывести человека на более высокие планы бытия через соединение с другим полом, становятся навязчивым маревом, мороком — вне объекта любви жизнь теряет не только привлекательность, но и самый смысл, превращаясь в отвратительную, тоскливую текучку. Потеря любимого существа, его смерть или измена становятся всепоглощающей болью. Это отчетливее других высветил Шопенгауэр¹: предельно точна его констатация нахождения силы любви по ту сторону индивидуального существования; тем более абсурдно его представление о всесии "гения рода", трагическая иллюзия мыслителя. Позитивный взгляд Шопенгауэра на решение проблемы заключается в осознании того, что разрушительная и все преодолевающая сила любви не эмпирична и не психологична, но трансцендентна, и в конечном счете взрывает не конечную индивидуальность, но бытие внутреннего человека; любовное потрясение затрагивает не периферийные чувства, но бессмертное "ядро" с его жаждой "бытия", точнее, утверждения в бытии, озаренном *эросом* и магией женщины.

Но не только любовь входит в подобное сексуальное переживание-потрясение — составными частями его являются ненависть и презрение. Встречаюся ситуации, определение которым дал один из персонажей Бурже: любовь — это звериная ненависть в промежутках между объятиями.² Элемент ненависти является одним из глубочайших составных любви, причем не в экзистенци-

---

¹ *Metaphysik der Geschlechtsliebe*. cit., p. 85-88, 109, 112, etc

² *Physiologie de l'amour moderne*.

альном, а в метафизическом смысле — мы уже говорили об этом в предыдущей главе. С другой стороны, среди возможных путей трансценденции, упомянутых в §12, следует выделить три плана проявления *эроса*. Во-первых, когда сила желания поглощает и подавляет все остальные проявления личности, прежде всего социальные. Второй случай — "абсолютное желание, неотъемлемо включающее в себя ненависть и презрение" — это своего рода "испытание реакции" любящих друг на друга. И, наконец, уравновешенное влечение, когда взаимный магнетизм озаряет взаимоотношения любящих без особых потрясений.

19. "Вечная любовь". Ревность. Половая гордыня

Если вообще существует позитивный аспект половых отношений, то он — в ощущении того, что женщина есть средоточие жизненного начала, точнее, сама жизнь в ее высшем смысле. Жаргон влюбленных переполнен выражениями типа "ты моя жизнь", "без тебя не могу жить" и так далее — вариантов множество. Это, конечно, банальности, но поверхностный план только прикрывает более глубокий ("Ева" по-еврейски — "Жизнь"); там сокрыты очень далекие от нас в пространстве и времени легенды и мифы. У любящего возникает ощущение причастности к высшему жизненному началу, его, так сказать, вкушение через посредство овладения женщиной. Это чувство, конечно, глубоко смешанное и нечистое, что и порождает пошлость жаргона влюбленных.

Конечно, за собственно любовь принимают разные чувства — от чистого желания до стремления к увековечиванию любимого образа. Эта жажда способна возвышать. Но она — и источник тревоги, особенно в наивысших своих точках — влюбленные знают, что их блаженство неминуемо кончится; вот почему любовь пронизана страхом и всегда сопровождается навязчивыми вопросами: "Ты меня не бросишь?", "Ты всегда будешь меня любить?", "Ты всегда будешь меня желать?". Ис-

тинная любовь неотделима от слова "всегда", она стремится к бесконечной длительности; однако любое искренне пережитое чувство неизбежно конечно, оставляет после себя ощущение иллюзорности и абсурда — исчезающая эротическая страсть распадается на множество "мелких" — к другим особям. Типичным примером были любовные истории Шелли. Дробление — сущностная черта любовного опыта.¹ Но если ощущение вечности любви все же возникает, оно способно стать средством преодоления временной ограниченности, выходом за пределы "здесь" и "теперь". Вспомним, влюбленные часто явно или мысленно произносят: "ты — образ, который я всегда носил в себе, часть меня самого" или "мне кажется, я всегда тебя знал, ты была еще до того, как я был" (Меландр у Метерлинка). Все это — часть эротического опыта. И очевидна абсурдность утверждений, будто смысл любви — в совокуплении ради размножения, и даже просто в утолении мгновенной жажды обладания; если уж говорить об обладании, то тогда только об увековечении его — в свете метафизики пола это очевидно.

Так все понятнее природа верности и ревности. Ни животное чувство, ни продолжение рода, строго говоря, не требуют этих проявлений. Скорее наоборот, привязанность к одному партнеру ограничивает воспроизводительную функцию, и, напротив, беспорядочные связи биологически гораздо перспективнее. Но ведь когда в отношениях с любимой женщиной уже достигнута определенная степень самоутверждения, причастности полноте *бытия*, преодолена экзистенциальная потерянности тварной жизни, то есть жизнь в ее более высоких измерениях завоевана, сама тяга к конкретной женщине переходит на других — это чреватый смертью разлом, обнажающий еще более глубинное ядро данной личности (такова ситуация, описанная выше, в §12); эрос обнаруживает свою движущуюся, перемещающуюся природу.

---

¹ По этому поводу очень точно было сказано: "Несчастен мужчина, который, вступая в любовную связь, не думает, что она будет вечной! Несчастен тот, кто в объятиях любимой предчувствует, что они будут разделены". (В. С. de Rebeque, dans B. Péret, *Antologie de l'amour sublimé* Paris, 1956, p 158-159.)

Любовь обращается в ненависть, рождается бессознательное стремление к разрушению, вплоть до убийства, до измены; это абсурд, конечный провал, ибо от любви-ненависти ни личность, ни род не приобретает равным счетом ничего.

В любви существует жажда полного, физического и душевного обладания другим существом; этот поверхностный аспект любовного переживания объясняется только гордыней человеческого Я, его стремлением к могуществу. Да, мы называем этот аспект "поверхностным", ибо он сформирован социальными условиями и предрассудками, скрывающими глубинные и невысказанные слои человеческого существования. Это *geltungstrieb*, жажда обладания и господства, самоутверждение в собственных глазах, равно как и в глазах окружающих, так называемый "протест мужества", положенный Адлером в основу его версии аналитической психологии. Но это лишь невротическая компенсация, обратная сторона комплекса неполноценности, обездоленности человека, затерянного в смешениях бытия и небытия. А ведь *эрос* по своей метафизической природе и есть одно из естественных средств преодоления экзистенциальной потерянности. Роль, которую играет здесь "ценность" эротико-сексуального обладания, конечно, выходит за рамки простого самоутверждения — речь идет о подлинном "бытии" в любви — и здесь спрятан ключ к пониманию феноменологии и ревности, и сексуального деспотизма. Но, повторим, явления эти все же не изначально-первичны, они относятся к внешней стороне, периферии сознания. Мужчина, чье сознание "здесь", не погружен в подлинную глубину; он "кормит" компенсаторные проявления своей самости, проявления низменные и примитивные. В его поведении господствует "гордыня самца", что само по себе просто смешно. Феномен ревности скорее феномен не самой любви, но социальной "чести". Следует еще раз подчеркнуть: жажда господства и сексуальный эгоизм — компенсация и "анестезия" темного по своей природе комплекса неполноценности, тогда как подлинно высокой целью *эроса* является как раз преодоление ограниченности и замкнутости в самом себе, преодоление эго-

изма внешнего, эмпирического человека. Но это понимают далеко не все и не всегда. Герой "Триумфа смерти" д'Аннунцио Джорджо Ауриспа пытается стремлением к господству преодолеть ужас небытия, искушение самоубийством. Он произносит такие слова: "Нет на земле более прекрасного опьянения, чем обладание другим существом. Именно этого опьянения я и ищу".

В повседневном эротическом опыте чаще всего можно наблюдать смешение этих взаимно противоречивых стремлений — к власти, господству и в то же время к "выходу из себя", к соединению с другим. Некоторым образом это противоречие диалектично. Метафизически обе тенденции взаимно связаны, растут из одного корня и в истоках своих не так враждебны друг другу, как в проявлениях.¹ Однако интегральный эрос, напротив, приобретает характер экзальтации, *μανία*; он находится под знаком Единого, преодоления как себя, так и другого, восхождения обоих на иной, героический план. Тогда все антитезы преодолеваются. "По ту сторону жизни", "более, чем жизнь"— вот начала, лежащие в основе большой любви, страсти желания. "Я люблю тебя больше самой жизни..." Распространенный прием обольщения женщины, принятый у арабов, заключается в концентрации напряженного усилия, направленного на нее; при этом мужчина как бы ненароком делает три ножевые зарубки на собственной правой руке и произносит: "Нет бога, кроме Бога. И это так же истинно, как и то, что прежде вытечет вся моя кровь, чем погаснет мое желание владеть тобою".

---

¹ В связи со сказанным очевидна противоположность теорий Фрейда и Адлера. Для первого движущей силой поведения является *libido sexualis*, для второго — достоинство обладания самого по себе. Эрос — форма самоутверждения. Корень его — "идея могущества и богоподобия", которая является основой бессознательного; но это иное, чем в мифе об андрогине, объяснение сущности эроса.

20. Явления трансценденции при наступлении половой зрелости

Проявления силы пола при наступлении юношеской влюбленности представляют особый интерес.

Первое познание пола, точнее, противоположности полов рождает растерянность, смятение, отчаяние и, во всяком случае, психофизическое потрясение перед лицом новой, безграничной, высшей силы. Страх и кризис сопровождают восстание ранее неизвестных желаний. Данте описывает свои чувства при первой встрече с женщиной так: *Ecce Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi.*¹ Эта сила могущественнее "духа естества" (понятие, которое мы можем отождествить с физическим Я — Ю.Э.). *"Neu miser! Quia frequenter impeditus ero deinceps!"*² А вот стихи Джелаледдина Руми:

Томленью жизни смерть предел кладет навеки.

Вот почему, томясь, дрожит пред смертью жизнь...

И также страх любви переполняет сердце

В предчувствии конца вращения бытия,

Ведь где любовь проснулась, умирает

Владыка темный, собственное Я.³

При внимательном исследовании все патологии юношеского возраста связаны с этим фактором. Зарождение полового чувства связано с потрясением, которое, усиленное особенностями организма, наследственными болезнями, родовыми недостатками, а также иными психическими травмами, мешающими бороться с кризисом, — все это может вызвать острую форму душевной болезни. Кальбаум называет ее гебефренией или юношеским безумием.⁴ Особенности юношеского поведения легко объясняются воздействием элементарной силы *эроса* на различные области организма. Оно может приводить к установлению обычного сексуального поведе-

---

¹ Се Господь сильнее меня, Который приходит повелевать мною. (лат.) (*Vita Nova*. II, 4).

² Увы мне! Я буду падать в тяжкое положение многожды! (лат.)

³ Trad. Rückert, *apud Klages*, cit.

⁴ A. Marro. *La Pubertà*. Torino, 1990, p.203-204, 106.

ния, а может и к разным расстройствам, невозможности свести действие жизненных энергий воедино. Истеро-эпилептические и полукаталептические проявления, чередование меланхолии и депрессии с экзальтацией, мастурбационная мания — все это проявление бьющей через край неоформленной энергии. Море указывает, что, переживая припадки неистовой мастурбации, как и другие подобные проявления, человек становится как бы безвольным, подчиненным внешней, "обдерживающей" его силе.¹ Смысл частой остановки интеллектуального развития во время юношеского кризиса тот же — нейтрализации или "отключения" ментальной сферы, *tapas'a*; в целом это явление патологическое, но оно бывает и в рамках нормы — именно при страстных любовных переживаниях. У некоторых молодых людей бывают зрительные или слуховые галлюцинации: это вторгается магическая сила *эроса*, о природе которой мы уже говорили в §9. Есть и иные симптомы — неконтролируемая вялость, *tedium vitae* или тяга к самоубийству; все это пассивное переживание трансцендентной природы *эроса*, комплекса "сексуальность-смерть", о котором мы еще будем говорить.² Ведь патология лишь "укрупняет" психологию — все эти "troubles" юношеского кризиса гипертрофированно отражают всегда происходящее в опыте первой любви.

Марро³ дал клиническое описание взрывного изменения юношеского организма: "флюид из брюшной полости поднимается по спинному мозгу в головной"⁴; с этого момента подросток неспособен сопротивляться жажде насилия и пароксических действий. Если бы психиатры были способны видеть человека в гиперфизическом свете, подобные явления были бы благодатным материалом исследований; мы хорошо понимаем, что речь здесь идет о развертывании и подъеме *kundalini*, то есть покоящегося доселе скрытого центра обычной сек-

---

¹ A. Mairet *La folie de la puberté*. apud Marro, cit., p 122.

² Об этом явлении с профанической точки зрения позитивистской психиатрии см. Marro. *La Puberté*. cit., p. 103, 106 sqq., 159, 118-119, 121, etc

³ *Op. cit.*, p. 159.

⁴ Ср. у Лоуренса: "Ее взгляд пронзил его. Змеиный язык огня начал подниматься из корня - по спине - вверх".

суальности, о котором учат все виды йоги. Без подготовки йогический подъем kundalini может повлечь безумие и даже смерть.¹ В обычных, не патологических условиях пробуждение и трансформация этих сил, напротив, ведет к пробуждению и новых, скрытых до сих пор возможностей подросткового организма.

Более того, все происходящее у подростков, разумеется, в непатологических случаях, происходит у каждого переживающего опыт *эроса* — пробуждение суперфизических сил, ведущее к более свободному состоянию, причем эти силы вовсе необязательно должны иметь обычную сексуальную природу. В юношеском возрасте просыпаются также религиозные и мистические тенденции. Психологи замечают, что духовный кризис пубертатного периода вообще часто сопровождается явлениями, напоминающими патологические: чувство неполноценности и несовершенства, тоска, болезненное самоосознание, тревога, отвращение, неуверенность, всеобщая неудовлетворенность; это позволило Штарбуку сделать такое обобщение: "Теология берет за основу подростковые проявления и вообще вся на них построена".² Такие аналогии можно развивать и вовсе необязательно в критическом смысле — счастливые случаи первой любви очень похожи на благополучное разрешение религиозных кризисов сознания. Применительно к религиозному обращению У.Джеймс писал: "Ощущение новизны озаряет каждый предмет — в противовес нереальности и отчужденности мира, в котором "каждая вещь теряет другую".³ Стендаль писал, что любовь-страсть обнажает перед глазами человека всю природу в ее самых высоких измерениях, как будто она только вчера была сотворена. Человек как бы видит перед собою прекрасное зрелище, преображающее его душу. Все ново, все живо и вдохновенно.⁴ Schon wie ein junger Frühling ist diese Welt⁵ — как поется в известной пе-

---

¹ См. Evola *Lo Yoga della protenza* cit., A.Avalon. *The Serpent Power*. London, 1925. Мы вернемся к этому вопросу в главе VI.

² См. Marro. *Op. cit.*, p. 206.

³ Cf. W. James. *Varietas of the religious experience* p 217.

⁴ *De l'Amour* II, 59.

⁵ Этот мир прекрасен, как юный плод (нем.).

сенкс о первой счастливой любви. "Ты воистину влюблен" (*âshiq tarâ*) — гласит арабское высказывание о духовном озарении суфия. Эрос пробуждает ощущение полноты, метафизическую целостность человеческого Я. Противоположны — тяжесть жизни, обездушенность мира, безразличие ко всему. А ведь все это охватывает душу, когда любовь прошла. Что же до юношеских экстазов, о которых говорилось выше,¹ — это явления того же порядка.

То же самое — только на более общем и глубоком, чем индивидуальный, плане, мы встречаем в области этнографии. У многих "примитивных" народов так называемые инициатические или священные болезни, рассматриваемые как знак избрания, похожи на симптомы полового созревания. Справедливо отмечалось,² что формирование шамана, мага или жреца, сопровождаемое такими знаками, — не психопатология, а составная часть развитой, стабильной культуры. Техника посвящения включает в себя искусственно вызванные болезненные состояния. Налицо вмешательство внешних духовных сил, возрождающих человека, — внешне все это напоминает юношеские патологии. Однако здесь результат — не созревание обычного человека, но, напротив, личности, связанной со сверхчувственным миром. В нашем контексте интересны отмечаемые этнографами факты избрания для посвящения половозрелых юношей, еще не касавшихся женщины:³ здесь важно то, что сила трансцендентной вирильности еще не обрела направленности, не поляризована физиологически.

Еще заметим, что подобные "ритуалы перехода" имеют связь с тем, что мы именовали внутренним полом, так сказать, духовным, а не просто физической сексуальностью. У многих народов известны обряды перехода от детства к мужеству; при их совершении подчеркиваются принципы мужества именно в высшем смысле. Для нас здесь важны два аспекта.

---

¹ Kraft-Ebling. *Psychopathia sexualis*. cit., p. 15.

² M. Eliade. *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extaze*. Payot, Paris, 1951, c. III et p. 29 sqq.

³ *Ibid.*

Во-первых, в этих ритуалах воспроизводится смерть и новое рождение. Этому подчинены получение нового имени, забвение предшествующей жизни, овладение тайным языком и вступление в связь с мистическими силами своей расы. Это прямая трансценденция, осуществляемая посредством особой традиционной техники.

Во-вторых, вирильность, духовное мужество выступает обособленно от физического пола, к внешним мужским признакам добавляется "становление мужчины"; ему-то и подчинен ритуал. После его прохождения человек выходит из-под власти матери и становится членом "мужского общества" ("братства мужчин"), чему иногда соответствует особое "жилище мужчин"; отделенное от других жилищ племени, и обладающее сакральным значением — в них живут вожди и воины. Не прошедший этого посвящения, сколько бы ни было ему лет, не считается мужчиной и живет вместе с женщинами, детьми и животными. Интересна символика инициации. Незадолго до нее будущего посвящаемого одевают в женские одежды, дабы подчеркнуть, что он еще не "стал мужчиной".¹

Использование особой техники для высвобождения и генерирования силы пола приводит к полному изменению внутренней сущности человека. Это происходит, когда внешние признаки уже налицо. В случае мужчины речь идет об обретении качества, которое можно назвать внутренней вирильностью.² Возможно, память об этом сохранилась в католическом обряде конфирмации, хотя и в очищенном от непосредственного сексуального содержания виде — первое участие в таинстве Евхаристии предполагает преображение, то есть смерть и следующее за ней восстановление.

Все это ведет нас уже к области непрофанических проявлений пола, его сакрализации. Основные ее вехи — те же самые. Это прежде всего трансценденция *эроса*,

---

¹ См. об этом. H.Schurtz. *Alturlassen und Mannerbunde*. Berlin, 1902, p.99-108. H.Webster. *Primitive secret societies* (A study in early politics and religions).

² В случае же с женщинами речь идет прежде всего о ритуальной изоляции молодых девушек, прежде всего на время менструаций, дабы ограничить исходящую из них магическую силу.

как и в случае юношеской патологии, пробуждающая замкнутые прежде структуры личности. Она — результат страсти, потрясающей любящих, негативно или позитивно ведущей к выходу за пределы себя, к продолжению границ Я. Этнографический материал ясно показывает, что в традиционном мире эти энергии используются сознательно — в целях осуществления нефизических возможностей вирильности.

21. Любовь, сердце, сон, смерть

Роль сердца в языке влюбленных хорошо известна и часто оказывается объектом самого слащавого и упадочного сентиментализма. Тем не менее в этом языке мы находим утверждение глубокой веры, следов того, что всегда означало сердце в эзотерических и доктринальных традициях. Гораздо в большей степени, нежели средоточием эмоций эти традиции полагают сердце центром всего человеческого существа,¹ но так же и точкой, через которую во время сна происходит передача сознания, минуя область головы, имеющую большее отношение к бодрствованию.² Как мы уже отмечали, сознание во сне считается "тонким" состоянием, особенно в индуистской традиции; но также и большинство мистиков иных традиций считают внутреннее, тайное сердечное пространство вместилищем сверхчувственного света ("сердечного света"). Например, когда Данте, говоря о первичном, внезапном восприятии *эроса*, упоминает о "самой сокрытой клетке сердца", это вовсе не банальный и приблизительный способ любовного объяснения, но нечто совершенно точное и действительно существую-

---

¹ Об этом говорят различные письменные источники: *Bṛhadâraṇyaka-upanishad*, IV, i, 7. ("Сердце есть средоточие всего существа и его основа", Zenon (*Armin*, II, fr.837-839): "Основная часть души сосредоточена в сердце"; схоластическая литература — Ugo di San Vittore: "Vis vitalis est in corde" ("Жизнь жизни живет в сердце"), Агриппа (*De occulta philosophia*. III, 37) и т.д.

² Cf. *Bṛhadâraṇyaka-upanishad*, II, i, 16-17, cf. Agrippa, III, 37.

щее.¹ Казалось бы, нет ничего более безвкусного, чем изображение сердца, пронзенного стрелой (луком и стрелой, а также факелом древние наделяли персонифицированный образ Любви): в наши дни это любимая татуировка моряков и уголовников. Но этот же знак наполнен необычайной смысловой напряженностью. *Эрос* выступает как рана, наносимая самому существу человека: эзотерически это поражение сердца. Традиция утверждает, что связь человека с его внутренним Я, которую можно или порвать или возвести к соучастию в жизни более высокой, к высшей свободе. Так *эрос* выступает в виде смертельного удара стрелы. Мы начинаем понимать, что средневековые "Адепты любви" и Данте вместе с ними просто поднимали профанический опыт влюбленных до уровня сознательной веры. Следы этих смыслов мы открываем в опыте каждой любви. Исламскому эзотеризму известны термин "fat 'hi-l-gabb" ("открытие" или "распечатывание" сердца), а также понятие "сердечного света". Эти же соответствия мы находим в языке всех мистиков. В "Corpus Hermeticum" (VIII, II, VI, I) встречаются выражения: "открыть очи сердца," "понимать очами сердца". Мы можем установить ясно зримую связь между освобождающим от оков индивидуальным "открытием сердца" и переживанием опыта новизны, свежести, преобразования мира, сопровождающее состояние любви: здесь намек на зримый сердечными очами мир, именуемый суфиями "aun-l-gabb".

В первой главе мы уже говорили об эротическом опыте как об опыте "смещения" индивидуального бодрствующего сознания. Это смещение и есть движение в область "сердечного места". Состояние экзальтации, свойственное *эросу*, приводит к тому, что наступает "мысленное" преобразование действительности, озарение, но вовсе не погружение в полусон, транс или собственно сон, то есть в состояние ночное. Как уже указывалось, внешне это проявляется в некоем свете, порой озаряющем лица влюбленных, в том числе тех, которые в обыденной жизни вовсе не благородны; это,

---

¹ *Vita Nuova*. II, 4.

бесусловно, определенное свидетельство (ср. с образом факела в руке Эроса наряду со стрелой).

В связи с этим связь между любовью и ночью, в обычных случаях всплывающую в сознании каждого, приобретает характер определенного "знака". Конечно, связь между любовью и ночью хорошо знакома романтической поэзии. Но она же имеет экзистенциальную глубину, позволяющую называть ее чем-то большим, чем простая связь. Обычно ночь считается самым подходящим временем для половой любви. Но если мы проведем мысленный опыт, заменив обычно употребляемое выражение "ночь любви" на "зарю любви", мы сразу же услышим в первом сочетании некий неверный звук. Это подтверждает и биология, хотя в глубине своей речь пойдет, конечно, о вещах иного, "гиперфизического" порядка — физиологические условия для "здоровой и нормальной" любви, связанные с высвобождением огромных запасов свежих энергий, наилучшими являются именно утром. Можно сколько угодно ссылаться на такие внешние обстоятельства, как образ жизни, отсутствие свободного времени в течение дня, на общественные условия и порядки — раз такие обстоятельства существуют, значит в них присутствует глубокий смысл. Сколько людских сообществ имеют прямые, жесткие, ритуально оформленные предписания отдавать жене именно ночь, причем как в первый период, так и в течение всего времени совместной половой жизни. На заре муж и жена должны расставаться. Но есть вещи особенно ценные для понимания сути дела: в тантризме "сердце ночи" предписывается как время маго-инициативных практик совместно с женщиной,¹ и это же время избрано хлыстами, к которым мы еще вернемся, для совершения своих оргиастических и неистовых действий; точно также в ночное время и в темном месте на Элевзинских мистериях совершалось священное совокупление, *hieros gamos*, являвшееся строго символическим. Оргийно-дионисийский ритуал, совершаемый исключительно женщинами, носил имя Никтелии и был ночным. Можно, конечно, считать случайностями

---

¹ См. Evola. *Lo Yoga della Potenza*. cit., p.281.

обычай соединения в полном мраке как, например, в Спарте, когда мужчина умыкал свою будущую жену, увозил ее в полностью лишенное освещения место, среди ночи развязывал ей пояс и овладевал ею в абсолютной темноте¹. Однако сколько женщин до сих пор желают для себя того же самого — их стыдливость всего лишь глубинная память о том времени, когда они находились во власти обычаев, которые нам сегодня кажутся странными. Хатор, египетская богиня любви, носила имя "Госпожи ночи", и эта смысловая цепь тянется к стихам Бодлера :

"Ты манишь, словно мрак,
Горячки темной нимфа".

На самом деле здесь вступают в действие сокрытые стороны космической жизни: введь именно ночью, как мы уже говорили, происходит циклически обусловленное применение мироустройства, переход сознания в сердечную область — то есть именно то пробуждение, которое дает *эрос*; точно так же, раз любовь находится под знаком женщины, а женщина принадлежит темной, подземной, ночной стороне бытия, ее "бессознательно-жизненному", то и царство любви принадлежит ночи, темноте.² Таким образом, ночь — наиболее подходящее время для проявления женского *эроса*, для выхода наружу глубинных сил, сокрытых под дневной поверхностью конечного индивидуального сознания. Что же до неожиданностей, рождаемых проявлением того, что обычно как бы затоплено изменчивой пеной обыденного, то в связи со сказанным вовсе не только романтико-поэтическим представляется произнесенное Новалисом в "Гимнах ночи".³ И последнее, что следовало бы

---

¹ См. Plutarque. *Лус*, 23, Мы выбрали в качестве примера именно Спарту, потому что там фактор стыда как раз не имел значения — девушки часто ходили там обнаженными в присутствии мужчин, и это считалось в порядке вещей.

² В китайской традиции элементарная жизненная энергия *р'о* связана с женским началом инь, в свою очередь связанным с темной половиной луны, угадываемой только во время роста месяца.

³ Речь идет главным образом о последних строках первого Гимна:

"На угольях сей тьмы ночной,
на ложе нежном и убогом,

сказать о роли сердца. Согласно гиперфизической физиологии со смертью или смертельной опасностью жизненные силы восходят в средоточие человеческого бытия, в сердце (они покидают свое место и начинают перемещение в момент действительной или грозящей смерти, каталепсии или на соответствующих стадиях более позитивного высокого восхождения)¹. Аналогичное явление может возникать также при всяком переживании сильного желания или вообще вспышке чувств, при встрече с любимой женщиной, возникновении в сознании ее образа² или даже просто образа обнаженной женщины; между тем у восточных авторов часто встречается упоминание остановки дыхания при виде возлюбленной, от любви, от любовного очарования, от сильного желания или просто в "сексуально заряженной" атмосфере. Внешнее, профаническое и банальное соответствие всего этого хорошо известно физиологии. Наиболее часто в таких случаях говорят: "У меня сжалось сердце". Это еще одно приближение к раскрытию потенциального качественного достоинства *эроса*. Так осуществляется естественный переход к феноменологии любви, мост к непрофаническому эротизму: мы касаемся его, когда говорим о *mors osculi*, о смерти от поцелуя, упоминаемой каббалистами, о почитании дамы сердца "Адептами любви". И еще одна любопытная деталь: некоторые французские трубадуры пели о женщине зримой не глазами и не душой, но именно сердцем.

воздвигнуто смятенье тел,
зажженных огненным объятьем,
желанной гибели огнем.
Поглощено пыланьем духа сердце,
в горячем воздухе единое с твоим,
навек, навек, да вечно длится
ночной кутеж."

¹ *Bṛhadâraṇyaka-upanishad* IV, iv, 1-2, *Kâtha-upanishad*. II, vi, 15-16.

² "Внезапно, я не знаю как, когда я обернулся, чтобы посмотреть на пустынную улицу, на темные окна домов, пламенная жажда Пат (имя женщины) охватила меня, ударила меня словно кулаком. Это было так ужасно, словно я был на краю смерти(Э.М.Ремарк). См. строку персидского поэта Хосрева:

"Ее лицо явилось мне в ночи,
и, горе мне! — охвачен смертью я".

22. Союз любви, боли и смерти

Сказанное выше предполагает необходимость рассмотреть очень важную для нас совокупность, своего рода союз: любви, боли и смерти. В этом странном слиянии физическая сторона не может быть отделена от уже "не физической". Прежде всего всякое пробуждение эроса в его простейшей форме, если не ведет к реальному преобразению Я (в этом случае происходит расширение сознания через страсть, направленную на другого, на любимое существо), означает сверхнормальное перенасыщение жизненного цикла, переживаемое как страдание, как смертельное желание, импульс, не находящий разрешения. О подобной душевной напряженности рассказывают многие мистики. Об одном из своих героев Сомерсет Моэм писал: "Такая любовь есть боль, но боль тонкая и тайная, превышающая наслаждение. Она похожа на божественную тоску, о которой рассказывали святые". Или у Новалиса:

Но мало кто познал —
Любовь есть тайна.
В ней голод гложет нас
И жажда вечна.¹

Можно говорить о "редко встречающейся и таинственной плотской жажде, связывающей два человеческих существа в ненасытном желании". С другой стороны, есть основания отметить, что часто подобная страсть ведет к изменениям сознания: конкретное лицо становится для любящего символом; тогда для него оно уже "почти как Бог, на месте Бога". Все силы души, приобретающие абсолютный характер, сосредотачиваются на объекте поклонения или, лучше сказать, фетишизма"². Конечно, такие случаи противоположны сакрализации и пробуждению: человек не обнаруживает в себе качеств, необходимых для подлинной связи с высшим планом, уже не человеческим, достижимым через соединение с абсолютно мужским или абсолютно жен-

---

¹ *Hymnes spirituels* XV.

² L.Klages. *Vom kosmogonischen Eros*. Iena. 1930, p.199.

ским, но воздает то, что должно относить к этому плану, случайно-человеческому. Тогда любовная связь, особенно если объект ее соглашается на предлагаемую субъектом узурпацию, приобретает характер вампиризма, часто бессознательного, — перед нами очень опасный случай сексуального рабства.

Все это относится к темам, излюбленным художниками трагического и романтического склада. Однако и в обыденной жизни подобные повороты судьбы могут заканчиваться кризисом и крушением всей жизни. Это бывает, когда параллельно идеализации женщины мужчиной происходит приписывание ей моральных качеств, которых у нее нет и в помине. Когда же обнажается реальность, то все, что Стендаль называл "кристаллизацией" чувства, рассыпается, здание рушится и любящий получает ранящий удар. Очень часто это случается после достижения поставленной цели, то есть, когда женщина стала принадлежать любящему. Еще Киркегард говорил об "опасности счастливой любви", утверждая, что любовь несчастная, а также вскрытие женской лживости и обмана, могут оказаться промыслительны и существенно значимы для того, чтобы сохранить метафизическую напряженность *эроса* и избежать "обморока" благодаря дистанции между любящими и препятствием к фетишизации объекта.¹ Новалис добавлял: "Кто любит, должен вечно терпеть лишения и держать раны отверстыми".² Впрочем, и адепты средневековой "куртуазной любви" это знали; в одном из рыцарских орденов, ее культивировавших, вообще существовало кажущееся парадоксальным условие приема в него: невозможность достичь завершения любви и утолить желание, то есть, попросту — половое бессилие.

Также культивировалась возвышенная любовь к предварительно изображенным для поклонения дамам настолько знатным, что овладеть любой из них было просто невозможно; в конце концов уже становилось неясно, идет ли речь о конкретной женщине или о женщине-идоле, "духовной женщине". Клагес выделяет

---

¹ *In Vino veritas*. p.76 sqq.

² *Cit.*, p.104.

как важное обстоятельство существования того, что он называет l'Eros der Ferne — то есть эрос на расстоянии, эрос, утоления которого нельзя даже ожидать — именно это и есть эротическое напряжение, а вовсе не утрата мужества. Однако, чтобы подобная ситуация не превратилась в патологическую, необходима определенная степень преобразования эроса и его направление в особое, не профаническое, русло: как мы это увидим чуть ниже, можно полагать, что именно так и было в средневековой эротике. В то же время не будучи преобразован, эрос на простейшей стадии своего развертывания не может проявляться иначе, чем в виде неутолимой и мучительной жажды. Пример такой роковой страсти — донхуанизм. Дон Хуан есть символ желания как такового, взятого в его чистом виде — когда страсть к одному объекту утолена, он без передышки устремляется к другому, и в конце концов, теряя все иллюзии из-за невозможности — ведь уже не важно, в какой женщине отражается "абсолютная"! — этот абсолют обрести, переходит к чисто эфемерному наслаждению процессом соблазнения и победы, а затем доходит до жажды творить зло как таковое (в некоторых редакциях легенды подчеркиваются именно эти черты Дона Хуана). Любовные похождения Дона Хуана продолжаются до бесконечности, так и не достигая "абсолютного обладания", которого просто нет — это своего рода муки Тантала; каждая история начинается с "высокого" переживания страсти, затем следует соблазнение и бегство, унижение от которого толкает снова и снова на поиск вожделенного и ненавистного объекта уже новой страсти; в конце концов все заканчивается простым стремлением разрушать и осмеивать. Интересно, что в отличие от литературных, в самых старых испанских вариантах легенды Дон Хуан погибает не от руки Командора, но уходит в монастырь. Ненасытная страсть в конце концов самоисчерпывается и наступает полный разрыв с "миром женщины". В иных случаях, в особенности, конечно, в искусстве, в легендах — в большей степени, чем в реальности, у страстной любви — трагический конец, предопределенный, разумеется, внутренней трансцендентальной логикой, даже если он вызван, казалось бы,

чисто внешними причинами — ведь он именно таков, какого на самом деле желают и сами влюбленные. К такому повороту событий применима строка: "Но лишь тонкая вуаль отделяет любовь от смерти". Это случай Тристана и Изольды. Если брать легенду в ее целом, во всем объеме ее содержания, то тема приворотного зелья не является в ней случайной и незначительной, как это может показаться. О таких любовных напитках мы уже говорили — их применение не относится к области простых предрассудков; особые смеси имели силу увеличивать напряженность *эроса* на элементарном уровне путем нейтрализации всего того, что внутри человека могло мешать его проявлению.¹ Если это происходит, у любящих может возникнуть комплекс любви-смерти, жажда растворения и самопожирания, жажда смерти и самоуничтожения. Вагнеровское "О, сладкая смерть! — о, пробужденное пламя! — Смерть от любви! — вот подлинная тема "героической любви". "Живою смертью вошел я в мертвую жизнь — Любовь убила меня, увы! Такою смертью... — я мгновенно лишился жизни, как и смерти..." — писал Дж.Бруно.² Музыка Вагнера делает этот мотив еще более выпуклым (возможно, в более положительных аспектах, как всякая музыка, таков же, кстати, и финал "Андрея Шенье" Умберто Джордано); в отличие от текста, усеянного мистико-философским "шлаком". Знаменитые стихи "In de Weltatems — Wehenden All — Versinkem — Ertrinken — Hochste Lust!"³ создают впечатление скорее провала в пантеистические глубины (смешание со "Всем", растворение внутри "божественного, вечного, забытого"), чем подлинного возвышения;

---

¹ В античном Риме были известны случаи безумия, вызванного использованием любовных приворотных зелий; говорят, оно стоило жизни Лукуллу и Лукрецию. На самом деле, в любом случае, пробуждение *эроса* на элементарном уровне с помощью специального средства может вызвать симптомы гебефрени, раздвоения личности, в особенности у подростков, у которых могут начаться внезапные и грубые действия, разрыв состояния и поведения с предыдущим вследствие того, что структура личности перестает совпадать с развитием страсти самой по себе.

² D. Bruno. *Eroici furori*. I, II, 10.

³ В скорбных волнах мирового дыханья — всепогруженье, потоп, высшее наслаждение!...

в них очень много чисто человеческого — ведь жажда смерти это прежде всего стремление обрести по ту сторону полное слияние с любимой, невозможное здесь (Тристан говорит: "Теперь мы мертвы, чтобы жить для этой любви, нераздельные, навеки вместе, без конца, захваченные душами друг друга").¹ Примерно такими же словами описывает действие приворотного зелья средневековый поэт Готфрид Страсбургский:

"Ihnen war ein Tod, ein Leben eine Lust, ein Leid gegeben... Da wurden eins und allerlei die zwiefalt waren erst".²

Продолжая этот сюжет, следует отметить: в случае Тристана и Изольды приворотное зелье не просто вызвало страсть, но преобразило в нее имевшую место первоначальную взаимную ненависть будущих влюбленных. Такая ситуация возникает достаточно часто: ненависть обнажает их половую полярность и соответственно сильную напряженность отношений, переходящую в сжимающееся, все раздавливающее кольцо взаимной любви, в которой внешние препятствия и индивидуальные проявления личности уже остаются где-то внизу.

23. Сладострастие и страдание. Садомазохистский комплекс

Как мы уже показывали, большинство древних божеств любви были одновременно и божествами смерти. Вера в такое единство всегда создавала совокупность представлений и идей. Если метафизически любовь-

---

¹ Известно, что опера "Тристан и Изольда" была вызвана своего рода сублимацией горячей страсти Вагнера к Матильде Везендонк. Выражения, которые мы можем встретить в одном из писем композитора к этой женщине, в своем роде замечательны: "Демон! Он переходит из одного сердца в другое... Мы уже не принадлежим самим себе. Демон, демон становится богом!" (A. Onofri. *Tristano e Isotta*. Guida attraverso il poema e la musica. Milano, 1934, p.17, 20).

² Им смерть и жизнь достались в дарованье,
Единство в разности и общее страданье.
Взаимно жизнь друг друга в них текла —
Вначале только двойственность была.

страсть всегда трансцендентна, то психологически каждая любовь, даже обычная, физическая, содержит в себе элемент разрушения, саморазрушения и страдания — "удовольствие" и "наслаждение" имеют изнанку, причем грубую.

И, очевидно, что тема смерти соседствует с любовной не только у романтиков, но и в обычном жаргоне влюбленных: "я люблю тебя до смерти", "я смертельно тебя хочу" и т.п. — все это так банально, что не хочется перечислять; однако конечный смысл всего этого совпадает с античным *cupio dissolvi*.¹ В стихотворении "Любовь и смерть" ("Amour et mort") Леопарди говорит о "жажде смерти", которой "истинная и страстная любовь есть начало". Это вытекает и из углубленного анализа феномена наслаждения. Вслед за Мечниковым, фрейдисты констатировали существование *Todestrieb*, жажды смерти, разрушения, лежащей "по ту сторону принципа удовольствия". Они считают, что есть биологический антагонизм между жадой смерти и сексуальным влечением.² И тогда остается лишь описывать формы и "взвешивать" смесь *либидо* (удовольствия) и разрушения-саморазрушения, в разных сочетаниях присутствующих повсюду. Вспомним описание фонтана у д'Аннунцио (в "Vergini delle Roccie"), заканчивающееся напоминанием древней мудрости: "Spectarunt nuptas hic se Mors atque voluptas-Unis (fata ferat), quem quo, vultas erat". ("Смерть и сладострастие так внимательно смотрят друг на друга, что их лица превращаются в одно лицо".) Отсюда неразрывная связь сексуальности и боли.

---

¹ Жадой растворения (лат.).

² Согласно Фрейдю, в организме происходит борьба между ним самим и тенденцией органической материи вернуться в первоначальное неорганическое состояние. С одной стороны, зародышевая плазма потенциально бессмертна, с другой — первичное вещество влечет к упадку и смерти. Это соответствует половому инстинкту и инстинкту смерти. Как и другие подобные авторы, Фрейд настаивает на том, что переход из неорганического состояния в органическое случаен, но в то же время (вместе с Фехнером, Пэйером и Вейнингером) указывает на постоянный обратный переход, например, в случаях склероза, окаменения ископаемых и т.п.; при всем том психоаналитики нигде не показали, как именно переходит неорганическая материя в органическую.

Совсем не обязательно выходить за рамки "нормального" и заниматься патологией. Но вспомним, что стоны во время полового сношения так похожи на стоны страдальцев. На разных языках женщины говорят своим возлюбленным, что, "кончая", они "умирают" (у Апулея — Met. III, 17 — Фотида, приглашая Луция, говорит ему: "Сделай так, чтобы я умерла"), да и само слово "спазм" ассоциируется с физической болью и страданием. Камиль Моклер справедливо утверждает, что сладострастие есть агония в самом строгом смысле этого слова.¹

Дабы понять весь круг этих идей, следует выяснить метафизику страдания как такового. Новалис утверждал — всякая болезнь трансцендентна, она ведет к пробуждению высших сил — негативное лишь усиливает позитивное.² В большинстве случаев это относится и к физической боли, конечно, в определенных пределах. С внутренней стороны боль — всегда переживание разрушения, но она же содержит в себе трансцендентный фактор, разрывающий конечное существование — в этом смысле прав Уордсворт, утверждавший, что страдание — в самой природе бесконечности.³ Сам страдательный характер боли связан с пассивностью, с тем, что человеческое Я соприкасается с внешней силой, подчиняется ей, а не подчиняет ее, разрушается, а не разрушает. В этом контексте перемена ролей, по Новалису, есть переход к положительным формам экзальтации.

Среди прочего это позволяет понять использование физической боли как источника экстаза в различных аскетических практиках. Таково, например, нанесение ран в неистовых ритуалах, применяемых адептами Руфаи — из исламской секты, близкой к суфизму дервишей — шейх провозглашает, что адепты, не пережив боли, не станут совершенными; боль есть "благословение как тела, так и души"; кажущиеся нам дикими

---

¹ C. Mauclair. *Magie de l'amour*.

² Novalis. *Werke ed Heilbronn*. v.II, p.650 sqq.

³ См. "Metafisica del dolore e della malattia" dans *Introduzione alla magia quelle scienza dell'io* (a cura del "gruppo di Ur"). Roma, 1956, v.II, p.204 sqq.

проявления мистического экстаза на языке этой секты — "способ отворения дверей".¹

В случае же эротического сладострастия или иных измененных состояний боль соединяется с наслаждением. У подлинно же влюбленных пробуждение чувств столь глубоко, что скорее следует говорить не о "сладострастии", но о высоком опьянении; такое нефизическое опьянение — потенциальная сущность любого *эроса*, оно не проходит даже после пережитого "спазма" или "смерти" при телесном акте — скорее, напротив, усиливает свою интенсивность.

Через понимание комплекса "сладострастие-страдание" в целом, то есть соединения *либидо* с инстинктом смерти и разрушения, можно вообще подойти к средоточию феноменологии трансценденции в профанической любви. Это прежде всего тайна двойственности женских богинь, воплощающих желание, сексуальность, сладострастие с одной стороны, смерть — с другой (например, Венера-Либитина или египетская богиня любви Хатор и она же Шехмет, богиня смерти).

Исходя из этого можно лучше понять фундаментальные основы эротического опыта, особенно моментов полного обладания и интенсивного желания. Стремление *овладеть* любимым существом и есть отличие половой любви от "чистой", от человеческого расположения. Чистая любовь не рассматривает *другого* как объект, она онтологически признает его "самость", "отдельность". Такова любовь христианская — проекция любви Бога к своему свободному творению — не принуждающая, не насилующая и не растворяющая в себе. Напротив, половая любовь включает в себя стремление подчинить, растворить самое душу — и даже если обладание не носит искаженного характера (см. §19), оно все равно является как бы возмещением за унижения, самоутверждением, борьбой за превосходство.

Всякий эротический толчок двойственен — в нем есть не только любовь и обожание, но и жажда подавить, разрушить, уничтожить, растворить; это всегда ограничение бытия бытием. В желании всегда есть же-

---

¹ W.B.Seabook. *Adventures in Arabia*. New York, p.283.

стокость — она связана и самой природой полового акта;¹ отсюда возможность говорить о "жестокой любовной горячке" (Метерлинк), о "смертельной ненависти полов", которая есть "основа любви, сокрытая или явная, но всегда присутствующая в ее проявлениях" (д'Аннунцио). Бодлер утверждал: жестокость и сладострастие суть одно и то же, как жар и холод.² У некоторых видов животных инстинкт уничтожения и половой инстинкт неразделимы — они убивают свою жертву прямо во время совокупления — у людей такое тоже встречается — в случаях преступного патологического садизма. Стихи Лукреция в этом смысле очень показательны:

Osculaque adfigunt, qua non est pura voluptas,
Et stimuli subsunt, qui instigant laedere et ipsum
Quodeemque est, rabis unde illa germina surget.³

Шпенглер, считавший истинную любовь между мужчиной и женщиной близкой к ненависти пульсацией двух метафизических полюсов, добавляет, что "нет ни одной расы, которая бы не знала этой опасной любви".⁴ В Китае тот или та, к кому некто испытывает непреодолимую любовь, именуется уан-сиа, что означает "предопределенный враг".

В психоанализе жажда уничтожить и поглотить любимое существо отождествляется с детским оральным комплексом или каннибалической фазой *libido* у взрослых, часто сокрытой в глубине бессознательного, но определяющей связь между *libido* и питанием (погло-

---

¹ В *Kama-sutrâ*, помимо подробного разбора техники укусов, использования ногтей и других видов болевого воздействия, есть описание эрогенно-магнетического воздействия различных следов, оставленных на теле.

² *Œuvres posthumes*.

³ *Rer. nat.* IV, 1070.

Поцелуи запечатывают одержимого нечистым вожделением
И своей собственной мукой разрушающего себя,
Каждого, чей бы фаллос не вставал волною (лат.).

Ср. d'Annunzio ("*Forse che si forse che no*"): "Застигнутые желанием, любовники бросаются в объятия ненависти, и сотрясение их ложа выдает то, что желание, разрушение и пытка — это одна и та же лихорадка".

⁴ *Untergang des Abendlandes*. München, 1923, v.II, p.198.

щением и перевариванием), присутствующей в любом сексуальном желании. Это не вымысел, но аналогия, связанная с реальным опытом. Вот слова Боссюе: "Что же до человеческой любви, то кто не знает, что она есть поедание, пожирание, вгрызание зубами в любимое существо, дабы питаться им, соединиться с ним, жить им".¹ Новалис говорит о более высокой стороне любви, его мотивы иные, иные и цели его писания, но и он (хотя и на совершенно ином плане) говорит о тайне любви как о тайне неутолимой жажды, в чем-то подобной таинству Евхаристии.² Однако часто не замечают одного обстоятельства: поедание — всегда разрушение, а абсолютное желание разрушать и растворять есть всегда и желание быть разрушенным и растворенным. В женской сущности всегда присутствует "растворитель", который одновременно есть вода смерти; в алхимической символике она именуется "коррозивной водой" (об этом мы еще будем говорить в свое время). Здесь — связь безумия, оргазма и климакса — всего, что в индийской терминологии именуется *sama rasa maithuna*.

Мы вновь встречаемся с двойственностью, характерной для трансцендирующих свойств *эроса* в целом. В частности, паре "страдание-любовь" (наслаждение) соответствует связь садизма и мазохизма. Шренк-Нотцинг изобрел неологизм "алголагния" (от греч. ἄλγος — боль и λῆυος — половое возбуждение), обозначающий эротическое наслаждение страданием: активная алголагния — садизм, пассивная — мазохизм. Сексология же просто говорит о садомазохистском комплексе. Это вовсе не патология, он присутствует в самой обычной эротике. Во внешних проявлениях (не метафизически, ибо тайные метафизические смыслы часто противоположны видимым), женщины чаще склонны к мазохизму, у

---

¹ См. Hesnard, cit., p.233 n. — Ср. у д'Аннунцио ("*Il Piacere*"): "Он хотел распахнуть ее, войти в нее, дышать ею, пить, владеть ею сверхчеловеческим образом".

² *Chants spirituals*. XV. "Божественный символ — Тайная Вечера — есть символ всех телесных чувств; и каждый раз — пылающие любящие уста — вдыхают дыхание жизни — и священный жар — расплавляет сердце в волнах содроганий — от которых отверзается зрак... — есть Его плоть — и пить Его кровь вечно..." (перевод подстрочный, с французского перевода).

мужчин же господствуют садические предпосылки. Иногда бывает — если половое общение не просто удовлетворение похоти, мало отличающееся от мастурбации — что двое преодолевают эту антитезу и, пройдя сложный путь, вступают в более сложные отношения. Но в садической эротике страдание другого воспринимается как что-то совсем постороннее. Воспринятое и растворенное, оно оказывается частью любовной экзальтации. А это уже мазохизм — удовлетворение скрытой жажды страдать и причинять страдание, как бы перемена субъекта и объекта. Очевидно, для мазохиста, как для женщины, боль, причиняемая партнером, в воображении переносится на него и порождает опьянение.¹ Многие формы наслаждения выступают как "замещающие" страдание. Садомазохизм может "служить приправой" к нормальным половым отношениям, "обменом фантазиями", который Шамфор считает главным определением любви: тогда эти тенденции становятся питательной почвой "самопревышения" влюбленных. В этих случаях уже не важно, является ли алголагния активной или пассивной. Боль-наслаждение — это уже не боль. Превращаясь в нечто позитивное, она становится элементом трансценденции. И все же надо понять — когда садомазохистский комплекс становится психопатологией или извращением, а когда нет. Полагаем, что патологическая ситуация — такая, при которой садистские или мазохистские ситуации *заменяют* нормальный процесс. Например, если мужчина не может достичь оргазма без того, чтобы высечь партнершу, или когда оба не способны завершить акт, не прибегая к таким дополнениям. Если же садизм или мазохизм используются для повышения чувствительности или "укрупнения" впечатлений в момент завершения для более глубокого переживания *эроса* — это не патология. Вообще нельзя считать патологией различные aberrации нормального инстинкта, точнее, дремлющие в глубине, латентные вариации, задавленные в режиме скованной, сниженной

---

¹ Очень выразительны слова поэта: "Кишки, открытые тебе, кричат... Желание крошит, а поцелуй кровавит. — Я рана, уголья печи, я жажду новой пытки... Я рана, рыгвины на мне ты поцелуем вытки" — Андре Ади, см. Péret, p.341.

сексуальности. Поэтому можно говорить не о болезненной алголагнии, без которой кто-то не может обходиться, но о совершенно нормальных проявлениях prolongation, обострения или углубления экстатического состояния в пределах нормального секса. Кроме того, встречаются коллективные и ритуальные формы мистического эротизма, содержащие эти проявления.

С садомазохизмом часто связаны различные обстоятельства лишения девственности. Пусть бессознательная женская тревога-ожидание, или примитивная мужская телесная настойчивость часто исчезают из обычных половых отношений, они почти всегда еще присутствуют при дефлорации и содержат элементы алголагнии. Однако это подлинное "посвящение женщины", если оно совершено мужчиной brutally, может иметь отрицательные последствия и в дальнейшем повредить нормальным отношениям. И в то же время есть основания предположить, что пробужденное в такой острой форме состояние опьянения, содержащее в себе разрушительное начало, связанное с болью при дефлорации, среди прочих факторов может вывести на гиперфизический план, к крайним, экстатическим состояниям, хотя это и трудно. Травма сознания может открывать сверхчувственное.

Поиск исторических свидетельств вышесказанному труден. Дошедшее до нас позволяет все же сделать вывод, что кое-где в древности существовали практики ритуального "отворения" девственниц. Инициатический момент при сексуальном пробуждении женщины присутствовал когда-то в некоторых исламских кругах. Мужчина передавал женщине частицу своей сверхчувственной силы — в исламской терминологии, *baraqah* со словами, похожими на приводимые Герресом¹: "Узри и пребывай во свете, твори и действуй в высшей свободе, ибо духовный свет и свобода даны каждому человеку". Травма дефлорации, возможно, была наиболее удобной для такой трансцессии.² Состояние женщины здесь по-

---

¹ В *Prodomus Galateatus de la Christliche Mystik*.

² Можно предположить, что подобную цель преследовали половые союзы, совершавшиеся в некоторых древних храмах, во время которых девственницы и вообще женщины будто бы соединялись с богом. Но

хоже на состояние бичуемой. Известно, что в некоторых кругах подобные ритуалы дожили до наших дней. Возможно именно поэтому античные сексуальные практики пользуются дурной репутацией.¹

24. Экстазы эротические и экстазы мистические

Мы уже упоминали разные формы садизма, не обязательно относящиеся к области пола. Следует вообще указать на часто встречающиеся превращения болевых ощущений в чувственные, что становится легко понятным. Из истории можно вспомнить о Елизавете Гентонской, которую бичевание "приводило в состояние опьяненной вакханки".² Изучение измененных состояний сознания в самом широком смысле позволяет легко нащупать сходство разных видов экстаза, как мистического, так и эротического. Психологи и психиатры занимались этими исследованиями, однако часто весьма недобросовестно, сводя проявления религиозного опыта к их эротико-истерическим искажениям. Объективно следует признать, что состояния экстаза, подобные тем, о которых мы говорим, не являются чистыми и за редкими исключениями имеют малое отношение к подлинной духовности (в свете которой — и это следует при-

---

профанация этих практик вскрылась в Риме, при Тиберии — храм Исиды был закрыт Сенатом в связи со скандалом, вызванным попытками патриция Мундуса, пытавшегося через подкупленных им жрецов овладеть гордой матроной Павлиной.

¹ Древняя рукопись, найденная у одной из шотландских ведьм, показанная директором "Музея ведьмовства" на острове Мэн свящ. Г.Б. Гарднером, рассказывает о бичевании женщины в процессе сексуальных инициаций. Свящ. Гарднер настаивает на полной тождественности содержания рукописи с орфической инициацией, изображенной на фресках "Виллы Мистерий" в Помпее — среди прочего там можно увидеть бичуемую женщину. Нам это не кажется убедительным. По нашему мнению, изображенное на фреске носит символический характер. Однако, в принципе, нельзя не отметить схожесть символических обозначений, относящихся к чисто духовному плану, с реально происходящим на плане физическом.

² Kraft-Ebing. *Psychopathia sexualis*. cit., p.40.

нять во внимание — указанные выше психопатологические объяснения оказываются не столь уж неверными). Такие состояния относятся к числу смешанных, промежуточных; отличительным признаком собственно извращения является преобладание чувственного над фундаментальным, или иначе — в этих состояниях мистicism оказывается просто питательной почвой для экзальтации. В христианской мистике это не редкость. В той степени, в какой в ней присутствует очеловечение божественного и обожествление человеческого, она приобретает черты сенсуализации сакрального (с использованием брачной и эротической символики), в противоположность сакрализации пола, известной дионисийско-тантрическому и инициатическому опыту.

Вообще, встречаясь с экстатической мистикой любого происхождения, надо помнить феноменологию трансценденции профанического *эроса*, чтобы понять, где собственно "мистика", а где сильная экзальтация, причем "одно может быть следствием другого, или же все это рождается одновременно".¹

Так можно объяснить появление эротических образов высокой интенсивности, и многие мистики рассматривают их как "соблазн": вообще это все одни и те же

---

¹ О мистическом эротизме, помимо этих слов, много очень точно было сказано Э.Леви (*Le Grand Arcane*). Мария Алакок и Мессалина имели между собой много общего: желания обеих были направлены за пределы видимого и их было невозможно удовлетворить. Разница в том, что если бы Мессалина могла предвидеть то, что делала Мария Алакок, она бы просто сошла с ума. Эротическая страсть, лишенная своего законного объекта и экзальтированная безумными желаниями, а если быть точным, то бесконечным насилием ... подобно случаю с маркизом де Садам, жадой пыток и крови: власяницы, покаяния, умерщвление плоти, смешанные с истерией и приапизмом, который приписывали прямому действию дьявола... Бредовые состояния сестер, покинутых своим "Небесным Женихом", на самом деле "суккубом, коронованным звездами", появление "Девы, царицы ангелов"... Леви пишет, что губы этой "роковой пары" были исполнены жажды и дрожи; однако, он считает, что источник видений был высоким и подлинным. Надо иметь очень ограниченный взгляд на мир, и это, увы, приходится сказать о Леви, объявлявшем себя эзотериком, чтобы видеть во всем этом "подлинные истоки любви" и более того, — "восхищение по ту сторону природы". На самом деле, среди различных иных и измененных состояний встречаются гораздо более глубокие источники "эроса", чем вызывающие описанные видения.

энергетические вибрации. Среди отшельников и строго постящихся также можно встретить такое — напомним высказывание святого Иеронима, ощущавшего горение духа и сильную жажду, жегшую его плоть, "как на костре".¹ В то же время в большинстве "первобытных" обществ техника экстаза очень схожа с описанной, однако по сути более высока. Это прежде всего относится к танцу, с древних времен одному из самых распространенных и используемых методов достижения экстаза. Сохранившиеся в танцах "цивилизованного" человечества почти всегда присутствующие элементы эротизма являются деградированным отражением древних практик. Мы с явлением взаимопроникновения различных форм одного и того же "опьянения", в котором узнаваемы следы все той же потусторонней силы — *эроса*. Именно об этом Джелаледдин Руми писал так: "У познавшего достоинство танца, мужской член принадлежит Аллаху, ибо ведает он, что любовь убивает".² И можно сказать, что это вообще ключ к практике одной из мистических исламских школ, существующей уже много веков, учителем которой был Джелаледдин Руми.

От переводчика:

Вместо комментария к § 24 предлагаем вниманию читателя восточно-православный взгляд на данный вопрос, доведенный до своего предела А.Ф. Лосевым ("Очерки античного символизма и мифологии". М., 1993, с. 881-892.).

---

¹ Не ясно, о ком здесь речь, возможно, об одном из позднекатолических святых (Прим. перев.).

² В одной из работ Гете есть интересное свидетельство о впечатлении, произведенных на него первым появлением вальса, в котором он увидел "обмирщенную" технику древних дервишей. Во время совершения круговых движений этого танца, ведущий партнер чувствует опьянение и внутренне владеет своей дамой, что делает для нее непереносимой самую мысль о том, что он мог бы танцевать с кем-то еще. Можно вспомнить и о впечатлении, произведенном этим танцем на лорда Байрона, впечатлении чисто моралистическом.

"Итак, Filioque является самым основным, самым глубоким и самым первоначальным расхождением католичества с православием. Тут именно с наибольшей принципиальностью прошла разница между византийско-московским православием, где в общехристианском опыте духовно-личностной индивидуальности в основании, в качестве первоначала и истока, положена сущность, или идея, как таковая, и личностное бытие управляется тут своим наивысшим принципом, идеей, и — римским католичеством, где в этом общем христианском опыте в основание положено не просто сущность и идея, но *ее тождество с материей и телом*, что и есть тут фактическое первоначало. Мы ведь говорили, что христианство, выдвинувшее новый опыт личности, разные моменты стало абсолютизировать из этой личной структуры. Православие базировалось на апофатической Сущности, которая равномерно проявлена в трех равночестных ипостасях. Католичество, отвергая абсолютную апофатику (которая всегда требует энергийного символизма), приняло за основу не просто Сущность, или идею, в личностном бытии, но — объединенность Ее с другими, более материальными личностями. Поэтому апофатизм превратился тут в агностцизм, а энергийный символизм — в статический формализм. Можно сказать и так. Язычество (и как его наиболее яркое выражение — платонизм) основано на скульптурном понимании бытия, а под скульптурой мы разумеем такой синтез чистой идеи-личности и чистой вещественности, когда идея выражена не абсолютно, но только постольку, поскольку это нужно для осмысления тела, и когда тело, вещь взяты не сами по себе, но только в меру проявления идеи. Отсюда — формализирование и опустошение идеи и окаменение материи, вещи, то есть появление прекрасного изваяния, в котором все максимально духовное превращено в абстрактную, в невыраженную и очень отдаленную акциденцию, а максимально реально — именно это прекрасное тело. *Католицизм и есть это язычество в христианстве*, языческий платонизм в православии, то есть христианский аристотелизм. *То, что языческий платонизм проделывает с идеей и материей вообще, то католицизм проделывает с идеей и материей в*

духовно-личностном бытии (ибо в духовном и личностном бытии также есть своя идеальная и своя материальная сторона). Этой концепции противостоит православие, которое не скульптурно, но музыкально-словесно, понимая под этим умную (а не телесную) воплощенность апофатической Бездны в умном же (а не в скульптурно-телесном) слове и воплощенность этого слова в живописном, то есть иконографическом, образе...

...Я не буду говорить тут о других догматах католической Церкви, но я настаиваю, что *все они имеют своим основанием Filioque*, что Filioque не есть что-то случайное, не ясное, излишнее или внешнее. Прежде всего, на основе Filioque построено католическое учение о *первородном грехе*, где мы находим, главным образом, две формы позитивизма — или августиновский фатализм, или ансельмо-скотовскую "юридическую" теорию. В силу Filioque существует догмат о *беспорочном зачатии Девы Марии*: рождение Христа Девой от Духа Свята для католиков мало обосновано, ввиду приниженного значения Духа Св., для восполнения чего требуется позитивно-эмпирическое очищение человеческого естества Девы Марии (при чем лжедогматическое ослепление не видит тут дурной бесконечности: чтобы был вполне чист Христос, надо признать непорочное зачатие Его Матери; чтобы признать непорочное зачатие Его Матери, надо признать непорочное зачатие родителей этой Матери, и так далее и так далее). <...>

Но ярче всего и соблазнительнее всего — это *молитвенная практика* католицизма. Мистик-платоник, как и византийский монах (ведь оба они, по преимуществу, греки), на высоте умной молитвы сидят спокойно, погружившись в себя, причем плоть как бы перестает действовать в них, и ничто не шелохнется ни в них, ни вокруг них (для их сознания). Подвижник отсутствует сам для себя; он существует только для славы Божией. Но посмотрите, что делается в католичестве. Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Дух Святой является блаженной Анджеке и нашептывает ей такие влюбленные речи: "Дочь Моя, сладостная Мне, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше,

чем ты любишь Меня". Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А Возлюбленный все является и является и все больше и больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем. Она сама через это входит в Бога: "И виделось мне, что нахожусь я в *середине Троицы...*" Она просит Христа показать ей хоть одну часть тела, распятого на кресте; и вот Он показывает ей... шею. "И тогда явил Он мне Свою шею и руки. Тотчас же прежняя печаль моя превратилась в такую радость, что ничего и не видела и не чувствовала, кроме этого. Красота же шеи Его была такова, что невыразимо это. Иногда разумела я, что красота эта исходит от Божественности Его. Он же не являл мне ничего, кроме шеи этой, прекраснейшей и сладчайшей. И не умею сравнить этой красоты с чем-нибудь, ни с каким-нибудь существующим в мире цветом, а только со светом тела Христова, которое вижу я иногда, когда возносят его". Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: "Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена", эти страстные взирания на крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и так далее и так далее? В довершение всего Христос *обнимает* Анджелу рукою, которая пригвождена была ко кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: "Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что *входит она в бок Христов*. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь они так велики, что не могла я стоять на ногах, но лежала и отымался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела".

Это, конечно, не молитва и не общение с Богом. Это — очень сильные галлюцинации на почве истерии, то есть *прелесть*. И всех этих истериков, которым является Богородица и кормит их своими сосцами; всех этих истеричек, у которых при явлении Христа сладостный огонь проходит по всему телу и, между прочим, сокращается маточная мускулатура; весь этот бедлам эрото-

мании, бесовской гордости и сатанизма — *можно, конечно, только анафематствовать*, вместе с Filioque, лежащим у католиков в основе каждого догмата и в основе их внутреннего устройства и молитвенной практики. В молитве опытно ощущается вся неправда католицизма. По учению православных подвижников, молитва, идущая с языка в сердце, *никак не должна спускаться ниже сердца*, в то время как агностицизм и позитивизм Filioque, будучи переведен в молитву, требует: 1) абстракции божественной сущности и 2) позитивно ощущаемых ее энергий. Но когда предмет знания абстрактен, а процесс его познания очень жизнен и напряжен, то в силу неудовлетворительности самого предмета образуется бесплодное воспаление и разгорячение этого процесса и невозможность удовлетвориться вместо спокойного видения и обладания, "священного безмолвия" исихастов. Православная молитва пребывает в *верхней части сердца*, не ниже. Молитвенным и аскетическим опытом дознано на Востоке, что *привитие молитвы в каком-нибудь другом месте организма всегда есть результат прелестного состояния*. Католическая эротомания связана, по-видимому, с насильственным возбуждением и разгорячением *нижней части сердца*. "Старающийся привести в движение и разгорячить *нижнюю* часть сердца приводит в движение силу *вожделения*, которая, по близости к ней половых органов и по свойству своему, приводит в движение эти части. Невежественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжжение плотского вожделения. Какое странное явление! По-видимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием". Это кровавое разжжение вообще характерно для всякого мистического сектантства. Бушующая кровь приводит к самым невероятным телодвижениям, которые в католичестве еще кое-как сдерживаются общецерковной дисциплиной, но которые в сектантстве достигают невероятных форм...

Кровавое разгорячение в умно-сердечной молитве есть ее Filioque. Оно — необходимый логический вывод из Filioque.

Православие для католичества анархично (ибо чувство объективной самой по себе данной истины, дей-

ствительно, в католичестве утрачено, а меональное бытие всегда анархично). Католичество же для православия развратно и прелестно (ибо меон, в котором барахтается, с этой точки зрения, верующий, всегда есть разврат). Католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию. Православие, развращаясь, дает хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм. Только в своем извращении и развращении они могут сойтись, в особенности, если их синтезировать при помощи протестантско-возрожденского иудаизма, который умеет истерию и формализм, неврастению и римское право объединять с разбойничеством, кровавым сладострастием и сатанизмом при помощи холодного и сухого блуда политико-экономических теорий."

25. Об опыте половых объятий

Многие авторы отмечают, сколь серьезны бывают любовники в момент соединения их тел. Учтивость, вежливость, пустая галантность, сентиментальность — все это исчезает бесследно. Даже либертины и проститутки, если только сознательно не играют определенной заданной роли, не являются исключением. "Когда любят, не смеются, может быть, еле-еле улыбаются. Любовный спазм — это также серьезно, как и смерть".¹ Никакой рассеянности. Сосредоточенный взгляд. Но это какая-то возвышенная сосредоточенность — бессознательная; она как бы заложена в самом процессе. Потому-то все, что может отвлечь, рассеять внимание, обязательно будет тормозить, мешать любовной паре. Иначе и быть не может — ведь любовь это как бы дарение самого себя другому существу — даже если связь случайна и заведомо не будет иметь продолжения. Серьезность, концентрация внимания — это глубочайшие черты любовного акта, способные превратить его из простого физиологического акта в подлинную мистерию.

---

¹ Piobb, *Vénus* cit., p.80.

Во введении к книге мы говорили, что обычно ни мужчина, ни женщина не могут внятно рассказать о пережитом по завершении полового акта — это происходит не только и не столько из-за естественной стыдливости, но еще и потому, что акмеический момент любви, ее *climax* как бы прерывает ход обычного сознания человека. Иначе и быть не может: здесь происходит, хотя и частичная, но трансценденция, внезапный выход за пределы конечного, эмпирического, условного "Я". Конечно, часто обыденное сознание остается даже в этот предельный момент неизменным, но бывает, что он превращается как бы в сияющее сновидение, тоже мгновенное, но уже имеющее продолжение за гранью условной реальности. Но это не сон — в любви налицо активная экзальтация, опьянение без помутнения сознания, *gartus*; при засыпании же, напротив, усталость и уход как бы в небытие. Экзальтация и магнетизм пола, бьющие сквозь открытое сознание, создают возможность для его еще более широкого разворачивания. Но когда и как это происходит и происходит ли вообще в профанической любви, сказать трудно. Для объективного научного изучения этого вопроса у нас, пожалуй, просто нет материала. К тому же, строго говоря, нельзя ограничивать себя опытом людей только нашего времени и нашей расы. Следует принимать во внимание разные народы и разные эпохи — но у людей, к ним принадлежащим, внутренний опыт совершенно не похож на современное европеизированное человечество. С другой стороны, исследование только материала, собранного лично автором, не может годиться для данной книги. Факты нельзя отвергать, но относиться к ним следует все-таки по-разному. Можно сомневаться в ценности сведений, содержащихся в так называемой "эротической литературе". Или, точнее, так: сведения из этой литературы обычно относятся к очень конкретным людям и ситуациям и для общих выводов ее недостаточно, хотя и она должна быть принята во внимание. Нам важнее другие источники.

Уже в Упанишадах¹ упоминается состояние экстаза и случаи "упразднения сознания как внешнего, так и внутреннего мира" в момент, "когда мужчина находится в женских объятиях". Традиция знает об аналогии любви с проявлениями *âtma* и их взаимоотношениями с трансцендентным "Я": "дух, объятый *âtma*, больше не видит ни внешних, ни внутренних вещей". И когда гетевский Вертер говорит: "С тех пор, хотя солнце, луна и звезды, наверное, по-прежнему вершат свой путь, я не знаю — встает ли день, опускается ли ночь — вселенная исчезла перед моими глазами", — он, конечно, ведет себя как чисто романтический герой, но не только — нельзя не заметить здесь точного соответствия сказанному в Упанишадах. Так меняется взгляд на мир при половом оргазме, и шире — при наступлении любви. Для человека это своего рода рана, вторжение невидимой "убивающей" силы. Такая сила *переворачивает* всю жизнь, одновременно сохраняя ее целостность — не поглощая и не растворяя.

Но следует видеть различие между подлинным соединением мужчины и женщины, магнетически влекомых друг к другу, и сношением, по существу ничем не отличающимся от мастурбации. Последнее происходит, когда люди ищут "удовольствий", а "принцип удовольствия" господствует в их отношениях, не давая возможности открыться истинной глубине *эроса*. Каждый из таких любовников, по сути, страдает бессилием — развлекая самого себя и игнорируя другого, он на самом деле не вступает с партнером в подлинное *отношение*. Здесь нет места экстазу — ни растворяющему, ни экзальтированно-обостренному. Возможно, библейское "познать" как синоним полового сношения как раз намекает именно на такое противоположное взаимной мастурбации, позитивное эротическое состояние. То же самое мы наблюдаем и в других традициях. *Kâma-sûtra* (II, X) допускает связь с женщиной низшей касты, но как раз только ради получения удовольствия; такое соединение именуется "случкой двух евнухов".

---

¹ *Bṛhadâraṇyaka-upanishad*. IV, III, 21.

Эллис рассказывает о молодой женщине, которой казалось, что во время полового акта она "переносилась в высшие сферы", "как бы под действием хлороформа".¹ Не следует считать это просто бредом. Очевидно и то, что простая фантазия не может породить свидетельства, подобные вот этому: "Он и она превратились в одного и того же человека. Он больше не был "им". Он был половиной нового тела. Это было очень странно, но они поднимались выше, выше, выше. Ослепительный свет и какой-то приглушенный звук как без звука переполнял их обоих, втягивая куда-то в какое-то бесконечное и вечное круговращение цветов и форм. И вдруг — удар. И вот они летят вниз, все ниже, ниже. С ужасом они закрывают глаза и летят, летят, летят, все ниже" (Л.Лэнгли). Упоминание о "звуке как бы без звука" — типично инициатическое ощущение "падающего сознания". Такое бывает при неожиданном "провале в сон" или, особенно часто, при употреблении гашиша, который Бодлер называл "искусственным раем". Добавим — и при сильном испуге, неожиданном взрыве или внезапном приближении смерти. Часто это сопровождается открытием, "отворением" совершенно новых чувств и ощущений. "Этот взрыв был возле меня, во мне. В одно мгновение трезвое дневное сознание как бы прервало свой ход. Но его заменило совершенно новое сознание. Оно вспыхнуло как бы от удара — ясно и всеохватывающе. Во мне вдруг открылось нечто огромное, открылось с несомненной очевидностью факта. А потом снова удар — и я вернулся в себя, к себе. И увидел ту же самую, знакомую мне землю, из которой топорщились редкие деревья". Это типичное описание перехода сознания с одного уровня на другой. Катализатор такого перехода — любовь к женщине. "Ему казалось, что вместе с ней он поднимается вверх на лифте, тросы которого почти порваны. В любую минуту они могут порваться совсем, а лифт — рухнуть. Но они продолжали свой подъем в бесконечность, и, когда она его обнимала, это были не объятия, а как бы новый удар, после

---

¹ H.Ellis. *Studies cit.*, V, v, p 161.

которого они резко взмывали — по ту сторону всякой сознательной жизни" (Ф.Тиес).

А вот еще пример: "Это были и два тела, и одно; одно тело в другом, одна жизнь в другой. И была только жажда, стремление вверх, все выше, поверх тел, поверх пылающей тьмы, безграничной, вне места, вне времени" (Дж.Рэмзей Ульман). Именно с проникновения в *глубину* женщины, в ее недра, ее лоно связан подобный опыт — ведь это как бы вхождение в "первоматерию", во всевозрастающее опьянение, которое завершается пароксистическим восхождением и нисхождением в оргазме, кладущем конец бессознательному. Весь этот опыт, конечно, очень трудно пересказать словами — любой пересказ будет поверхностным. Лучше выражать все это языком символов — ведь речь здесь идет ни о чем ином, как об особом маго-инициатическом режиме.

В одной из своих книг¹ Новалис утверждает, что женщина "лучше всех видимых вещей помогает сделать шаг от жизни тела к жизни души". Эротический опыт создает своего рода противодвижение. С одной стороны душа по ступеням спускается к телу и до уровня тела, плоти. Эти ступени в целом таковы — поцелуй, объятие и собственно половое сношение. Противоположное движение, — утверждает Новалис, — "восхождение от плоти к душе". Таким образом происходит "оплотнение", "воплощение" "духа" (души) и утончение, спиритуализация плоти. В результате человек приходит к состоянию не чисто телесному, но и не духовному, а к смешанному телесно-душевному. Это и есть эротическое опьянение. Происходит интеграция сознательного и бессознательного, охватывающая ранее закрытые области чисто органической, бессознательной жизни. Становится понятным выражение "соединиться с жизнью".² В другом отрывке тот же Новалис говорит о головокружительном сиянии половых объятий, при которых "душа и плоть касаются друг друга". Это состояние и есть начало более

---

¹ *Fragm.* p.101-102.

² "Я чувствую тебя как последнюю глубину, в которой моя душа смешалась с плотью" (D'Annunzio. *Il Fuoco*).

О воздействии женщины гетевской Вертер говорит: "Как будто душа проникла во все мои нервы".

глубоких изменений. В профанической любви, при обычных физических отношениях с женщиной такой опыт редок, но от этого не менее значим. Вот пример: "В нем происходило нечто загадочное, чего он не ожидал и не мог объяснить. Как будто его костный мозг постепенно наполнялся очень крепким вином, таким крепким, что он, наконец, опьянел. Да, он был пьян, но не постыдно пьян. Это не имело ни начала, ни конца, но было так сильно, что тело существовало без всякой связи с сознанием. Нет, не с женской плотью он слился воедино, но с самой жизнью. Он потерял себя, свою отдельность. Он был словно перенесен куда-то туда, где отсутствуют протяженности и длительности. Никаким языком не мог он выразить происходившее с ним, но почему-то при этом он видел свою жизнь во всей ее наготе и понимал ее. А потом они снова спустились вниз" (Лиам о'Флаэрти).

Идея о том, что половые объятия содержат в себе очищающую, катартическую силу, присутствовали в дионисизме и других подобных направлениях. Но иногда в профанической любви бывают дионисические проявления. Лоуренс не был никаким посвященным, но и у него один из персонажей говорит: "Все это касалось самых диких проявлений природы. Как же все-таки лгут поэты, да и все остальные! Они утверждают, что это тонкие чувства — да нет же, это жажда, больше чем жажда, жажда разрушительная. Но она же и озаряет дух — эта бессловесная, чистая, голая, блистающая чувственность". Мы замечали, что иногда этот писатель поднимался до мистического понимания плоти. Слова, приведенные выше, он влагает в уста женщины; они свидетельствуют, что для сексуально извращенных женщин — а именно таково сегодня большинство англичанок — только необузданная, ничем не ограниченная сексуальность может оказаться "целительным ядом". Она может неожиданно очистить душу именно потому, что разбивает преграды, возводимые перед человеком внешними, социальными факторами, ставящими грани между личностью и глубинами бытия. Однако если в этом опыте отсутствуют преобразующие черты, и это похоть, то можно, как и Лоуренс, говорить лишь о простой чув-

ственности". В этом случае позитивные аспекты секса очень редки, если вообще есть, — но это связано с ограниченностью большинства людей, не способных к какому-либо внутреннему развитию. Если бы не это, то из опыта, подобного описанному Лоуренсом, могла бы родиться своеобразная "языческая религия" плоти — не случайно Шпенглер отмечал внутреннее родство дионисийской оргийности и строгой аскезы — и то и другое враждебно грубой телесности и социальным преградам.

Приведя некоторые свидетельства чисто любовного опыта, мы видим, что некоторые ситуации очень похожи на случаи гебефрениии, описанные Марро. Объяснение этому достаточно просто. Известно, что все, кто так или иначе стремится к продлению акмеического момента полового сношения и усилению экстаза, рассказывают о страшной, непреодолимой силе, пробегающей по позвоночнику, "подобно электрическому току". Это явление обычно пугает, причиняет боль и даже физическое страдание, и большинство начавших подобную практику ее прекращают.¹ В этих случаях мы имеем дело с внутренними процессами, имеющими физические последствия. В какой-то момент душевно-физическое сексуальное опьянение становится ощущением только физическим. Налицо как бы деградация всего процесса — на поверхность сознания выплывает его негативная сторона. Однако феноменология происходящего глубже — происходит *частичное, неполное* и потому имеющее отрицательные последствия пробуждение *kundalini* — главной силы, используемой в оперативной практике Тантра-йоги. При обычных половых отношениях тоже иногда происходит такое пробуждение. "Пожирающий трепет, огонь быстрее молнии", о котором писал Ж.-Ж.Руссо, знаком достаточно большому числу людей из собственного интимного опыта. Упомянем еще об одной практике пробуждения *kundalini*, встречающейся в не-европейском мире. Это так называемый танец живота. Целиком переместившийся в

---

¹ В связи с этим интересно свидетельство, содержащееся в *Kâmâ-sûtra* (II, I), о случаях, когда женщина, "чем дальше, тем меньше сознает существование своего тела", и "просит остановить сношение, не доведя его до конца".

профаническую область и даже на Востоке сегодня исполняемый в ресторанах и концертах, танец этот когда-то имел традиционно-сакральный характер. Три положения рук и три выражения лица, последовательно сменяющие друг друга во время этого танца, соответствуют трем периодам жизни женщины. Последняя треть танца соответствует ее эротической функции, когда пробуждается kundalini — это подчеркивается ритмическим движением ее живота и лобка при танце. Вот рассказ одной из танцовщиц: "Я была ассистенткой у арабки, исполнявшей настоящий, не концертный танец живота. Все были арабы, и ритм создавали арабы, я была одна из Европы. Незабываемо. Это действительно священный танец — надо вращать kundalini с подъемом вверх. Это великолепно, особенно сама женщина, которая это делает. Она очень страдает, как в постели, да это и есть то же самое, что в постели, только лучше, прекраснее. Она сама должна еще петь, все звуки чему-то соответствуют — пробуждению, вращению, подъему, переходу с одного уровня на другой, от первого центра ко второму".

Этнографический материал обычно собирают люди, ничего по существу в его содержании не понимающие, подобные филателистам — и все их свидетельства поэтому слишком "цивилизованные". Это касается и танца живота, и других подобных явлений. Может быть, некоторым просто стыдно об этом рассказать — ведь весь этот опыт в сгущенном виде так похож на их собственные любовные истории

Из медицинской практики известно, что некоторые женщины в акмеический момент полового сношения вдруг погружаются в полукаталептическое состояние, которое иногда длится часами. Мантегацца в главе VIII своей *Fisiologia della donna* приводит аналогичные примеры. Индийская же эротическая литература все эти явления признает за норму и даже полагает за основу классификации женщин.¹ Что-то похожее на это опи-

---

¹ "Индийские эротические трактаты выделяют три типа женщин, теряющих сознание уже с самого начала сношения, четвертый тип — в момент, когда страсть сплетает тела любовников воедино, женщины же пятого типа вообще перестают различать себя и партнера" (См. Semidt. *Indiche Erotic*. Berlin, 1910, p.191-193.).

сано Барбе д'Орвилли в новелле "Le rideau cramoisi" ("Малиновый занавес"). Это лишь эхо переживаемого на Востоке, но у нас это так необычно, что писать об этом можно только в жанре "черной повести". Если женщина проявляет хотя бы отдаленное подобие такого поведения, его списывают на "истерию". Слово это не объясняет ровно ничего, подменяет одну проблему другой. Между тем все подобные явления могут быть объяснены только с точки зрения метафизики пола. И здесь важен не "обрыв сознания" и не другие состояния, примешивающиеся к "наслаждению" или даже к акмеическому моменту, но нечто большее. Переход к иному, новому, о чем сказано: "Его объятия не просто повергали ее в оцепенение — она верила, что превращается в совершенно иное существо, прозрачное, воздушное, частицу чистой нематериальной стихии" (Д'Аннунцио, *Il piacere*). Уже Бальзак, хотя и с известным литературно-идеалистическим педантизмом, описывал нечто подобное: "Когда затерянная в бесконечности супружества душа, отделившись от тела, летит над землей, ее наслаждения кажутся средством преодоления тяжести материи и способом отпустить дух на свободу". Действительно любящие друг друга люди уже после совершения физического сношения часто переживают подобие светоносного транса, как бы параллельного их земному, физическому супружеству. Это переживание — "рассеянное эхо" происшедшего на физическом плане в момент акме, или, точнее, как раз *не происшедшего*, восполнение неполноты оргазма. Однако чаще всего тайный, сверхфизический аспект такого "эхо" оказывается в дальнейшем рассеян и поглощен сентиментальными проявлениями "человеческой, слишком человеческой" любви.

26. Стыд: его метафизика и виды

"Бездна наслаждений затягивает и топит, — утверждает Колетт, — но любовь из них самое бледное, бессловесное, полное смертной грусти". Даже если подавить человеческое достоинство в конечном счете невоз-

можно, по сути, все равно справедлива поговорка *animal post coitum triste*, и то же самое в полной мере относится к человеку. Прежде всего речь идет, конечно, о соитиях, предпринимаемых ради чистого удовольствия — в них каждый одинок и существует сам по себе. Такая любовь по своей сущности не отличима от мастурбации.

Объяснить это можно только, если посмотреть "с той стороны" обыденного сознания, пронизанного арифметическим множеством любовных актов. Повседневная, имеющая христианские источники, мораль, теологическая ненависть к сексу здесь не поможет. Возникающее в любви чувство вины имеет не моральную, а трансцендентальную подоснову. Она — в изначальной предрасположенности человека к аскетизму, неотмирности. Справедливо это, правда, только в отношении мужчин; женщины чрезвычайно редко чувствуют себя униженными и подавленными после полового акта, если, конечно, к этому не примешиваются внешние общественные или иные обстоятельства (например, бессознательное табу).

Обо всем этом следует помнить, имея в виду такую важную составную часть эротического поведения, как явление *стыда*. Следует вновь напомнить двойной, позитивный и негативный аспект *эроса*, о чем уже шла речь. До сих пор мы в основном говорили о *позитивной* стороне, связывая метафизику пола с мифом об андрогине. Но есть и другая сторона; она отражена в мифе о Пандоре: *эрос* есть страсть, и хотя ведет к продолжению рода, но в то же время как бы увековечивает экзистенциальную потерянность человека, ибо "родовое бессмертие" — иллюзия, путь не в жизнь, а в смерть, в ничто. В связи с этим возникает вопрос: почему в мире, где господствует профанная любовь, "питающая круг зачатий и рождений, мужчина ищет себе женщину — от недостатка жизненных сил, ради их восполнения, или, напротив, — от их избытка, дабы в совокуплении "выйти из себя"? Здесь уместно вспомнить Киркегарда,¹ показавшего, что мужчина, до встречи с женщиной целостно-наполненный, "экстравертируясь", становится "полу-

---

¹ *In vino veritas*. p.52.

мужчиной" — он теряет свою самостоятельность, внутреннюю вертикаль.

Проблема не так проста. И способы ее разрешения в каждом случае разные — все зависит от точки отсчета. Ограниченность и неполнота неотъемлемо присущи конечной человеческой индивидуальности; потому уход в себя не самоценен, выход же за собственные пределы — напротив. Отсюда все положительные стороны эротического опыта, о которых мы уже говорили. Однако сплошь и рядом случается, что "выхождение из себя" ведет не к подъему, не к воссоединению с высшим, в том числе своим высшим "я", но к слепому вожделению, и в конце концов к падению, к самопотере, самопредательству и самораспаду. Потому так редко обретение полноты бытия на путях пола, так проблематичны сами пути. Потому сила женщины, чары ее так разрушительны, а экстазы соединения с женской субстанцией гибельны, враждебны, разрушающи. Потому слова Тертуллиана *foemina jamina diaboli*¹ положены в основание большинства аскетико-инициатических построений. Библейское *Non des mulieri potestatem animae tuae*² есть обобщение этого опыта.

Как мы уже показывали, предварительным условием любого внутреннего восхождения является сознательное или бессознательное пробуждение того, что на Востоке называется "сверх-сансарическим" или "чистым янь", то есть чисто мужским, сверхприродным началом человеческой личности. Случаи такого пробуждения очень редки. Чаще всего мы встречаемся лишь с его смутным "предчувствием-воспоминанием".

Вот предварительная основа для понимания такого явления, как стыд, стыдливость. Но прежде всего общее замечание. Стыд вовсе не обязательно относится к области пола: стыдом покрыты дефекация, мочеиспускание и собственно нагота. Некоторые указывают на то, что стыдливость не врожденна; ни дети, ни представители некоторых "диких" народов вообще не знали стыда. Дело, однако, в том, что в человеке существуют задатки,

---

¹ Женщина — сосуд дьявола (лат.).

² Не давай женщине власти над своей душой (лат.).

соответствующие его "идеи", "образы", которые на первых стадиях развития зачаточны и получают развитие лишь в определенной обстановке, обстановке "цивилизации". Тем не менее речь идет именно не о "приобретенном" чувстве, но о раскрытии изначально заложенного. Часто благородные задатки развиваются позже других.

Вообще, и вовсе не только в области пола, стыд является бессознательной преградой между человеком и "природой", или, говоря словами Мелино, стыд отделяет нас от животного начала в нас самих. Потому он не проявляется на доличностных (у детей) или регрессивных (у дикарей) стадиях развития человека, на которых высший принцип, высшее "Я", главная движущая сила стыда еще или уже не проявляет себя.

Поняв это, можно снова вернуться к нашей главной теме. В области пола следует выделить три категории стыда — перед наготой как таковой, перед обнажением половых органов и перед собственно половым актом. При этом следует строго разделять стыдливость мужскую и женскую. Последняя вообще не имеет глубинного, метафизического смысла. Для женщины ее "чистота" или "невинность" всего лишь одно из украшений, способов придания себе сексуальной привлекательности. Такая "прикладная стыдливость" ничего общего не имеет с подлинным чувством стыда, испытываемым мужчиной. На вне-этичность женского стыда указывает его немедленное исчезновение в чисто женском обществе, в котором господствует своеобразный эксгибиционизм (кроме случаев физических недостатков), чего среди мужчин никогда не бывает, хотя к этому и склоняет вся атмосфера деградирующих цивилизаций, таких как современная. В точном соответствии со своим "прикладным характером", женская стыдливость, пронизанная "психологическим символизмом", как бы блуждая по поверхности, чередует свои объекты. Известно, что в арабо-персидском мире главный объект женского стыда — рот. Если мужчина случайно застанет девушку обнаженной, она станет любой материей покрывать сначала именно рот, а затем уже все остальное, даже самые интимные части тела. А китайки прячут ступни и пальцы

ног — даже мужу можно показывать их очень редко. Подобных курьезных примеров множество, причем у разных народов и в разные эпохи. Так оказывается, что любая часть тела есть лишь символ, и безразлично — скрывать ее или открывать, прятать или демонстрировать, тогда как наибольшую стыдливость женщине следовало бы проявлять в отношении наиболее сексуальных частей ее тела. Ведь и то, что, согласно некоторым латинским авторам, "пробовать" или "вкусать" означает лишать девственности, то есть принимать самый большой эротический дар, по сути, выражает ту же мысль, но женщинам она как бы неведома.

"Прикладная сексуальность" женской стыдливости, отсутствие в ней автономно-этического начала особенно ясно видно в том, что женщина совершенно бесцеремонно может публично выставлять практически любые части своего тела — от обнажения рук до щеголяния в современных купальных костюмах, закрывающих едва ли не несколько сантиметров ее тела. Было также справедливо замечено, что не следует напрямую связывать стыдливость и ношение одежды — многие виды стыда известны народам, не носящим одежды вообще.¹ Известно, что женщине вовсе не обязательно снимать одежду — наиболее завораживающее действие производит не нагота, а ее обещание. Тем не менее во всем мире считается, что стыд вызывают именно половые органы — отсюда их именуют *putendem*, срамными частями и т.п. Это происходит, видимо, оттого, что, как считал Вико, люди когда-то скрывали от Бога свои сексуальные действия — потому в примордиальный период они, прежде чем соединиться, тщательно прятались. В этой связи вызывают внимание некоторые замечания Шопенгауэра. Он писал, что первый взгляд будущих влюбленных друг на друга всегда исполнен страха, а не только желания; они как бы, прячась, затягивают наступление близости, а когда она "застает их врасплох", оба чувствуют, что совершили преступление. Все это, конечно, бессознательно — просто некое смутное чувство подсказывает, что предаться любви означает пре-

---

¹ H.Ploss et M.Bartels. *Das Weib in der Natur-und Volkerkunde*. v.I, p.395.

дать вечно высшее, оказаться виновным. Однако любые объяснения здесь фальшивы и неточны. Жизнь всегда — скорбь и боль, а так как, по Шопенгауэру, цель и смысл *эроса* только в продолжении рода, любящие виновны уже в том, что эту скорбь и боль они передают и продолжают во времени. Если бы оптимизм был обоснован, если бы наше существование было благим даром, соединением доброты и мудрости, даром драгоценным, величественным и радостным, то и акт его продолжения был бы иным.¹ Все это пока что малоубедительно. Пессимизм Шопенгауэра — вывод лишь его личной философии; в любом случае описываемые нами феномены свойственны также и цивилизациям очень далеким от пессимизма и вообще от дуалистических концепций типа христианства с его противопоставлением "духа" и "плоти". Подмеченное Шопенгауэром явление совершенно самостоятельно — и любые моралистические и теологические проклятия сексуальных отношений есть на самом деле абсолютизация глубинных смыслов. На самом деле все это — смутное ощущение двойственности *эроса*, с одной стороны, искушающего человека человеческой неполнотой и предлагающего восполнение, с другой — ведущего к краху и измене более высокому призванию, в особенности через предоставления возможности быстрого утоления жажды, или же продолжения рода — социальную и сентиментальную подмену абсолютных целей существования. Пусть не женщины, но мужчины, во всяком случае, всегда ощущают растления их внутреннего мира вожделениями, ущерб в самих себе сверхприродному началу — всякий раз, когда яду не противостоит противоядие, а экстаз не трансформирован в некие освобождающие формы. Среди людей, не сознающих свое бытие, воспринимающих его просто и приблизительно, это метафизическое ощущение пола приобретает форму простой стыдливости. Это явления, не объяснимые в рамках натуралистической и биологической концепции человека, породило, в свою очередь, множество фантазий у психоаналитиков, выду-

---

¹ A.Shopenhauer. *Metaphysic der Geschlechtleibe*. ed Cotta, Berlin-Stuttgart, v.VI, pp.119, 128-129.

мавших теорию табу в примитивных обществах, теории родительских комплексов и бессознательного. Единственное же глубокое объяснение — шопенгауэровское, но с внесенными здесь поправками; по крайней мере, за основу следует взять положение о том, что "жизнь есть боль" вполне адекватна популярному изложению буддизма, к которому Шопенгауэр очень близок — известно, что на Востоке предпосылкой достижения *sambodhi* — озарения, нирваны считается осознание глубинной боли самого существования как такового.

27. Смысл оргии

В один ряд с явлениями вырождения, подобными бесстыдству современной женщины, или сознательным путем распада в либертинаже ни в коем случае нельзя ставить коллективные оргиастические праздники и ритуалы; опыт их переживания далеко уводит от обычного секса. Исчезает связанный с сексом "комплекс вины", колебания *эроса* сдвигаются в сакральную, уводящую от простой похоти область. В "примитивных" обществах, испытывающих устойчивое отвращение от обнажения полового акта, такое отвращение немедленно исчезает, если становится частью некоего культа. Вот пример: в античной Греции женщины совершали действие, именуемое *αναστροφή* в определенное время считавшееся божественно установленным; они снимали с себя одежды, демонстрируя самые интимные части тела; с наступлением сакрального времени, женская "прикладная стыдливость" немедленно исчезала.

Наблюдения над метафизикой оргии позволяет предположить, что объяснить ее надо именно после разбора феноменологии профанной любви, но до перехода к анализу иерогамических и сакральных форм. Действительно, оргиастические проявления промежуточны: индивидуальные аспекты *эроса* уже predeterminedены, но еще по-прежнему происходит излияние семени в женское лоно и, соответственно, есть возможность зачатия. Однако на протяжении истории при сакральных

коллективных оргиях случаев оплодотворения всегда было очень мало — гораздо меньше, чем можно было бы ожидать — это связано, видимо, с тем, что сила пола в них уже приобретала иную внутреннюю направленность.

Конечной целью оргиастического промискуитета, как мы его понимаем, является нейтрализация и последующее исключение из поведения так называемого внутреннего "социального человека". Этнография в значительной степени утратила знания о первоначальном, "природном" промискуитете.¹ На самом деле у диких племен промискуитет всегда так или иначе ритуален. Как у них, так и в античном мире оргия всегда означала прежде всего временный разрыв социальных связей, общественных ограничений силы *эроса*. Ослабляя сковывающую "социального человека" дисциплину, промискуитет на время открывал возможность самореализации. В оргии первоначально именно стремление к освобождению. Согласно этнографам, у диких народов оргиастическая практика имеет явно сезонный характер, однако все эти описания и толкования, вероятно, имеют дело уже с деградировавшими, затемненными формами. Элементы магии, несомненно, налицо — праздники урожая, плодов и так далее. Однако вне зависимости от них следует все же искать связь промискуитета прежде всего с природно-космическими календарными циклами как таковыми. Так император Юлиан не случайно избрал датой подобных ритуалов день солнцестояния, когда солнце как бы приостанавливает свой путь по орбите и "теряется в бесконечности": это, действительно, самый подходящий космический фон для оргиастического и дионисийского освобождения. Таковы Сатурналии, в которых сквозь простонародную распущенность явно проступали очертания древних оргиастических культов. Согласно толкованиям, они обозначали временное возвращение примордиального века, когда царствовал Сатурн-Хронос и не было ни законов, ни социальных различий между людьми. Эзотерическая традиция эти толкования углубляет: Сатурналии пробуждали в историческом времени время мифологическое, то, что

---

¹ См. E. Westermarck. *Histoire du mariage*. Payot, Paris, ch. IV-VI.

вне времени как такового и вне истории — в вечно прошлом и вечно будущем — вне запретов, ограничений, вне рамок индивидуального существования.

Поддерживаемые сакральными институтами того времени и "питаемые" царящим в древности "климатом", оргиастические празднования давали людям ощущение катарсиса, очищения мыслей, уничтожения всех условностей обыденного сознания — все это невозможно пережить в рамках профанического *эроса*, индивидуальных половых связей. Слово "омовение", что более точно, чем "очищение", как бы придает происходившему новый смысл. В традиционной символике "Вода" — первобытная недифференцированная субстанция, предшествующая всякой жизни, точнее, всякой форме, и поэтому освобождающая от любой ограниченности. В большинстве традиций "погружение в воду символизирует возвращение в первоначальную бесформенность, растворение форм и их воссоздание в первозданном виде и полное перерождение мира".¹ *Воды* "очищают" или, в религиозных и эзотерических терминах, "смывают грехи" и тем самым перерождают человека: этот смысл, сохранившийся в различных очистительных ритуалах, присутствует и в христианском таинстве крещения.

Предваряя рассказываемое в следующей главе, отметим, что в традиционной символике *Воды* аналогичны женскому началу вообще и прежде всего Великой Богине Матери: их общий древний символ — перевернутый треугольник ∇ , очертаниями напоминающий женский лобок и вульву. Отсюда можно понять фундаментальный принцип оргий: освобождающее нисхождение в бесформенность, осененное женским знаком. Для сравнения отметим, что в индийском эпосе появляются под "водяным" именем *Apsara* женщины-чаровницы, "небесные блудницы", главное занятие которых — совращать аскетов. Рожденные Водами, они содержат Воду в своем имени: *ap* — вода, *sara* — происходит от корня *srī*, что означает "течь", "струиться". Аналогичный смысл имел древний праздник *Вод*, во время которого обнаженные женщины проходили через воду, вызывая у зрителей

---

¹ M.Eliade *Traité d'histoire des religions*. Payot, Paris, 1949, p.168, 173.

жажду, преобразуемую в "сияние духа". Этого "акме" любовной оргии не понял в остальном верно характеризующий оргиастическую практику Мирча Элиаде. "В связи с верой в циклическое возрождение космоса, олицетворяемое аграрными культами, — писал он, — возникло неисчислимое множество оргиастических ритуалов, воспроизводящих первоначальный хаос, единство вне противоположностей, существование до сотворения".¹ И далее: "Оргия, как и погружение в воду, растворяет, но в то же время и воссоздает, воссоздает неразделенного, докосмического "нового человека".²

В точном соответствии со смыслом такого космопантеистического откровения, становящегося частью личного опыта, следует вновь подчеркнуть двойную позитивно-негативную возможность *эроса*. Соединение с Водами, с Бесформенным, если оно затрагивает сверхприродное ядро личности, может это ядро и освободить, но может и разрушить. Сам Элиаде это тоже понимает — не случайно он цитирует Гераклита: "Превращение в воду — гибель души".³ О том же — известный орфический фрагмент: "Вода — смерть души" (Clem., VI, II, 17, 1). Отсюда предпочтение, отдаваемое солнечному, "сухому пути" освобождения и утверждения мужского начала, выводящему из круга рождений, перед "влажным путем", неизбежно связанному с веществом и питанием. Но традиционные символические доктрины вообще разделяют Высшие Воды и Воды нижние. Этот мотив присутствует и в Библии. Особенно ясно его выразил Джордано Бруно: "Есть воды подземные, слепящие, и воды небесные, озаряющие".⁴ Остается подвести итог — оргия, хотя и может, уничтожая индивидуальные рамки, выводить ее участников на иной план, все же сохраняет, как и всякая человеческая любовь, "двойное лицо", оставаясь промежуточной, срединной формой *эроса*.

---

¹ *Ibid.*, p.299.

² *Ibid.*, p.307.

³ *Ibid.*, p.175-176.

⁴ G.Bruno. *Degli eroici furori*. cit., intr., p.22-23.

Приложение к III части

28. Маркиз де Сад и "Путь левой руки"

Мы уже приводили различие между садическим поведением психопатов, извращением, смысл которого в жажде жестокости как психическом возбудителе на пути к половому удовлетворению, и садизмом как естественном проявлении эроса, направленном за пределы обыденного. Во-первых, садизм в узком, чисто сексуальном, смысле и в смысле широком. Тогда женщина и секс могут не участвовать в мотивировке поведения или присутствовать на его периферии — главное же в получении удовольствия от творения зла самого по себе, жажды разрушения. Связь между этими двумя видами садизма вовсе не обязательна, что игнорируется психологами и психоаналитиками. Садизм в общем смысле соотносится с гораздо более широкой и важной областью — общей экзистенциальной ориентацией. Вообще надо понять различие хотя и предельно проблематичного, но чистого в основе своей опыта от искусственности, граничащей с извращением или прямо таковым. Обычно извращением считают наслаждения, почитаемые господствующей моралью за "зло" или "грех". Садизм, конечно, имеет к этому отношение. Показателен пример Бодлера: он знал, что любовное наслаждение всегда включает в себя творение зла. Как мужчина, так и женщина, с рождения ведают о зле — средоточии всякого сладострастия.¹ Но "извращенность" декадентской литературы XIX века (Байрон, Бодлер, Барбе д'Орвильи, Оскар Уайльд, Вилье де л'Иль Адам, Суинберн, Мирабо и т.д.) умозрительна и искусственна. Дело в другом — реальную склонность к извращению имеет уже ребенок, получающий удовольствие от совершения чего-нибудь "запретного" — все равно чего. Возбуждает сам факт запрета — в связи с этим Анатолий Франс писал, что, утверждая греховность плотской любви, христианство способствовало ее рас-

---

¹ *Œuvres posthumes.*

пространению. Многочисленные пугающие описания черных месс и сатанизма, вроде содержащихся в книгах Гюисманса, только питают почву для подобных проявлений. Это вообще характерно для декаданса. И надо разобраться — что же все-таки есть садизм в чистом его виде. А потому обратиться непосредственно к рассказу о человеке, давшем свое имя этой "тенденции" — "божественному маркизу" Альфонсу Франсуа де Саду (1740-1814).

Кто изучал жизнь этого человека, всегда начинал понимать, что "садизм" его был все-таки тоже умозрительен, точнее, интеллектуален. Сам де Сад был деликатен, почти женственен. О конкретных жестокостях, совершенных им, ничего не известно. "Распутство" его было обычно для высшей знати того времени — времени "либертинажа". Однажды он высек свою любовницу — но это обычная, издревле известная эротическая практика. В период революционного террора, когда кровь лилась рекой, де Сад спас многих близких и друзей от гильотины. Две его основные любовные связи — с собственной женой, разлученной с ним вовсе не по причине "садизма", а также с ее сестрой, — вполне "нормальны". "Садизм" де Сада проявляется лишь в книгах, рожденных одиночеством, — в тюрьме, а затем в больнице в Санте, куда поместил его Бонапарт вовсе не за какие-то "извращения", а просто за памфлет, написанный де Садам против него, Бонапарта. Множество женщин, искренне любивших заключенного, буквально осыпали Наполеона прошениями об освобождении "бедного маркиза".¹

Обратимся теперь к писаниям де Сада. Да, мы действительно находим там философское обоснование и даже оправдание садизма. Согласно маркизу, господствующей силой во вселенной является сила "зла", разрушения, преступления. Он признавал существование Бога-Создателя и Правителя мира. Но Бог в восприятии маркиза зол, Его природа — "зло". Ему доставляет удовольствие разрушение и преступления — средства осу-

---

¹ См. об этом: A. Dühren. *Der Marquis De Sade und seine Zeit* Jena, 1901.

ществления Его замысла о мире.¹ Вот почему все негативное в мире преобладает над позитивным — это закон реальности: природа открывает нам, что создана ради разрушения и оно — первейший ее закон.² Все ценности в мире перевернуты: отрицание и разрушение его служит положительным целям. А согласное с Божественной волей — мировому порядку (точнее, беспорядку). Поэтому противление Богу и миру, по де Саду, — благо; противники Бога служат добродетели, гармонии, добру.

Еще одно логическое следствие — порок и преступление находятся в согласии с господствующей космической силой и поэтому всегда побеждают, благоденствуют и наслаждаются удачей в то время как добродетель порушена, наказана и отмечена непреодолимой слабостью.³ Отсюда берет начало собственно садическая тема — разрушительного экстаза, наслаждения жестокостью как нарушением порядка. Счастье человека на земле так же связано с преступлением, как солнце является главным сожигателем растительности, — утверждает де Сад⁴ и добавляет: "Каждое действие, связанное с наслаждением, есть разрушение. Нет большего экстаза, чем вкусить этого божественного бесчестия!" Наслаждение разрушением и нарушением космических законов⁵ — нечто близкое к самоощущению "сверхчеловека". "Мы боги!" — восклицает один из персонажей его романа.

Так называемый половой садизм — попросту часть садизма в самом общем смысле. "Садическое" понима-

¹ De Sade. *Juliette, ou les prospectives du vice*. ed. 1797, II. Восприятие де Сада таково. Существует Бог, создавший все видимое, однако ради зла; Он сотворил все во зло, и зло. Его сущность Ради зла Он создал мир, посредством зла поддерживает его, через зло и во зло продлевает; только во зло творение может существовать. Я вижу в мире только вечное и всеобщее зло. Создатель вселенной — самое зло, самое жестокое, самое ужасное из населяющих ее существ. Он будет существовать и после них — в Его лоно, лоно зла, вернуться они, полные зла.

² De Sade. *Justine, ou les malheurs de la vertu*. I.

³ Де Сад говорит о "заблуждениях добродетели": она противоречит всей системе мироздания, и все, кто ей следует, должны через ужасные мучения, преодолев ее, войти в лоно зла, дабы обрести возрождение и "восстановление" (*Juliette*. II).

⁴ *Justine* II

⁵ *Juliette*. II

ние мира таково: всякая аберрация, нарушение порядка, освобождение и извращение есть расширение горизонта видения. По де Саду, "извращение" присутствует везде, где есть наслаждение упадком, злом, смрадом. Но ведь, если вдуматься, это противоречит его философии, взятой в ее целом. В самом деле, если действительно веришь в злого Бога и сотворенный Им мир, то ощущать зло как зло — странно. Что скрывалось за этим? — Прац даже утверждал, что через наслаждение упадком и насилием против сущего садизм в глубине своей утверждает "добродетель". Будто бы, попирая природное и божественное, он восстает против укорененных во зле основ творения. Таким образом, получается, что так называемый "сатанизм" может бессознательно оказаться "священным по природе", и это касается не только садизма, но и всего в наших душах, тайно ищущего наслаждения в попрании и сопротивлении окружающему миру и его законам. Есть разница, когда мы сознательно совершаем (или, напротив, не совершаем) что-либо, считая это злом и грехом, и когда то же самое ни во зло, ни в грех не вменяем. Чисто фактологически, вовсе не ради какой-то полемики, можно вообще не называть никаких действий "злыми", "греховными" или "упадочными" или во всяком случае не вкладывать в эти слова оценочного смысла. Просто говорить о них как о мировых силах.¹

Измерений "садического" опыта множество — среди них, например, относящиеся к метафизике боли. Де Сад вовсе не был первым, обнаружившим, что деструктивные элементы мира способны складываться в своеобразную противорелигию; просто необычность и "извращенность" его идей для его времени обратила на них более пристальное внимание. Существуют метафизичес-

---

¹ В истории известен случай действительного, а не умозрительного, как в случае с де Садом, садизма. Это касается знаменитого зверствами и извращениями маршала Жюль де Ре, сражавшегося под знаменами Жанны д'Арк. Неотвязно совершая такие поступки при жизни, он, однако, умер, приняв полное церковное покаяние. Так же и Оскар Уайльд, апологет извращения, бывший в жизни гомосексуалистом и придававший этому пороку эстетическое значение, также принял покаяние, в отличие от своего героя Дориана Грея, постоянно делающего зло, воспринимаемое, однако, как добро.

кие концепции, выделяющие три силы, три начала творения: собственно творящее, охранительное и разрушительное: в индуизме это известная триада "Брама-Вишну-Шива". В абстрактно-теологических терминах это божество, одновременно создающее, сохраняющее и губящее им же созданное. В динамическом и имманентном смысле разрушитель в этой триаде — бесконечный Шива, бесконечно через разрушение преодолевающий все конечное, всякий закон, всякую вещь. Это и называется "Путем левой руки", в тантрических терминах — *vâtmâcâra*. На западе известен до-орфический дионисизм, религия Загрея, "Великого Охотника, все опрокидывающего навзничь". На Востоке это тот же шиваизм и культы Кали, Дурги и других божеств "ужаса" — у многих народов сохранился этот древний восторг разрушения, освобождения, упадка; в интимных отношениях освобождающая экзальтация ведет к оргиастическому опыту. Что же до де Сада, то у него встречаются мотивы, этот опыт явно обожествляющие, освящающие и преображающие.

Bhagavad-gîtâ, индийский текст, не менее популярный, чем Библия, описывает "Путь левой руки" в строго метафизических и теологических терминах. Божество в своей наивысшей форме открывшееся таковым, согласно тексту, воину Арджуне, не может не быть бесконечным, а значит, не может не породить также и кризисов, разрушений, ломки всего конечного, условного, смертного. Оно подобно току высокого напряжения, сотрясающему все, к нему подключенное. *Время*, также изменяющее и разрушающее формы, — один из аспектов такого трансцендирующего божества. Плод разрушения — обнажение высшей реальности в моменты самых страшных кризисов и потрясений. *Bhagavad-gîtâ* не оправдывает ни зла, ни извращения — она лишь дает "метафизическую санкцию" воинскому героизму, попирающему простую человечность и сентиментальность. Божество посылает воина Арджуну в мир — сражаться и сокрушать. "Те, кого ты убьешь, уже убиты во мне — ты

только орудие."¹ Рожденный воином не может щадить жизни — ни своей, ни чужой — этим он хранит верность высшему закону. Арджуна воплощает могущество как таковое, всеобщее и страшное, трансцендентное, всеразрушающее могущество как путь к освобождению. Это высший путь, божественное опьянение, "мания", или, по Платону, героико-воинское в собственном смысле. Минуты активной экзальтации разрушения и есть священное безумие кровавой жертвы, требуемое "божествами ужаса". Отголоски этой традиции слышны у Новалиса, воспринимающего страдание и болезнь как трансцендирующие состояния. Через "зло" проявляется свобода, свобода выбора и суда. "Когда человек стремится превзойти Бога, он грешит". Изменение, дряхление и сама смерть плоти связаны с тем, что духовное находится по ту сторону природного бытия, конечного и условного. "Негативное" — следствие торжества духа над природой, а не наоборот. "Ход истории есть объятия", — говорит Новалис, а смерть — приятие жизни в таковые объятия, переход в новую жизнь по ту сторону жизни.² Можно привести и слова Шлегеля: "Жажда разрушения отражает смысл божественного творения. Через смерть торжествует жизнь вечная".³

Воззрения Новалиса, конечно, только тень "Пути левой руки"; к тому же все это он знал только умозрительно, сам живя иначе. Но и у "божественного маркиза" де Сада, хотя он, конечно, вовсе не "божественен", знание этих путей тоже нельзя считать столь уж перверсивным и "сатанинским". Связь мистики отрицания и секса вовсе не всегда проявляется у него так прямо. К тому же следует еще и еще раз подчеркнуть — "предельные" эротические переживания вовсе не всегда "извращение".

Дополним сказанное о "Пути левой руки", как понимает его индийская традиция. Он не отделим от доктрины цикличности проявлений, чередования *pravriti marga* и *nivriti marga*, после завершения которых насту-

¹ См. у де Сада (*Justine*. II): если разрушение — закон природы, то разрушитель только ему повинен.

² Ed. Heilborn, II, pp. 230-650.

³ F. Schlegel *Ideen* etc.

пает повторение цикла. На первой фазе абсолютный дух определен, структурирован, связан формами и ограничениями (имя-и-форма, *nâma-rûpa*), видимыми во всех вещах и сущностях, окружающих нас. Когда процесс оформления доведен до предела, начинается вторая фаза, *nivritî marga*, отмеченная возвращением к бесформенным истокам, освобождением духа от всего конечного и проявленного разрывом связей с идентификациями, сложившимися на предшествующей стадии.¹

Брама и Вишну, божества созидающие и охраняющие, царствуют над *pravritî marga*, Шива над *nivritî marga*. В глубинном смысле "Путь правой руки" (*dakshinâcâra*) соответствует первой фазе, "Путь левой руки" (*vâmâcâra*) — второй. Первому, созидательно-консервативному аспекту становления соответствуют стабильные законы, нормы и культы; в этике господствует принцип верности (*svâdharma*) внутри традиции. На второй фазе путь обратен — нарушение всех норм и разрушение всего. Личным поведением здесь может быть или строгий аскетизм, или, напротив, разрушительный разгул страстей. Этот последний, собственно, и именуется *vâmâcâra*, "Путем левой руки", который в тантрических практиках охарактеризован как "тайный ритуал" (*Pancatattva*), в то время как аскетизм представлен *Laya-yoga* или Йогой растворений. Корень *vâmâ* (левый) в слове *vâmâcâra* в некоторых текстах истолковывается как "обратный" и понимается как противоположность *pravritî marga*. В конце концов *vâmâcâra* оказывается ключом ко всякому разрушению законов и норм, к этике антиномизма, точнее, аномии, то есть непосредственно к *nivritî marga*. Технически "метод", открытый "мастерами" этого пути, заключается в использовании сил *pravritî* (то есть сил положительной стадии проявлений) для саморазрушения и саморастворения.² *Siddha*, адепт этого пути, не знает

---

¹ Это совпадает с теорией Плотина о *proodos* или *epistrofê* — вторая фаза здесь также соответствует тому, что стоики называли *ekporosis*, а ранние христианские авторы — *apokatastasis panthos*. Последнее относится к событиям, должным произойти в Конце Времен.

² Можно сослаться на Валентина Гностика (см. Mead, cit., p.224): "С самого начала вы бессмертны, вы сыны Жизни — жизни, участвующей в игре Эонов. Но вы должны разделить в себе долю смерти, расточить

законов, его именуют *sveschâcâri*, то есть "тот, кто делает, что хочет".

Другое значение слова *vâmâ*, "левый" — "женщина"; отсюда значение, придаваемое использованию на этом пути женщины и присущего ему оргазма (*Pancatattva-tantra* связана с использованием женщин и опьяняющих напитков), отсюда и широкое понимание "Пути левой руки". Это наименование можно считать синонимом *latâsadhâna*, более сложного понятия, связанного с использованием женщин в магических половых сношениях.¹

Естественно, сектанты, избравшие этот путь, превозносили его и проклинали противоположное. Так, например, Тантра утверждает, будто бы разница путей "левой" и "правой" руки такая же, как между вином и молоком.² Тем не менее оба эти пути якобы ведут к одной цели. В связи с этим подчеркивается, что избрание того или другого должно соответствовать внутренней сущности каждого. По этому поводу Дж.Вудрофф замечает: «"Злом" следует считать "не подходящее мне лично", "добром" же — наоборот». Древнее высказывание *non licet omnibus Citheram adire* — о том же самом.

В заключение следует подчеркнуть, что *Bhagavad-gîtâ* считает "Путь левой руки" наиболее подходящим для воина, хотя так ничего конкретно не сказано о сексуально-оргастической практике. В самой *Bhagavad-gîtâ* "Путь левой руки" включен как составная часть в более высокие планы и проявления ритуализированного и сакрализованного существования и является частью *dakshinâcâra*, "Пути правой руки".

и растворить саму смерть дабы смерть умерла, в вас от ваших же рук — нерастворимые, вы растворите собою весь мир, и будете мастера сотворения и растворения". О "левом" пути в каббалистике см. у Агриппы (*De occulta philosophia*. III, 40): каббалисты разделяют два аспекта божественности: левая рука и "шпага Божества", аспект ужаса, "отпечатанный на человеке", аспект, подчиняющий все единому порядку, и *haesed* милосердие, правая рука, принцип любви. Агриппа указывает (*ibid.*, III, 63), что Юпитер держит свой скипетр в левой руке, ибо "с этой стороны — духовное средоточие жизни".

¹ См. I. Woodroft. *Shakti and Shâkta*. London-Madras, 1929, p.147 sqq.

² *Ibid.*, p.153.

29. Распутин и секта хлыстов

В дополнение к рассказанному в предыдущем разделе данной главы представляет интерес сопоставление всего этого с иными оргиастическими проявлениями, которые, будучи рассмотрены совокупно, дополнят калейдоскоп "эротических превышений", описанных нами в связи с "пороговыми формами" профанической половой любви. Речь идет о ритуальной практике русской секты хлыстов, хранимой в глубокой тайне. Верования и идеи секты не раскрываются никому из посторонних, в том числе и собственным отцам и матерям; хлыстам также предписывается не отделяться от Православия, которое, тем не менее, считается "искаженной верой".

Прежде всего следует указать, что верования, о которых мы говорим, эклектичны и "гибридны". Ритуалы хлыстов в грубой и простонародной форме соединяют выродившиеся, потерявшие корни, основу и сущность остатки дохристианских оргиастических культов с некоторыми мотивами новой веры. Главный постулат секты состоит в том, что человек в зародыше есть Бог. Мужчина, якобы, содержит в себе природу Христа (откуда произошло название секты), а женщина — Богородицы; во время тайного ритуала он или она вызывает на себя преобразующее нисхождение Святого Духа. Тайный ритуал (радение) совершается в *полночь*. Участники его, мужчины и молодые женщины, надевают длинные белые рубахи на совершенно обнаженные тела (ритуальная нагота). После произнесения зачала начинается круговая пляска: мужчины образуют внутренний круг и быстро передвигаются посолонь, женщины — внешний, в котором идут в противоположном, противосолярном направлении (это ритуальное воспоминание о космической полярности, отражаемой в разделении полов). Движение становится все более диким и головокружительным; при этом некоторые члены круга выходят из него и пляшут отдельно, подобно античным пифиям и арабским дервишам, причем кружатся с такой частотой оборотов, что невозможно различить черты лица; при этом падают и поднимаются (техника экстаза). Пример одних стано-

вится заразительным для других, в конце концов для всех. Дальнейшая стадия экзальтации — взаимное бичевание мужчинами и женщинами дуг друга (фактор боли как эротико-экстатический). На высшей точке экзальтации начинается внутреннее преобразование, вызываемое "схождением Духа". В этот момент мужчины и женщины обнажаются, стягивая через голову ритуальные белые рубахи, и совокупаются с кем попало; переживаемый опыт соединения полового акта и сексуальной травмы приводит ритуал к своему исчерпанию — завершению.¹

"Гибридность" хлыстовских ритуалов наиболее ярко проявляется в поочередном избрании одной из молодых женщин, в которой видят "персонификацию божественного и, в то же время, символ воспроизводящей силы", в качестве то Матери Земли, то христианской Святой Девы. В конце тайного ритуала она стоит полностью нагая и раздает верным сухие ягоды винограда — знак совершения таинства. Эта деталь позволяет распознать в тайной церемонии хлыстов преемство от древних оргиастических ритуалов-мистерий, посвященных хтонической Великой Богине и "Нагой богине".

Интересно отметить, что в жизни секты сексуальные проявления предельно ограничены самим экстатическим ритуалом; за его пределами члены секты ведут строго аскетический образ жизни вплоть до осуждения брака. На самом деле, во всем, кроме непосредственно ритуального совокупления, обряды хлыстов в точности совпадают с действиями другой славянской секты *скопцов*, у которых аскетизм доходит до обязательной кастрации мужчин и стерилизации женщин. Скопцы также избирают из своей среды молодую женщину, на которой

---

¹ См. N.Tsakni. *La Russie sectaire*. Paris, 1888, с.IV, p.63-73; K.Grass. *Die russischen Sekten* Leipzig, 1907-1909. По аналогии можно привести пример "глубинных" групп "дервишей", таких, как Мавлави и Ирави, у которых обрядовые песни, славящие опьянение любовью и вином, заканчивается танцем; при этом в определенный момент движение должно быть по возможности остановлено. Когда импульсы от пения становятся неистовыми, поющие, даже если они сидят в круте, встают и начинают вращаться вокруг своей оси. Затем, по знаку шейха, произносящего определенные формулы, они приводятся в бесчувствие. (Y.Millet *De l'usage technique de l'audition musicale*, dans "Etudes Traditionnelles", n° déc.1955, p.353-354).

сосредотачивается действие. Возможно, это является эхом других мистерий, посвященных Великой Богине, фригийской Кибеле, часто связанных с подобным самоискажением, которое сопровождалось экстатическим буйством.

Старец Григорий Ефимович Новых, сменивший фамильное прозвище на *Распутин*, принадлежал к секте хлыстов. В поведении этого человека, о котором так много говорят, сохранилось много следов мистического оргиазма. Показательно даже то, что прозвище старца (святого старика) — *Распутин* — так напоминает слово *распутник*, и он сам себя так называл. В истории с *Распутиным* очень трудно отделить подлинное от легенд, созданных как его почитателями, так и недругами. Присутствие неких сверхъестественных сил в этом грубом сибирском крестьянине очевидно. Его конец свидетельствует об этом со всей очевидностью: при покушении на него большие дозы такого сильнодействующего яда, как цианистый калий, на *Распутина* не подействовали, в него несколько раз стреляли в упор из пистолета, но он вставал и шел дальше, и в конце концов его пришлось просто добить. "Религия *Распутина*" была вдохновлена очень высокими мотивами. Вот его собственные слова: "Я пришел, чтобы донести до вас глас нашей святой Матери Земли и явить вам переданное мне Ею тайное блаженство — освящение посредством греха".¹ В них мы находим тему Великой Богини (Матери Земли) в смешении с христианскими взглядами о греховности плоти. По существу, опыт сексуального неистовства — "одержания греховного" — или же то, что называется "свальный грех" считалось чем-то вроде "мистической смерти", имеющей позитивный результат, способный лишить сексуальные объятия присущей им нечистоты и породить нечто вроде "чудесной трансформации".² В этом случае половое соитие становилось чем-то вроде "сакрального посредника" и путем приобщения к высшему началу. Осуждаемое моралью оказывалось "освящением посредством греха", по *Распутину*. Что касается нор-

---

¹ R.Fülop-Miller. *Le diable sacré*. Payot, Paris, 1929, p.45.

² *Ibid.*, p.202, тж. aussi, p.31-33.

мальной и христианской интерпретации всего этого, то можно сослаться на ресса *fortiter* Лютера и на теорию, развитую самим святым Августином, согласно которой добродетель может оказаться греховной, поскольку порождает гордыню твари, влекущую за собой проявления тщеславия.¹ В этом круге идей уступка плоти есть вид самоуменьшения, разрушения гордой самости, "князя тьмы", последний оплот которого в человеке составляет кичение его собственной добродетелью. В экзистенциальном, не моральном измерении, борьба с гордостью через уступку свободному голосу пола, "греху" и через собственно "грех" есть как раз преодоление ограничений индивидуальности, которую должно переложить особым, пароксастическим переживанием эротического опыта.

Распутин как личность и как образ поведения скорее отвращает, чем привлекает; все, что он делал и что было так или иначе связано с его знанием опыта хлыстов и его собственными исключительными способностями, было подчинено одной цели — проникновению в среду высшей русской аристократии, во всех иных случаях недоступную для такого грязного и примитивного мужика, каким был он. Если же анализировать его действия, так сказать, отвлеченно, то прежде всего обращают на себя внимание такие стороны хлыстовской техники, как использование пляски в качестве атмосферы для сексуальных объятий; при пляске предпочтение отдавалось цыганской музыке, которая, когда подлинна, сохраняет древнее неистовство и элементарность, что в нынешней музыке редкость. Рассказывали,

---

¹ Сошлемся на трактат "*Contra advers. legis*" (1, 26-28), в котором Святой Августин утверждает, что Бог позволяет насилие над молодыми женщинами во время войн и беспорядков. Неведомость Божественного Промысла и случайные обстоятельства, приводящие к совершению греха, получают искупительное возмещение в земных страданиях (предполагается, что изнасилованная молодая женщина свою долю страданий уже получила); Святой Августин утверждает, что женщина, если она не согрешит плотью, впадет в гордыню, кичась собственной добродетелью. Известно, что по Святому Августину, добродетель, достигаемая силами самой твари, без воздействия Божественной благодати, тождественна "языческой доблести" и не имеет ценности. Учение Лютера о *ресса fortiter* предписывает не сопротивляться греху, но полностью ему подчиниться и, сознавая гнусность греха и собственное бессилие, ожидать спасительной Божественной милости.

что женщины, с которыми Распутин плясал и которых он считал достойными совершить с ним его ритуал, "находились под полным ощущением участия в мистических событиях, о которых говорил *старец*". Музыкальный ритм становился все более неистов, "лицо плясуньи озарялось, затем взор ее туманился, веки опускались и в конце концов глаза закрывались совсем". И тогда *старец* увлекал почти потерявшую сознание женщину к соитию. Большею частью воспоминания, сохраненные женщинами о том, что происходило дальше, носили мистико-экстатический характер. Однако некоторыми овладевало нараставшее чувство глубочайшего ужаса, развязкой которого было наступление полубезумия, воспринимаемого как облегчение. После всего описанного выше возможность такого двойного эффекта вполне естественна.

Комментарии переводчика к 29 главе

Вопрос о том, кем на самом деле был Григорий Ефимович Распутин, продолжает быть очень важным, ибо прямо связан с Екатеринбургской трагедией 1918 года, явившейся не только историческим, но и поистине космическим потрясением.

Высказанная бароном Юлиусом Эволой точка зрения является наиболее распространенной как на Западе, так и в современной "пост-России". Одно из положений продиктовано элементарным незнанием — о "грубости" и "примитивности" Григория Ефимовича. Увы, здесь работает простейшая схема — раз крестьянин, да еще сибирский, значит быдло и хам. Это, кстати, противоречит всей логике традиционалистского мышления автора книги, во всех остальных случаях отдающего предпочтение фундаментальной архаике, — ведь быть "крестьянином" и есть быть обломком этой архаики. Подход барона Эволы здесь чисто буржуазный в худшем смысле этого слова. В качестве опровержения просто сошлюсь на две написанные самим Григорием Ефимовичем книги — "Мои мысли и размышления" (Петроград, 1915)

и "Житие опытного странника" (С-Петербург, 1907). Книги эти свидетельствуют не только о зоркости и духовной чуткости их автора, но и о прекрасном знании им духовной литературы, святоотеческих книг и просто средневековых преданий. Ошибочно и употребление всеуе слова "старец". Это, конечно, не "святой старик", как пишет Эвола, а совсем иное понятие, о чем здесь говорить неуместно, да и было бы слишком долгим отступлением. Но это к слову. Главное не в этом.

О том, кем был Распутин, существуют полярные точки зрения. Постараемся изложить их все, а затем и выскажем собственную.

Первая. Григорий Распутин был подлинным святым, несшим на себе подвиг юродства. Он сознательно, подобно многим известным из истории юродивым, принимает на себя облик "великого грешника", дабы быть поношаемым и хулимым. То, что он как бы "запутывал" в истории своих мнимых походов некоторых женщин, тоже означало стремление их "смирить", ибо "свет не карает заблуждений, но тайны требует от них". Возможно и еще одно объяснение, трудно вместимое современным сознанием, — ничего вообще не было, а видимость "разврата" создавали темные силы, принимавшие различные облики, в том числе и облик Распутина. То, что в основном мы имеем не свидетельства, а слухи, является косвенным доказательством именно этого.

Вторая. Мы имеем дело с человеком, действительно наделенным высокими духовными дарами, глубоко верующим, истовым молитвенником, но по-человечески, как все мы, падавшим. Из истории известны многочисленные примеры великих праведников, тяжело грешивших, но после покаяния стяжавших еще большие дары, начиная с Царя-Псалмопевца Давида. В этом случае мы не знаем ни меры даров, ни меры греха, ни меры покаяния и поэтому призваны к молчанию.

Третья точка зрения — именно та, которую изложил нам переводимый писатель.

Четвертая версия связывает Григория Ефимовича с многочисленными действующими в истории "заговорами". При этом в зависимости от симпатий и антипатий

разделяющих эту версию в целом, называются разные варианты — от "жидомасонского" до "протофашистского" и "исламо-фундаменталистского". Не отрицая активного действия тайных сил истории, все же отметим, что *любая* конспирологическая версия *всегда* может быть доказана на сто процентов, однако приобретает реальную силу только тогда, когда в нее верят.

Пятая версия, а точнее, не версия, а "атмосфера вокруг", расхоже-хамская, господствующая. Ее до сих пор придерживаются девяносто процентов как у нас, так и на Западе. Излагать ее не будем в силу ее откровенной мерзости, а главное, глупости.

Попробуем подвести итоги. Григорий Ефимович Распутин действительно обладал как даром исцеления, так и даром прозорливости. В частности, он предсказал, что его убьют, и эта смерть станет концом России, что и произошло. Он предсказал, что следом за ним будет уничтожена Царская Семья. Он предупреждал против войны с Германией, действительно, выгодной только государствам "атлантической" ориентации. И так далее. Не говорю о многочисленных фактах прозорливости в частной жизни, в том числе Высочайших Особ.

Но главное в другом. Если мы верим в святость Царственных Мучеников, а она очевидна, какие бы "возражения" кто ни выдвигал, то мы *не смеем дерзать* хулить их "Друга". Трудно "дерзать в иную сторону" и верить в первую из изложенных "версий" — слишком большое количество фактов говорит против (хотя мы и прекрасно знаем, *кто* является гением "царства количества"!)). Но вторая версия, по-видимому, является "обязательным минимумом" для православного русского (и не обязательно русского, и даже не обязательно православного, но просто любящего Россию!) человека.

Третья версия — условно допустима для плохо знающего Россию, но добросовестного европейца, каким был барон Юлиус Эвола.

Тайна Григория Распутина может быть познана лишь "очами сердечными" и, возможно, принадлежит к вещам, требующим тишины и безмолвия.

IV. БОГИ И БОГИНИ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

30. Мифология, онтология и психология

Среди основных признаков традиционного мира — осознание изначальной противоположности, *полярности* полов. Это выражено в чисто метафизических категориях под видом божественно-мифологических фигур, воплощающих космические элементы — богов и богинь.

Современные историки религий полагают все это чистым антропоморфизмом: считается, что человек творит богов по своему образу и подобию, в частности, переносит на них половое деление, свойственное нам, простым смертным. Все божественные диады и дихотомии таким образом — фантазия, порожденная единственным подлинным содержанием — человеческим опытом в области секса.

На самом же деле все наоборот. Человек традиционного мира не творил божество, а искал в нем свои истоки, в том числе и сущность пола. Половое деление прежде своего физического существования было и есть трансцендентным принципом, присутствующим в области священного, космического, духовного. Среди множества мифологических фигур богов и богинь четко прослеживается природа вечно мужского и вечно женского, порождение чего и есть деление людей на два пола. Тезис историков должен быть как бы перевернут: не половые отношения людей породили мужские и женские мифологемы — но, напротив, эти последние и есть ключ к глубинам и универсалиям пола. Эти фигуры, видимые "вещим зрением", индивидуальные и коллективные формы сверхчувственной природы обнаруживают смысл абсолютной мужественности (вирильности) и абсолютной женственности в их фундаментальном аспекте, через постижение которых мы можем определять наличие некоторых "постоянных" внутри распадающихся и гибридных форм эмпирического пола, расовых и цивилизованных различий. Из глубин *sacrum* ми-

фологии пола вырастают наиболее глубинные ростки психологии. Это — главная отправная точка. Если не подчеркнуть этого со всей основательностью, то дальнейшее изложение для неподготовленного читателя будет казаться не только новым, но и странным.

Да, принимаемая нами за отправную традиционная точка зрения как противоположна натуралистическим объяснениям, так и отлична от посылок современного психоанализа. В свое время мы уже говорили, что абсолютная мужественность и абсолютная женственность не просто умозрения, удобные для анализа эмпирических форм, связанных с сексом, но категории самодостаточные и самодовлеющие. Мы не можем считать их просто "идеями" или "идеями-типами", существующими только в умственных построениях или как нечто приблизительное, пригодное для "черновых" описаний явлений. Напротив, эти принципы обладают абсолютной бытийной реальностью в смысле греческого *ἀρχαί*, *entia*; это принципы-потенции сверхличного порядка, благодаря которым каждый мужчина есть именно мужчина, а женщина — именно женщина. В то же время они существуют поверх каждого отдельного смертного человека, мужчины или женщины, и помимо их исчезающей индивидуальности. Они есть "метафизическая экзистенция". Этот взгляд, наиболее полно выраженный в учениях тантрических и сахаических школ, предполагает присутствие в делении на мужчин и женщин строго онтологических начал, выраженных как Шива и Шакти или, в мифологии, как Кришна и Радха.

Таков же взгляд и платонизма с его антиномическим, реалистическим и магическим характером: учение об "идеях" или "архетипах", понимаемых не как абстрактные концепции человеческого происхождения, но как корень реальности и сама же реальность, но высшего порядка. Эти силы невидимо присутствуют во всякой облакаемой ими индивидуальности, сквозь которую они же себя и проявляют; эти "боги" или сущности пола живут и обнаруживают себя в разных видах и в разной степени, среди всего множества мужчин и женщин, в любом месте и в любое время. Все многообразие их ко-

нечных, приблизительных, даже "лярвических" форм теряет сопричастность вечному.

В этом и есть отличие нашего подхода от современных учений, даже почитаемых наиболее высокими, которые, однако, не метафизичны, а "психологичны". Если Юнг не сводит "действующих лиц" сексуального мифа к фантазиям и вымыслам, признает их за драматически взаимосвязанные "архетипы", существующие повсюду и автономно, он все равно описывает их в психологических терминах, сводя к коллективному бессознательному и "потребностям", проявление которых "темно" и атавистично оттеняет ясность личного сознания. Это касается не только терминологии, но и практики: в соответствии с концепцией "вины", лежащей в бессознательном, все сводится к феноменологии психопатического поведения и соответственно к "мерам" чисто человеческого воздействия. Если каждый принцип по природе своей трансцендентен, то, чтобы начать с ним "экспериментировать", его надо свести к "психологическому факту" — в этом фундаментальная разница между обычной психологией и той, которая понимает, что она лишь частица и проявление онтологии. На деле толкования Юнга оканчиваются очень банально — все его рассуждения о сверхличном и "архетипах" пола уничтожаются его же методом профессионального воздействия на сознание, осуществляемого психиатром или психоаналитиком, отсутствием подлинных доктринальных коррекций.

Различие подходов особенно заметно в области практического применения. Сам занимавшийся психотерапией Юнг всерьез полагает, что целью всех религий, мистерий и посвящений древности было то же самое: освобождение индивидов от психических травм и преодоление бессознательного. Он стремится "разбавить" архетипы, лишить их мифичности и очарования — *mana* — придающего им неотвязность, и свести к нормальным психическим функциям, в частности, сделать мужской и женский архетипы частью обыденного сознания.¹ Зна-

---

¹ См. C.C.Jung. *Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem unbewussten*. Zurich-Leipzig, 1928, с. IV.

Глубокую критику идей Юнга см. *Introduzione alla magia quale scienza delle Io* (под руководством "grupo di Ur"), Roma, 1956, VIII, p.411 sqq.

ние же метафизической реальности архетипов, напротив, служило в традиционных обществах предпосылкой для сакрализации пола, практик и ритуалов, не навязывающих простую "нормальность" и лечение "комплексов", но выводящих за пределы просто человеческого, за пределы "Я", в сферы, которые Юнг видел лишь как необъяснимые гало бессознательных образов.

К тому же в традиционном мире существовала система связей между реальностью и символами, действиями и мифами — мир божественных персонажей определял не только наиболее глубокие проявления пола, но и нормативные принципы половых отношений, которые в любой здоровой цивилизации жестко определяют связи между мужчинами и женщинами. Так эти отношения и связи приобретали глубокий смысл, становились "подзаконны". При том, что в развитых цивилизациях закон учитывал и случайности, неожиданности, чисто личные ситуации.

Рассмотрим кратко эту сторону метафизики пола.

31. Метафизическая диада

Из элементарных двойственностей рассмотрим прежде всего наиболее общие, метафизические, освобожденные от мифологизаций и символизаций.

Основной традиционный принцип всегда заключается в том, что творение или проявление постоянно есть результат двойственности главных основ, составляющих высшее единство, подобно тому, как зарождение животной жизни всегда порождено соединением самца и самки.

Касаясь происхождения жизни, Аристотель писал: "Мужское — форма, женское — материя. Последняя, как и женщина, пассивна, в то время как мужское начало активно".¹ Эту полярность можно проследить во всех концепциях греческой философии, в ее идеях, имеющих материалистическое происхождение и при-

---

¹ Aristotel, *De gen. anim.* I, II, 716 a; I, XX, 729 a; ср. тж. II, I, 732 a; II, IV, 738 b.

нявших разные облики, частично уже отделенные от первоначального истока и живущие самостоятельной жизнью. Мужское — это форма, женское — материя; форма имеет в себе силу определять, осуществлять принципы движения, развития, становления; материя — среда и средство любого развития, чистая и неопределенная возможность, субстанция, "вещь в себе", которая, чтобы стать чем-то, должна быть возбуждена и пробуждена к становлению. Греческое слово, обозначающее материю, — $\upsilon\lambda\eta$, не относится ни к органической, ни вообще к физической ее части; трудно определяемое современным мышлением, оно в данном контексте намекает на таинственную, неуловимую, бездонную сущность, которая и есть и не есть, чистую возможность "природы" уже как становления и развития. В пифагорейской терминологии, это принцип диады, бинера, Двойного, противу Единого лежащего; Платон именует эту категорию $\theta\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\upsilon\varsigma$, как нечто извечно "другое", вмещающее в себя $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$, бытие, подобно "матери" или "кормилице" становления.¹ В традиционной метафизике именно таково, в наиболее абстрактном виде, соотношение вечно мужественного и вечно женственного.

В более поздней интерпретации мужское и женское соответствуют сущему (в наиболее возвышенном смысле) и становлению, всему, что по сути есть *само* и *другое*, или же причине (неподвижной, дородной) и жизни (изменчивой, одушевленной, материнской субстанции становления). Плотин, в свою очередь, говорит о мужском сущем — $\sigma\acute{\upsilon}\varsigma$ или $\acute{\omicron}\nu$ — и о женском восполняющем начале вечно мужского, $\sigma\acute{\upsilon}\sigma\iota\alpha$, о вечно сущем и вечно приемлющем, что можно отождествить с "природой" или "божественной душой" (Психеей или Жизнью, Зоей Зевса). По Плотину, сущее находится в некоторой связи с $\nu\omicron\upsilon\varsigma$; это слово сегодня очень трудно понять в его истинном значении — приблизительно это "умный", олимпийский принцип, неподвижный и чистый свет, Логос, оплодотворяющий и движущий материю, космическую сущность. Напротив, женское — это жизненная сила, подобная Психее, "жизнь всего су-

---

¹ *Timée*, 50 b-d.

щего", это то, в чем Единое проявляет себя и принимает форму; женское "хронифицирует" сущее, то есть разворачивает его во времени, в становлении, в положениях, когда оба принципа смешаны; мужское же, или Логос, есть всюду и во всем присутствующий, тождественный самому себе неподвижный, чистый принцип формы.¹

"Природа" у греков совсем не то, что в сегодняшнем материализме; без сомнения, можно отождествить ее именно с женским началом. В традиционном символизме вообще сверхчувственное, сверхприродное отождествляется с мужским, в то время как категории природы и становления — с женским. Согласно Аристотелю, эти два начала полярно противоположны: перед лицом неподвижного чистого принципа находится "природа", в которой "неподвижный двигатель" пробуждает реальное движение, возможность существования "материи", проявления индивидуации. На ту же самую двойственность намекает диада Неба и Земли, полярность принципов уранического и теллурического (хтонического), эти космические символы вечно мужского и вечно женского.

Для женского начала есть еще символ, о котором мы уже говорили, — Вода. У нее много символов: прежде всего недифференцированная жизнь, предшествующая форме, не нашедшая эту форму; далее — все, что течет, струится, все настойчивое и переменчивое, и, наконец, это принцип рождения в мире, именуемом древними подлунным; вода — начало всяческого плодородия и роста, происходящего на земле. С одной стороны, говорят о "влажном родовом начале", с другой — о "водах жизни" и даже о "божественных водах". Добавим, что вода символизирует горизонтальное, в аристотелевских категориях — лежащее — $\chiείβαλ$, противоположное всему вертикальному, $\epsilon\chiεiv$, восстающему, прямому, правому, мужскому началу, изображаемому древними помимо всего прочего символикой фаллической или итифаллической (стоящего фаллоса).

---

¹ Об этом см.: Plotin, *Ennéades* III, VII, 4; III, VII, 10; III, VIII, 1; I, I, 8; III, II, 2; V, VIII, 12.

В противовес Воде — началу женскому — возникает первая мысль о мужском характере Огня. Однако, как и в большинстве других случаев, следует иметь в виду поливалентность традиционных смыслов, так сказать, их способность принимать разные значения, не исключаящие друг друга, но подчиняющиеся разной перспективной логике. Так, при рассмотрении "мужского" Огня выступают разные его аспекты (например, в индийской традиции, двойное рождение Агни, в классической — двойственность теллуру-вулканического и небесно-уранического огня); Огонь, взятый как пламя согревающее и питающее, в равной степени можно считать символом женского, и в этом качестве он играет важную роль в индоевропейских культах: Астарта, эллинская Гестия и римская Веста персонифицируют именно этот смысл огня (Овидий, VI, 291: Веста — живое пламя); огонь в домашних и общественных культах, например, вечный священный огонь, горевший во времена Цезарей и выносимый на официальные церемонии, огонь, сопровождающий в походах каждое греческое и римское войско и горевший при нем день и ночь, означал женский аспект божественного — жизненную силу, оживляющий элемент. Отсюда античная идея — лишение культового огня есть знак смерти, это уже не полнокровное бытие, но исчезающая, рассыпающаяся жизнь.

Двигаясь на восток, находим те же символические связи. Дальневосточная традиция знает диаду Небо-Земля, в которой Небо отождествляется с "активным совершенством" (k'ien), а Земля — с "пассивным совершенством" (khuen). В Великом Трактате¹ читаем: "Мужское соответствует творящему, женское — воспринимающему", и далее²: "Творящее порождает великие начала, воспринимающее приводит к благому концу их следствия... Земля оплодотворяема Небом и проявляется тогда, когда это необходимо... Следуя Небом, она встречает своего Хозяина и идет его путем, соответственно мировому порядку". Как и у пифагорейцев, на востоке бинер (двойка) соответствует женскому началу, нечет-

¹ *Ta Chjuan*. I, §4

² *Ibid*, I, §5.

ные числа — Небу, четные — Земле. Единица есть мужское начало, двоица — женское, триада — снова мужское и возвращение к Единице, но уже не к Единице-в-себе, чистому Небу, а как бы Небу, прошедшему сквозь Землю ($1+2=3$); таким образом, в мире становлений все несет отпечаток высших начал, отраженных в образах.¹ Вообще нумерический символизм всеобщ. Мы находим его и на Востоке, и в европейском средневековье, у Данте. Он лежит в основе древнего правила: *Numero seu impare gaudo.*²

В дальневосточной традиции метафизическая диада наиболее полно выражена в форме пары *yang-yin*, начал, уже упоминавшихся нами, которые являются определяюще-элементарными (*eul-hi*). *Yang* есть небесное, деятельное, позитивное, мужское, а *yin* — земное, пассивное, отрицательное женское. В графической символике *yang* обозначается прямой чертой "—" а *yin* — прерывистой "--", что соответствует идее "двух" или, в платонизме, — "другого".

В "Книге перемен", фундаментальном тексте китайской традиции, представлены триграммы и гексаграммы, составленные из этих элементарных знаков, — они являются шифром и одновременно ключом к любой ситуации в мире — в природном цикле, во вселенной, равно как и в человеческих и общественных отношениях. Все явления, формы, сущности есть лишь изменения в шкале сочетаний *yang -yin*; из них складывается окончательное и онтологическое и динамическое единство. В динамическом аспекте *yin-yang* противоположны и одновременно взаимодополняющи. Свет и солнце имеют природу *yang*, тьма и луна — *yin*; горы — *yang*, равнина — *yin*; дух — *yang*, душа и жизненная сила — *yin*; чистое, светлое — *yang*, темное, подспудное — *yin*, и так далее. Преобладание *yin* определяет женщину, *yang* — мужчину, потому, что чистые *yin* и *yang* выступают как субстанции абсолютно женского и абсолютно мужского. Переводя все это на язык эллинистической традиции, свойствами *yin* являются холод, влага и тьма,

---

¹ *Shino-ku* I, comm.

² За каждым нечетным числом следует возобновление двоицы (лат.).

свойствами yang — сухость, ясность, просветленность. В том, что касается принадлежности холода к yin, возникает представление о противоречии с вменением женскому началу тепла, огня и жизненной силы; но в то же время следует помнить о холодном лунном свете, о холодности таких богинь, как Диана, персонифицирующая этот свет; и в то же время, чтобы понять женское, женщину, мы должны рассматривать все это в совокупности. Началу yin принадлежат тень, темнота, нераскрытые силы, предшествующие форме, все, что у человека составляет витальную, ночную сторону души, что относится к связи ночных и женских божеств, к земным глубинам, к ночному, Nux, изидическому, материнско-колыбельному по отношению к рождающемуся дню; день же имеет черты ясности, просветленности, солнечности, черты yang, находящие выражение через погружение в двусмысленную тьму рождающих сил, женскую субстанцию, первоматерию.

В индийской традиции мы встречаем все те черты все того же символизма, о котором здесь рассказывается. Система Sâmkhya пронизана основной темой дуальности принципов purusha, изначального мужского prakrtî, "природы", первосубстанции или первоэнергии всякого становления и движения. Purusha — отдельное, бесстрастное, "олимпийское", чисто световое — находится в бездействии, подобно аристотелевскому "неподвижному двигателю", эллинскому νοῦς. Через некий акт присутствия — "отражения" — это первоначало как бы оплодотворяет prakrtî, нарушается равновесие возможностей (gûna) и начинается развертывание мира проявлений. В метафизическом и интеллектуальном тантризме эта концепция переживает самое интересное развитие. В индуизме бог Шива — андрогин, Ardhanîçvara. В Тантре же мужское и женское начала божества разделяются, Purusha — Шива, а prakrtî или "природа" — Шакти, понимаемая как его супруга или "могущество" — санскритское слово çakti одновременно означает эти два понятия. Через их союз, их любовные объятия рождается мир: точная формула — Çiva — Çakti — samyogât jayate

sashtikalpaia.¹ Согласно Sâmkhya, мужское начало или Шива занимает "неподвижное" положение, определяющее движение; Шива пробуждает Шакти; но именно последняя действует активно, начинает и "порождает". Эта идея содержится, среди прочего, в символизме сексуального союза, в котором женщина, Шакти, субстанция огня, играет активную роль и первая обнимает божественного, созданного из световой субстанции мужа, скипетроносца, остающегося всегда неподвижным. Это то, что именуется *vīparita-maithuna*, перевернутое объятие, которое мы часто встречаем на священных индо-тибетских изображениях, в частности, на статуэтках, называемых *Yabum chudra*.² Среди других божественных персонификаций, Шакти соответствует *Kâlî*, "черная богиня", изображаемая как существо из пламени или же окруженная огненным ореолом, таким образом соединяя в себе два основных атрибута женского архетипа: домировую бесформенную тьму и огонь. В проявлении "Кали" Шакти выступает как энергия никем и ничем не ограниченная, следовательно, как богиня-разрушительница.³ В остальном, подобно китайцам, видящим в реальности множество форм игры *yin* и *yang* в их сочетаниях, тантрическая традиция рассматривает творение в виде сочетания двух начал — *cit-çakti* или *çiva-çakti* и *mâyâ-çakti*. В сакральном тексте богиня говорит: "Все во вселенной есть одновременно и Шива и Шакти, ты, о Махшвара (мужское божество — Ю.Э.) в двух качествах и я в двух качествах. Ты во всем, и я во всем".⁴ Более точно можно сказать, что Шива присутствует в неподвижном, сознательном, духовном, однородном, а Шакти — в изменчивом, бессознательно-жизненном, природном и вообще во всем проявленно-существующем.⁵ Богиня неотъемлема от временных форм, и именно через них она является причиной всякого изме-

---

¹ Woodroff. *Creaton as explained in the Tantra*. Calcutta, s.d., p.9.

² E.Pander. *Das Pantheon des Tschangtscha Hutuku* (Ein Beitrag zu Ikonographich des Lamaismus). Berlin, 1890.

³ Evola. *Lo Yoga della potenza*. cit., p.53, 54, 58 sqq.

⁴ Woodroff. *Loc.cit*.

⁵ Cf.J.Woodroff. *Shakti and Shâkta*. cit., II sect., ch.XIV-XIX.

нения и особенно всемогущей в периоды распада вселенной.¹

В женском интеллектуальном тантризме Шакти соответствует Майе. Это слово, хорошо известное из всем знакомых концепций и особенно из Веданты, означает иллюзорный, ирреальный характер видимого мира, проявляющегося в двойственностях. Оно используется в магических операциях, часто как сочетание *mâyâ-çakti*, представляя женское начало "божественной магией", где богиня — магическая роженица проявленных форм, для образования которых нужно, согласно индийской традиции, реальное воздействие абсолютного, светоносного, вечного, вне становления или погружения в сон, бытия. Иначе говоря, женское представляет собой ночной, магический мир, мир очарований и обольщений: те же мотивы мы находим в образе греческой и пеласгской Гекаты, подземной и одновременно лунной богини, дарующей мощь колдовству, указывающей магические формулы, покровительствующей чародейкам и соблазнительницам, обученным ею этому искусству и ставшим жрицами (подобно Медее, жрице храма, посвященного Гекате). Тем же самым, чем Геката, занимается Диана, которую иногда отождествляют с первой, — руководит магическими операциями: например, на гамльтонских вазах мы находим изображения ворожащих женщин, обращенных к Диане. "Обольстительница врага бога любви" — вот одно из определений Великой Богини у индусов.

В том же кругу представлений находятся индийские доктрины о проявлении как "смотрении вовне" — *bahirmukhê* — своего рода экстравертном движении, "выходе" или "исходе", осуществляемом Единым или Вещью-в-себе: одна из функций Шакти — помогать, способствовать этому. Но так как одно из наименований Шакти — *Kâmarâpinî*, то есть "созданная из желания", а обозначение вагины — перевернутый треугольник, что тождественно знаку желания, мы, продолжая тему, укажем, что есть движение в сторону "другой вещи", к чему-то внешнему. Буддизм основой внешней, условной

---

¹ A. et E. Avalon. *Hymns to the Goddess*. London, 1913, p 46-47.

реальности считает женское желание или жажду — *kâma*, *trshua* или *tañha*. В Шакти, супруге Шивы, корне желания, желания космического, совпадающего с "Водой" и "Материей", мы находим черты того, что греки называли "лишением", "умалением", черты платоновской Пеннии, недостаточности бытия,¹ которую бытие жаждет, начала, противоположного звездному и неподвижному бытию метафизически мужского, вечного. Так, говорится, что "Шива без Шакти не способен ни к какому движению", "неактивен", и, напротив, Шакти, или *prakrtî* без Шивы бессознательна — *acit* — так сказать, лишена светового начала. Божественные пары индуистского и индо-тибетского пантеона символизируют постоянные сочетания шиваистского и шактического начал во всех проявлениях мира. Плотин (III, v.8) определил мужские божества как *voûs*, женские как *psyché* и утверждал, что каждый *voûs* соединяется со своей *psyché*, при этом *psyché* Зевса — Афродита, отождествляемая жрецами и мудрецами с Герой.

Мы не будем перечислять все сходные мотивы всех традиций, ибо везде найдем те же самые, обозначенные нами фундаментальные структуры. Дополним уже сказанное сведениями из еврейской Каббалы и христианского гностицизма. Согласно первой "женское начало божества" — *hubka* — противоположное *duchra* — персонафицировано Шехиной, "супругой Царя"; Каббала говорит о "священной свадьбе" — *zivugi kadisha* — Царя и Царицы, Бога и Шехины.² Важным аспектом этой женской ипостаси божества является "вечно женственное", под покровом которого находятся все женщины мира;³ это начало можно даже считать эквивалентом Духа Святого Животворящего, являющегося источником присущей творению "славы", отдельной от Божества, более того, трансцендентно от него удаленной (как, впрочем, и сама Шакти есть нисходящая фаза проявления); в Каббале даже говорится об изгнании Шехины. Но Ше-

---

¹ Плотин (*De Is et Os.* 56) утверждает, что Пенния есть "первоматерия, в самой себе являющая недостаток, но наполненная благом (синоним бытия), направляется ко благу и в его жизни участвует."

² *Zohar.* I, 207 b, III 7 a

³ *Ibid.*, I, 288 b.

хина, как "слава, пребывающая в мире", вполне вписывается в цепочку прежде упоминавшихся идей. В действительности, в древности "слава" это не персонифицированная абстракция, но, скорее, сила божественного огня, как, например, в иранской доктрине *hvarəno*, в уже упоминавшейся персонификации "божественного огня" — Весте, которая через превращения, раскрытые Ф.Кюмоном,¹ постепенно, в историческом развитии образа становится "дополняющим" женским божеством, Фортуной, в частности, в его аспекте "Fortuna Regia".

В христианстве — религии, вобравшей в себя мотивы очень разных традиций, — черты "Духа" не вполне ясно определены. В целом Он не носит черты "женского", подобно Святой Деве или же "Духу Божию нашашуся верху воды" в Ветхом завете (по-древнееврейски и арамейски "дух" — женского рода). Но в христианском гностицизме, что наиболее явно выражено в "Евангелии от Евреев", Христос говорит: "Мать Моя, Дух Святый";² πνευμα, по-гречески "дух" соответствует индийскому *prāna*, слову, означающему жизненную силу, в самом же Святом Духе, сходящем в виде пламени, мы узнаем черты Шехины. С другой стороны, Святой Дух изображается в виде голубя, что тут же вызывает ассоциации с великими средиземноморскими женскими божествами — критской Потнией, Иштар, Цирцеей, Милиттой, самой Афродитой — в тех случаях, когда они выступают как некое "веяние".³ Именно голуби приносят Зевсу его пищу, амброзию.⁴

---

¹ F.Cumont. *Les Mystères de Mithra*. Bruxelles, 1913, p.96 sqq.

² μητηρ μου, το αγιον πνευμα у Оригена "На Иоанна", II, 12, у св.Иеронима толк. на Матф. II, VII, 7 — встречается то же еврейское слово женского рода — *ruach*. От переводчика: православное святоотеческое богословие не определяет отношения внутри Пресвятой Троицы никакими геоморфными или антропоморфными понятиями. Отношения Лиц Пресвятой Троицы не могут быть описаны человеческим языком, ибо Бог Троица абсолютно трансцендентен всему природно-космическому миру. Через раскрытие божественных энергий в мистико-аскетическом опыте Пресвятая Троица открывает себя, однако это раскрытие не подвержено словесной рационализации, подобной описанной.

³ См. G.Glotz. *La civilisation égéenne*. В этой книге говорится о богине-голубице, о богине голубиц, о голубице — символе богини, отождествляемым с нею самого. "Эманация богини, голубка есть дух, освя-

Божественная жена в гностицизме — несомненно, прежде всего София, выступающая под разными лицами и именами, часто отождествляемая с Самим Святым Духом, в разных своих проявлениях она есть Универсальная Мать, Мать Живых, Мать Сияющая, Высшая Держава, "Левая Рука" (в дополнение ко Христу, ее супругу и "Правой Руке", Сладчайшая, Мировое Лоно, Дева, Супруга, Хранительница совершенных тайн, Святая Голубица Духа, Небесная Мать, Утраченная, Елена (то есть Селена, Луна); все это как бы имена Мировой Души, женского аспекта Логоса.¹ В "Великом раскрытии" Симона Гностика тема диады и андрогина представлена так: "Это и то, что есть, и то, что будет, мужеско-женская сила, существующая до существования, неограниченная, не имеющая ни начала, ни конца, поскольку существует внутри Единого. Эта неограниченная сила, хранимая в Едином, выходя за его пределы, становится двумя... Отсюда вытекает, что все проявляющееся, истекая из единого, становится двумя, мужеским и женским, тогда как до проявления есть лишь мужчина, содержащий женщину в самом себе."²

32. Архетипы де метрические и афродические. Девственность. Глубинная нагота

Рассмотрев изначальную полярность в самом общем метафизическом виде, можно перейти к тем же, но уже персонифицированным смыслам, воплощенным в божественных образах. Как мы уже говорили, для древнего мира боги представляли из себя *archées*, реальные целостности. Подчиняясь им, люди приближались к глубинному экзистенциальному измерению, в частности, и в области пола — смысл мироздания проявлялся в культах, учреждениях, ритуальных действиях. Говоря обо

щающий все существа и предметы, которых она касается; божественная власть осуществляется через ее нисхождение".

⁴ Гомер. *Одиссея*. XVIII, 63.

¹ G.R.S. Mead. *Fragments of a faith forgotten*. cit., p.247-248.

² *Ibid.*, p.129-130

всем этом, будем исходить из присущей нам способности различения смыслов. Действительно, почти всегда образы многосмысленны — их приходится рассматривать во всем объеме внешних, исторических, мифологических измерений как в различных цивилизациях, так и внутри одной и той же.

Что же до женского начала — вообще все множество его смыслов и проявлений можно свести к двум основным архетипам — *афродическому* и *деметрическому*, иначе говоря, матери и любовницы. Они воплощают два проявления "божественной силы", *onsia*, *hulé* или *çaktî*, способной принять в себя вечно мужское, то есть быть "жизнью", питающей собою чистую "форму".

Деметрический тип был известен всему западному миру со времен позднего палеолита, в течение всего неолитического периода, в эпоху богинь-матерей доэллинических цивилизаций на всем пространстве от Пиренеев до эгейской культуры, от Египта и Месопотамии до еще доарийской Индии и Полинезии. Тема плодородия здесь первична — Великая Богиня одновременно и сама жизнь и источник жизни — это ясно выражают уже широкозадые палеолитические идола, предшествующие целомудренной эллинской Деметре; однако, к материнскому типу восходят и очень древние обнаженные богини, в основном лежащие на спине, с укороченными руками — так, чтобы можно было ясно видеть их половые признаки, из которых как бы истекает магическая энергия, *saçum* или *mana* плодородия, присущая *Genitrix* — первоначальной Матери, *Maie*.¹ У некоторых "примитивных" народов те же самые смыслы были остро выражены графическим обозначением матки — перевернутым треугольником ∇ , также напоминающего внутренний угол — образ вульвы, источника как плодородия, так и ужаса, одно приближение к которой отбрасывает вспять.² Таким же наводящим ужас в древности

---

¹ J.Przyluski. *La grand Déesse*. Payot, Paris, 1950, pp.26-27, 48, 50, 127, 156-157. U.Pestalozza. *La religione mediterranea*. Milano, 1951 C.Contenau. *La déesse nue babylonienne* Paris, 1914.

² Ploss.-Büttels. *Das Weib in der Natur — und Völkerkunde*. v.I, p.137-138. Как показывает этот автор, перевернутый треугольник есть одновременно символ Воды, Шакти и сильного желания.

было ἀνάστυρα — поднятие вверх одежды, показывающее сокрытые части тела — жест, которым, согласно легендам, ликийские женщины отпугивали посылаемую Посейдоном волну, и откидывание вуали Лунной богиней аль-Узза, по исламским преданиям, повергшее вспять посланцев Пророка, пришедших по его приказанию рубить принадлежащую ей священную рощу.¹

Назовем еще некоторые очень реальные образы Великой Богини в ее аспекте Magna Mater Genetrix, то есть деметрическом. Это Мать Сыра Земля. Это иранская Arduî, которую Ахура Мазда называет "своей водой", богиня, отождествляемая с потоком, нисходящим с высот на землю, силами жизни, плодородия и изобилия. Это неоплатоническая Rhéa — важное начало, составляющее элементарную субстанцию Богини; имя ее происходит от reîn — течение, поток, река. Вот почему деметрических богинь, таких, как Гера, равно как и богинь воинственного типа (Афина Паллада) мы видим и в их превращении в воду, первоначальную субстанцию, обновляющую и восстанавливающую природу.² По рассказам о мистериях Геры, их средоточием были омовения в водах источника Канатос,³ откуда богиня выходила снова девственной. Нечто подобное происходило и в римских культовых ритуалах в честь Весты, совершаемых девами-весталками. Ритуал заключался в погружениях в очистительные воды — aqua vivis fortibus amnibusquehausta.⁴ То же самое было и в Индии — Великая Богиня уподоблялась водам Ганга, смывающим прегрешения своими водами, своими проявлениями, своей "жидкой формой".⁵

Высшей ипостасью Великой Богини была, подобно гесиодовской Гайе, богиня, рождающая без мужа и лишь единожды оплодотворенная героем, бывшим одновременно ее сыном и возлюбленным — сам он считался хотя и царем, но смертным и царствовавшим лишь милостью богини. Таков Таммуз — сын Реи-Кибелы, Аттис

¹ Altheim. *Der unbesiagte gott*. Hamburg, 1957, p.31.

² Pestalozza. *Religione muditerranea*. cit., p.405-408.

³ Tacite. *Ann.*, IV, 53.

⁴ Вода, почерпнутая из живых источников и рек (лат.).

⁵ A. et E. Avalon.

— сын Иштар. Царь-герой несамодостаточен, источник жизни только у богини. В истории этот архетип проявлялся в "царстве матерей", деметрической гинекократии, не обязательно связанной с социальным превосходством женщин, но всегда с почитанием материнского начала — упадок этого царства сказался близ его конца в явных проявлениях "теллурической", "материнской" аморальности. В мире же собственно архетипов абсолютизация женского начала только как материнского, изначально связанного с Землей, могла деформировать целостность образа и верховной небесной правительницы, Magna Mater Deorum. Внутренне противоречивой оказалась египетская Исида. Теллурическая богиня, в природно-космической символике "черная земля Египта, омываемая потоками Нила, воплощенными в мужском божестве Осириса", постепенно "овладела" небесным миром и стала "Госпожой Неба", "Дарующей Небу свет", "Царицей всех богов".¹ Но по-своему это закономерно. Эламитская богиня, облеченная в символизирующую мировую власть тиару, "держит в правой руке чашу, из которой смертные пьют опьяняющую влагу жизни, а в левой — кольцо, символ бесконечного круговорота рождений". Здесь есть и небесное, и земное. Великая Богиня может на какое-то время по своей воле прекратить быть Матерью Землей и принять форму лунного божества, и это, по сути, — череда проявлений основных мировых смыслов. Луна — светило изменчивое; поэтому она отождествляется с текучестью и движением, как и Вода, как и космическое ὕλη. Светило ночи, царица ночи — в моралистической трактовке "звезда измены" — все это очень женское и естественно отождествляется с божественным женским архетипом; потому возрастающий месяц — признак иранской Ardvî, водной ипостаси Ahura Mazda. Это уже весьма далеко от материнского.

Но Великая Богиня проявляет себя не только в нематеринском, но и в прямых противоматеринских эпифаниях — у индусов это Kalî, Bhairâvî, Karalâ и, наконец,

---

¹ E.A. Wallis Budge. *The gods of the Egyptians*. London, 1904, v.II, p.213-216. Apulée. *Mét.*, XII, 5.

Durgâ — различные проявления çaktî или супруги "божественного мужа", то есть, иначе говоря, афродического начала примордиально женского — разрушительные, экстатические, глубинные проявления пола. Эти черты несут как все та же Иштар, в аспекте богини любви, так и многие другие — Милитта, Астарта, Танит, Ашера, Анаис. Обратим внимание на одну фундаментальную черту. Одно из имен индийской богини этого ряда "Дурга" — "Недоступная", но она же — богиня оргиастических ритуалов. Средиземноморские богини любви часто принимали эпитет "девственниц", παρθένος. Иштар — "дева", но она же "великая Блудница", "Небесная Блудница".¹ "Девами" назывались и богиня Kalî и Ауа-Kalî (Kumâ-rîgûra dharîni) — афродические богини, имевшие любовников, в отличие от богинь деметрических — матерей. Porné Hetaaira, Panemos — все это эгео-анатолийские богини-"блудницы", они же "девы". Великая Богиня, "Дева-Мать" китайцев Shing-Moo одновременно — покровительница проституток. <...> Глубину этого контекста явно не понимали авторы-этнографы, пытавшиеся объяснить, что в древности "девой" называлась не женщина, не имевшая сексуального опыта, а просто незамужняя, у которой могли быть отношения с мужчинами, не оформленные юридически.² Намек на более глубокое понимание может содержать то, что "первоматерия" принимает и воспринимает любую форму, не повреждаясь в своем основании, корне, "последних глубинах".³ Девственность, таким

---

¹ Имя богини Иннини-Иштар принимали на себя священные блудницы (храмовые проститутки), которые сами себя называли "девами", ishtarîti — до сих пор обычных проституток в быту называют "девочками"; некоторые из них просто именовали себя как часть богини, но, возможно, речь шла о неких сокровенных свойствах природы. См. S.Langdon. *Tammus and Ishtar*. Oxford, 1914, p.75-76, 80-82.

² L.Farnell. *The Cults of the Greek states*. Oxford, 1896, v.II, p.413, 442, 449. R.Briffault. *The Mothers*. New-York. 1927, v.III, p.169-170. Слово kumârî, которое в Индии обозначает девушку (подобно немецкому Jungfrau) имеет аналогичный смысл, не обязательно предполагая анатомическую девственность.

³ Еще Плутарх говорил об Исида: "Поскольку Исида есть женское начало природы, она способна воспринимать все бытие; Платон называл ее "лоном", "вселприемлющей", "множеством", "имеющей десять тысяч имен", так как она, изменяемая Логосом, обретает все формы, все

образом, может оказаться неуловимым и глубинным качеством "божественной женщины" в ее аспекте "Дурги" ("Неприступной") и иметь связь с мировым холодом, который только один и может пребывать в неразрывном единстве с мировым пламенем и очарованием афродической и гетерической природы. Вспомним хотя бы Сирен — одновременно девственниц и чаровниц, тела которых рыбообразны, влажны, холодны.

Похожий характер имели божества типа амазонок, девственность которых, правда, стали подчеркивать гораздо позднее, в период "морализации" онтологии. Так, Артемиду-Диану и Афину в эллинском мире считали девственницами, в то время как их доэллинские и пеласгские прототипы относились к материнскому типу. Кроме того, девственные богини, и в их числе Иштар, дева-блудница, были покровительницами войны и богинями победы (*Venus Vitrix*, Иштар именовалась также "Госпожа оружия", "Судия битв"); отсюда двойственность и двусмысленность обращения к ней: "Ты во власти, о богиня Победы, утолить мою страсть к насилию!"¹ Пршиусский в своем исследовании показал, что Великая Богиня была богиней победы именно в силу своей афродическо-разрушительной природы — ведь война и есть страсть к разрушению и убийству.² Так и сама Афродита отчасти воинское божество — эзотерически ее можно понимать как Ареса-Марса. Это, по сути, и есть двуединство жизни и смерти — об Астарте сказано: "*Diva Astarte hominorum deorum vita, salus, rursus eadem quae est pornicies mors interitus*".³

Так мы встречаем светящуюся лунную богиню; она же — глубинная, из бездны глядящая "черная богиня", *Mater Tenebrarum*, подземная Геката, девственно-инфер-

---

идеи". В древних гимнах Исида именуется "неведомой", "глубоко упрямой", "той, которую трудно понять", "великим и никогда не преодолимым божеством", и в то же время она нага — "одежды ее сброшены". Wallis. Budge. *The Gods of the Egyptians*. v.I, p 459. .

¹ См. W.King. *Seven tables of creation*. London, 1902, p.223.

² *La Grande Déesse* cit, p.28.

³ Ибо божественная Астарта и людям и богам несет жизнь, здоровье, неповрежденность, но и гибель, смерть, конец (лат.). Цит. по: W.H.Roscher. *Die grundbodeutung der Aphrodite und Athena*. Leipzig, 1883, p.76 sqq.

нальная Артемида, упоминаемая Вергилием *Domina Ditis*, Иштар и *Kalî*, "Мать Ужаса": все это архетипы, соответствующие девам-покровительницам битв и бурь, северным валькириям, иранским *fravashî*. Как в силу освобождения и одновременно смерти, люди призывали богиню на своих врагов, *Promachos*, с дротиком и луком. И если битва завершена победой, ее славили как богиню победы. *Durgâ* — "черная дева" — *Krishna Kumari*, тоже помогала на войне.¹ "Инфернальный" оттенок военно-сексуальных культов налицо.

Во время римского *devotio*, мрачного ритуала, во время которого воины сами себя предавали во власть адских сил, дабы те помогли им на войне, наряду с поклонением Марсу отправлялись обряды в честь "светящейся богини" войны Беллоны, вполне тождественной афродической ипостаси Великой Богини. Можно вспомнить и египетскую Сохмет, обнаженную львиноголовую богиню войны, которой приносили кровавые жертвы с просьбами о сохранении воинов и животных.

С точки зрения морали "Дурга" крайне жестока, что можно сказать и о ее "сестрах". Все они наслаждаются кровью и смертью. Это хорошо видно на примере *Kalî*. Также и в разных частях Греции, в Спарте, в Брауроне, в других местах приносили жертвы божественной Деве, Артемиде Орфии, именуемой также Таурик; когда жертвоприношение заканчивалось, начинался ритуал *diastigmatosis* — бичевание юношей: кровь их, любимая богиней, стекала на ее алтарь. Впрочем, почитатели Деметры также бичевали друг друга. Праздник Кибелы, так называли Великую Богиню римляне, начинался между 15 и 24 марта и заканчивался 27 марта, в день, который в календаре значился как *dies sanguinis*. В этот день жрицы богини бичевали себя и наносили друг другу раны — их крики смешивались со звуками флейт и ударных. Жрецы верили, что в этот момент они соединяются с Великой Богиней. Часто, как это было в Галлии и в Америке, кровавые жертвы принимали женщины-жрицы. Римские весталки, священные девы-хранительницы огня жизни, практиковали очень древний

---

¹ *Avalon. Hymns to the Goddess. cit., p.70-71, 76, 115, 117.*

ритуал — бросали в Тибр двадцать четыре куклы — как считают историки, они делали это в воспоминание о человеческих жертвоприношениях.

Следует помнить, что нагота божественной женщины в ее дургическом аспекте противопоставлялась наготе деетро-материнской, наготе плодородия. Нагота афродическая — нагота бездны. Одним из самых характерных ее ритуально-символических проявлений был древний танец семи покрывал. В нем воспроизводился символизм семи планетных кругов жизни, через которые проходит душа, пока не возвращается к самой себе, — совлекая их по очереди, танцовщица открывает свою наготу, наготу абсолюта, находящегося по ту сторону числа "семь". Плотин рассказывает о постепенном обнажении участников мистерий; в суфизме существует понятие *tamzig* — срывание одежд во время экстаза. Все это соответствует обнажению и освобождению женского начала от всех оболочек и форм вплоть до проявления изначально женского, "девственного", предшествующего всякой форме вообще. Это и делает танцовщица, последовательно сбрасывающая семь покрывал и остающаяся нагой: для египтян она становилась проявлением Исиды. Это ураническая, глубинная нагота, нагота бездны и из бездны, способная убивать — так Диана убила Актеона, так зрелище обнаженной Афины ослепило Тиресия. Ритуальное табуирование наготы во многих преданиях и обычаях вовсе не признак примитивности мышления. Но если в греческих мистериях созерцание женской наготы имело место уже на последних стадиях посвящения, то в тантризме — это только начало — женщина появляется как воплощение *prakṛtī*, божественной женщины, открытой для всех будущих проявлений; нагая, она выражает чистую сущность вне всяких форм, и тоже в ее "девственном", глубинном аспекте. Иное дело, что и здесь общение с обнаженной женщиной дозволено не для всех, а лишь для посвященных высокого уровня, допущенных к лицезрению бездны, нагой Девы, с которой они могут соединиться, не страшась умереть или профанировать таинство.¹

---

¹ J.Evola. *Yoga della Potenza*. p.288.

Здесь можно вспомнить и такое на первый взгляд парадоксальное явление, как ритуальное соитие аскета и проститутки на празднике Махавраты: женщина, отождествляемая с "первоматерией", открытая всем возможным формам ("проститутка"), подчиняется мужчине, путем аскезы достигшему своего собственного мужского принципа, трансцендентной вирильности. Также, в соответствии с ритуальным символизмом, муж и жена, прежде, чем возлечь на супружеское ложе, должны совлечь с себя одежды и совершить омовение — все это соответствует перечисленным выше изначальным смыслам.¹

Об этих ритуалах мы еще поговорим. Пока же следует упомянуть еще о таком проявлении Великой Богини, как *Vâgunî*. Это индийское божество, обычно именуемое *Vâgunî* или *Surâ* — богиня неба, воды и опьяняющих напитков. Само слово *Vâgunî* (бледная) означает одновременно хмельной напиток и пьяную, безумную женщину. *Vâgunî* или *Surâ* в эпосе — дочь *Vâgunî* — уранического мужского бога, сама же дарующая ему веселье и опьянение. В Индии связь между *Vâgunî* и хмельными напитками прослеживается очень отчетливо; в некоторых текстах пить *devî vâgunî* (а сама богиня влажна, жидка и текуча) означает пить вино или что-то подобное; имя же *Surâ* в Иране просто одно из имен Великой Богини.² В гимнах сурового поэта Шанкары эта богиня — богиня вина; она держит в руке кубок и сама пьяна. Такой божественный архетип указывает на связь женского начала с опьянением и его основную причину. Опьянение может иметь низменную, дионисийскую, дикую, менадическую форму, но может — преображающую и просветляющую.

В христианстве прикровенно присутствует этот второй аспект в образе Девы Марии, стоящей на полумесяце или же на змее, которая в еврейском эзотеризме

---

¹ A.Pernety. *Dictionnaire mytho-hermétique* Paris, 1758, p.266. Можно указать на магический аспект ритуальной наготы. "Нагота", отделенная от форм, соответствует элементарному принципу природы, обнаруживающей свои сверхфизические возможности. Некоторые магические ритуалы также предписывается совершать в обнаженном виде.

² Przulski. *Op.cit.*, p.139; *Mahânirvâna-tantra*. X,110.

(змея Nahash) является космическим началом желания. В эллинском мире известны Малые Мистерии (и связанные с ними Мистерии Парсефоны подземной) — осенние и весенние — посвященные Афродите. Их, однако, следует отличать от Великих Элевзинских Мистерий, всегда совершавшихся осенью. Вспомним и об эгейской богине, Госпоже Кораблей (именуемой по-латыни *Stella Maris*) — она владычица и неба и преисподней, "богиня голубиц" с одной стороны, "богиня змей" и пантер — с другой.¹

Последнее, о чем следовало бы здесь сказать, это то, что если космическая субстанция, текучая, неустойчивая, флюидная оказывается остановленной, статичной — мы снова возвращаемся к деметрическому принципу, но в его ином аспекте — аспекте единобрачия — дуализм "Девы" и "Блудницы" здесь преодолен и перед нами "запечатанный ручей" — божественная супруга. Переводя этот аспект в плоскость морали, мы получаем архетип чистоты и верности (Великая Богиня в ее проявлении Геры). Этой онтологической ситуации соответствуют божественные пары, исполненные взаимной гармонии и равновесия двоих.

Примечания переводчика к главе 32

Материал, изложенный в данной главе, представляет не только историко-культурный интерес. Он действительно обоюдоостр, поскольку затрагивает реальные онтологические глубины. Древние мистерии без сомнения содержали глубинные воспоминания о "райской наготе", утраченном райском бытии человека. Однако то, что они совершались после затворения рая, но до прихода Спасителя, привело к тому, что в мистериях произошла сначала профанация райского ведения, а затем и ниспадение его до "глубин сатаниных". По сути, это же признала и индийская традиция, именуя Кали-югой эпоху упадка и деградации человеческого рода. Священное Предание Православной Церкви, сохранившееся и в католичестве, прямо говорит о грядущем

---

¹ Glotz. *Civilisation égéenne*, *Op.cit.*, p 290-291.

рождении антихриста от "блудной девы", соответствующей архетипам Кали и Иштар, оставляя, собственно, знание о том, *как* это произойдет, в глубокой тайне. Нельзя исключить, что силы "вавилонского смещения", действующие в истории, мистически *не имея ничего своего*, попытаются в узко клановых целях скопировать древнюю инициатическую практику, потерявшую смысл две тысячи лет назад. В этом смысле материал, собранный бароном Ю.Эволой, приобретает еще и характер предупреждения.

33. Различие типов мужского начала в мифологии

Рассматривая мифологические типы, воплощающие мужское начало, мы увидим божества — "противодополнения" всех трех "божественных женщин" — афродической, дургической и деметро-материнской.

Й.Й.Баховен в своих трудах касался этого и говорил о целом мифологическом корпусе, созданном древним миром вокруг Диониса, корпусе, кажущемся синкретическим и беспорядочным, но на самом деле исполненным глубоких смыслов.

Первая внутренняя форма мужского начала, вирильности — теллурико-посейдоническая. Дионис отождествляется с Посейдоном, богом Воды, подобным Осирису-Нилу, орошающему Исиду, "черную землю" Египта. На более высоком уровне Дионис — это Гефест-Вулкан, бог подземного огня. В первом, посейдоническом проявлении мы встречаемся с символизмом Воды, влажным началом рождения и, соответственно, чисто фаллической вирильностью — бог оплодотворяет женскую субстанцию и в какой-то степени находится у нее в подчинении. Гефест же — груб, необуздан и элементарен; его "противодополнением" является афродическая женственность в, так сказать, "исчезающем", "убегающем" аспекте, аспекте женской измены — Афродиту считали неверной женой Вулкана.

Более высоким проявлением мужского начала Баховен считал его светоносную, небесную сторону, причем низшим проявлением этого был Лунус, а вторым, высшим, солнечным — Аполлон. Можно ли считать Аполлона проявлением Диониса, не всегда ясно. Диониса всегда сопровождают богини, с одной стороны, бесспорно, являющиеся разными архетипами Великой Богини, с другой — ограниченными и ограничивающими, так что, превращаясь в солярного бога, Дионис не становится проявлением чистого и неподвижного света, но всегда только звездой — умирающей и воскресающей. Это главный мотив орфического дионисийства и в то же время "второй план" религии Матери — именно таковы Аттис и Таммуз, мужские божества, воскрешаемые Богиней (в случае с Кибелой это не Аттис, а Савасий, но все равно — тот же самый Дионис). Дионис — солнце в его аспекте восхода и захода, но он не есть неизменный, чистый, олимпийский солнечный свет.

Рассматривая мужское начало в его совокупности, мы подходим к одному мифологическому кругу, уже находящемуся вне очерченного вокруг Диониса. Там — Геракл, враг и победитель Амазонок, там Арес-Марс. "Неверная жена" Афродита бросает Диониса-Гефеста, "сбегая" от него к Аресу — богу войны. И хотя Арес-Марс тоже наделен чертами дикой, необузданной вирильности, она не фаллична, не дионисична, не чувственно-элементарна — характер ее, скорее, героический. Одно из ее воплощений — дорический Геракл, победитель Амазонок, но еще и главный противник Великой Матери — Геры, как и римский Геркулес — враг Благой Богини (*Bona Dea*); освобождаясь от ее власти, он утверждает свой собственный принцип, выходит на Олимп и овладевает Гебой, вечной юностью; это происходит после того, как Геракл отыскивает дорогу в сад Гесперид и получает там золотое яблоко, символ жизненной силы и самой Матери (яблоко Гее дарила Гера).

Еще выше, чем символизм Геракла и его подвигов — проявлений героической, антигинекократической вирильности, расположено начало мужской аскезы. Таков Шива, правда, не в метафизическом аспекте, а как

чисто культовое божество. Можно, конечно, по-александрийски отождествлять Шиву с Дионисом — богом оргиастических ритуалов, но с другой стороны, Шива — аскет, пребывающий на вершинах, владеющий супругой, Parvatî, с которой он, однако, не вступает в плотскую связь. Шива может молнией убить бога любви, имя которому Kâma — синоним жажды, тоски, обделенности и мучительной зависимости. В индийском мифе Шива воскрешает убитого им же Kâma только после заступничества за мертвеца бога Ratî, правда, тоже воплощающего эротический опыт, но в его светлых, свободных и ни от кого не зависимых формах.

Еще более чистое божество, аскет, свободный уже и от самой аскетической борьбы, — индо-тибетский Непика, скипетроносец, воплощение суровой и торжественной, но и страшной, красоты. Это нагое божество, и нагота его онтологически подобна "глубинной" женской наготе — это бытие-в-себе, чистый принцип уранического господства. Крайне опасно для женщины — увидеть мужчину в такой его "наготе". Она рискует навсегда потерять его — он не станет больше ей принадлежать, это еще один легендарный мотив. У Шивы тоже есть такие признаки: одно из имен его — digambara, то есть "Нагой".

Возвращаясь к эллинству, следует твердо принять за мерило аполлоновские проявления чистой вирильности. Аполлон был воплощением олимпийского νοῦς, неподвижного уранического света, был свободен от всего теллурического, подземного, от связи с богинями; однако поздние исторические воплощения его культа часто были смешанными, "бастардными". Но дело не в них. Сам Аполлон, бог "чистой формы", был зачат без матери и рожден "сам из себя", ἀμῆτωρ и αὐτοφυής. Дорический "геометрический" бог, мужской бог всеопределяющей формы, противостоит женственной неопределенности и безграничности, ἄλειρον, пластической материи. У Эсхила, по суждению Ореста, Аполлон воплощает и защищает принцип, противоположный как мифологии безмужнего материнства, так и обоим типам женственности — деметрическому и афродическому.

Орест утверждает, что только отец — родитель сына, а мать лишь его "кормилица".¹ Это-то и есть подлинник, метафизическое восстановление связи между вечно мужским и вечно женским. Аполлоническая вирильность простирается еще дальше: восстанавливается не только "справедливость", но и изначально Единое, находящееся по ту сторону диады. Таким образом, во всех проявлениях вирильности: фалло-теллурическом, дионисийском, героическом, аскетическом и, наконец, олимпийско-аполлоническом, мы можем усмотреть фундаментальные различия мужского мира; и каждое из названных проявлений — "противодополнение" соответствующего женского, любое из которых можно обнаружить в мире теллурических Матерей, деметрических и афродических богинь и, наконец, "Девственниц" — двусмысленных, глубинно-непознаваемых, воинственных разрушительниц.

34. Мужское и женское в проявлениях

В предшествующих главах мы уже перешли от рассмотрения мужского и женского в их принципиальных, статических основах, внешних формах и категориях, к динамике их взаимодействия. Чтобы успешно продвигаться дальше, необходимо обратить внимание на следующее.

Сегодня в законченном виде нет метафизической и традиционалистской доктрины, рассматривающей диаду как главный ориентир миропонимания. Как мы уже говорили, дальневосточная традиция понимает уин и уанг как "Великое Единство" — Tai-î или Tai-ki. Плотин говорил о Едином, предшествующем божественному единству $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ и $\omicron\lambda\eta$, бытия и жизненной силы. Тантризм знает категорию Nirguna-Brahman, аналогичную категорию, находящуюся по ту сторону диады Шива — Шакти. С точки зрения высшего принципа невозможно говорить о "равночестности" этих двух начал. Мужское

---

¹ Eschyle. *Eum.*, 658-666.

начало, yang, Шива или "бытие" как часть диады отражает Единое, то есть бытие трансцендентное; оно "представляет" Единое в процессе всеобщих проявлений, в относительности, текучести форм (по Плотину, в категориях Логоса). Что же до "природы", то, если употреблять теологическую терминологию, она не равночестна, не совпадает с Ним, но создана Им и в этом смысле "вторична".¹

Отсюда, естественно, проистекает онтологическое, метафизическое и правовое превосходство мужского начала над женским, которое, однако, не является чем-то безусловным. Даже напротив, в первый момент проявления женское начало оказывается "пробуждающим", активным и стихийно-свободным и может "опережать" чистое, самодостаточное бытие; это "опережение" сохраняется на всей так называемой "ниспадающей" фазе процесса, в период плотиновского *próodos*, тантрического *pravrtti-marga*, о котором мы говорили, проводя различие между путями Правой илевой руки.² Данная фаза продолжается до достижения равновесия начал, после чего происходит кризис или перелом. Женское, Шакти, может рассеяться в беспредельности или же быть жестоко подавленным мужским принципом, стремящимся вернуться к прежним состояниям, вплоть до полного подавления и приостановления развития, или же результатом окажется некое высшее единство, в определенном смысле воспроизводящее единство первоначальное. Это как бы опрокинутая арка, опускающаяся до нижней точки, до состояния, которое в христианской терминологии может быть названо "консумацией" (это движение можно сопоставить с путемлевой Руки), после чего начинается восхождение, идущее под знаком Шивы, в то время как первая фаза

---

¹ Ссылаясь на Библию, можно утверждать, что Ева происходит ИЗ Адама, из его части (ребра), подобно тому, как человек вообще есть образ Бога. См.: *Dogme et rituel de Haute Magie*. Женщина — "часть" мужчины подобно природе, творению Божию; отсюда и образ Успения Божией Матери, Которую Христос Сам возвел на небо.

² В природе эта метафизическая ситуация отражается в целом ряде известных биологических циклов; в истории нам также известны периоды матриархата и женских обществ".

принадлежит Шакти; то же самое можно говорить о творящих и охранительных богах (Браме и Вишну).

Важно подчеркнуть, что эти фазы не есть нечто следующее одно за другим во времени, но совокупность ситуаций, включающих всю множественность отношений между мужским и женским началами, формой и материей, Небом и Землей, yang и yin, когда преобладает то одно, то другое. Они касаются всего — космоса с его периодами, истории с ее эпохами, структуры и направленности религиозных культов, цивилизаций и общественных формаций (извечное противостояние цивилизаций Отцовских и Материнских, андрократических и гинекократических), патриархальных и матриархальных правовых систем и, наконец, просто людей, среди которых преобладание в душе "мужского" или "женского" начала (а пол — это в большей степени душа, чем тело) в конечном счете и определяет деление на "мужчин" и "женщин". Таким образом, данные концепции, могущие сначала показаться чересчур абстрактными, оказываются проводниками в мир подлинных реальностей.

Можно заметить, что все варианты мифа о первородном грехе заключают в себе воспоминание о разорванном единстве мужского и женского начал и об усвоенном падшим человеком способе существования, лишенном этого единства. Это и есть первая фаза проявления, не оставляющая ничего, кроме полного забвения, погружения во тьму неведения (индийская категория avidya, платоновский миф о Поросе, соединяющемся с Пенеей в состоянии опьянения, растворение Нарцисса, νοῦς, которое, объятые phyché, погружается во тьму, и т.д.). Это указано в *Corpus Hermeticum*: "Хотя Муже-жена (андрогин) есть образ Отца (то есть Единого, образом которого является мужчина) и сам по себе превышает сна, сон им владеет".¹ Пробуждение, восстановление (или же, в сотериологических категориях, "искупление" и "спасение") происходит во второй фазе, шиваической, фазе восхождения. Предварительное условие для этого — опережение, преодоление сопротивления женствен-

---

¹ *Corpus Hermeticum*. I, 15.

ной силы, стремящейся к хаосу, — это и есть прорыв космического уровня.

Можно долго перечислять мифы, в которых эта идея пластически воплощена. Мы уже упоминали переход от каббалистической концепции изгнания Шехины, которое символизирует "разрыв" в царстве божественных сил (фаза, когда космогоническая Шакти изгоняется и существует сама по себе), к концепции Вечной Субботы, когда все вернется к своим истокам — это будет воссоединение Святого Благословенного со своей Шехиной: брак Святого Благословенного и Шехины есть восстановление единства Божественного Имени, разрушенного грехопадением. Согласно этой спорной традиции, стремящейся к строгому и буквальному исполнению всех божественных предписаний, хасиды должны совершать их в соответствии с формулой: *Lechem Jiehud Kutria, berich Hu u-Shekinte* ("во имя единства Святого — да будет Он благословен с Его Шехиной").¹

В христианском гностицизме² мы встречаем тему странствований Софии по нижним мирам до ее брака с Христом (Логосом, отражающим или "содержащим" в Себе Единое, "Сыном" трансцендентного бытия) и возвращением в мир Света.³ Такова и символика, выстроенная Симоном Гностиком⁴ вокруг женщины, ходившей с ним, Елены (имя, означающее Селену, Луну), прежде бывшей блудницей, а затем его женой, пробудившей в себе глубинное чувство, женщины, которую сам Симон считал воплощением Софии. А вот слова Марка Гностика: "Я есмь сын Отца, который превышает всего

---

¹ G.G. Scholem. *Les grands courants de la mystique juive* Payot. Paris 1950, p.247,293. M.D.Langer. *Die Erotik in der Kabbala*. Prague, 1923, p.116.

² Понятие это можно употреблять лишь условно. Гностические учения были анафематствованы Вселенскими Соборами. Однако это следует правильно понимать. "Анафема" есть не "проклятие", как это часто понимается в "бытовом православии", но простая констатация того, что данное учение, выдаваемое за церковное, не есть учение Церкви. Это лишает гностицизм определения "христианский", но вовсе не отрицает того, что в нем, как и в любых "учениях естественного откровения", содержится множество сведений, относящихся к космическому, тварному миру (Прим. перев.).

³ Mead. *Fragments of a faith forgotten*. cit., p.307, 309. Ср. средневековый русский апокриф "Хождение Богородицы по мукам" (Прим. перев.).

⁴ В Новом Завете — Симон Волхв (Прим. перев.).

существующего, а я существую. Я пришел сюда, дабы различать мое и не мое (т.е., согласно первоначальной диаде, мужское и женское — Ю.Э.), а то, что не вполне мое, принадлежит Софии, которая есть моя женская половина, но она же и сама по себе. Но сам я пришел из-за той стороны существования и вернусь к своему истоку".¹ Различные фазы таинственного процесса, о котором рассказывали гностики, довольно точно описаны Иринеем Лионским² в применении к Адаму, именуемому "неразложимым", "краеугольным камнем" и "человеком славы". Речь шла о барьере, отделяющем человека от его внутреннего Я, небесного архетипа Адама, о грани, за которой — "превращение во все забывшую статую из глины и мела". В явной связи с классической мифологией, рассказывающей о приливах и отливах, об Океане, Воде, которая порождает то людей, то богов (ниспадение сменяется поднятием до небес, обозначающим в цикле "конец царства женщины" — Ю.Э.), гностицизм учил: "Есть высший благодатный человек Адам, и есть смертная человеческая природа; но есть и третья раса, не имеющая Царя, та, которую надо поднять ввысь — она и есть искомая Мариам" (женское как сторона в процессе восстановления). Чаемое высшее бытие именуется "андрогином", ἀρσενόθηλος, который сокрыт в каждом человеке". В качестве примера приводились статуи обнаженных мужчин с поднятыми фаллосами, установленные в Самофракийском храме, один из них якобы первоначальный Адам, другой — образ человека, родившегося для новой жизни, во всем подобного первоначальному. Эту тему продолжала средневековая герметическая традиция вплоть до начала новой эры. Пернети рассказывает о Блуднице, отождествляемой с Луной, которой Королевское Искусство (алхимия в ее духовном аспекте — прим. перев.) вернуло Девственность, и о Деве, оживленной семенем первочеловека и затем телесно соединяющейся со вторым (мужчина — образ первого Адама, ab origine оплодотворяющего субстанцию — жизнь — Ю.Э.), и от этого зачатия происхо-

---

¹ Mead. *Op cit.*, p.281-282.

² *Philosophumena*. V. I, 6-7, 8.

дит двупольный младенец, который становится основателем наиболее могущественной королевской (царской) расы¹. Нечто подобное мы находим и в дальневосточной традиции, говорящей о "тайне трех", заключающейся в том, что Один, соединяясь с двумя женскими началами, возвращается к самому себе. На "выправление" или "трансмутацию" женской полярности направляют как герметический символ "Сына, рождающего свою Мать", так и очень странные слова Данте: "Девственная Мать, дочь своего сына".

Значение этих традиций прежде всего в том, что они прямо связывают нас с древними мистериями, с тайной андрогината и дают возможность по-иному взглянуть на мир вещей и явлений.

Оказывается, что изложенный Платоном и ставший для нас основным в понимании метафизики *эроса* сюжет — миф об андрогине — приобретает универсальность и служит ключом к пониманию всей подосновы космоса. Поэтому является не лишним интереса представить дополнительные свидетельства на эту тему.

"*Corpus Hermeticum*" говорит о первоначальных андрогинах, которые, "по свершении своего времени", пришли в упадок и вымерли.²

Каббалистическая экзегеза Книги Бытия в своем рассказе о Шехине повествует о том же. Согласно *Bereshit-Rabba* (I, i, 26) первый человек был андрогином. Женщину, взятую из Адама, звали Aisha, потому что она произошла из мужчины (Aish). Адам дал ей имя Евы ("жизнь", "живущая"), так как через нее же следовало восстановить единство.³ Здесь, а позже у Маймонида⁴ встречается тот же платоновский сюжет о разделении на две части, а также метафизическая тема "сущего", которое "есть одно, но, с другой стороны, есть два". Леон Еврей (Иегуда Абарданель), желая подтвердить свое толкование библейского мифа о первородном грехе, делает прямую отсылку к Платону и приходит к плато-

---

¹ Pernety. *Dict. mytho-hermét.* Paris, 1758, p.408, 522.

² *Corpus Hermeticum (Poimandres)*. I, 9-15.

³ Langer. *Erotic in der Kabbala*. cit., p.III; см.тж. S.Peladan. *La science de l'amour*. Paris, 1911, ch.II.

⁴ *More Nevokim*. II, 30.

новскому пониманию внутреннего смысла *эроса*. Библейские слова о том, что человек оставит отца и мать и соединится с женой ("да будут в плоть едину"), Леон Еврей объясняет стремлением двух половин, каждая из которых в отдельности обречена распаду, составить новое единство, поскольку двое вместе "образуют единого человека".¹

Этот мотив, имеющий мистериальные корни, не был чужд и греческой патристике, из которой, скорее всего из Максима Исповедника, черпал сведения Иоанн Скот Эригена, оставивший формулировки, достойные упоминания. Эригена указывает, что "разделение сущностей промыслительно началось в Самом Боге и по нисхождению пришло к разделению на мужчину и женщину. Вот почему их восстановление должно начаться с человека, дабы он мог вернуться к Богу, в Котором нет никакого разделения, но все едино (мы находим здесь сходство с Единым Плотина, дальневосточным Великим Единством² и т.д. — Ю.Э.). Воссоединение творения начинается с самого человека. Как и у Плотина, у Эригены метафизические мотивы представлены в моральных терминах, то есть связаны с грехопадением³ (мы уже видели, что в метафизике соответствует этой концепции: динамико-онтологическая ситуация, соответствующая фазе нисхождения). Так, Эригена указывает, что "если бы первый человек не согрешил, его природа затем не подверглась бы делению на полы", — половое деление есть следствие первородного греха.⁴ Противоположная перспектива эсхатологична: "Для того, чтобы человеческие существа, разделенные на полы, составили единого

---

¹ Leon Le Juif. *Dialoghi d'Amore*. éd. Caramella, Bari, 1929, p.417 sqq.

² В то же время у Эригены, находившегося под влиянием восточного богословия, прежде всего преп. Максима Исповедника, речь идет об абсолютно трансцендентальном Боге, находящемся по ту сторону *всего* тварного мира, а у Плотина и в китайской традиции Единое носит все же внутрикосмический характер (Прим. перев.).

³ Ю.Эвола считает само слово "грехопадение" термином "моральным", т.е. по римо-католически, хотя сам и отталкивается от католицизма. "Грех" — не моральная, а онтологическая категория, отпадение творения от Творца. Моральные категории — проступок, нарушение и т.п. (Прим. перев.)

⁴ *De divisionibus naturae*. II, 6; II, 9; II, 12.

человека, в котором нет ни мужеска пола, ни женска, должен пройти земной цикл, после которого не будет времени и наступит рай."¹ Христос предвосхитил это онтологическое восстановление — воссоединение бытия. Эригена повторяет сохранившиеся свидетельства древних мистерий и в то же время цитирует Максима Исповедника, согласно которому Христос соединил в себе природу разделенных полов и по воскресении уже "не является ни мужчиной ни женщиной, хотя жил и умер мужчиной".² В результате совершенного искупления творения человек в принципе также способен к этому.³ Подход Скота Эригены носит характер чисто богословско-эсхатологический. Об *эросе* как возможном способе восстановления и о какой-то конкретной практике он молчит. С другой стороны, есть основания полагать, что в христианском мире материя андрогина в ее оперативном аспекте существовала в герметико-алхимической среде, и то, что в элинических текстах именовалось Великой работой соединения мужского и женского, в средневековой литературе, в том числе и относительно недавнего времени, изображалось символом *Рибиса*, или "двойной жизни", андрогина, соединяющего в себе две природы, мужскую и женскую, солнечную и лунную. Из самых поздних источников укажем на фигуру андрогина, относящуюся к XXXIII Эпиграмме из *Scriptum Chymicum* Михаила Майера, сопровождаемую комментарием: "Гермафродит, похожий на смерть, простертый во тьме, нуждающийся в огне".⁴ <...> Чтобы завершить это отступление, укажем, что ассоциации между Христом и андрогином, приведенные Скотом Эригеной, были возобновлены Кунрадом. На таблице II его *Amphiteatrum Eternae Sapientiae* (1606) изображены возрожденные Адам и Ева под фигурой андрогина с комментарием: "Чело-

---

¹ *Ibid.*, II,4; II,8.

² *Ibid.*, II,12; II,14.

³ Согласно Скоту Эригене разделение полов — следствие "оземления", разложения и отделения земного от небесного. (II,9; II,12). Ф.фон Баадер (*Gesammt. Werke*, v.III, p.303) утверждает, что Адам имел природу андрогина до тех пор, пока не подвергся искушению.

⁴ *Sur l'histoire du Rebis hermetique*, cf. *Introduzione alla magia quale scienza dell'Io*. v.I, p.312.

век, отвергший бинарное, облекается во Христа и подражает Христу — Homo binarium repellens, Christo indutus, et eum imitans"¹.

В конце концов следует привести еще один пример — невозможно сомневаться в эзотеризме трудов Леонардо да Винчи. На его картинах тема гермафродита играет очень важную роль прежде всего в таких образах, как святой Иоанн и Вакх (Дионис). Кроме того, на многих его картинах повторяется изображение аквилегии, растения, которое считалось "андрогинным".

35. О демонизме женского. Символика перевернутого объятия

Известно, что в традициях многих народов женское начало связывалось не только с идеей "совращения", но и с "демоническим". Согласно Каббале, демоническое прямо вытекает из женского²: то же самое касается уип в даосизме; в египетской традиции противосолярные силы также женской природы, как и Изиды, по легенде, — соблазнительница, обманом похищающая у Ра "могущественное Имя", дабы лишить его силы.³ Очень легко перечислять упоминания этой стороны женского в других традициях, причем не в моральном, а в онтологическом смысле — в точном соответствии с шактическим началом, началом "материи" и "Воды", причем если обратиться именно к динамической и драматической картине мира, а не к образу простой "эманации" спинозовского типа.

---

¹ Скот Эригена, в целом, хотя и не без схоластических искажений, следующий за преп. Максимом Исповедником, говорит как о преодолевшем полярность лишь о Христе Воскресшем, подчеркивая, что Он жил и умер в мужском поле. Поздние же герметики, как Кунрад, поскольку говорят о подражании Христу-"андрогину", признают таковым Христа до воскресения. Это полностью противоречит Евангелию, согласно которому младенец Иисус был по закону обрезан на восьмой день (Прим. перев.).

² Sholem, *Op.cit.*, p.51.

³ См.: G.A.Wallis Budge. *The Book of the Dead* London, 1895, p.LXXXIX sq

Мы подходим, таким образом, к эзотерическим указаниям, очень близким к метафизике пола вообще. Демонические тенденции женского прежде всего в "распылении", развоплощении трансцендентной и магической мужественности, всего того, что в мужском есть сверхприродного, перводанного по отношению к диаде, способного возвышаться над текущим и текучим, достигать космических уровней. В буддизме это именуется *vīṅya*; и можно увидеть здесь единый корень с латинским *vir*: это указание на вирильность, мужественность, трансцендентную направленность духовного восхождения, преодолевающего становление, "самсару", текучесть вещей. В многосмыслии оперативно-практического словаря тантры и хатха-йоги, слово *vīṅya* означает также мужское семя, в котором, согласно этим взглядам на человека, содержится зерно мужества — *puṅshamātra sambandhibhiḥ* — и соответственно зерно будущего сверхприродного раскрытия самого себя.¹ В самой природе женского таится распад, рассеяние, разложение неделимо-мужского — это в равной степени касается поглощения семени в материнской (деметрической) функции женщины и в ее функции афродической (любовницы), то есть равно и в деторождении и в страстном желании, как, собственно, и в области оккультного. Так проявляет себя сущностный демонизм, сопротивление творению, то, что гностики в соответствии со своим дуалистическим мировоззрением называли "миром демиурга" (в самом широком смысле — природы, противоположной духу). Это та самая "сосущая смерть" которая приходит к мужчине вместе с женщиной и лишает его *vīṅya*, магической мужественности, утрачиваемой им при соприкосновении с сотканной из желаний субстанцией женского, в результате чего мужчина оказывается "вычеркнутым из книги жизни" — жизни, понимаемой в высшем, оформленном, посвятельном смысле. Перед нами — "неумолимость" женского начала в "войне полов"

---

¹ S.Radhakrishnan. *The Hindu view of Life*. London-New York. 1927, pp.112, 122. Основываясь на аналогичном подходе в древнем Средиземноморье, Й.Й.Баховен пишет: "Женщина означает смерть, мужчина — торжество духа"; имеется в виду не фаллическая, но духовная вирильность (*Das Mitterrecht cit.*, §76, p.191).

как на низшем, так и на высшем плане, борьба его за господство, в том числе в самых простых профанических и социальных отношениях людей.

Густав Майринк раскрыл этот круг проблем и конкретизировал их в связи с древними Мистериями, практиковавшимися на берегах Средиземного моря, в честь одной и той же Великой Богини Исаис (хотя и почитаемой под разными именами).¹ Не будет ошибкой усмотрение того же смысла и в Мистериях Кибелы. "Священная оргия", совершаемая в ее имя, завершалась экстатическим опьянением, несущим утрату мужественности, а выродившиеся поздние формы этого культа были вообще связаны с тем, что мистов, служивших богине, лишали мужественности в самом прямом смысле — через кастрацию или переодевание в женские одежды. Равно и в других культах этого круга (Мистерии Гекаты, Аштарот, Астарты Гелиопольской, Артемиды Эфесской и так далее) участвовали переодетые в женские одежды жрецы.

Впрочем, в до-орфическом демонизме, отмеченном господством женского начала, содержащем, помимо общественных культов, также и Мистерии, в которых (как и в римских Вакханалиях) только женщины — и никогда мужчины! — получали посвящение, превосходство и верховенство дионисической женщины заключалось в ее поведении в отношении фаллоса, который она возбуждала, а затем отсекала и поедала, что означало повреждение и слом "космического мужского" — вот подлинное свидетельство двусмысленности *эроса* как такового.²

---

¹ *L'Angelo della finestra d'Occidente* Milano, 1943, p.344 sqq. Роман переведен на русский язык (Прим. перев.).

² Рассказывая о ситуации смешанно-профанической, Д.Х.Лоуренс обнажает этот "комплекс" так: "Пылать, подобно вакханке, рыщущей в лесу в поисках Ясхуса, сияющего фаллоса, который сам по себе, и в то же время полный ее раб, раб и бог женщины. Мужчина, личность его, здесь только помеха. Он — храмовый раб, носитель и хранитель сияющего фаллоса, принадлежащего ему... В волнах охватывающей ее временами древней страсти мужчина казался ей только исполнителем своей миссии, фаллофором, распадающимся на мелкие кусочки вне его". Много правды говорит и G.R.Taylor (*Sex in History*. cit., p.263.): "Хотя это и кажется спорным, половой акт символичен, его конец или

Однако "демоническая" природа женского может проявляться не только в "инфернальных", но и в "небесных" формах, придающих ей "космическое" измерение. Если женщина способна даровать жизнь, то она в принципе может восходить за ее пределы. Эта тема присутствует в мире легенд и героических мифов. Например, в шаманизме есть миф о небесной женщине, которая, если помогает шаману или оберегает его, способна содействовать его восхождению на седьмое небо, но не двигаться дальше, то есть не дает уйти совсем.¹ В героических легендах женская любовь, имеющая сверх-природные черты, есть скорее помощь, чем преграда для главного действующего лица.

В связи с указанным важно провести различие между двумя типами Мистерий, Великими и Малыми, или, иначе, Мистериями Аммона и Мистериями Исиды, определяющими в древней истории жесткое различие между сакральными институтами и морфологическими формами вообще. Малые Мистерии могут быть определены как Мистерии Женщины, цель которых — развоплощение внутренней личности, ее слияние с женской субстанцией, движущей силой мира проявлений. Эти мистерии носят скорее "светоносный", люциферический, нежели демонический характер, в соответствии с тем, что там совершается: "демоническое" участвует в конкретных ситуациях, в то время как все вместе ведет к "абсолютизации" женского начала, активного в своем сопротивлении сверх-космическому. Но, как мы уже видели, есть и противоположная тенденция — когда женское начало преобразуется в Божественную Мать — мотив, встречаемый нами в эгейской древности и даже в культуре Исиды, изображаемой в виде богини с младенцем, — это как бы "предвидение" христианской Juana Coeli, но в очень ограниченных пределах.

Великие же Мистерии мы можем определить как "восхождение", подъем над уровнем текущего и выход на уровень "космический"; они под знаком трансцендент-

---

оргазм — "малая смерть", а для женщины — своего рода кастрация самца."

¹ M.Eliade. *Le chamanisme et les techniques archaïque de l'extase* Paris, 1951, p.86-87.

ного мужского и как бы "открывают серию ситуаций", в которых мужское торжествует.

Одной из важных частных особенностей оказывается включение в мифологический корпус мотивов инцеста. Женщиной, исполняющей функции "матери" или "Вод жизни", а также "путей восхождения" ("второго рождения", согласно Малым Мистериям), овладевает порожденное ею, то есть ее сын. В герметизме, в практике Королевского Искусства (алхимии — прим. перев.), воспроизводящего основные фазы миротворения, этот символизм просматривается очень отчетливо. В первой фазе,¹ именуемой порядком Луны или albedo (Женщина находится сверху Мужчины, и это соответствует ее роли в Малых Мистериях). Далее Мужчина, повергающий восстающее на него женское начало, устанавливает новый порядок Огня или Солнца, или rubedo, при котором он подчиняет Женщину; чтобы ясно выразить это, некоторые тексты используют символ инцеста — Сын овладевает Матерью.² Если эти фазы не совпадают, а, будучи взаимно противоположны, следуют одна за другой, то они могут соответствовать или двум противоположным типам экстаза, или двум мистериальным традициям или двум типам "рождения", о которых мы говорили.

Среди разнообразного мира традиционных символов и образов эта антитеза соответствует еще одной странной теме, взятой в двух разных контекстах — теме "перевернутого объятия". Первый контекст мы находим в Египте. Древняя египетская богиня Нут — подобно Исиде, одна из представительниц женского начала, — теллурического происхождения, то есть сущностно связана с Землей, может в то же время облекаться в небесное и "абсолютное". Нут, которую Плутарх отождествил с Реа, — "Великая Владычица, дарующая рождение богам", "Повелительница Неба", "Царица двух Земель"; она держит в одной руке свиток папируса, в другой — ключ жизни. Согласно одной из самых распространенных характеристик, Нут — "та, которая сгибается": "почти все-

---

¹ Допущена неточность. Первая фаза соответствует *materna prima* и именуется *nigredo* — "работа в черном". Впрочем, если считать ее "нулевой", с нумерацией Ю.Эволы можно согласиться (Прим.перев.).

² J.Evola. *La tradizione ermetica* Bari, 1948, § 19.

гда нагая, она согнута, еле касаясь земли кончиками пальцев, а руки кажутся опорой почти горизонтального тела". В этом положении Нут — Небо, но она не одна — под нею находится Себ, бог Земли, его фаллос стоит, и нет никакого сомнения, что Нут склоняется над этим богом, чтобы обнять его и соединиться с ним в священном соитии — *mixis* Неба и Земли. У.Песталоцца отмечал, что необычное, перевернутое положение богини в половом соитии имеет особый смысл; мы встречаем его не только в Египте, но и во всем шумерском мире — барельеф же Лосселя вообще относится к раннему палеолиту. Принцип женского верховенства выражен здесь резко и отчетливо. Верхнее положение богини ритуально закрепляет господство женского начала у цивилизаций, ориентированных гинекократически; и оно глубоко вопиет именно во время акта продолжения жизни.¹

Тот же символизм перевернутого полового объятия божественных фигур мы можем встретить и у цивилизаций, ориентированных андрократически, но с противоположным смыслом. Среди прочего следует указать, что у исламских народов данное положение считается позорным в соответствии с предписанием: "Да будет проклят всякий, делающий жену Небом, а мужа Землей". Однако у индусов и индо-тибетцев очень часто встречаются скульптурные изображения *virañita-maithuna*, о которых мы уже говорили, — мужчина на них неподвижен, а женщина — в положении Нут; однако в этой традиции так подчеркивается, напротив, верховенство мужчины. Бог здесь — Шива; его неподвижность выражает неколебимое мужество, которое, как мы уже видели, пробуждает движение у *prakṛtī*, "природы", Шакти; это она "кружится", развивая динамику творения. Это, по удачному выражению Т.Буркхарта, и есть "активность ста-

---

¹ Pestalozza. *La religione mediterranea*. cit., et ch.II, p.71 sqq. На с. 51 говорится, что некоторые изображения в пирамидах повторяют эту символику, но уже в связи с Исидой, совокупающей таким образом со своим братом (снова тема инцеста, на этот раз брата и сестры, на той же основе диады мужского и женского, рожденного из примордиального Единого), лежащим на спине, словно мертвый, но с эрегированным членом: богиня — сверху, подобно самке сокола; таким образом она принимает в себя его семя. Ср.: Т.Hopfner. *Plutarch über Isis und Osiris*. Prag 1940, v.I, p.81.

тики и пассивность динамики". Тибетские же изображения божественной пары, соединенной таким способом, часто имеют надпись: "бог, обладающий своей матерью".¹ Мы снова обнаруживаем символику инцеста, уже встречавшуюся в восточных традициях с герметико-мистерiosoфскими корнями.² Совершенно очевидно, что положение *vīparīta-maithuna* считается в них священным и ритуальным. Правда, исходя из Кама-Сутры, создается впечатление, что оно не часто использовалось в профанической любви или же, хотя и использовалось, но не имело символического значения: судя же по изображениям и скульптурам, это положение было распространено, но не просто так, а в тайных ритуалах тантрической половой магии, как *latā-sādhana* или *latā-veshtitaka*. Мужчина в них воплощал Шиву и, на самом деле, практикуя *vīparīta-maithuna* и находясь с женщиной лицом к лицу, играл более активную роль, чем в обычном акте физической близости.

В заключение небезынтересно отметить, что наиболее глубокий смысл неподвижности мужчины в символике пола, на который следует указать, заключается в аналогии ее с иератической или царской неподвижностью, которые обе и есть неотъемлемые черты истинно мужественного.

36. Phallus и menstruum

Продолжим наши "штудии" рассмотрением некоторых особых аспектов *sacrum* пола.

Прежде всего — о "фаллическом культе". Историки религий обычно придают ему чисто натуралистический, если не "непристойный" смысл, сводя к культу плодородия, плодovitой вирильности, многочадия. Но все это

---

¹ См.: G. Tucci. *Il libro libetanto der Morto*. Milano, 1949, p.25, 71-72, 74.

² Встречаются тантрические изображения Шивы, лежащего подобно трупу, и огненной Шакти, пляшущей на его теле: неподвижность здесь имеет глубокий и ясно выраженный положительный смысл. Это образ, известный как "пляска Шивы", показывает, что во всем, что касается Бога Шивы, как бы соединяются воедино и движение и неподвижность.

— внешнее, выродившееся, простонародное. Изначально фаллический символ выражал принцип трансцендентной, сверхприродной, магической вирильности, что вовсе не тождественно приапизму и "мужской силе". Phallus связан с мистериями восстановления, строительными силами как в прямом, так и в переносном смысле. Фаллическим было искусство погребения и создания гробниц, прежде всего в Греции и Риме. Там, среди лепных узоров, мы часто встречаем именно его. Мы уже вспоминали о текстах, в которых итифаллический — то есть с эрегированным фаллосом — бог выступает как образ первоначального бытия, Adamas, "неуничтожимого". О нем же в древнем тексте сказано: "То, что стояло, стоит и стоять будет". Итифаллический символизм вообще выражает все прямое, правое, побеждающее, противоположное поваленному и поверженному. Метафизически развивая изначально положенное, древние вновь и вновь воспевают "то, что стояло, вздымаясь, полное силой, что стоит неизменно, омываемое потоками Вод"¹ — это сказано об итифаллической статуе Гермеса. В египетской традиции (ее солярных аспектах, противоположных символизму "согнутой богини") итифаллический бог Осирис воплощает не плодородие и деторождение — следствия смерти — и не самое смерть, влажное начало родов и желаний, но, напротив, — восстание из мертвых. "О, бог, рожденный phallus'ом, протяни мне руки", — в частности, гласит египетская надпись под изваянием смерти, выходящей из могилы. "О, phallus, внезапно побивающий супротивников солнечного бога! Силою твоего phallus'a я сильнее сильных, могущественнее могущественных!"² Скульптурный Осирис как бы демонстрирует свой phallus — символ восстановления, прототип ему верных. В Египте существовали фаллические мистерии, и, по свидетельству Диодора Сицилийского, всякий, желавший стать жрецом какого-либо культа, проходил фаллические инициации. А вот свидетельство иной традиции: на берегах Инда phallus-lingam — один из атрибутов Шивы. Аскеты

---

¹ Hippolyte. *Philos.*, VI, 17.

² Цит. по: D. Merejkowsky. *Les Mystères de l'Orient*. Paris, 1927.

носят на себе амулет с его изображением. Причем не в качестве символа плодovitости, вроде Пана или Диониса, но, напротив, свидетельствуя о скрытой силе *vîgua* — активной, аскетической вирильности, преодолевающей условный мир.

Отсюда проистекает уже выродившийся символизм антично-римского мира, когда простолюдины носили изображение *phallus'a*. Это был талисман от нечистой силы, колдовства и порчи; здесь звучат бесспорно искаженные отголоски древнего знания о светлой вирильности, расточающей и попирающей демонов. Вот почему изображения *phallus'a* на стенах некоторых храмов (не только Вакха, Венеры, Приапа, но и Юпитера, Аполлона и Гермеса) считались очищающими от скверны и нейтрализующими враждебные человеку силы. *Phallus* присутствует и в имперском культе — по свидетельству Плиния, император, передвигаясь на триумфальной колеснице, сам держал в руках его изображение. Согласно античной мистике, Юпитер есть светоносно-ураническое начало военной победы. Именно это, а вовсе не натурализм и приапизм, было главным содержанием фаллического культа в традиционном мире.

Не лишено интереса и еще одно обращение к египетской традиции. Согласно известному мифу, Осирис разорван на куски, однако вновь собран и восстановлен. Утерянным остается только его *phallus*. Воспоминание об этом — символ прохождения мира Единого сквозь количественную раздробленность. Примордиальное бытие ищет восстановления в человеке и через человека. Лишенный *phallus'a* символически лишен не физической, а трансцендентной вирильности, творческой силы и божественной магичности. Он восстанавливает ее через посвящение, а именно через посвящение Осирису. Тема *phallus'a* Осириса — лишь один из вариантов всеобщей темы утерянной и должной быть обретенной вещи: тайного и забытого слова, небесного напитка и даже самого святого Грааля.

Мужской аспект *sacrum* пола обычно так или иначе соприкасается с двусмысленным и даже опасным женским. Не только пуританские и враждебные сексу религии относятся к женщине как к чему-то "нечистому" —

предписания чистоты как запрета касаться женщины повсеместны. Однако "нечистота" — не моральное понятие. Оно объективно, внелично и связано с известными сущностными сторонами женской природы. Нетрудно понять, что речь идет о наступлении женской зрелости, о месячных.

Особенно отчетливо это выражено у некоторых "диких" народов, девушки которых с появлением первых признаков созревания изолируются не только от соплеменников, но и от солнца. Утверждают, что девушку "одолела мощная сила... Если не держать ее в узде, она разрушит не только саму девушку, но и всех вокруг." Данное табу относится к таинственной энергии, этически нейтральной, но способной при определенных обстоятельствах оказаться разрушительной. Наступает следующая менструация — и девушку снова изолируют. Доказательство тому, что речь идет о силе именно физической природы, — то, что одежду девушки сжигают.¹ У некоторых народов кровотечение, прикосновение к покойнику и роды как бы одно и то же и в равной степени требует очистительного ритуала: роженица считается нечистой — ее следует изолировать и совершить над ней определенный обряд. Эллинский храм в Темносе был предназначен в частности для этого. Многим народам известно об опасности преждевременных родов — из-за выброса накопленной и нерастраченной энергии. В частности, в Римско-католической и Англиканской Церкви (как и в Православной — прим. перев.) существует особый обряд, называемый по-французски "relevailles" (очистительная молитва или благословение после родов), свидетельствующий о сохранившейся древней вере в то, что "женщина, у которой произошел выкидыш, должна быть очищена, но не в медицинском, а в религиозно-духовном смысле. Есть даже народное поверие: если после родов женщина не "получила" очистительной молитвы, ей опасно выходить из храма."²

При этом небезынтересно, что, как это ни покажется странным, двусмысленность и опасность женского су-

---

¹ См.: G.Frazer. *The golden bough*. v.I, ch. XX, 3; v.II, ch.IX, 3, 4.

² E.Harding. *Les Mystères de la Femme*. Payot, Paris, 1953, p. 65

щества в меньшей степени связана с афродической ролью женщины, чем с деметрической (материнской). Все традиции связывают женскую "опасность" и "нечистоту" именно с месячными — явлением, относящимся к материнской, а не афродическо-дионисийской природе женщины. От *menstruum*, от материнства исходит угроза самому ядру вирильности. В Законах Ману говорится, что "мудрость, крепость, сила, мощь и жизненная энергия мужчины при приближении к женщине, у которой происходят месячные, исчезает полностью". Аналогичные верования мы встречаем у северо-американских индейцев, полагающих, что "одно присутствие женщины в этом состоянии способно ослабить мощь даже святого человека".¹ В Риме девственницы-весталки прекращали свои функции на опасное время; в Мидии, Бактрии и Персии в это время женщины не должны были приближаться к святыням, в частности, к огню. У православных греков женщинам на это время запрещается приступать к Причастию и прикладываться к иконам, а во многих районах Японии существуют строгие запреты на посещение храмов и молитвы богам и добрым духам. В Индии, согласно Nitua-Karma и Padma-rihâna "в этот период женщина не должна думать ни о Боге, ни о солнце, ни о жертвах и молитвах". У древних евреев соитие с женщиной во время менструации каралось смертной казнью; зороастризм считал это грехом, которому нет прощения. Исламский кодекс Sidi Khebil гласит: "Тот, кто наслаждается женщиной во время ее месячных, теряет силу и спокойствие духа". А вот староанглийские стихи, цитируемые Эллисом: "Oh, menstruating women, thou'rt a friend — from whom all nature should be closely screened".²

В Индии женщина любой касты на время месячных превращается в парию. По прошествии же "упадка" возвращается в прежнее состояние. Вспомним, что по индийским воззрениям, парии или "неприкасаемые" пред-

---

¹ Black Elk. *Sacred Pipe*. Norman, 1953, p. 116.

² Все это из: Ploss-Bartels. *Das Weib*. cit., v.I, p. 324 sqq., 327, 335-351, 338-339; H.Ellis. *Studies in the psychology of sex*. v.I, Philadelphie, 1905, p. 208 sqq; Harding. *Op.cit.*, p.66 sqq. "О менструирующая женщина! Ты — подруга, от которой все живое должно быть плотно занавешено."

ставляют в обществе "элемент хаоса", демонизма, сдерживаемый высшими по иерархии кастами. Отсюда ясно, что *menstruum* — негативный аспект плана мистически женского: в особенности он разрушителен при соприкосновении с сакрально-мужским, сверхприродным. И в то же время именно в этом — очарование, магия женщины. В Европе в средние века менструальная кровь использовалась для приготовления специальных микстур для лечения идиотизма и ипохондрии, в некоторых случаях — бешенства и безумия (то есть как раз тех болезней, чьи симптомы в целом совпадают с патологиями пубертатного периода). Смешанная с вином, эта кровь способна погружать в сомнамбулическое состояние влюбленности. Отсюда "предрассудок", согласно которому менструальная кровь определенной женщины, без ведома мужчины нанесенная на его одежду, способна влюбить его в данную особу. Соответствующее отношение у цыган: с одной стороны, добавление этой крови к какому-либо напитку делает человека безумным, почему пить такие напитки не рекомендуется; с другой стороны, женщины, "празднующие" шабаш на "Лунной горе", подписывают свой семилетний пакт с дьяволом именно этой кровью.¹ Все это не предрассудок, а констатация того, что через посредство *menstruum* женщина напрямую связана с миром ночной, не-аполлонической магии, со всем, что вызывает безумие, порчу, психические расстройства.² Повторяем — сущность женской *sacrum* относится именно к ее материнскому аспекту.

---

¹ Н. von Wislocki. *Aus dem innerem Leben der Zigenner*. Berlin, 1892.

² В подтверждение этого можно сослаться на такого серьезного автора, как Эллис (*Op.cit.*, v.I, pp. 213, 215-216), отмечающего "метафизичность менструального периода у девушек, что в ряде европейских стран (Эллис цитирует монографию доктора Д.Л. Лорента "Quelques phénomènes mécaniques produits au moment de la menstruation" в "*Annales de sciences physiques*", sept.-oct. 1893) было подтверждено экспериментально. Эллис приводит свидетельство самих девушек, утверждавших, будто в это время они ощущали себя "электрически заряженными". Известно также, что не только среди простонародья, но и в определенных кругах, практикующих половую магию, *menstruum* используется как составная часть изготовления зелий.

Естественно, как и все, относящееся к *mana*, данный предмет двусмыслен. Возможно и положительное использование этой опасной силы. Еще Плиний¹ рассказывал не только об аспекте зла, связанном с *menstruum*, но и о целебном воздействии этой субстанции на природные явления. Например, о лечении *morbus comitalis* и эпилепсии. В *Getreuer Eckarth* подчеркиваются магические свойства *menstruum virginis primus* как субстанции, дарующей силу и освобождение от болезней. У некоторых северных народов, в частности, у финнов и готов, ее употребляли перед битвами, плаванием, ради удачи в игре.² Однако в целом в традиции господствует отрицательный аспект Материнских Мистерий — данная эссенция (в магическом смысле) и принцип противоположен выраженному фаллической символикой светоносному началу.

И еще одно. В то время как все телесные запахи женщины и ее выделения привлекательны для мужчины, менструальное вещество — исключение. Случаев, когда оно не отталкивает мужчину, почти не бывает. О метафизическом смысле этого факта надо бы очень глубоко размышлять, имея в виду, что, в то время как афродическое начало в женщине способно к воссоединению, оживлению и экстатическому преодолению конечного, материнское, наиболее резким проявлением которого является менструальный аспект *mana*, — чисто природно и не способно к пробуждению высоких сторон мужского *эроса*. Исключение составляет магическое использование *menstruum* молодых девушек, но, повторим, только очень молодых.

37. Мужская и женская психология

Мы уже указывали, что мифология пола касается не эмпирической психологии мужчины и женщины, но глубинной и коренной. Она рассказывает об основных свойствах природы, душевно-духовного строения и по-

---

¹ *Nat.Hist.*, VII, 13, XXVIII, 12.

² Ploss-Bartels. *Op.cit.*, v.I, p.350-352.

ведения полов по ту сторону случайности и двусмысленности внешнего мира. Мы уже их очертили, хотя и кратко, но достаточно, дабы не потеряться в широте вопроса — насколько позволяет объем этой книги.

Известно, что католические теологи очень долго обсуждали вопрос, обладает ли женщина душой, — его постановка вытекала из слов блаженного Августина "mulier facta non est da imaginem Dei"¹; на соборе 1555 года обсуждался тезис mulieres homines non sunt² (с поправкой на то, что женщины, конечно, люди, но в другом смысле). В Исламе присутствует аналогичный мотив, а дальневосточная традиция говорит о "Чистой Земле", "Восточном Рае", где вообще не будет женщин; достойные женщины там станут мужчинами. В целом это совпадает с одним из аспектов обсуждения на соборе в Маконе — является ли обязательным для праведниц их превращение в мужчин при Воскресении из мертвых; в конце концов собор пришел к выводу, что нет, не обязательно. Определенная связь между этими идеями и платонизмом ("Тимей") очевидна — согласно Платону, регрессия мужа, потерявшего в жизни свой интеллектуально-чувственный уранический принцип, проявляется в том, что он вторично рождается на земле в виде женщины.³

Все эти концепции не так уж экстравагантны и представляют не только исторический интерес. В наши дни Отто Вейнингер высказывал нечто похожее, приложив положения трансцендентальной философии Канта к своему психологическому анализу поведения двух полов. Попробуем на основе уже изложенного обрисовать более или менее верную картину. Мы помним, что в качестве воплощения вечно женственного, каждая женщина онтологически принадлежит "природному" или, в

---

¹ "Женщина не носит в себе образа Божия" (лат.). Православное христианство никогда не разделяло этой точки зрения, подчеркивая духовно-душевную равночестность обоих полов перед Лицом Божиим при признании их разного экклезиологического и общественного служения. С православной точки зрения это частное мнение блаженного (но не святого) Августина, не разделенное Вселенскими Соборами.

² Женщины не суть люди (лат.).

³ Связь между платонизмом и позднеримокатолической догматикой и мистикой раскрыта А.Ф. Лосевым в "Очерках развития античного символизма и мифологии".

более широком смысле, "космическому" началу, и вовсе не только на материальном плане. Мужчина же воплощает противоположный принцип — он потенциально за пределами "природы", преодолевает ее, потому-то внутри диады мужское первично. Когда говорят, что у женщины нет души, говорят несколько об ином, чем это может на первый взгляд показаться. Если употребить слово "душа" в изначальном его смысле, как *psyche* или *принцип жизни*, становится ясно, что женщина действительно не имеет души, так как она сама есть "душа".¹ В той мере, в какой она есть женщина и воплощение "абсолютно-женского", настолько она не есть мужчина — мужчина же не душевен, а духовен (*νοῦς*, а не *ψύχη*): но только к духовному человеку относится сверхприродный принцип католической теологии о том, что человек есть образ Божий.² Потому и сказано: "Духовное в нас — мужской принцип, все чувственное — женское".³ Женщина — часть "природы" и утверждает природное, в то время как мужчина, существо, рожденное человеком, *потенциально* — сверхчеловек.

Вейнингер, отрицающий за женщиной не только наличие души, но и личности, "Я", да и самого "существования", кажется слишком радикальным. Все это было бы просто женоненавистничеством, если бы опять-таки не терминологическая ошибка. Говоря о "Я", он вслед за Кантом имеет в виду не психологическое, а ноуменальное или трансцендентальное "Я", превосходящее мир явлений (в метафизической терминологии это

---

¹ Здесь следует отличать философские категории от религиозно-мистических. Католическая и исламская теология говорили об отсутствии души именно в конкретном, реальном смысле — как конкретного, не видимого телесными очами составного элемента *personae*. Религия (и мистика вообще) говорит об онтологически конкретном, реальном, философия — о "принципах" и "идеях" — в этом их различие. Стремящийся к первому, Эвола теряет здесь, как и в некоторых других местах, основную нить... (Прим. перев.)

² Тайна Христа и заключается в том, что "образ Божий" относится именно к человеку, "плоть носящему" (почему и необходимо Боговоплощение). Чисто духовен же не человек, а Ангел, который сотворен *не* по образу и подобию Божию, а иначе (см. об этом: Архиеп. Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы) (Прим. перев.).

³ Philon d'Alexandrie. *De off. mundi*. 165.

"все проявленное", подобно индийскому *atma*); под *бытием* же понимает абсолютное бытие, а по отношению к нему все природно-эмпирическое, как по Пармениду, так и по Веданте, действительно есть небытие.

Обладает ли *конкретный* мужчина таковым "Я" — иной вопрос. Для большинства всего этого просто как бы не существует. Однако *онтологически* мужчина связан с этим абсолютным и внеположенным принципом; поэтому дальневосточная традиция и утверждает, что мужчина рожден "Небом" — это является определяющим фактом мужской психологии и дает *возможность* всякому мужчине стать таковым; чаще всего, однако, он не использует этой возможности. Абсолютная женщина не только не обладает таковым "Я", но и не знает о его существовании и не способна его понимать; более того, будь оно у нее, оно бы только стесняло женщину, мешало бы проявлению ее глубинных свойств.

Увы, этот *онтологический статус* никогда, и особенно в наши дни, не мешал женщинам проявлять иные амбиции: они научились искусственно конструировать "интеллектуальное Я" и скрывать свою глубинную сущность. В мешанине современной цивилизации "природный" характер женщины не мешает ее потугам на сакральные функции в полном соответствии с призывами феминисток. Никогда никакие Материнские Мистерии не могли отменить положенный женщине "космический" предел. Сегодня же, среди всеобщего смешения, очень трудно разглядеть эту фундаментальную черту онтологии полов. Все сверхприродное из мира исчезло. Исчез и тип абсолютного мужчины. В условиях духовного "разрыхления" пределы, ранее отчетливо видимые, растворились.

Символизм Вод и изменчиво-лунная природа — главные черты женского архетипа, "ключ к уразумению" женской психологии. Все это не касается отношения к "чертам характера" или "моральному облику" какой-либо конкретной женщины. Речь идет об объективных имперсональных свойствах, относящихся к "химическому составу" женской "субстанции". Это более или менее точные и постоянные параметры "собственно сути", и

здесь — еще раз подчеркнем — нет места чувствам, оценкам, разговорам о "хорошем" или "плохом".

Конечно, общей чертой является болтливость, изменчивость и непостоянство характера женщин (да и мужчин тоже, которые часто "хуже бабы") как свойства "влажной" ("водной") или "лунной" природы женского начала. Некоторые средневековые авторы связывают это напрямую. Секко д'Асколи, объясняя отсутствие у женщин твердости характера и цельности души, которая "как ветер, — сегодня здесь, завтра там", писал: "Каждая из них влажна, а влажное не хранит формы". И делал вывод, который часто делаем все мы: "Это в ее природе — ей нельзя верить".¹

В целом мы можем представить себе более или менее ясную картину женских эмоций и предрасположенностей, их пассивной, "лунной", неясно-переменчивой природы. Очень часто и выражение лица женщины оказывается просто маской, под которой ничего нет. Движению черт лица женщин свойственны волнообразность, отсутствие однозначного выражения, присущего мужчинам; и при этом сильная нервно-мышечная подвижность — при господстве своеобразного "оранжево-красного тона", особенно в улыбке. Вот почему из всех искусств для женщины важнейшим является театр, и в каждом актере всегда есть нечто женское.²

В самом широком смысле космическо-женское — внешний, а не внутренний аспект любой субстанции (*natura naturata versus natura signata*). В психологии это прежде всего пластичность, условность и приспособляемость женской психики, способность воспринимать и впитывать идеи и формы извне и в то же время конформизм и верность привычкам, также связанные с пассивностью восприятия. Вот почему, несмотря на изменчивость и подвижность природы, в социально-полити-

---

¹ M. Alessandri. *Cecco d'Ascoli*. Roma, 1955, p. 169-170.

² H. Ellis. *Man and Woman*. Сказанное датчанкой Карин Михаэлис о женской улыбке очень выразительно: "Наши улыбки отражают наше превосходство, но нашу внутреннюю пустоту". Она добавляет, что "история улыбки никогда не была написана", и сделать это могла бы только женщина, но никогда не сделает — "из женской солидарности" (Цит. по: F.O. Branchfeld. *Los Complejos de inferioridad de la mujer*. I, XV).

ческой жизни женщины чаще всего предпочитают неофобию и консерватизм.¹ В мифологии блюстительницы закона — правда, не высшего, небесно-уранического, но закона "крови и почвы" — всегда женские богини де метрического и теллурического типов. То же самое — в биологии. Еще Дарвин отмечал у самок склонность к сохранению рода и подавлению индивидуальных особенностей, в то время как самцы проявляют большее психо-анатомическое разнообразие. Вообще существуют два типа изменчивости. Первый тип — женский, тип пластической материи, перетекающий в инерционный, статичный после того, как материя "получила форму". Здесь взаимодействуют оба аспекта — афродический и деметрический. Второй тип — мужская, творчески-оплодотворяющая изменчивость, принцип активности, ясного смысла, свободы. Что же до противоречия между двумя аспектами женской природы и их проявлениями — изменчивостью и консерватизмом, то ясно, что это "противоречие" — мнимое.

О. Вейнингер был первым и единственным из пишущих на эти темы, кто поднялся над банальностями. Поэтому нам снова придется к нему вернуться. Прежде всего, Вейнингер установил связь между памятью, логикой и этикой, которые все вместе составляют "Трансцендентное Я". Это триединство и есть "абсолютно мужское". "Бытие" стремится сохранить свою целостность в мире становлений — в этом задача памяти. Память — это противостояние распаду сознания среди множественности и изменчивости феноменов. В интеллектуальной сфере ту же роль играет логика с ее основным принципом $A=A$ и подчинением множества единству. Память плюс логика формируют этику, орудие сопротивления самоидентичного бытия (внешнему и внутреннему разрушению. Согласно Вейнингеру, "абсолютная женщина" потому лишена "бытия", что памяти, логики и этики для нее не существует; она не ведет императивов, причинности и строгого интеллекту-

---

¹ P.J.Moebius. *Ueber den physiol. Schwachsinn des Weibes*. "Как животный мир все тот же с незапамятных времен, так и род человеческий сохраняет свое изначальное состояние — и это благодаря женщинам".

ального декретизма — всего того, что составляет сущность мужского характера.¹ Уточним. Бергсон указывал на существование двух форм памяти. Первая — "витальная", связанная с категорией "длительности", со всем пережитым опытом; эта форма существует в подсознании, и лишь в кризисные, например, при угрозе смерти, моменты, всплывает и изменяет все содержание существования. Другая форма — организованная, определенная, находящаяся под управлением разума. Именно эта, вторая, и отсутствует у женщин по причине их "флюидной" и "лунной" природы, но вот что касается первой, "витальной", памяти, то с этим у женщин обстоит дело даже лучше, чем у мужчин. Именно наличие такой памяти, вне этического смысла и всего высокого, свидетельствует об отсутствии "трансцендентального Я".

Логика тоже бывает двух видов. Нас не волнует обыденная житейская логика, которой женщины, конечно, умеют пользоваться как инструментом, особенно тогда, когда ей нужно вести "партизанскую войну", полемику, софистически отстаивать свои, чаще всего низменные интересы. Только логика, как проявление любви к чистой правде и истине, внутренним смыслам, ведущим к строгим и вневличным нравственным императивам, заслуживает внимания. Женщина не просто неспособна к такой логике — она ее не интересуется. Ей нет места в мире флюидов, в области *un* — в отличие от мира мужских интеллектуальных принципов, четких, часто сухих форм, светоносному, аполлоническому миру, где господствует *voûs* и *logos*.

Утверждение Вейнингера о том, что абсолютная женщина игнорирует этический императив, справедливо. Этику в ее категориальном смысле, закон как таковой, свободный от эмпирики, чувственности, эвдемонизма и слезливости, женщина игнорирует полностью и всегда. Остатки этики, которые она еще как-то способна воспринять, неотделимы от инстинктов, сентиментов и сексуальности: то есть от "жизни". Но все это не имеет ничего общего с "чистым бытием". Это или просто при-

---

¹ *Op. cit.*, IIe partie.

родные инстинкты, или их сублимация, что мы и видели на примере типов "матери" и "любовницы". Максимум женского восприятия — не этика, а мораль, всегда поверхностная, заимствованная у "мужского мира", полная конформизма. Невозможно даже помыслить о женском понимании чести, "добродетели" и других проявлений "социальной этики", если это именно этика, а не следование обычаям, которые женщины деметрического типа, впрочем, склонны оберегать. Женщина может иногда позаимствовать у мужчины кое-какие качества, обладающие этической ценностью, — редко чувство справедливости, еще реже героизм, волю к власти и принятию решений, почти никогда — аскетические установки. Но даже если это случается, то носит поверхностный характер, связанный с подражанием сексуально привлекательному для данной женщины мужчине. И опять-таки сексоцентризм женского поведения налицо.

Народная мудрость всегда и везде гласила: основная черта женской натуры — лживость. Вейнинггер объясняет это отсутствием "бытия" у "абсолютной женщины". Это связано с изначальной бесформенностью, состоянием "первоматерии", ὕλη, что, согласно Платону и Аристотелю есть принцип "другого", неидентичного, дwoящегося и "упадочного". Вейнинггер замечал, что на обычный вопрос мужчины: "Зачем ты лжешь?" женщина, как бы не понимая вопроса, или "успокаивает" его улыбкой, или чаще всего кидается в слезы.¹ Не понимая этики, трансцендентной по отношению ко "лжи" как простой изменчивости явлений, женщина именно ложь воспринимает как подлинное "бытие". А это в древнем Иране воспринималось как грех, более тяжелый, чем убийство. Высшая глупость — представление, будто бы женская ложь — выработанное веками естественное средство защиты" женщины от ее притеснений в обществе. Правда в другом: "чистая женщина" склонна ко лжи сама по себе, это ее "вторая", а точнее, первая, глубинная натура. "Абсолютная женщина" и не считает ложь за грех, для нее — в отличие от мужчины — ложь просто естественное внутреннее самоподчине-

---

¹ *Op cit.*, p.191.

ние. Это проявление ее "пластичности" и "флюидности". Как писал д'Орвилли, "женщина творит ложь вместо правды просто, естественно и без аффектации". Абсурдно ее обличать и осуждать по законам поведения мужчины, "абсолютного мужчины". Не надо "насилловать" женщину — какую бы "гадость" она ни сделала, она все равно будет искренне верить, что не сделала ничего плохого.

38. Женщина как мать и как любовница

Мы уже говорили, что господство проявления и "природы" мужского начала и "дополнительность" женского точно выражает первичное и вторичное внутри диады. На человеческом плане это означает, что все существующее внутри диады имеет для женщины сущностный и выражающий естественный закон ее бытия характер; но для мужчины это не так, если он, конечно, действительно мужчина. Его роль в сексуальных отношениях жестко связана с тем, как он ведет себя с матерью. Совсем не бессмысленно, что в любой высокой цивилизации мужчина не считается мужчиной, если он в подчинении у матери и жены, если его существование всецело к ним привязано. Мы уже говорили, что ритуалы мужской инициации, совершавшиеся в традиционных обществах над достигшими зрелости юношами, связанные с приемом в "мужское общество", всегда были так или иначе связаны с расставанием с этой природной стихией. Библейская Рахиль говорит: "Дай мне сына, или я умру". Буддийские тексты рассказывают о "непреклонности" женщин в их привязанности к материнству и сексуальности, которыми они "никогда не будут сыты".¹ И с точки зрения метафизики совершенно не важно, какого типа женщина стремится надеть на мужчину ярмо.

Об отношении мужчин и женщин к сексу О.Вейнингер писал, что женщина "только сексуальна, в то

---

¹ *Jātaka*. LXI; *Anguttara*, III, 10.

время как мужчина сексуален плюс еще что-то. Есть глубокий символический смысл в том, что половые органы мужчины ограничены в пространстве и отделены от остального тела, в то время как у женщины они составляют самую глубокую, спрятанную внутри тела сферу. Именно потому, что мужчина сам по себе находится на некоторой внутренней дистанции от сексуальности, он ее "признает", в то время как женщина, которая сама не есть что-либо иное кроме сексуальности, отрицает, "отпирается" от нее.¹ Индийское слово, обозначающее женщину, — *kâminî*, то есть "сотканная из желания", что соответствует древнему западному *tota mulier sexus*. Среди всего прочего, это подтверждается тем "провокативным" характером, который без всякого к тому намерения выказывают очень молодые и "невинные" женщины, почти девочки. У них, среди разных особенностей поведения, мы можем наблюдать особый, почти бессознательный "нарциссизм", присущий каждой женщине: это чувство потенциального удовольствия, которое она может доставить мужчине и которое она как бы смакует, даже едва предчувствуя, — и не имеет значения, что у нее еще и речи нет о реальных сексуальных отношениях. Между тем Эллис прав, говоря, что ради сексуальности и материнства она расцветает и выказывает свое бытие, и совершенно не важно, ради какого конкретного мужчины (добавим: кроме случаев, когда она участвует в каком-либо из проявлений более или менее высоких измерений любовного опыта). При всем том тайной целью, о которой мы поговорим ниже, неизменно будет лишение мужчины в той или иной степени его мужества.² При децентрической линии поведения господствует темное, потаенное стремление женщины стать матерью, неважно от какого мужчины, лишь бы он был плодovit. Часто, если все-таки при этом присутствует чувство к конкретному мужчине, то желание переходит на другой, не столь натуралистический, чаще всего чисто этический,

---

¹ O. Weinger. *Geschlecht und charakter*. Wien, 1918, p 113, 115, 116.

² H. Ellis. *Op. cit.*, v. III p. 109: "Только это подлинно сексуальное чувство, о котором стесняешься говорить, -- превратить мужчину в немужчину — делает женщину действительно самой собой".

план (продолжение жизни расы, семьи, касты и так далее).

Как мы уже видели, для космического женского начала характерно то, что греки называли "герметизмом" или гетероцентризмом. Если мужское начало содержит все свое в себе, женское, или, иначе, природное, берет свои истоки в другом. На психологическом плане женские характеры в обыденной жизни мало различимы: женская жизнь редко индивидуальна, даже если исполнена тщеславия или просто стремления быть заметной, признанной, обожаемой, желанной (эту экстравертную тенденцию можно легко отождествить с основным метафизическим признаком Шакти — "смотреть вовне"). Бесчисленные обычаи "куртуазии", флирта, галантности, комплиментов (часто неискренних) со стороны мужчины будут непонятны, если мы не примем во внимание основной их "фон", прирожденные свойства женской природы, везде и во все времена, свойства, с которыми мужчинам приходится считаться.

Различие мужской и женской этики, которое мы уже отмечали, проявляется в том, что, казалось бы, женщины должны презирать мужчин за их обожание, вызванное только плотским желанием, но на деле все оказывается наоборот.

Между тем, переводя разговор в менее, так сказать, фривольную плоскость, можно выделить для женщин две возможности самораскрытия в соответствии с двумя главными архетипами — афродическим, то есть любовницы, и деметрическим — матери. В обоих случаях способ существования и самоутверждения женщины направлен на другого — все равно, любит ли любовница своего партнера или мать сына. Так можно в рамках традиции, но вне онтологии, на профаническом уровне (ибо до сакрального еще очень далеко), определить основной закон женской этики.

Из авторов нового времени классическое типологическое и экзистенциальное описание этих двух женских типов принадлежит Отто Вейнингеру. Однако в целом, во всем, что он говорит о женщине, сквозит бессознательное женоненавистничество, возникшее на пуританской почве. Это проявилось прежде всего в том, что

Вейнингер считает господствующим женским типом тип "проститутки" в противовес типу матери. "Проституция" — отрицательный, деградационный полюс материнства. Суть, конечно, лежит глубже. Фундаментально материнский тип противоположен типу любовницы, лишь одним из проявлений которого является профессиональная проститутка, чья жизнь связана прежде всего с социальными и экономическими обстоятельствами, накладывающимися, разумеется, на определенное внутреннее предрасположение. Впрочем, лучше говорить о типе античной и восточной гетеры или, еще лучше, о женщине "дионисийского" типа. Любой истинный мужчина всегда на отношении к самому себе ощущает противоположность двух женских типов "афродического" или материнского. С онтологической точки зрения они соответствуют двум основным состояниям "первоматерии": первое — чистое, динамически бесформенное, второе — состояние жизненной силы, привязанное к форме, ориентированное на форму, формой питающееся. С такой поясняющей поправкой характеристика Вейнингера становится точной: линией размежевания является отношение вообще к размножению и собственно к сыну. Типичная мать ищет мужчину, чтобы зачать и родить, любовница — ради эротического опыта самого по себе (грубо говоря, "для удовольствия"), не имеющего в виду размножение и желанного ради самих объятий. В то время как материнский тип целиком находится внутри природного порядка, — или, если принять биологический миф, подчинен законам и целям рода, — чистая "любовница" выходит из какого-либо порядка (характерный признак — бесплодие, часто встречающееся у любовниц или "проституток").¹

В отличие от материнства, утверждающего земную, физическую жизнь, внутреннее устройство этих женщин есть ей потенциально враждебное — именно из-за при-

---

¹ Можно вспомнить стихотворение Бодлера, так или иначе связанное с "дургическим" архетипом:

В сей местности пустой и странно символичной,
Где с горним ангелом в слияньи сфинкс античный
...навекы воссияет
Величественный хлад бесплодной женской плоти.

сутствующей в них виртуальной способности к восхождению по мере абсолютного разворачивания *эроса*.¹ Отсюда ясно, как бы это ни было шокирующе и грязно с точки зрения буржуазной морали, но отнюдь не как мать, а именно как любовница, женщина — если брать не только этический критерий, но и критерий спонтанного пробуждения внутренней сущности, — способна приближаться к более высоким измерениям. С одной очень важной оговоркой: женщина материнского типа чувствует в половом акте приумножение, прирост бытия, "любовница", напротив, по натуре разрушительница, уничтожительница, губящая жизнь в своем безумии. И все же сказать только это будет неточным с двух точек зрения. Во-первых, как мы уже показали, "смертельная жажда любви" как экстатический порыв разрушения и саморазрушения на любой высокой и интенсивной стадии эротического опыта в равной степени предполагает и присутствие мужчины. Во-вторых, все описанные Вейнингером черты "любовницы" могут быть преобразованы на суперфизическом плане: тип "Девы" или "Дурги" близок типу "любовницы" и для афродитической женщины есть самая глубокая возможность ее самоосуществления.

Но есть у обоих основных женских типов и черты их объединяющие, общие для женщин в целом — большая, чем у противоположного пола, экзистенциальная тоска, ужас одиночества, чувство тревоги, охватывающее женщину, если ею не владеет мужчина. Социальные и экономические условия, часто являющиеся видимой причиной этих чувств у женщин, являются внешними по

---

¹ Weinger. *Op.cit.*, ch.X в т.ч. pp.280 sqq., 287, 304, 310-311: "Физическая жизнь и физическая смерть, таинственным образом соединенные в половом акте, по-разному переживаются женщиной-матерью и женщиной-проституткой". Постоянно настаивая на слове "проститутка", Вейнингер (на с.312) выделяет тот факт, что "проституция существует только у людей", но не у животных. Этот факт следует сопоставить с "шиваической" направленностью тех женщин, которых мы относим к типу любовницы. Альберт Великий (*De secretis mulierum*), описывая тип женщин, любящих сексуальные объятия, отмечает у них редкость или нерегулярность месячных и отсутствие молока, что отличает их от женщин материнского типа, а также предрасположенность женщин-"любовниц" к жестокости: мы особенно обращаем внимание на это последнее.

отношению к причинам, действительно их связывающим. Но глубинный корень здесь иной — сущностный "гетеризм" (внеположность) женщины, самоощущение "матери", Пенни, которая без "другого" (heteros), без формы есть небытие, ничто; вот почему, оставленная наедине с собой, она испытывает именно ужас небытия. В последний раз цитируя Вейнингера, имеет смысл придать смысл его замечанию о распространенном поведении женщин во время соития: "Высший момент жизни женщины, в который проявляется ее внутренняя суть, это момент, когда она чувствует в себе жар мужского семени — тогда она с диким восторгом обнимает мужчину и прижимает его к себе; это и есть высшее наслаждение пассивностью... ощущение матери и под воздействием формы, материи, стремящейся не к отделению от формы, но к слиянию с ней навеки".¹ По сути, такова же и женщина близкого типа, "Дурга", которая, хотя и не соприкасается с мужчиной физически, но, оставаясь неподвижной, выражает на лице черты двусмысленного экстаза, подобно неопределенным чертам какого-нибудь из будд или кхмерских божков. Это связано с тем, что она впитывает в себя нечто большее, чем мужское семя, — *vîḡua*, магическую вирильность, "бытие" мужчины. Именно в этом и проявляется "сосущая смерть, приходящая вместе с женщиной", о которой мы говорили с Густавом Майринком, разбирая оккультную сторону любого вульгарно-телесного сношения: этот аспект должен найти символическое выражение во всех своих соматических и психологических проявлениях.

Так д'Аннунцио говорит об одной из своих героинь: "Все тело ее приобрело вид сосущего рта" ("Il Fuoco"); на тонком уровне вся сущность женщины может быть выражена эротическим рисунком *fellatio*. В действительности еще древние признавали активную роль женщины в половом сношении, а Аристотель писал о ее ожидании семенного флюида.² Выказанную Фиштедом в середине

---

¹ *Ibid.*, p.402.

² С точки зрения тонкого плана здесь речь идет не о материальном семени, но и о его нематериальном дубликате. Парацельс (*Scritti scelti. Milano, 1943, p.140*) писал: "В матке находится притягивающая сила, подобная магниту; это она привлекает семя, принимая в себя сперму,

прошлого столетия точку зрения до сих пор разделяет большинство авторов, писавших на эту тему; она состоит в следующем: существуют ритмические сжатия влагалища и матки, как при дыхании или всасывании, автоматически связанные с перистальтикой, идущие тоническими волнами в медленном ритме, результатом которых является поглощение. Такое соматическое поведение свидетельствует, что уровень сексуальности женщины очень высок, и древние не без основания считали это всеобщим явлением. Так, есть мнение, что за века люди забыли, скорее всего по психологическим причинам, то обстоятельство, что женщина целиком сексуальна, и именно это приближает ее к положению "абсолютной женщины".¹ К примеру, среди женщин Востока до сих пор сохранилась и считается нормальной древняя типология поведения во время половых сношений — она вполне совпадает с утраченными современными европейками физиологическими возможностями, несомненно имевшими место и на Западе в древние

а затем возвращая зародыш". На этой основе Парацельс толковал трансбиологические стороны семяизвержения. Для лучшего понимания того, что имеется в виду, приведем более общее свидетельство *Cosmopolit'a* (*Novum Lumen Chemicum*. Paris, 1669, p.37): "Как я уже много раз говорил, — писал этот автор, — сперма есть эссенция видимая, но семя невидимо и напоминает живую душу, которую мы не найдем среди мертвых вещей" (Прим.Ю.Э.). Вопрос о сущности семени и зачатия является одной из важнейших экзистенциальных проблем человека. Изложенное связано с идеей мировых циклов и соответственно предсуществования душ. Ее подробное изложение можно в частности найти в книге Ганса Генделя "Космогоническая концепция розенкрейцеров" (М.1993). Большинство Отцов Церкви высказывало иную точку зрения: новая человеческая душа творится при соединении яйца со сперматозоидом. Взгляды, близкие к первой точке зрения, из них высказывал только св. Григорий Нисский. Энциклика папы Римского Павла VI, подтвержденная папой Иоанном Павлом II, "Vitaе humanae", по сути оказывается ближе к первой позиции. Обе точки зрения можно считать традиционными, и выбор одной из них является для человека глубинным выбором его свободы. Современная цивилизация, по сути, игнорирует эту проблему вообще (Прим.перев.).

¹ Так, на древнем Востоке полагали, что "чувственность женщины гораздо выше, чем у мужчины"; подобные мнения знала и западная античность, в частности, Овидий (*Ars Amandi*. I, 443-444): [Libido foeminae] arcior est nostra plusque furoris habet.

времена.¹ Речь идет также о "физическом символизме" или "отражении" внутреннего смысла. Каким образом, с точки зрения физиологии, оказывается, что женщина вбирает мужское семя всем своим телом, непонятно до сих пор, однако есть неоспоримое — запах, исходящий от всей женщины, а вовсе не только от ее гениталий, после полового сношения (итальянский поэт Артуро Онофри писал о "сперматической улыбке" женщин).

39. Жалостливость, сексуальность и жестокость у женщин

Согласно персидской легенде, при сотворении мира в основание женщины были положены "твердость алмаза и сладость меда, жестокость тигра, пылающее великолепие огня и холод снега". Все эти двойственности мы уже встречали в архетипе Божественной Женщины; они лежат в основе очень важной стороны женской психологии — сочетания жалости и жестокости. Еще Ломброзо и Ферреро отмечали, что женщины часто и более жалостливы, и более жестоки, чем мужчины; если их "спустить с цепи", они необузданны как в любви-сострадании, так и в совершенно звериной, разрушительной жестокости. В истории эти черты порой обретали коллективные формы — во время революций, самосудов,

---

¹ Ненормальным считается не только контроль за *constrictor cunni*, но и за гладкой мускулатурой женских органов, позволяющей интенсифицировать всасывающий автоматизм. Однако у некоторых народов обучение этим приемам считалось неотъемлемой частью эротического обучения женщины — девушку, не научившуюся им, "дисквалифицировали" (Hesnard. *Manuel de sexologie*. cit., p.94-95; H.Ellis. *Studies on Man and Women*. v.V, p.159-165, Ploss-Bartels. *Das Wieb*. v.I, p.399, 408). При обучении тантрической половой магии эти приемы считаются очень высоким уровнем, как о том говорится в *Hathayogapradipika* (III, 42-43, 87-89); у женщин это именуется *yoni-mudra*, то есть умение самой вызывать сжатие *yoni* с тем, чтобы помешать семяизвержению посредством зажатия *lingam*'а. В этнологии известны народы (см. Ploss-Bartels, v.I, p.408), женщины у которых способны извергать семя обратно после его принятия в себя.

судов Линча.¹ Легко, но и пошло объяснять, подобно цитируемым авторам, женскую жалостливость ее материнскими, то есть деметрическими чертами, а жестокость — глубинами женской сексуальности.

Даже в античной классике связь между жестокостью и сексуальностью, черта вакханок и менад, преувеличена. Конечно, она есть (не без отношения к уже упоминавшемуся "всасыванию"), однако только в профанической сексуальности как раз не очень-то и экзальтированной. Жестокость вытекает из женской *холодности*, воплощенной в архетипах "Девы", Дурги, и вообще *yin*; поняв это, легко отказаться от поверхностной сексуальной психологии. Просто следует различать две формы *çakti* в ее афродическом аспекте: внешняя — примитивной "самки" или "простонародно-дионисийской" женщины и внутренняя, более высокая, если конечно, здесь это слово применимо, — двусмысленно-порочная при кажущемся целомудрии. Это — та самая Долорес, которую Суинберн называл "Госпожой Спазмов" и "дочерью Смерти и Приапа" и о которой писал: "С заднего хода проникаю я в свое святилище — это грех или моление? — что с того? — что с того, что этот ритуал несет смерть, о, Госпожа Спазмов? Что с того? Вино, которое я тебе наливаю, — твое, эту последнюю чашу мы выпьем вместе, о жестокая и роскошная Долорес, Госпожа Спазмов..." Скорее всего, это, конечно, чисто умозрительное литературное порождение декадентско-романтических "извращений".² Гораздо ближе к реальности описанное д'Аннунцио: "Да, сколько же жестокости в глубине ее любви, — думал он. — Сколько в ней всего разрушительного... от моих ласк ее оргазм сильнее... но ведь она становится устрашающей, похожей на зверя, на горгону, и такой она казалась мне множество раз, сквозь ее полузакрытые веки... такие спазмы, по-

---

¹ Lombroso-Ferrero. *La donna delinquente, la prostituta e la donna normale*. Torino, 1915, p.55-59, 79. Как часто проявляющуюся патологию женского поведения, авторы отмечают "спазматические взрывы дикого, разрушительного насилия". О том же см.: Kraft-Ebing. *Psychopathia sexualis*. cit., p.361.

² M.Praz. *La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica*. cit., p. 233-234.

гружение в полное истощение... ("Trionfo della Morte").¹ Здесь нет жестокости в отношении к женщинам, скорее — наоборот. Какой бы сладкой и любящей ни была женщина, в момент пробуждения желания она яростна, тверда и безжалостна: сквозь слащавость, нежность и "потерянность" проглядывают бесчувственность, тайный эгоизм и элементарная "дургическая" холодность любовницы. П.Вьяцци показал, что все эти черты не чужды юной "идеальной" девушке, этаким романтической Мими, описанной Мюрже: "Ей было двадцать два года... Ее лицо сияло наброском аристократизма; но эти тонкие черты под блеском ясных голубых глаз иногда неожиданно вспыхивали ненавистью, зверством, почти дикостью, такой, что даже очень плохой физиономист сказал бы: да, глубочайший эгоизм, да, бесчувственность..."

П.Вьяцци удивлялся неожиданностям "самого искреннего поведения любящей женщины".² Мужчине трудно заглядывать в бездну ее одиночества и "потерянности", понимать их смысл. Но вот наблюдение женщины и притом женщины-психоаналитика: "Мало кто из мужчин остается холоден, переживая эротическую ситуацию, однако число женщин с такими чувствами огромно. Холод Луны и твердость сердца Лунной богини символизируют эти стороны женской природы. Казалось бы, отсутствие пылкости должно оставить мужчину равнодушным, но почему-то именно такие женщины часто привлекают своим безразличием, безликостью своего эротизма".³

Впрочем, в обычной жизни, и в особенности в любовных делах, женщины гораздо лучше, чем мужчины, способны угадывать и рассчитывать как выгоду, так и будущие удовольствия, если, конечно, это не связано с

---

¹ Ср. тж. в "*Forse che si forse che no*". В то время как желание мужчины "бесповоротно избирательно", ее желание не имеет пределов, границ, оно бесконечно, как все зло бытия и вся меланхолия земли". "Из-под ее ресниц обнажался взгляд, не имеющий ничего общего с человеческим; он, казалось, выражал инстинкт более страшный, чем даже звезды".

² P. Viazzi. *Psicologia dei sessi*. Milano, 1903, p.72.

³ E. Harding. *Les Mystères de la Femme*. Payot, Paris, 1953, p.125-126.

анализированием социально-экономической обстановки, на что они не способны. Кроме того, холодная женская жестокость проявляется как в кичении героическими и вообще необычными поступками, совершаемыми мужчинами ради них, так и в их стремлении подчинить себе и, более того, повергнуть и разрушить своего любовника. Один из персонажей Донна Берна говорит: "Мужчина, теряющий себя перед лицом женщины, как бы ни сильна была его любовь, — не мужчина. Ведь женщина презирает его". Женщина отвечает: "Да, я презираю его, это так. Но я его и люблю". Это вовсе не слова "роковой женщины", это то, о чем Ремарк говорит в образе любви утеса и волны: "Волна окружала и обнимала утес, целовала его день и ночь, обнимала белыми руками и манила к себе. Она любила его и окружала собой, и медленно подтачивала; и однажды утес, потерявший опору, рухнул в объятия волны. Он уже не был тем утесом, которым можно было играть, грезить, любить. Груда камней в морской пучине. И волна, одинокая, потерянная, стала искать другой утес." "Женщины, — писал Мартен, — безжалостны к мужчинам, которых любят".

40. О женском очаровании. Активность и пассивность в половой любви

Метафизической женственности, ее магической функции, *māuā* или *çakti*, космогонически "другому" присуще свойство привлекательности или *о-чаро-вания*. Соответствие афродического типа женщины магическому началу подчеркивается во всех мифах и легендах. Вспомним Калипсо, Медею, Изольду и — в некоторых версиях — Брунгильду. Римская *Venus Verticordia* считалась богиней магических искусств. Общеизвестен образ феи, держащей в руке волшебную палочку. Литературных и мифологических примеров — множество. На большую, чем у мужчины, связь женщины с "землей", с природно-космическим началом указывает связь ее организма с фазами Луны. В древности эту связь целиком

относили к женскому аспекту природы в целом, к *yin*, к "ночному" и бессознательному, иррационально-бездонному, к силам тьмы. А это и есть магия в собственном смысле слова, колдовство, "дегенеративная мистика", в противоположность аполлоническо-мужественной "высшей магии" — теургии. Среди жертв инквизиции по "колдовским процессам" женщины преобладали над мужчинами — по свидетельству Бодэна в 1500 году, в отношении пятьдесят к одному. Один из наиболее известных демонических трактатов "Malleus Maleficorum" подробно объясняет, почему колдовство является прерогативой именно женщин. В традициях большинства народов, например, китайцев, магические искусства прямо соотносятся с женским началом. Иероглиф *wu*, обозначающий мага, относился первоначально только к женщинам. Магическая техника *wu* сочетала аскезу с оргиазмом. В частности, все ритуалы совершались в обнаженном виде. Девушки, из которых готовили *wu*, должны были обладать, помимо природного очарования, качествами *уао* и *шiao*, что значит "странность", "беспокойство" и "тайна". Противоуранические силы, вызываемые *wu*, именовались "помрачением солнца".

Так каков же мистический смысл женской магии, женского очарования и "совращающей силы"?

Один из персонажей Альфонса Доде говорит: "Она непобедимо затягивает меня внутрь себя. Только у бездны такое очарование". Мы уже рассказывали о ритуальной наготе и ее более ярком проявлении — танце семи покрывал. Дело тут, конечно, не в сбрасывании материальной одежды, но в освобождении женщины от эмпирической индивидуальности, обнажении "элементарной" Девы, Дурги, Примордиальной Женщины — единой во множестве смертных женских обличей. Нагота как таковая — это и есть "самое само" женского очарования. Дело не в животно-телесной "красоте" конкретной женщины, дело в "vertigo", пустоте, взгляде с высоты вниз, в бездну, в безводный колодец — все это *óлп*, дотворческая первосубстанция, двусмысленность небытия. И это касается не всякой наготы, но только женской. На женщину мужская нагота действует совершенно иначе — как "ограниченная", физико-фалличе-

ская, мускулатурно-животная сила "самца". Но для мужчины нагая женщина — всегда Durgâ, богиня оргиастических празднеств, "Неприступная", Блудница и Мать одновременно, Неисчерпаемая и Девственная. Элементарное желание, соединенное с *vertigo*, доводит до пароксизма, усиливает жизненные ритмы, в свою очередь "высасываемые" женской неподвижностью. Что же до удовольствия, получаемого мужчиной от дефлорации и соращения, то оно на самом деле очень поверхностное — это всего лишь удовлетворение тщеславия и гордости. Гораздо более глубоким, хотя, конечно, тоже иллюзорным, является чувство овладения неовладеваемым, то есть именно *корнем* женского, может быть, и через физическое преодоление сопротивления. Доля садизма присутствует в каждом половом сношении. Но тут не простая алголагния, а трансцендентальная жестокость "растопления" трансцендентального "холода", "наполнения ненаполняемого", ибо в бездну женского все равно все проваливается, как в дыру. Это тщетное стремление "убить" "окультурную женщину", "абсолютную женщину" в тщете овладения все равно всегда мнимого.¹ Ничто так не привлекает мужчину в половом акте, как само по себе обладание — на грани жизни и смерти — в пьяной горячке взаимной ненависти.

Киркегард², вспоминая миф о Пандоре, писал, что превыше всего боги ревнуют "женщину желания", когда ее женская сила помножена на невинность, скромность и сопротивление. Ведь женское "целомудрие" — не

---

¹ См. *Una notte a Bucarest* в "Roma", 9, III, 1951: Приглушенный ритм все ускоряется, пока звуки скрипки не становятся четко определенными: аккомпанемент бьется в конвульсиях, доходит, кажется, до предела — струна это или лезвие бритвы? — и тогда — вдруг — крик: "Баски!" И девушка начинает — сначала окутанная длинным покрывалом — постепенно его приоткрывая до нижнего белья — и затем полной наготы оливкового тела. Музыка длится, она давит, отравляет и в конце концов превращается в водоворот, центр коего — сама танцовщица. Внезапно ее тело становится неподвижным, руки вздымаются вверх; неподвижная, она словно заморожена, чувственно-неосязаема. Холодная мимика лица, озаряемая вспышками полуоткрытых глаз, соединяется с демонической цыганской музыкой, доводя до невыносимого исступления, жажды элементарного овладения, абсолютного насилия, убийства, которым неминуемо окончится телесное обладание.

² *In vino veritas*.

этично, а чисто сексуально; то, что сопротивление домогательствам это всего лишь вид сексуально-возбуждающей игры — банальная истина.¹ Степени и оттенки этой игры, конечно, сугубо индивидуальны. Но везде и во всем присутствуют тайные и внеличные свойства женской "невинности" и "чистоты" — бездны, лежащие по ту сторону простого кокетства и наигранного одиночества. И если открытое проявление женского желания отвращает и отрезвляет любого мужчину, конечно, если он не до конца превратился в животное, то "чистая" девушка, соответствующая архетипу "Дурги", — всегда провокативна. Таковы ее свойства — объективные, внеличные, внеположенные. непонимание оккультных законов бытия ведет к непониманию и женской "чистоты" и женской привлекательности. А один из этих законов таков — удержание энергии только усиливает ее, делает не только более "эффективной", но и могущественной. В индийской терминологии это называется ojas. И современные католические авторы, пишущие о "внутреннем стремлении женщины к чистоте", забыли трезвые свидетельства своих средневековых предшественников. Женщина всегда и всюду остается kâminî, субстанцией сексуальности. Все остальное для нее — периферия сознания, в глубине своей она "живет сексом, думает о сексе, сама и есть секс". Эта безличная, природная предрасположенность и есть скрытая, магическая сила, ореол очарования, окружающий "чистую" и "невинную" женщину, за которой любой мужчина всегда сумеет увидеть чувственность, бесстыдство и стремление к роскоши. Такая опасная сила неотъемлемо присуща женщине, она в ней не вольна, как и бессильна любая мораль — речь идет об архетипическом корне.²

---

¹ См.: Ovide. *De arte amandi*. I, 658.

² Н. Ellis. (*Studies*. v.III. Philadelphia, 1908, p.47) справедливо писал: "Женское сопротивление усиливает не только ее сексуальность, но и возможности мужчины, усиливает их обоих. Ее пассивность ложна... Огромная энергия сокрыта в этой пассивности; ею она улавливает свою жертву". Не следует думать, что все здесь сказанное относится к невропатологическим ситуациям — это проявление нормальной, всеобщей женской сексуальности.

Здесь мы приходим к последнему фундаментальному проявлению обычного, профанического секса. Если метафизически мужское начало активно, а женское пассивно, то в "естественную" сексуальность мужчина приносит начало "бытия", "эманацию силы Единого" и вообще "вытягивает вверх" присущую женщине магичность. Вспомним Титуса Буркхардта: женщина активно пассивна, мужчина пассивно активен. В "активной пассивности" и есть женское очарование — активность в ее высшем смысле. Быть привлекательной и есть самое главное свойство любовницы. Именно она тут на самом деле активна, а мужчина пассивен. "Говорят, будто в любовной борьбе женщина пассивна. Эта пассивность, тем не менее, и есть "деяние". Своей пассивностью она умело отбивает наступающие ее удары холодного оружия".¹ Дальневосточная традиция "действия в бездействии" (*wei-wu-wei*), несмотря на то, что создало чисто андрократическое общество, признает: "В своей пассивности и подчиненности женское начало оказывается превыше мужского".² Как это ни парадоксально, но именно женщина всегда "соблазняет", а мужчина — жертва: он следует за ее магнетическим воздействием. Войдя "в орбиту" женщины, он подчиняется ее силе. Перед лицом мужского желания женщина чаще всего — "чистое превосходство". Она никогда не "даст", если сама не захочет. А. Шармель в "*Dernière semaine de Don Juan*" выразил это так: все женщины, которыми Дон Гуан "обладал", были, по сути, одной и той же женщиной, не имеющей лица ("вечная женщина", Дурга), "вызывавшей у него одни и те же слова и жесты. Он желал всех женщин "железным желанием любви". Воспрывшее в нем внутреннее знание как этого факта, так и себя самого, и было Командором, который его убил.

"Приапический мужчина" считает, что если женщина ляжет с ним в постель, она — "его". На самом же деле "побеждает" она — ведь это ее триумф и "растворение"

---

¹ A. Mario. *La pubertà*. cit. p.453.

² Lao-Tse. *Tao-tê-Ching*. 61. Тж. основывается на Аристотеле, Скот Эригена (*Divis. Naturae*. I, 62), который писал: "Кто любит и подчинен, тот любим и возвышен".

(Г. Пистони).¹ То же самое на клеточном уровне: активное движение оплодотворяющего сперматозоида, опередившего все остальные, "открывает" матку и оплодотворяет неподвижное женское яйцо, притягивающее его; после чего происходит их взаимное уничтожение. Женщина "столь полно отдается мужчине, что ее и только ее следует считать активной" (А. Гексли). Среди самых интимных переживаний в половых отношениях есть и такое: мужчина оказывается совершенно пассивен, его внимание полностью подчинено психофизическим состояниям женщины, отражаемым на ее лице ("the tragic mask of her, labouring under the rhythmic caress"² — А. Koestler). Это в огромной степени возбуждает, опьяняет и стимулирует оргазм мужчины.

В средиземноморских культах Великой Богини аспект "недеяния" в женской магии был представлен Потнией Терон, богиней диких животных, ездящей на быке или держащей его на привязи, или Кибелой, колесницу которой везли два льва — символ покорности. В индийской традиции — Дургой, сидящей на льве и держащей плетку.³ В каббалистическом символизме известен одиннадцатый⁴ аркан Таро: "Императрица"⁵ — женщина, без труда сдерживающая свирепого льва с открытой пастью. Всякая женщина обладает частицей этой силы. И мужчина всегда в конечном счете вынужден подчиниться. Но как часто это приводит к неврозам! Среди них и комплекс неполноценности и, напротив, самомнение, бравирование мужеством, равнодушие к женщине или даже brutальность⁶ — все не только не способствующие нормальным отношениям полов, но, ско-

---

¹ См. Jamblique. *De vita pithag.*, XI: "Женщин, выглядящих побежденными, приходится считать победительницами".

² "Ее трагическая маска, ритмически отвечающая на ласку" (англ.).

³ Ср. апокалиптический образ жены на звере (Прим. перев.).

⁴ Третий! Об очень приблизительном знакомстве автора с данным вопросом мы уже говорили (Прим. перев.).

⁵ Третий аркан именуется "Царица".

⁶ См.: Harding. *Op.cit.*, p.45. "Депрессивное чувство, испытываемое многими мужчинами перед лицом женщины, связано чаще всего с потерей контроля над ситуацией и уступкой его женщине". О том же в аспекте психиатрии писал А. Адлер, замечавший болезненную демонстрацию мужского превосходства перед лицом женщины.

рее, наоборот. И в постели, и в семейной, и в социальной жизни женщина легко использует свое положение жертвы и выходит победительницей — слабым мужчинам это внушает страх перед любовью вообще. Все это, конечно, схема, абрис, но в целом это так.

И все-таки, как ни вгоняют женщины мужчин в почти метафизическую пассивность, аспект "самца", хозяина и насильника в его поведении доминирует. Западный идеал вирильности — в активности, плодовитости, в образе *Leistungsmensch*, атлета с "твердой волей". Но именно этот тип в конце концов оказывается неспособным противостоять тайной силе женщины. Только цивилизации, отличные от современной западной, такие, как дальневосточная, индийская и арабская, понимают, что есть подлинная вирильность, и знают иной идеал мужчины с иными соматическими и душевными чертами, чем европейско-американский тип "самца".

Итак, в отношениях между полами активность мужчины и пассивность женщины проявляются только на внешнем плане — на более тонком активна женщина; в частности, при зачатии именно женщина "растворяет" и завладевает. И так во всяком профаническом *эросе* — если не совсем так, то "почти". Конечно, в такой любви нет места эротическим экстазам, ведущим к переживанию трансцендентального, но к ним обычные любовники чаще всего и неспособны. Это и не сакрализованный *эрос*, в практике которого происходит радикальная перемена ролей, восстанавливающая первоначальную иерархию метафизических принципов, когда мужчина *абсолютно* активен перед лицом женщины. Совершенно очевидно, что на сакральном плане, который так или иначе должен быть пробужден, мужчина обладает наивысшим потенциалом достоинства. Однако полярность принципов предполагает и третью ситуацию, третий уровень эротического опыта, который в тантрическом символизме соответствует *vīparita-maithuna*, перевернутому объятию, также выражающему определенное символично-ритуальное состояние. Внешне неподвижный мужчина сохраняет высшее достоинство, *vīra*, он бесстрашен перед женской магией; опасность созерцания "обнаженной Дианы" для него уже не смертельна.

В свете всего сказанного вновь вернемся к онтологии. Мы повсюду говорили более об объективных характеристиках абсолютно мужского и абсолютно женского, метафизически осмысленных и драматизированных мифологией, чем об "индивидуальном". Сверхличные постоянные, выраженные, например, в таких категориях, как "частота" или "интенсивность", так или иначе варьируются в зависимости от рас или цивилизаций. Вообще следует говорить скорее о глубинном плане, чем о поверхностно-"социальном", где доминирует персонализм; хотя на самом деле глубинное чрезвычайно редко проявляется в профанических, тем более социальных, отношениях. Запомним сказанное о женщинах госпожой Хардинг¹: они не могут и не хотят познать самих себя как они есть, предпочитая верить в свой кажущийся образ, ими же и выдуманный.

В то же время сравнивать мужскую и женскую природу с точки зрения того, какая из них "лучше" или "хуже", на самом деле занятие пустое. Вопрос о превосходстве одного пола над другим лишен смысла. Все зависит от того, что ценить в мужчине и что в женщине. Можно отрицательно оценивать такие качества "абсолютной женщины", как лживость, "пассивность", флюидность, отсутствие логических и этических императивов, скольжение по поверхности. Но ведь это "плохо" только в соответствии с критериями андрократического общества, с точки зрения мужчины. Пользуясь дальневосточным языком, "пассивное совершенство" не сколько не менее "совершенно", чем "активное". Негативное негативно для позитивного, и наоборот — с точки зрения *своего принципа*, онтологическая верность которому, верность "собственной природе", согласие с нею и есть единственно экзистенциально верное поведение.

В конце же концов, даже в профанической сексуальности грани между мужским и женским очень подвижны — не всякий мужчина в полном смысле слова мужчина; то же самое касается и женщин. Случаи полного соответствия своему полу вообще крайне редки —

---

¹ *Les Mystères de la Femme. cit., p.46.*

каждый мужчина носит в себе "осадок" женщины, а женщина — "осадок" мужчины; степени колебания пропорций очень велики. Следует полностью отдавать себе отчет в этом факте, прежде всего когда это касается психологии, где "колебания пола" особенно заметны. Типично женские черты очень часто проявляются у мужчин, особенно и массово в деградирующих цивилизациях. Вейнинггер обращал внимание на "промежуточные формы пола".¹ Вот пример: Вейнинггер связывал только с женским поведением "внутреннюю ложь" (со всей ее истеричностью и невротичностью), справедливо атрибутируя ее неотъемлемым свойством женской природы. Однако психоанализу знакомы случаи того же самого у мужчин, особенно в наше время — это связано с тем, что основа мужественности, "сверх-Я" растворено в инстинктивной и особенно в социальной жизни; все это порождает состояние, именуемое психологами интроекцией, а также неврозы и нарушения самого разного вида. Психологическая и моральная характеристика мужчин после последней войны, "исчезновение мужчин", связано с массовым появлением у них "жидких", "текучих", "женских" характеров.

В конце концов следует понять, что нельзя судить мужчин женскими мерками и женщин мужскими — оценивать человека надо с точки зрения того, как в нем развиты потенциальные возможности *своего* пола. Несовершенство типа всегда в "бесформенности", гибридности, характерной для неразвитых или выродившихся особей. С точки зрения традиционной этики плохи женщины, похожие на мужчин, и мужчины, похожие на женщин.

---

¹ Одна из лучших, если не лучшая книга на эту тему — "Люди лунного света" В.В. Розанова — осталась вне внимания Ю. Эвола, как и вообще все написанное этим действительно гениальным и прозорливейшим писателем (Прим. перев.).

41. Об этике полов

Приведенные выше наблюдения заставляют сказать хотя бы несколько слов об этике полов. Эту проблему мы затронем лишь вскользь — по двум причинам. Во-первых, вопреки мнению большинства, этика никогда не бывает самостоятельна. Чтобы что-то значить, она должна быть прямо связана с областью священного и с метафизикой. Во-вторых, мы уже рассмотрели вопросы этики именно в этой перспективе, но в другой работе. Здесь эта же проблема будет лишь введением в другую — сакральных форм отношений полов.

Всякая традиционная, а не "социальная", то есть абстрактно-философская, этика основывается на восхождении к абсолютному, к тому, что составляет самую сущность бытия. Данное и внеположное, оформленное волевым актом, теряет свою самодостаточность и становится этическим критерием. Истинная формула всякой этики — "быть самим собой" или "быть верным самому себе". Причем под этой верностью следует разуметь верность глубинной природе, сущности человека, его внутреннему типу, "идее".

В бытии-для-себя и бытии-для-другого легко распознавать основные черты мужественности и женственности; становится ясным, что есть этика мужчины и что — этика женщины: это проявляется в реакции, безусловном "ответе" на предлагаемые жизнью ситуации со стороны каждого пола. В этом, как мы уже отмечали выше, можно заметить симметрию. Мужское в чистом виде, то есть бытие-для-себя, мы видим только в двух типах — воина и аскета; им соответствуют два типа женственности, то есть бытия-для-другого — тип любовницы и тип матери.

Мы только дополняем то, что уже говорили о женском и женщинах. Взятые сами по себе, ни "афродитизм", ни материнство не есть категории внеонтологические и соответственно этической ценности не несут; все зависит только от принадлежности женщины к тому или иному "типу". Существует общее и вполне определенное мнение о женщинах, принадлежащих к "афро-

дическому" типу, материнство же всячески превозносится. Но когда слышишь о "высоком призвании материнства", трудно определить, что же собственно высокого в самом его факте. Материнская любовь у людей имеет очень много общего с ней же у животных — это чисто природное, безличное и инстинктивное чувство женщины, само по себе лишенное этического измерения и могущее даже вступать в противоречие с этическими ценностями. Несомненно то, что для "абсолютной матери" ее любовь никак не вытекает из каких-либо высших начал,¹ она слепа и часто несправедлива. Мать любит ребенка потому, что это ее ребенок, а не потому, что видит в нем достойное любви. Чтобы защитить и спасти свое дитя, "абсолютная мать" способна не только пожертвовать жизнью (здесь природное и этическое совпадают), но и совершать поступки, с точки зрения этики совершенно непростительные. Пример проявления чисто материнского типа женщины — в новелле Айно Калла "Имант и его мать" — мать узнает, что ее сын рискует жизнью, участвуя в заговоре против своего хозяина; она без колебаний выдает этому хозяину всех участников при условии, что жизнь ее сына будет сохранена. Заговорщиков казнили, а Имант остался в живых, но, узнав о случившемся, покончил с собой, ибо другого выхода у него не было. Здесь в самом чистом виде выявлено противоречие между мужской этикой и материнской любовью.

Для того, чтобы преодолеть свою чисто природную стихию, женщине как материнского типа, так и типа любовницы, нужно превзойти саму себя, нужно героическое усилие, самопожертвование, самоотречение. Для матери это должно проявляться в любви не слепой, не инстинктивной, оставляющей возможность свободного выбора и ясно видящей ее объект — свое дитя, любви, способной к различению, распознаванию, вплоть до желания смерти недостойного сына. Таковую материнскую

---

¹ L.Klages. *Vom Kosmogonischen Eros*. cit., p.18. "Безличная материнская любовь одной женщины ничем не отличается от ее же у другой... Как всякий инстинкт, оживляющий и возбуждающий, она углубляет душу, но с точки зрения жизни духа животная мать ничем не отличается от человеческой".

любовь мы встречаем среди спартанских, древнеримских, иберийских и германских матерей; это первая возможность этического поведения женщины.

Другая этическая перспектива открывается перед женщиной противоположного типа — типа любовницы; она — в жизни для другого,¹ жизни его тени, тени героя, когда он для нее — "господин и супруг", когда обожание его доходит до обожествления: тогда исчезает всякий страстный эгоизм, а любовь превращается в священное приношение; при этом сохраняются присутствующие в этих женщинах будоражащие, вдохновляющие и демонические черты, но исчезает "высасывание", вампиризм, о котором мы говорили. В предыдущей работе мы перечисляли возможные для женщин не дементрической, но афродической и дионисической природы пути, очерченные традиционными культурами. Женщины, которые *хотели* оставаться с мужем по ту сторону физического существования, добровольно предавали себя погребальному костру — этот обычай существовал не только в Индии, но и у фракийцев, венедов, древних германцев, инков и так далее — и это было естественным завершением пути женщины такого типа.

В данной работе, говоря об этике полов, мы делаем лишь приблизительный набросок. Нас совершенно не интересуют "женские" и "сексуальные" проблемы, как их представляет себе современный мир, равно как и вопросы брака, развода, эмансипации, свободной любви и так далее. На самом деле их нет. Единственной серьезной проблемой является то, насколько общество, и шире — эпоха — могут способствовать самораскрытию

---

¹ В качестве интересного подтверждения этого положения приведем слова м-ль де Леспина, сказанные де Жильберу: "Я все время чувствую, что я — не я, я — это Вы, и чтобы быть Вами, мне не нужно ничем жертвовать. Ваши чувства, Ваши мысли, мой друг, все это мое, мое внутреннее; остальное мне чуждо". (B. Dangennes. *Op.cit.*) Этическая *sîtâ* говорит, что благородная женщина следует не за родителями, не за сыном, не за друзьями, но "лишь за своей душой", а это и есть ее супруг. Св.Бонифаций свидетельствует, что среди северных народов есть женщины, не желающие пережить своего мужа; они приносят себя в жертву огню, зажженному в его честь; легенды рассказывают то же самое и Наме и Брунгильде. Самоубийства среди женщин у литовцев и готов, чьи мужья погибали на войне, были очень часты. (Ср.тж.: E. Westmark. *Histoire du mariage.*)

мужчины и женщины в рамках обозначенных архетипов, а также соответственно способных через разнообразие внешних форм добиться, чтобы общественные институты отражали естественные законы и содействовали укоренению мужского и женского начала в метафизике пола, а также приближению к простому закону: *"принципиальное, в главном, подчинение женщины мужчине"*. Все остальное, как сказал бы Ницше, "есть глупость"; и во введении к этой книге мы уже говорили, в какое глупое положение по отношению как к женщине, так и к полу вообще поставила себя современная западная цивилизация вследствие ее так называемого "прогресса".¹

---

¹ Современный мир узнал женщину, желающую "эмансипироваться" (материально, социально) от мужчины, но не мужчину, сумевшего освободиться (внутренне, духовно) от женщины. Гинекократический климат современной западной (особенно американской) цивилизации хорошо выражен в словах одного из персонажей Д.Х.Лоуренса (*Aaron's rod*. ch.XIII): "Фундаментальная важность женщины для жизни, вытекающая из того, что она якобы есть ее источник и носитель, — вот вера, исповедуемая в глубине души большинством в сегодняшнем белом мире... Почти все мужчины принимают правила этой игры. Почти все мужчины, даже когда они начинают истерично заявлять о своих правах самца и хозяина, в глубине души верят в превосходство женщины — родительницы и носительницы. Они молчаливо исповедуют культ женственного, молчаливо соглашаются с тем, что женщина — это материнство, красота, страсть и вообще самое благородное в мире. Иногда они начинают взбрыкивать — ненавидят жен, тянутся к проституткам, алкоголю и неважно к какой еще ерунде — все это просто истеричный бунт против позорной догмы о священном превосходстве женщины, в котором они просто профанируют своего подлинного бога, бога, в которого веруют. Ненавидя женщину, они только усиливают ее власть, кадят ей... Дух мужества исчез из мира. Современные мужчины не способны собраться на священную битву — появится женщина со своими детенышами и повернет это стадо баранов защищать ее."

V. САКРАЛИЗАЦИЯ И ПРОБУЖДЕНИЕ

42. Брак как "таинство" в традиционном мире

После опубликования фундаментального труда Фюстеля де Куланжа всеми признано, что древняя семья была не только естественным, но и религиозным союзом. Это относится к любой изначальной цивилизации, или иначе, цивилизации традиционного мира. Ее сакральный характер охватывал как интимные отношения полов вообще, так и семейные в частности.

Прежде всего, отметим, что в древней семье индивидуальное начало было обычно подавлено и не выступало как определяющее. Личные склонности и чувства часто вообще не принимались во внимание: господствовали интересы расы. Римское понятие *dignitas matrimonii* отдавало первенство целям рождения благородного потомства. Поэтому, и не только в Риме, но и в Греции, а также в других традиционных цивилизациях, делались различия между женщинами, призванными к деторождению, и другими, использование которых было связано с переживанием мужчиной чистого эротического опыта (институт конкубината был законно включен в семейное право как дополнение собственно к браку). Что же касается супружества, то и в нем проводилось различие между просто эротикой и сознательным использованием жены для деторождения. Когда муж этого хотел, супругам следовало пройти особый очистительный и искупительный ритуал, а затем сходиться именно и только с этой целью, соблюдая строгие предписания относительно самого полового акта. Ему предшествовал период воздержания; очистительный ритуал предполагал изгнание из женщины демона сладострастия, затем следовало призывание богов и выбирался день, в который супруги уединялись. Применялась особая наука, касающаяся регулирования пола будущих детей.¹

---

¹ S. Péladan. *La science de l'amour* Paris, 1911, p.324-325.

Важно то, что в тотемических обществах концепция деторождения не сводилась только к биологическому продолжению рода, но включала в себя стремление сохранить и передать сквозь время мистическую силу крови, *gens*, исходящую от родоначальника, его *гения*, жившего в родовом вечном огне, который хранили в доме. В пронизанной традицией древности как участие в семейных ритуалах создавало новое родство, то есть прибавляло к родовой цепочке новых членов, так и женщина принадлежала мужу, была "замужем" именно магической силой родоначальника. В Риме брачное ложе называлось *lectus genialis*, то есть родовое ложе. Сохранились свидетельства о том, что римская жена, соединяясь с мужем, соединялась с "гением рода", приапическим богом Матитусом или Титинусом (*genius domesticus* или *lar familiaris*). В доме мужа молодая жена, *nova nupta*, лишалась девства с помощью фаллического симулякра этого бога — *ut illarum pedicitiam prior deus delibasse videtur*.¹ В других древних цивилизациях мы можем встретиться с похожими смыслами. Истинной целью брака считалось не просто деторождение, но именно рождение "сына долга", как на берегах Инда назывался сын-первенец, который должен был стать "героем". Заключительная часть брачной церемонии *ṣraddha* звучала так: *vîram me datta pitarah* ("О отцы, сделайте так, чтобы мой сын стал героем!").²

В сакрализованной семье разность полов была подчинена режиму взаимодополнения. Место женщины в арийском домашнем культе было связано с огнем, естественной хранительницей которого, как бы представительницей Весты, "живого огня" или огня-жизни, она и была. Жена в определенном смысле была живой поддержкой этого сверхчувственного влияния, дополнением вирильного начала, принадлежавшего *pater familias*. Жена следила за чистотой огня, чтобы он не погас, она представляла как сакральная сила в жертвоприношении

---

¹ Проперций (*Carm.* IV, II, 33); Лактанций *Div. Inst.* I, 10, 36; Тж. А. de Marchi. *Il culto privato in Roma antica*. Milano, 1896.

² S. Radhakrishnan. *The Hindu view of life*. London-New York, 1927, p.84

огню.¹ В Риме те же самые "дополняющие" задачи при живом огне исполнял священник. Потому, если супруга Огня — *flaminia dialis* — умирала, ее следовало заменить, ибо без своего дополнения огонь угасал и умирал. Можно приводить и примеры из иных традиций, например, брахманической, исполненной тех же смыслов. Жена, связанная с мужем таинством — *samskâga* — выступает как "богиня дома" и изначально участвует в культе и ритуалах совместно с мужем. Она посвящена жертвенному пламени. И медитировать на нее следовало как на огонь — *yosha-magnin dhyâyîta*. Сами супружеские отношения подчинялись разработанному ритуалу — *vajna* — аналогичному жертве огню — *homa*. Говорили так: "Знающий жену как форму огня достигает освобождения". В *çatharata-brahmâna* женщина говорит: "Если ты относишься ко мне как к жертвеннику, то какой бы благодати ты ни возжелал, обретешь ее мною".² Соитие с женщиной рассматривается по аналогии с жертвоприношением *сомы* (*Vajareya*), а каждая часть ее тела при этом как имеющая космические аналоги. В частности, матка и была жертвенным огнем.³ В другом традиционном тексте все фазы полового общения рассматриваются как священнодействие и указывают на сходство последнего с первым.⁴

Само по себе бракосочетание приобретает характер таинства и подлежит ритуализации. В известной индоевропейской ритуальной традиции, относящейся к акту продолжения рода, мужчина и женщина уподобляются Небу и Земле: приближаясь к жене, муж произносит: "Я — Небо, ты — Земля; я — Небо. Я песня (*sâman*), а ты строфа... Я Небо, а ты Земля. Обнимем друг друга, смешаем наше семя ради рождения сына и благополучия нашего дома. Затем, когда жена начинает символически отклонять объятие, муж произносит: "О Небо и Земля, соединитесь!" Перед тем, как войти в жену, муж целует ее в губы, три раза гладит снизу доверху и говорит: "Как

---

¹ F. de Coulanges. *La cité antique*. Paris, 1900, p.107-166.

² I, VIII, 1, 9. — J. Woodroffe. *Shakti and shâkta*. Madras-London, 1929, p 96-97.

³ *Brhadâramjaka-upanishad*. IV, IV, 3.

⁴ *Chândoya-Upanishad*. II, XII, 1-2.

Земля принимает Огонь в недра свои, как Небо заключает Индру в лоне своем, как четыре света содержат в себе ветра, так я ввожу в тебя зародыш... (называется имя будущего сына).¹ Мужское начало вообще — символ Неба, женское — Земли. В Греции, по свидетельству Пиндара, мужчина в любви отождествлялся с Гелиосом, Солнцем, женщина — с Селеной, Луной.² Можно также отметить, что в некоторых индийских диалектах санскритского происхождения женщина именуется *prakṛtī*; это же слово обозначает "природу" — женскую ипостась неподвижного бога *pruṣha*.³ Эти следы сакрализации брака должны постепенно исчезать из памяти; тем не менее, еще совсем недавно существовало много такого, что объяснить невозможно, не обращаясь к этим следам. Множество божественных и космических соответствий, сохранившихся в разных культурах, свидетельствуют о повсеместном в древности распространении ритуальной иерогамии и теогамии. Не было ни одного народа, у которого бы брачная практика не являлась ритуализированной — все это составляло огромную магическую цепь, подчинявшую материальную сферу сферам высшим.⁴ Новалис имел основания считать брак в его сегодняшнем состоянии "профанированной мистерией", возвращение к подлинному смыслу которой только и может освободить человека от ужаса одиночества. То, что Клод де Сен-Мартен часто не делал в жизни того, что писал, не умаляет значения многих его слов, например, таких: "Если бы род человеческий знал, в чем смысл брака, он воспылал бы его жаждой, ибо благодаря браку человек становится подобным Богу и может покончить с вмененной человечеству гибелью."⁵

В рамках креационистских религий также присутствуют представления о сакральном характере деторождения, как бы продолжающего божественное творение.

---

¹ *Bṛhadāramjaka-upanishad*. VI, IV, 2-21. *Atharva-Veda*. XIV, II, 71.

² K. Kerényi. *Figlie del Sole*. Torino, 1949, p.134.

³ Интересно, что в некоторых романских языках — в частности, во французском и итальянском — народное наименование женского полового органа — "природа".

⁴ P. V. Randolph. *Magia sexualis*. Paris, 1952, p.28.

⁵ C. de Saint Martin. *Le Ministère de l'Homme-Esprit*. Paris. 1802, p.27.

В зороастрийском Иране существовал древний брачный ритуал, предполагавший прямую связь божественной милости с интенсивностью собственно сношения.¹ В Исламе, брачный ритуал которого очень напоминает индоевропейский, также отсутствуют представления о сексуальности как о чем-то нечистом и непристойном, в связи с которым всякое упоминание Божества будет кощунственно. Напротив, прежде, чем совершить сношение с женой, муж произносит: "Во имя Аллаха всемилоостивого и милосердного — Bismallah alrahman al-rahim". Также и жена отвечает: "Во имя Аллаха...", прерывает произнесение формулы, а затем, когда муж чувствуя, что она устала, совершает семяизвержение, жена завершает формулу словами "...всемилоостивого и милосердного". В том же духе о соединении Бога с женщиной толкует мастер суфизма Ибн Арави, придавая сексуальным объятиям метафизическое и теологическое значение. В трактате Fusc Al-Nisam он пишет: "Супружеский акт — проекция воли Бога, проявленной Им в момент творения, дабы в творении Он узнал Самого Себя... Пророк любил женщин из-за их онтологической природы, принимающе-пассивной, которая перед его лицом была подобна Универсальной Природе (at-tabī'ah) перед лицом Самого Бога. Бог проекцией Своей воли, Своим Божественным Актом воздействует на Универсальную Природу и дает ей возможность раскрыть заложенные в ней формы, что можно представить как супружеский акт, совершаемый духовной волей (al-himmat — так именуется трансцендентная вирильность — прим. Ю.Э.) в мире элементов, в мире световых духов — это и есть логическое завершение дискурсивного порядка (саму логику тоже можно представить как сущностное проявление мужского начала — прим. Ю.Э.). Ибн Арави утверждает, что любящий женщин, соединяясь с ними, "любит их божественной любовью". Но для тех, которые слепо следуют только физическому влечению, "половой акт — бездуховная форма; дух недоступен для того, кто приближается к супруге — или любой другой женщине с одной только похотью — он не ведает об истинной

---

¹ *Үәһна*, 53, 7.

природе и объекте своего желания..." "Люди знают, что я влюблен, но не знают, в кого", — этот стих назидает тех, кто любит только плотски, то есть просто женщину, не понимая духовного смысла своей влюбленности. Ты должен знать, кто и зачем играет твоей страстью — знающий достигнет совершенства".¹ В этой суфийской теологии любви можно увидеть расширение и подъем сознания путем ритуализации; человек этой культуры более или менее ясно понимает суть брачных отношений и то, что они, как и собственно половой акт, освящены кораническим законом, причем это касается как моногамии, так и полигамии. Деторождение же в Исламе понимается как продолжение божественной креативности в самом человеке.

Древний иудаизм также не содержал в себе пуританско-аскетического проклятия пола и смотрел на брак не как на уступку плоти, но как на духовную сущность, одну их самых священных тайн. Согласно еврейской Каббале, каждый подлинный брак — символическое осуществление союза Бога и shekhinah.²

Следует также указать на китайскую доктрину царских браков. Кроме собственно царицы, у царя должно быть еще сто двадцать жен. Использование всех их также есть ритуал и подчиняется особому символизму. Царские жены разделены на четыре разные группы, в которых число жен обратно пропорционально их "ценности": наиболее многочисленная состоит из наименее благородных. Женам разрешалось приближаться к царю только в строго определенные ночи. Для представительниц наиболее многочисленной, "внешней", группы это периоды убывания луны вплоть до безлунных ночей; избранные наиболее благородные жены принадлежали царю в течение двух объемлющих полнолуние дней. В наступившую же священную ночь, когда луна светит полным светом, отражая солнце целиком, царь оставался наедине с царицей и был для нее Единственным Мужчиной, Единым. Эта идея абсолютного, "центрального" союза и расходящегося от него в сто-

---

¹ Ibn Arabî. *La Sagesse des Prophètes*. trad. T. Burckhardt, Paris, 1955, p. 187-189.

² G. Sholem. *Mystique juive*. cit. p. 251.

роны "множества" — чистого количества — означала убывание, рассеивание в материи Единого и ее восстановление: иерогамия царской четы повторяла структуру космоса".¹

43. Христианство и сексуальность

Говоря о сакрификации традиционными институтами половых союзов и особенно различных форм моногамного брака, мы уже намекали на "гибридный" характер католичества, проявляющийся в его морали. Не только в этом, но и здесь, в частности, мы можем найти в данной конфессии последствия неправомерного смешения принципов и норм, относящихся к разным планам бытия. Глубоко креационистские традиционные религии всегда признавали существование двух законов, двух путей. Первый предполагал жизнь в мире, признаваемом Божьим творением, сохраняемом самим же Богом Творцом (само Божество имеет два проявления — "творческое" и "хранительное" — Брама и Вишну), и этот закон исповедует не отрицание, но, напротив, освящение мирской жизни. Второй закон относится к меньшинству, призванному к аскезе и избирающему уединение и восхождение ("путь Шивы"). В отличие от древнего иудаизма, зороастризма, ведического индуизма и даже ислама, католичество смешивает эти два плана и прилагает аскетические мерки к обыденной жизни; одним из последствий этого стало проклятие секса, точнее, явная теологическая ненависть к половой жизни.

Напротив, собственно в Евангелиях указанное различие проводится. У Луки (XX, 34-36) мы читаем: "...сынове века сего женятся и посягают, сподобльшиися век он улучити и воскресение еже от мертвых, ни женятся, ни посягают: ни умрети бо к тому могут: равни бо суть ангелом". И Матфей (XIX, 12) говорит о тех, кто "исказиша сами себе, Царства ради Небеснаго", добавляя: "Могий вместити да вместит". Слово "исказиша" не

---

¹ M.Granet. *La pensée chinoise*. Paris, 1950, p.293-295.

имеет здесь никакого уничижительного смысла, напротив, речь идет о наивысшей, если угодно, абсолютной мужественности. Также у Матфея (XIX, 4-6) мы находим слова, напоминающие мотивы андрогината: "Он же отвещав рече им: несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца своего и мать: и прилепится к жене своей, и будете оба в плоть едину. Якоже к тому неста два, но плоть единая: еже убо Бог сочета, человек да не разлучит". Строго говоря, эти слова указывают на соединение полов как на путь к восстановлению первоначального единства и в этом смысле такое соединение оправдывают; последняя фраза утверждает скорее не столько социальную нерасторжимость брачных уз, сколько то, о чем говорил Иоанн Скотт Эригена: само разделение полов есть проявление человеческого, уже падшего бытия. В самом деле, и Апостол Павел, воспроизведя библейский отрывок о двоих, оставляющих отца и мать дабы составить едину плоть, добавляет: "Тайна сия велика есть" (Эфес., V, 31-32, τὸ μυστήριον τοῦτο μέγα ἐστίν) — он употребляет слово "тайна" ("мистерия"), а не "таинство" ("sacramento"), выражение, которое мы встречаем в этой связи в Вульгате. Апостол намекает на различный онтологический статус мужского и женского, на разные пути для мужчины и для женщины: "Муж... образ и слава Божия сый, жена же слава мужу есть" (I Кор., 11,7); таким образом, мистерия преобразования ("искупления") женского начала мужским (подобно Шакти, ведомой Шивой) совершается благодаря тому, что мужу предписано возлюбить жену по образу любви Христа к Церкви, "да освятит ю, очистив банею водяною в глаголе"; за этими словами читаем следующие: "Тако должни суть мужие любити своя жены, яко своя телеса. Любая бо свою жену себе самого любит" (Эфес., V, 25-37). В то же время этим словам противоречит отрицание Павлом высших возможностей секса как такового, сексуальный опыт сам по себе рассматривается как "соблазн" и "нечистота", а брак лишь как дозволение. Мы читаем: "...добро человеку жене не прикасаться: но блудодеяния ради кийждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать", — и далее

— "Аще ли не удержаться, да посягают: лучше бо есть жениться, нежели разжигатися" (I Кор., VII, 1-2,9).

Именно это последнее стало основой послеевангельского христианства. Утверждается, что половая жизнь в целом греховна;¹ католикам она разрешается только в социально оформленном браке и только ради деторождения. Брак как установленное таинство, а не простое благословение супружества, — явление в христианстве позднее (возникает примерно в XII в.), а религиозная церемония бракосочетания для тех, кто не желал более считаться пребывающим в конкубинате, установлена еще позже, на Тридентском соборе (1563).² Эта запоздалая сакрификация имела все же скорее светские, чем духовные цели. Вследствие того, что повсюду господствовала идея "противоестественности" и греховности секса, допускаемого лишь как способ продолжения рода, брак оставался в уничижительной, по Апостолу Павлу, ситуации меньшего зла, "*remedium infirmitatis concupiscential*" для тех мужчин и женщин, которые подчинены закону плоти и не могут выдержать целибата. Каноническая идея о том, что в браке сообщается "благодать, необходимая для того, чтобы законным образом придать естественной любви нерасторжимый характер, которым она без нее не обладает", оказалась в конце концов юридической надстройкой. Речь не шла о том, чтобы узаконить или благословить какие-либо глубокие, преобразующие, сакральные изменения опыта жизни в поле, осуждаемые теологической моралью в принципе, но, напротив, о том, что всякое стремление

---

¹ Идея о том, что существует какая-либо связь между половым обменом и первородным грехом, никак не основана собственно на текстах: в Книге бытия рассказывается о том, что Адам и Ева были одной плотью, результатом же греха как такового стал их стыд перед своей наготой. Впрочем, католичество, а за ним и протестантство также утверждают, что возникновение полового влечения было не причиной, а следствием первородного греха.

² Это не совсем точно. Таинство брака признано Вселенской Церковью как одно из таинств до отделения Западной Церкви и само по себе не имеет никакого отношения к социально-государственным институтам. Православный обряд брака — венчание — подчеркивает как раз онтологическую, мистическую сторону образа супругов. Иное дело, что историческая действительность и на Востоке наложила на восприятие брака юридико-моралистические черты (Прим.перев.).

предаться любви без чистого намерения продолжения рода выпадает из правил, предписанных "целомудренному союзу". Но мы уже показывали, что *эрос* и инстинкт продолжения рода вовсе не одно и то же; кроме того, в католическом обществе даже само деторождение оказывалось лишенным той сакральной мощи, которую развивали в древней семье родовые и сословные культы. На практике, христианско-католическая точка зрения привела не к освящению половой жизни, но к ее отторжению и "упрощению"; это и есть реальное следствие указанной "гибридности" — сделать общим для всех людей и для обыденной жизни то отрешение от нее, которое на самом деле есть лишь *один* из описанных выше способов аскетической трансформации (а не пуританского подавления) половой энергии. Результатом оказалось доминирование социальных аспектов христианских предписаний, ведущее к лицемерию и внешнему обузданию человека, аспектов, лишенных для нашего исследования всякого интереса.¹

К смещениям того же рода приводит и правило о целибате католического духовенства: теряется различие между мирским священником и монахом-аскетом; первый все равно не может быть отождествлен со вторым, чего никогда и не было в многочисленных традиционных цивилизациях с их длинными священническими династиями, в которых сама кровь служила естественной поддержкой и средством удержания сверхъестественных даров, передававшихся из поколения в поко-

---

¹ В восточно-православной традиции целью брака, как и монашеской аскезы, считается прежде всего путь человека к обоживанию, "стяжанию Духа Святаго". Преп. Серафим Саровский говорил: "И девство славно, и брак благословен". Собственно деторождение целью брака не является, при, разумеется, безусловном запрещении всех видов детоубийства. Кстати, в Православном мире до сих пор остались "сакрально-мощные" многодетные священнические семьи и даже кланы. Подобная перспектива, лишенная юридиказма, но и не поощряющая человеческого своеволия, указывает прежде всего на промыслительное попечение Бога о каждой человеческой судьбе. Это глубинное экзистенциальное измерение христианства утрачено западной традицией (точнее, анти-традицией). Впрочем, и на Востоке огосударствление и политизация церковной жизни способны привести как к неправославной вседозволенности, так и к неправославному морализму (Прим.перев.).

ление от одного родоначальника. Вообще, к тем, кто, пребывая в традиции, живет по законам мира, не являясь аскетом, применимы высказывания, подобные приводимым ниже словам Ибн Аты: "Люди благоговейные и строгие удаляются от всего, что удаляет их от Бога, если же они видят Его во всякой вещи, они не удаляются ни от чего".¹

Внутри христианства мы лишь изредка встречаем иное отношение к проблемам пола — среди гетеродоксальных и гонимых течений. Это прежде всего Альбигойцы, Бегарды ("нищие") и "Братья Свободного Духа" (XX-XIV вв.); мысль о Божием всемогуществе привела их к выводам, подобным взглядам уже упоминавшихся традиций. Признавалось существование как бы двух религий: одной для простецов, другой — для просветленных, способных достигать видения Бога в самих себе и в любой вещи (*quod dicitur quod homo ad tale statum potest pervenire, quod Deus in ipso omnia operatur*).² Для достигших такого состояния идея греха исчезает, аскеза теряет значение, в то время как все проявления телесной жизни являют Славу Божию: эти люди сами себя ощущают проявлениями Бога в человеческом облике. Так, в том, что касается секса, утверждается безгрешность просветленного, свободного в духе человека: полагающие так доходят до утверждений, будто вообще женщины созданы для того, чтобы ими пользовались мужи, пребывающие в этой свободе — *sic et mulieres sunt ut sint ad usum hominum qui sunt in libertate spiritus*³ — более того, провозглашается аномия, доходящая до полного отрицания христианской концепции греховности и сущности нечистоты секса, вплоть до полного упразднения каких-либо ограничений; о взглядах некоторых сектантов можно судить, например, по таким утверждениям: *quod talis liber redditur impeccabilis... et si natura inclinaret ad actum venereum potest licite ipsum perficere cum sorore vel matre et in quocumque loco sicut*

---

¹ См. М.М.Морено *Antologia della mistica arabo-persiana*. Bari, 1951.

² Что говорят, будто бы человек может достичь такого состояния сам, что Господь действует в нем Сам (лат.).

³ Так и женщины существуют для того, чтобы ими пользовались те, кто пребывает в свободе духа (лат.).

altaire.¹ В то же время следует осознавать, что могло существовать различие между тайными доктринами "просветленных" и тем, что им недобросовестно приписывали их противники; открытым остается и вопрос о том, всегда ли и обязательно ли доктринальные принципы осуществлялись на практике.

Из числа необычных отдельных примеров можно выделить историю, рассказанную сэром Джоном Удроффом, о результатах расследования, проведенного в Доминиканском монастыре святой Екатерины в Прато в связи со скандалом, вызванным тайно практиковавшимися там формами мистического эротизма. Вот очень характерные показания молодой женщины — настоятельницы монастыря: "Наш дух свободен, и наши намерения исключали какие-либо порочные действия. Главное и достаточное — восходить в Богопознании, неважно каким путем, ибо цель исключает грех". Соединиться с Богом, — утверждала она, — это соединиться по образу соединения мужчины и женщины. Внутренняя жизнь души и райское состояние в мире заключаются в "трансубстанцировании" союза мужчины и женщины." Достичь "наслаждения Богом" через акт соединения с Ним можно через союз мужчины и женщины, союз с женщиной, в котором я узнаю Бога". Вывод ее был таков: "То, что мы ложно зовем нечистотой, и есть подлинная чистота; это то, что Бог повелевает нам делать, и что мы делаем, и без чего мы не обретем Его, и это истина".² Этот пример является в своем роде достаточным; он не относится к институционно оформленным фактам освящения половой жизни, но имеет отношение к маргинальному свободному мистическому опыту; он принадлежит в конечном счете к иным, не христианским традициям.³ Тем не менее мы ясно видим

---

¹ Каждый такой свободный возвращается безгрешным... и, если природа склоняет его к любовным деяниям, он может совершать их с сестрой или матерью и в каком бы то ни было месте, как это делают и другие (лат.).

² De Potter. *Vie de Scipion de Ricci, évêque de Pistoia et Prato*. Bruxelles, 1895, I, pp. 460, 418, 420, 428.

³ Подобные утверждения относятся к числу весьма приблизительных, как вообще приблизительны будут любые словесные рассуждения на эту тему. Мистический опыт, подобный описанному, может возникать

тут прямые совпадения с идеями ритуализации супружества, чуждыми каких-либо представлений о греховности секса.

Мы уже говорили о коллективных ритуалах славянских хлыстов, практикующих сексуальные соития мужчин и женщин, при которых первые считаются воплощениями Христа, вторые — Богородицы. Но совершенно очевидно, что христианский элемент в них попросту перемешан с пережитками предшествовавших им языческих культов, что и следует принимать во внимание в данном контексте.

44. Священная проституция. Иерогамия

Всякий традиционный культ может осуществляться, только если предполагается присутствие некоего сверхчувственного целого либо если практикующие призывают нисхождение духовных сущностей на человека или группу людей. Для этого используются ритуалы, жертвоприношения и священнодействия. В некоторых цивилизациях частью этой совокупности был секс.

Типичным примером были мистерии Великой Богини, включавшие в себя эротическую практику, направленную на пробуждение Божественной Женщины и призывания ее присутствия в определенном месте и собрании. Этому служило то, что принято называть священной проституцией, — она существовала в храмах, возведенных в Средиземноморье в честь различных

как раз на христианской почве, точнее, на почве юридико-моралистического понимания христианства, как его обратная сторона, "изнанка". Восточно-православная традиция, однозначно определяя подобные состояния как "прелестные", раскрывает путь их преодоления. Это прежде всего умное делание, заключающееся в том числе в последовательном "совлечении образов" при молитве. Умному деланию соответствует апофатическое богословие — последовательный отказ от каких-либо определений Бога, ведущий к реальному Боговидению, не выразимому человеческим языком. Эротические же фантазии применительно к сверхчеловеческой реальности как раз и возникают при "фиксации" образа или определения. Они, собственно, не имеют отношения к "греховности" или "негреховности" отношений полов, не находятся по ту сторону этих отношений вообще (Прим.перев.).

женских божеств афродического типа — Иштар, Милитты, Анаид, Иннинни, Атагатин, собственно Афродиты. Здесь следует различать два аспекта. С одной стороны, существовал обычай, по которому каждая девушка, достигшая зрелости, не могла выйти замуж, не лишившись сначала своего девства, но не в профаническом, а в сакральном сношении: внутри храмового пространства ей следовало отдаться незнакомому человеку, который в ее лице поклонялся и делал приношение богине.¹ С другой стороны, при храмах существовала особая каста рабынь или служанок богини, культовых жриц: их занятие на сегодняшнем языке вряд ли можно назвать иначе, чем "проституцией". Однако таинство плотской любви осуществлялось не просто формально и символически, но как оперативно-магический ритуал, питая энергией как саму богиню, так и мужчин, совокуплявшихся с этими молодыми женщинами. Этих женщин называли "девами" (*parténoi ieraí*), "чистыми", "святыми" (*gadishtu, mugig. zermasîtu*); считалось, что они вместе составляют единое тело богини и одновременно каждая — ее "носительница"; от имени богини и их особых эротических функций происходило их наименование — *ishtaritu*.² Половой акт оказывался с одной стороны способом пробуждения и оживления божественного присутствия, с другой — приношением благодарения божеству, был инструментом участия человека в *sacrum*, в данном случае олицетворенном и управляемом женщиной, техникой достижения связи со сверхъестественным, самораскрытием через травму пола, разрушающую индивидуальную скорлупу и тем самым создающую условия для соединения с иными мирами.

Такое использование женщины не было ограничено таинствами Великой Богини в Средиземноморье — оно характерно для Востока вообще. На берегах Инда, в храмах Джаггернаут применялось ритуальное лишение девушки девства, чтобы "накормить" божество, иначе говоря, оживить его присутствие. В большинстве случаев храмовые танцовщицы исполняли те же роли, что и ра-

---

¹ Hérodote, I, 99; Strabon, XI, 532.

² S. Langdon. *Tammus and Ishtar*. Oxford, 1914, p.80-82.

быни Иштар и Милитты: их танцы заключали в себе *mudrâ* — символично-посвятительные движения сакрального характера. Такова же была и "проституция". Среди знатных семейств вовсе не за позор, а, напротив, за честь считалось, если их дочерей отбирали и посвящали для подобной службы в храмах. Под именем *devadâsî* они считались супругами бога, носительницами женского *sacrum* и посвятительницами мужчин в таинства Богини. В принципе этому вообще должна была прикровенно служить любая женщина, как и сохранять огонь во время полового сношения, которое само, согласно индийским традиционным текстам, уподоблялось огню.

Но помимо этих культовых рамок античный и восточный гетеризм имел не только профанические стороны — женщины должны были придавать любви забытые сегодня измерения и наименования. Многие из того, что сегодня относится к области "парапсихологии" или "тайных знаний", было нам передано именно через восточных гетер, объединенных в особые союзы со своей символикой и традициями. Можно предположить, что профаническое "искусство любви", *ars amatoria* зародилось из деградировавших внешних сторон собственно любовной науки, основанной на традиционном и сакральном знании. Исключением не являются знаменитые сорок восемь любовных поз, известные как *Figurae Veneris* Форберга — многие из них первоначально носили маго-ритуальный характер, *mudrâ*, а сегодня используются многими людьми совершенно бессознательно.

Мы уже говорили о "приворотных зельях" или "любовных напитках", смысл которых давно утерян — сегодня их деградированные заменители — орудие колдунов-шарлатанов. На самом же деле в древности они в основном использовались не с целью неимоверно усилить обычное влечение, но для того, чтобы придать эросу новые измерения, отличающие его от вульгарного секса. Известно, что Демосфен проклял наставницу Софокла, имевшую репутацию изготовительницы любовных напитков; однако потом он узнал, что она имела посвящение и участвовала в мистериях — и признал, что оказался посрамлен. Вообще большинство гетер и в

целом женщины гетерического типа именуются в легендах и сагах чаровницами не столько из-за женского очарования, сколько по прямому смыслу слова — они владели магией. Так, в Кама-сутре список искусств, которыми должна владеть *ganikâ* (гетера) высокого класса, очень длинен и разветвлен — не последнее место в нем уделяется магии, умению составлять мистико-посвятительные диаграммы (*mandala*) и изготавливать любовные напитки.¹ Рассказывают, что знаменитая Фрина появилась на суде над ней совершенно нагая; судьи были чисто профанически сражены ее красотой, но Атеней воскликнул: "Судьи сражены священным страхом перед божеством — они не могут обвинять пророчицу и служительницу Афродиты" Но она же была посвящена и в Элевзинские мистерии, и в великие празднества Посейдона, будучи в последних воплощением "Вод", богом которых и был сам Посейдон. На первый план в этом случае выходит магичность самой женской наготы, о чем мы уже говорили. Вообще же следует сказать, что первейшей, исконной ролью гетерической женщины была должность распорядительницы на женских мистериях, во время которых происходило раскрытие человека как сущего, его воплощений, личности, присущего ему символизма.

Среди прочих древних ритуалов эти ритуалы указывали прежде всего на всепронизывающий трансцендентальный эротизм, на присутствие богов и архетипов пола в конкретных женщинах. Среди множества эгейских памятников мы находим изображения жриц, прямо отождествляемых с Великой Богиней,² при этом живому образу отдавалась честь первообраза — мы также знаем некоторых восточно-средиземноморских правительниц, считавшихся живыми воплощениями Иштар, Исиды и других божеств того же типа. Более того, маго-ритуальные процедуры пресуществления живого существа собственно в богиню, происходившие во время мистерий,

---

¹ Об этих молодых женщинах в тексте сказано: "В обществе мужчин они имеют право на почетное место... Их уважает правитель, их воспевают поэты... они пользуются всеобщим признанием".

² Glotz. *La civilisation égéenne*. p.308, 312.

структурно напоминают *mysterium transformationis* христианской мессы.

Тот же порядок идей можно проследить в применении к *hieros gamos* в собственном смысле слова, то есть к теогамии, культурно-ритуальным союзам мужа и жены, празднующим и обновляющим тайну троичности союза вечно мужского и вечно женского, средоточия миротворения. У тех, кто сознательно воспринимает свои отношения как ритуальное воспроизведение этого порядка, физическое соитие становится еще и символом божественного союза, находящегося по ту сторону пространства и времени. Цели такого союза, разумеется, совершенно иные, чем соединение с тем или другим ограниченным божеством. По сути, принцип Трех, Троицы воплощается в "дуальности" супругов, составляющих вместе единое, — этот опыт выходит за рамки индивидуального инициатического опыта, но простирается гораздо дальше.

Можно приводить множество примеров сходных ритуалов в этой области, относящихся к разным культурам и цивилизациям. Мы уже приводили пример античных мистерий, во время которых, раз в году, главная жрица — воплощение Богини — соединялась в священном месте с мужчиной, представляющим мужское начало. Во время этого действия другие жрицы выносили священный огонь, считавшийся душой этого союза, и раздавали его представителям различных семейств и кланов. Один из авторов сделал сопоставление со схождением огня в Иерусалиме в Великую Субботу.¹ Также и обряд водоосвящения в Православной Церкви несет черты символизма пола — речь идет о троекратном погружении свечи в воду — женское начало.² Формула освяще-

---

¹ Сравнительно-исследовательский метод, применяемый автором, конечно, не позволяет делать такие сопоставления. Однако с христианской точки зрения, как Евхаристическая Жертва отменила все предыдущие жертвоприношения и сделала ненужными уже давно вырождавшиеся первоначальные мистерии, так и схождение Благодатного Огня (как и огня Пятидесятницы) заменило в мировой теофании прочие "огненные жертвы" (Прим. перев.).

² Троекратно в воду погружается не свеча, а Крест, что, разумеется, полностью меняет смысл — речь идет совсем не о том, что пытается показать автор (Прим. перев.).

ния включает в себя слова: "Освящаются воды сии благодатью и наитием Святого Духа... да будет вода сия скачущей в жизнь вечную".

На Востоке существуют священные изображения lingam'a (фаллоса), погруженного в цветок лотоса (padma) или лингама внутри перевернутого треугольника, означающего yoni — символ Богини или Шакти; этот символизм, как мы уже видели, имеет также и чисто оперативно-сексуальное назначение.

Действительно, иерогамия вовсе не ограничивается символическим ритуалом или некой имитацией, но включает в себя сакральное соитие мужчины и женщины и на физическом плане тоже. К этому можно добавить и сезонные эротические ритуалы, связанные с культом плодородия. В чисто научном плане эта проблема сегодня является "полем битвы" различных этнографических школ — одни говорят о "солярном мифе", другие о "тотемизме", остальные приводят "аграрные" толкования.

На самом деле речь идет о магико-оперативном ритуале высокой направленности. Говоря о смысле оргии, мы уже указывали на "экспериментальный контакт" с неким единым началом и его следствиями, который может возникать у участников. По самой своей природе, по вызываемым оргией изменениям экзистенциальных уровней, она может стимулировать паранормальное ощущение участия в "космическом заговоре", в самом порядке природных явлений, и, как следствие, — в цикле плодородия земли. Так осуществляется вмешательство более высокой гальванизирующей и стимулирующей силы в ход природных событий. Мирча Элиаде писал об этом так: "В самом общем смысле оргия — часть иерогамии. Она соотносится с соитием божественной пары, с неограниченным и иступленным плодородием земли... Излишек энергии оказывается ценным и плодотворным в сакральных равновесиях. Разбиваются преграды между человеком, обществом, природой и богами; происходит круговращение и перемещение сил, жизни, зародышей с одного уровня на другой,

из одного пространства во все остальные".¹ Это лишь одно из значений, прочитываемых в огромном ворохе собранных Фрезером сведений о различных ритуалах. Однако, когда речь идет не о первобытных народах, но об исторических традициях, включавших в себя коллективные оргии, следует отличать магический, "природный" ритуал, так высоко ценимый некоторыми этнографическими школами, от высшего мистериософского, практикуемого в целях внутреннего перерождения отдельного человека; в некоторых случаях, правда, иерогамия включала в себя оба эти смысла одновременно. По всей видимости, таковыми были Элевзинские мистерии, в которых иерогамия была как инициатическим, так и трудовым ритуалом. Пренебрежение этой двойственностью является характерной чертой академическо-конформистских исследований, как и вообще всей современной профанной науки, постоянно смешивающей высшее с низшим и непременно стремящейся поставить второе на место первого.

В случаях указанной иерогамии, в системе эротических ритуалов как мужчина, так и женщина могли быть источником сакрального. Мы можем указать на случаи как взаимной, так и частичной иерогамии — последняя означает, что только одна сторона принимает на себя сверхчеловеческие, божественные функции, вторая же выступает в чисто человеческой ипостаси. В этих случаях соитие могло быть не только мистическим актом, но и средством деторождения. Легендарные истории о женщине, которой овладевает "бог", или наоборот, мужчине, сходящемся с богиней, слишком хорошо известно, чтобы их пересказывать. Надо лишь отметить, что в ряде случаев эти вещи существовали в рамках общественно упорядоченного брака. Так, в древнем Египте фараон, мистически перевоплощавшийся в Гора, оплодотворял свою супругу, чтобы продолжить династическую линию "божественного царства". Кульминацией эллинистического праздника Антестерий было священное жертвоприношение, а затем совокупление жены царя-архонта с Дионисом в храме Ленеона; в Ва-

---

¹ М. Eliade. *Traité d'histoire des religions*. Payot, Paris, 1949, p.305.

вилоне также была известна иерогамия избранной для этого молодой женщины в особой брачной комнате, приподнятой над седьмым этажом священной башни-зиккурата ("по ту сторону числа семь") — там она должна была провести ночь с неким богом. Эллины верили, что жрица храма Аполлона в Патаре проводила с этим богом ночь на "священном ложе".

То, что некоторые божества имели в качестве символов различных животных, дало основание для грубого вырождения символизма до уровня совокупления людей со "священным животным". Так Геродот (II, 46) упоминает о священном козле из Мендеса, именуемом "владыкой молодых женщин"; в Египте молодые женщины рожали от животных "божественное" потомство. Даже римская традиция знала отголоски этих вещей. Овидий (*Fast.*, II, 438-442) рассказывает о божественном гласе, повелевавшем римлянам предоставлять своих жен-сабинянок для оплодотворения *sacer hircus*.¹

В новое время основой для тайных сексуальных практик стала идея о том, что "слишком человеческое", индивидуальное должно быть уничтожено; затем через "трансубстанциацию" личность — как мужчина, так и женщина — способна воплощать и активизировать в себе некое "реальное присутствие".² Эта идея естественно присутствовала в традиционном человечестве благодаря врожденно-нелинейному взгляду на мир; но теперь это не так — высказываться в подобном духе экстравагантно и в лучшем случае похожие смыслы можно облекать в психологизированную форму "архетипов бессознательного". Однако все же действительно очень трудно понять подлинное содержание реальности, проявляющейся в традиционном мире, реальности, где женщина "почти не существует" и заменена неким принципом, "невидимой женщиной", чье влияние не принадлежит феноменальному миру и есть лишь прямое и неиндивидуализированное проявление силы, принимающей разные образы в мифологии пола. На

---

¹ священному козлу.

² *Какой природы* это "реальное присутствие" автор не уточняет, и, возможно, не представляет себе (Прим.перев.).

таким полувопросом можно и завершить краткое изложение очень трудного содержания этого отрывка.

45. Инкубы и суккубы. Фетишизм, припоминание и пробуждение

Обратимся теперь к многочисленным героическим легендам и мифам, в которых "сверхприродная женщина" выступает как дарительница жизни, знания, спасения, мистического ведения, сакральной силы и даже бессмертия. Чаще всего это женское начало оказывается связано с образом Мирового Дерева. Так, у египтян богиня Нут, Мэт или Хатор, являющаяся "ключом жизни" или "питием жизни", прямо именуется священным деревом. У евреев дерево чаще всего — "древо соблазна", в буддизме — "древо просветления", а в европейском средневековье — древо победы и Империи (например, в легендах о пресвитере Иоанне).¹ В других работах² мы уже обращались к общему смыслу героических мифов. Приведем два дополнительных примера, касающихся непосредственно нашей темы.

С одной стороны, согласно индийской царской доктрине, харизму власти получает любой правитель в брачном соединении с богиней Шри Лакшми, владелицей сверхприродной силы "царской судьбы" — *gâja lakshmi*; эта богиня является супругой царя наряду с обычными земными женщинами. Когда она оставляет царя, он так или иначе теряет свое царство. В Средиземноморье часто встречаются богини, вручающие царю "ключ жизни", наименование которого всегда включает звукосочетание *αηχ* — жить, жизнь, живой. Вспомним обращение Ашурбанипала к богине: "Ты вручила мне дар жизни". В книге *Zohar* (III, 51a, 50b) читаем: "Вся сила царя вручена ему Вышней Матерью", и далее: "Путь, ведущий к великому и могучему Древу Жизни — Выш-

---

¹ Ср. со словами, обращенными к женщине, в пубертатных инициациях индейцев Сиу: "Ты — дерево жизни" (Black Elk. *The Sacred Pipe*. cit., p.123.).

² Evola. *Il mistero del Graal*. cit., § 6.

няя Мать". То же самое касается и Шехины, в точном смысле слова — "супруги царя".

Отголоски этих представлений находим в христианстве¹: Божественной Деве дана власть милости и заступничества, соответствующая сверхприродно-женскому, власть, оживляющая силы творения.

Какой эротический опыт, возможно, лежал в основе этих представлений? До наших дней еще с шумерской эпохи сохранилось знание о таких явлениях, как "суккубат" и "инкубат". Вот что писал Парацельс: "Это воображаемые образы, порожденные, как и героическая любовь, звездным миром, — это все, что не совершилось с человеком при телесном соединении. Такая любовь есть одновременно и отец и мать пневмоспермы. Инкубы, подчиняющие себе женщин, и суккубы, нападающие на мужчин, порождены пневмоспермой".² В немецком средневековье это называлось *Alrmine*. Пользуясь тайным языком, Парацельс намекает на пробуждение воображения, ведущее к физическим контактам со сверхчувственными субстанциями пола, способными проявляться и порождать разной интенсивности галлюцинации. Для множества волнующих и неожиданных случаев этого феномена, очевидно, подходит объяснение Гуайята: "Инкуб и суккуб есть две спектральные формы конвертибельного гермафродита, принимающего то фаллоидную, то ктеиморфную форму".³ Обычно речь идет о своеобразном переживании абсолютных форм соединения мужского и женского принципов, часто связанном с навязчивыми состояниями⁴ у лиц, не имевших в этой

---

¹ Об отголосках, или, напротив, о провозвестиях, часто имеющих заземленную эротическую окраску, идет речь на самом деле — судить читателю (Прим. перев.).

² *Traité de maladies invisible*. с. IX.

³ *Le Temple de Satan*. Paris, 1916, I, p. 222. Структурно совершенно верное суждение, если освободить его от онтологического релятивизма, дает точную картину действия падших бесплотных сил на человека, назначением которого является, в частности, непрерывная "невидимая брань" с ними. О способности бесплотных сил, как сохранивших первоначальную природу, так и отпавших от нее, принимать разные облики и образы, см., в част., брошюру Святителя Феофана (Затворника) "Душа и Ангел не тело, а дух" (Прим. перев.).

⁴ Очень часто маниакальные формы мастурбации становятся переживанием отношений "магической пары" на основе пробуждений

области реального опыта. Такой человек, "не добрав" на физическом плане, оказывается незримо управляемым этими силами на плане тонком. В инициатической половой магии очень часто происходит "развязывание" сил, ведущих к одержимости, причем даже тогда, когда цели ставятся иные. Надо сказать, что силы эти совершенно реальны. Как и в случаях инкубата и суккубата, это вовсе не продукт чистого воображения — хотя без его включения связь с ними невозможна — и не шизофренические проявления. "Экстранормальное", то есть то, что мы обычно называем "метафизическим", на самом деле и вызывает одержимость. Этот вопрос обсуждался в XVIII веке на Конвенте Урсулинок в Лудене — там это и было открыто констатировано. Явления того же порядка происходили и в античном мире — речь идет о "чудесах", происходивших с менадами и вакханками, одержимыми "богами". Плиний и Еврипид рассказывают об этом как о разрыве иерархических уровней при посредстве секса, ведущем к временному уничтожению границ между человеческим "Я" и природой — их взаимовторжению. При этом, если человеческое побеждает природное — это чудо, если наоборот — навязчивое паническое состояние. В любом случае — несбывшееся или не полностью сбывшееся в обычных человеческих отношениях со своей гиперфизической мощью врывается в тонкие планы существования — со всеми вытекающими последствиями.

Аналогичны, по сути, средневековые мистерии платонической любви. На них стоит остановиться, ибо здесь уже ясно виден переход от профанического эроса к воспоминаниям о непривычных нам мифо-ритуальных установлениях древнего мира.

бессознательного с помощью силы воображения — это явление того же порядка, что и связь с инкубом и суккубом. Значимо то, что возбуждение и даже удовлетворение может наступать произвольно под влиянием бессознательно возникающего образа, который может стать навязчивым (Hesnard. *Manuel de sexologie*. cit., p.268). При этом оргазм может происходить много раз в день (*ibid.*, p.266-267) и даже создавать то, что в тантризме называется "непорожденное (длящееся) наслаждение".

Мы уже поняли, что фундаментальная основа любого эротического опыта — это взаимоотношение личности с "чистым принципом" противоположного пола. Это всегда процесс внутреннего пробуждения, хотя в случае профанического эроса — инстинктивный и бессознательный. Крафт и Эбинг при характеристике всякой любви часто используют слово "фетишизм", что в своем первоначальном значении на португальском языке означает "очарованность". Это чувство, "не оправданное ни ценностью, ни реальным значением воображаемого предмета", как человеческого существа, так и его (ее) части — всего, что рождает эротическое возбуждение.¹ Хэвелок Эллис развивает: если это "эротический символизм" наделяет часть свойствами целого (прежде всего любимого существа), то известное извращение (замена женщины ее вещами или частью одежды) и сам факт его частого присутствия объясняется наличием некой реальности, олицетворением которой является как сама женщина, так и принадлежащая ей вещь — объект обожания.² Даже любя самое плоть, любят нечто, ее превосходящее, — это тоже по-своему "фетишизм", но постоянно встречающийся, "нормальный". Одноименная же перверсия гипертрофирует что-то одно — это результат искажения внутренней структуры любящего.³ "Пробуждение" и "фетишизм" — составные части всякой глубокой любовной страсти. Любящий не может не "идеализировать" женщину, не придавать ей черты божества — он "обожает", и она становится объектом культа и поклонения. В этом состоянии главное стремление мужчины — всячески ее чтить, повергнуться на колени — это совершенно не зависит от достоинства или недостойности объекта. Почитание любимой становится смыслом жизни, а нарушение нормального состояния человека — частью его существа. При этом часто женщина, сознательно опрокидывая навзничь все жизненные условия, доводит человека до состояния, когда из него можно делать все, что угодно. Она пожи-

---

¹ *Psychopathia sexualis*. cit., p.21 sqq.

² *Studies in the psychology of sex*. cit., p.86-87 sqq.

³ V. Solovioff. *Le sens de l'amour*. cit., p.86-87.

рает, растворяет, разрушает мужчину, впавшего в сексуальное рабство — психическое или физическое — ведь у него теряется способность к "различению духов".

Это состояние понимают по-разному. Первая интерпретация сводит его к добровольной проекции высшего начала на объект любви (избираемой, по Шопенгауэру, не самим человеком, но "гением рода"). Однако такая "проекция" колеблется от восторгов и опьянения до простого удовлетворения желания, и это свидетельствует о пошлости и банальности любовного обожания. Но есть и иное толкование — о пробуждении в любви магической фантазии, "шестого чувства", способного созерцать происходящее по ту сторону феноменов, чувства не мнимого, но, напротив, имеющего более высокую, чем чувственность, природу. Женщина оказывается для человека "духовной или оккультной женщиной", а влюбленный — орудием энергий, привносимых через нее в этот мир. Примордиальный образ, носимый ею помимо ее воли, может вводить в транс и пробуждать ясновидение. Это образ вечно женского; он стимулирует процесс восхождения и преображения, в конечном счете, раскрытия тайных сакральных сил.¹ Это опасное касание сверхчувственного может длиться одно мгновение, но может и очень долго, создавая высокую напряженность, причем как у обычных любовников, так и у стремящихся к пробуждению более глубоких ощущений. Любовь с первого взгляда, состояние, которое можно назвать "ударом грома", можно сравнить с крутым поворотом. Такое может произойти при случайной встрече, за одну-единственную ночь с незнакомой женщиной и даже с проституткой, к которой никогда не вернешься; и это окажется неповторимым чудом, единственным в жизни. Или наоборот, вхождение в экзальтацию двух вместе живущих людей способно на долгое время утвердить и укрепить их отношения.

---

¹ G. Bruno (*Eroici Furori*. II, III, 62) описывал этот механизм так: "Глаза принимают образы и передают их в сердце (глубинное сознание, где пробуждаются скрытые очертания), сердце страстно их жаждет и эта жажда передается обратно глазами (что накладывает архетип на внешность любимого существа)... Так сознание меняет восприятие, а восприятие — сознание."

Мы уже подчеркивали невозможность смешивать случайные факты с сущностными — и прежде, чем характеризовать явление, надо изучить и отсеять весь спектр этих случайностей. Любой процесс ясно просматривается сквозь призму четко определенных бытийных категорий. В них входят и условия эмпирического, биологического, телесного и даже социального порядка. Прежде всего надо понять, что нет абстрактного идеала красоты (платоновской "красоты в себе") — он различен у разных рас... Бывают, однако, и обратные повороты — так, если европеец ищет себе цветную женщину или какую-нибудь туземку, то бессознательно он стремится оживить в себе примордиальный женский образ, не искаженный цивилизацией. Это совсем иное, чем если ему нравится женщина своей или родственной расы. Впрочем, вкусы как мужчин, так и женщин, меняются и с возрастом. В конце концов в старости, с исчезновением физических возможностей половой любви исчезают и силы, способствующие магическому пробуждению — остаются лишь "человеческие качества". Герой А. Барбюса говорит, что наступает время, "когда нас тянет внутрь себя, и это уже болезнь". Женщина драгоценна только однажды, один миг — "Я думаю, этого мига на самом деле и нет, через мгновение ты уже умерла — ты здесь и уже не здесь, и я ношу тебя только в себе". Это экзистенциальная трагедия любой подлинной любви. Но всегда время любовного пробуждения кратко — оно ограничено метаморфозой самой женщины. Обычно она пользуется этим, чтобы женить мужчину на себе — дальше все кончается и начинается "быт". Или же — что гораздо реже — женщина пробуждает архетип в его вне-временном смысле, уже без отношения к ней самой — и тогда она всего лишь первотолчок разгорающемуся огню, озаряющему свой первоисток — уже исчезнувший на физическом плане. Этот огонь преобразует прозаическую, эфемерную, "слишком человеческую" реальность. Тем не менее, выход на разворачивающиеся онтологические глубины налицо, а значит, это уже не просто романтические мечтания.

Поэт писал: "Смотри туда, где оживает мертвое — божественная форма: жизнь, любовь и свет — там есть

движение — оно изменчиво, но негасимо — образ сияющей вечности" (Шелли, *Eipsychidion*).¹ Более приземленными словами тоже самое высказал Е. Карпентер: "Юноша видит девушку; простенькое личико, фигурка — ничего особенного, все как у всех. Но это "пуск машины". Что-то всплывает в памяти. Сквозь внешний, смертный образ вдруг зрим бессмертный, внутренний; в сознании возникает светоносная форма не от мира сего... Образ этот оживляет мужчину — рушит и воссоздает. Богиня — может быть, сама Венера — восходит в свое святилище: великолепиие и ужас преобразуют мир... Ощущение присутствия совершенно реальной силы... Жизни широкой, субъективно-напряженной, но оттого более объективно-надличной, чем прежде, чем когда-либо. Как может женщина, смертная женщина породить ее и в то же время сама быть ею — маска она или сама жизнь? Но ведь и в ней самой не меньше, чем в мужчине, пробуждаются внутренние бессознательные силы, и его идеал, словно огонь, переходит и на нее, высветляя ее наследственные черты вплоть до черт лица. Не стоит удивляться, что так случилось. Ведь когда мужчина смотрит в ее глаза, он видит *за ними* жизнь, которая глубже сознательной — и все же это *ее* жизнь — могущественно-чудесная. Превысшее смертного в нем созерцает превысшее смертного в ней — и боги спускаются с небес им навстречу".² Несмотря на поэтизмы и идеализацию, несмотря на "биологический" подход, 9 глава, откуда взята эта цитата, называется "Боги как проявления жизни расы" (иначе говоря, архетипы в связи с жизнью расы, рода и вида). Карпентер в целом точно описал процесс "пробуждения".

Бесспорно, даже в профанической любви существуют "удары грома" — зарницы *эроса*, выход на круговую андрогиническую замкнутость, преодолевающую обыденное сознание — в некотором роде это тоже посвящение. Такова феноменология *эроса*, даже профанического, но все равно сохранившего черты древних сакрализаций. Поняв это, мы поймем и сущность средневековой "пла-

---

¹ Перевод буквальный, с французского подстрочника (Прим. перев.).

² E. Carpenter. *The art of creation*. p 137, 185.

тонической любви". Это один из примеров явлений, хотя и единично-спорадических в новой истории, но все же сохранивших черты подлинной традиции.

Перед нами два примера — рыцарский культ дамы и опыт так называемых "Адептов любви".

46. Процессы пробуждения в средневековой рыцарской любви

Всем известно о средневековых трубадурах и "куртуазной любви", о чем много писали историки и литературоведы. Вспомним и о знаменитом "Дворе любви". Он существовал в 1150-1200 годах и объединял таких знатных и знаменитых женщин, как королева Элеонора, графиня Фландрская, графиня Шампанская, Ирминхильда, графиня Нарбоннская, Стефанетта де Бо, Одалесия, графиня Авиньонская и т.д. Там царил обычный для того времени культ женщины и любви, однако возможно, что проповедовались и какие-то эзотерические доктрины, предназначенные для сугубо внутреннего пользования. Но будем помнить — фантазии рыцарей и поэзия трубадуров не имели ничего общего с пережитым ими опытом. Одно дело — место воспеваемой женщины, другое — нравы эпохи. Идеальная дама затмевала реальную жизнь. Нравы в семьях были грубыми, часто брутальными. Женщины вели себя крайне вольно, никак не отвечая требованиям скромности, стыдливости и достоинства; очень часто они сами брали на себя инициативу в любовных делах, в то время как мужчины оставались равнодушными. Не говоря уже о совместных "купаниях", известно множество случаев, когда знатные молодые женщины без зазрения совести зазывали в свои замки кавалеров и предавались с ними ночным утехам. Жильбер де Ножан еще в XII веке описывал крайнюю степень женского бесстыдства. Что же до поведения мужчин, то С.Мейнерс отмечал, что "история Средних Веков не помнит такого насилия над знатными дамами и юными девушками, какое творилось в XIV и XV столетиях, в пору наивысшего расцвета рыцарства. Пользу-

ясь "правом войны", рыцари творили неслыханные насилия в городах и крепостях, занятых ими, причем чаще всего жертв своей разнузданности они потом убивали. Притом, все это совершая, они верили, что действуют справедливо — по праву репрессалий.¹

Приходится признать огромную дистанцию между реальными половыми нравами средневековья и ролью женщины в некоторых рыцарских обычаях. Более того, мы не знаем, всегда ли существовали в реальности так называемые "женщины духа" или "дамы сердца" — скорее всего, да, — однако образы их, способствовавшие пробуждению внутренних сил рыцаря, в любом случае существовали совершенно отдельно от воплощавших их реальных женщин. По существу, "дама сердца" существовала только в воображении, на тонком плане, движущем поведением рыцаря и питавшем его экзальтацию. С женщиной, которой рыцарь посвящал свою жизнь и подвиги, он чаще всего даже не общался, тем более она была недоступна для брака, часто из-за ее знатности, экзальтированно толкуемой как "жестокость". Бывали случаи, когда свою "далекую принцессу" рыцарь даже ни разу не видел. Не испытывая по отношению к ней никаких желаний, он был готов умереть за одно ее имя. При этом в обычной жизни поведение его, как воина и феодала, было далеко от какой-то сентиментальности и возвышенности. Дама сердца именовалась *donnoï* или *domnei*. Так на провансальском наречии называлась женщина, эротическое отношение к которой исключало физическое обладание. В одной из рукописей об этом сказано прямо: "Желающий полностью овладеть дамой, теряет право называть ее *donnoï*". Часты были случаи, когда рыцарь имел любовницу, но объектом *эроса* была другая — и в момент соития он думал о даме сердца.² Но многие вообще избегали половых сношений — дабы не терять высокой эротической напряженности и подъема рыцарской любви. Возможно, прав Р.М.Рильке, утверждавший, будто бы существовал даже тайный страх

---

¹ C.Meiners. *Geschichte des weiblichen Geschlechtes*. Hanovre, 1899, p.58; см.тж. P. La Croix. *Mœurs, usage et coutumes au Moyen Age à l'époque de la Renaissance*. Paris, 1873.

² C.Faurel. *Histoire de la poésie provençale*. Paris, 1896

перед успехом ухаживания. Все это заставляет думать, что целью рыцарской любви было пробуждение в себе "внутренней женщины", соединение с нею и выход на невидимый, сверхчувственный план. Овладение "внутренней женщиной" становилось частью героических подвигов и походов, духовного самоопределения — потому-то рыцарские подвиги и совершались во славу "Дамы", становились важнейшей атрибутикой крестовых походов. Своеобразная теология замков и "Дворов любви" провозглашала верность рыцаря как Богу, так и "даме", и не ставила под сомнение спасение души рыцаря, погибшего с ее именем на устах, — в этом проявлялась идея бессмертия, даруемого эросом. Что же касается оккультного рыцарства, то мы располагаем интересными сведениями о тамплиерах; имелось предположение, что в образах женщины их посещали демоны. "Рыцари храма" хранили целомудрие, но в то же время каждый из них имел свою "жену".¹ Здесь всплывает тема связи с женским началом на "нефизическом" плане, которую мы встречаем в разных магических школах и, в частности, у Парацельса. Идол, якобы присутствовавший на тайных ритуалах тамплиеров, — Бафомет — по некоторым сведениям имел черты андрогина и даже девственницы.

Переходя к так называемым "Аделтам любви", имевшим прямые исторические связи с тамплиерами, отметим, что это была чисто инициатическая организация. Систематизированные и хорошо документированные исследования Л.Валли и А.Рикольфи подтверждают, что речь идет о замкнутом, основанном на традиции, круге посвященных. Поэзия "dolce stile nuovo" располагала тайным языком, шифром, который служил "ключом к уразумению". Воспеваемая этими поэтами любовь не была идеализированной или сублимированной профанической страстью, как и женщины — ее героини — реально жившими женщинами. Скорее всего, их вообще не существовало на физическом плане. Это касается и Беатриче, о которой говорится в дантовской Vita Nuova.

---

¹ G.Carimet. *Histoire de la magie en France*. Paris, 1818, p.292.

Тем не менее, здесь есть оттенки, разные стороны и аспекты одной проблемы, которые следует очертить.

Л.Валли "синтезировал свои тезисы" следующим образом: "Эти поэты, жившие в особой мистико-инициативной среде, не занимались искусством ради искусства, красноречием ради красноречия — свой любовный опыт они обращали в мистический. Любовь, которую они, как мужчины, переживали, они пропускали сквозь "символический фильтр" так, что она становилась "*verace intendimento*", то есть *глубинной правдой* инициативной природы. В какой-то момент эта поэзия, как и поэзия трубадуров, превращалась в мистический поток — в средоточии его "золотым сечением" сияла поэзия Данте, превратившая символический язык любви в особый язык посвящения.¹ Так — по Валли. От себя внесем поправки.

Прежде всего, Валли упускает из виду связь этой поэзии с политическими взглядами имевших свою организацию "Адептов Любви" — все эти поэты, начиная с Данте, были людьми "партийными" — гибеллинами, то есть противниками гегемонии Церкви. Действительное ядро их писаний составлял прикрытый поэтической оболочкой обмен информацией. Часто не имея ни особого поэтического вдохновения, ни вообще желания писать стихи, они шифровали таким образом свои тайные идеи, облакая их в приемлемую для общества форму.

Еще более важным оказывается то, что в любовные символы облакался вовсе не личный любовный опыт. Все воспеваемые "Адептами Любви" женщины были одной-единственной — "Святой Премудростью" или "Гнозисом" — то есть принципом иллюминации, спасения и трансцендентного знания. Не следует считать это аллегорией или абстракцией, пускай персонифицированной, как часто пишут, особенно о дантовой Беатриче. Здесь иное — преемство от древних Мистерий и тайных ритуалов "рыцарей Храма". И все-таки, наверное, символизм женщины у "Адептов Любви" не случаен — ведь они могли бы выражать свои идеи, скрывая их

---

¹ L.Valli. *Il linguaggio segreto di Dante e dei Fedeli d'Amore*. Roma, 1928, p.205-206.

от профанов, и на другом языке, как это, скажем, делали герметисты-алхимики, используя язык трансмутации металлов. Язык любви не был искусственным и символическим средством выражения иных вещей, как, вслед за Валли, думали Росетти, Аруэ и Генон, и как это, например, отражено в церковном использовании любовного языка "Песни Песней". Это и не просто преобразование эротики в мистику, как часто бывает на Востоке, — вспомним такие трактаты, как Anangaranga, каждый стих которого имеет два смысла — буквально-эротический и таинственно-сакральный.¹ "Инициатическая женщина", "Великая Дама духа" (или, как писал Данте, "здесь ее звали Беатриче, но никто не знал ее подлинного имени") для "Адептов Любви" не была символом. Они полагали, что вступили в связь с тайной силой женственности — и напротив — не она символизирует любовь к некой конкретной женщине, но земная любовь может стать отражением пути посвященного. В этих "странных стихах" символическое действительно имеет черты личного опыта — не сухо-рационального, но живого, естественного, драматического. Толкование "Дамы" как Святой Премудрости, причем не в виде абстрактной доктрины, дает место "травматическому восхождению к сиянию, отблески коего мы встречаем в литературе. Но это совсем иное, нежели переживаемый в тантризме и дионисизме конкретно-ритуальный опыт именно секса; у нас, правда, нет сведений о конкретном содержании практик "Адептов Любви". Возможно, в некоторых случаях перед нами свойственные поэтам преувеличения.

В целом же можно предположить, что речь идет о некоей "промежуточной" форме *эроса* — ни об обычной, хотя и сублимированной, любви, ни о сексуальной технике, применяемой в отношениях с конкретной женщиной. Все это нечто иное, некая связь со сверхчувственным, могущим, впрочем, иметь и чувственное воплощение. В отличие от простых рыцарей, у "Адептов Любви" инициатические структуры организации налицо — и это не отдельные изолированные лица или группы,

---

¹ См.: R.Schmidt. *Indische Erotik*. cit., p.30-31.

но целая цепь посвященных, для которых ни поэзия, ни иные видимые проявления деятельности отнюдь не были главными.

47. О посвятельном опыте "Адептов Любви"

Сначала кратко повторим уже сказанное в других наших книгах.¹ "Проявление" образа "инициатической женщины" сквозь женщину вполне реальную и земную было описано в стихах Гвидо Кавальканти, одного из главных руководителей этой организации:

Мне кажется — из уст ее,
Таких прекрасных, что душа
Их никогда понять не сможет,
Уже рождается *иная*
Как бы звезда
И мне гласит:
*Приблизилось твое спасенье.*²

Кавальканти, как, впрочем, и Данте, Чино да Пистойя, утверждал "всею правдой дарованного мне воображения", что благодаря вере, Амор³ пробуждает к новой жизни душу верного его слуги. Следует иметь в виду неоднозначность слова "спасение" (*salut, salutation*), означающего также "здоровье, выздоровление", а также и "приветствие" в поэзии "Нового Стиля".⁴ "Приветствие", адресованное мистической женщине как соб-

---

¹ *Il mistero del Graal. cit., § 25-26; Lo Ioga della Petenza.*

² *Le rime. ed. Rivalta. Bologna, 1902, p.156.*

³ Слово "Любовь", т.е. Amor (лат.), употребляется "Адептами Любви" (*Fidèle di Amore, Fidèles d'Amour*) в мужском роде, что очень существенно, ибо речь идет о конкретном *лице*, отождествляемом в некоторых толкованиях не с любовью к женщине, а или с Ангелом, или с Великим Монархом — сокрытым, но способным появиться в последнее время Королем (Царем) всемирной христианской империи. Впрочем, по онтологической логике, ожидание пришествия Amor'a может трагически обернуться ожиданием антихриста (Прим. перев.).

⁴ Ср. "Здравствуй!", "Здорово!" или "Здорово живешь!" в русском языке (Прим. перев.).

ственно единственная цель любви (*Vita Nuova*, XVIII, 4), получает ответ — "спасение" или "выздоровление", даруемое этой женщиной. Речь идет об актуально переживаемом кризисе или потрясении и ожидании спасения или духовного выздоровления, дающего возможность этот кризис преодолеть. Данте говорит об этом прямо: "Тот, кто решается на созерцание Дамы (Жены), тот или достигнет благородства, или погибнет — если Дама сочтет его достойным ее созерцать, то укрепит его силы и даст ему спасение".¹ При этом отворяющий врата жилища любви Амор есть могущественный и "страшный Государь". На его руках, — утверждает Данте, — "я увидел сияющую обнаженную женщину, показавшуюся мне окутанной легкой тканью цвета крови, и я понял, что это та самая Дама Спасения (*Dame de Salut*), которая снизошла до того, чтобы пожелать мне здравия (*saluer*) накануне".² Любовь и есть актуализация этой *обнаженной и спящей* — латентной — женщины, той самой, которая в герметических текстах именуется "наша тайная Ева".³ Это сила, способная убить, погрузить в инициатическую смерть. Когда она появляется, "сердце умирает". Переживший этот опыт и "обретший спасение" Лаппо Джанни писал: "Теперь все усилия следует приложить, чтобы не упасть снова — когда-то живое, сердце мое умерло". Гвидо Джиницелли говорит о "спасении" как о "взгляде смерти" — взглянув на даму своего сердца, он "увидел свою смерть". Это "пронзило его, как молния, сверкнувшая сквозь окна башни и озарившая все внутри".⁴

Амор, не только поражая, но и оберегая "Адепта Любви", говорит ему: "Беги, тебя преследует смерть".⁵ Но и бояться смерти не следует — иначе крушение неминуемо. Смерти следует смотреть только в глаза. Вот

---

¹ *Vita Nuova*. II, 19; cf. I, 12; XI, 13.

² *Ibid.*, III, 1-6.

³ Manget. *Biblioth. chemica curiosa*. I, 147; Dorn. *Theatrum chemicum*. p.578.

⁴ Valli. *Op. cit.*, pp.185, 186; отсылки к поэзии Данте и его круга см. по кн.: A.Ricolfi. *Studi sui Fedeli d'Amore* v.I, Milano, 1933, v.II, 1941; *Rapimento e iniziazione nei Fedeli d'Amore*. extr. de "Revista di sintesi letteraria", 1935, n°4

⁵ *Vita Nuova*. XV, 4.

отрывок из песнопения, сочиненного, возможно, тем же Кавальканти:

Внезапно страсть ввела в напасть.
Душа объята диким страхом.
Вся жизнь — с цепи, все силы — прахом...
Конец. Погиб. Отпет.
Опоры шатки, зыбки.
Но возгорелся в сердце свет,
И если в книге нет ошибки,
Объята духом жизни мгла.
Да, это смерть за мной пришла.

Нечто подобное описывает и Данте: внезапное появление "чудесной жены" сопровождается сокрушением окружающих человека духов силой Амора, который не только подчиняет его жизнь себе, но и ввергает в экста- тическое состояние. Данте мнит себя поверженным на землю, он говорит о "преображении", вызванном любовью.¹ Отметим, что средневековая каббалистика также имеет дело с *mors osculi*, смертью, вызываемой поцелуем. Отчетливо слышны отголоски арабско-персидских поэтов-суфиев.²

Инициатическая смерть, согласно "Адептам Любви", может быть вызвана как "прямым действием" (появлением дамы как таковым), так и "непрямым действием" — "приветствием" дамы, или даже просто воспоминанием, которое приносит *Амор* со всей своей мощью и ужасом. Кавальканти говорит о пробуждении "возможного интеллекта", которое в аверроистском толковании учения Аристотеля тождественно *vous*, то есть интеллектуальному принципу в его трансцендентальном

---

¹ *Vita Nuova*. IV, 3; V, 1.

² Символический и доктринальный смысл подобных инвектив подтверждает высказывания Дж.Бруно (*Eroici Furori*. II, 47; IV, 19): "Смерть любящих, проистекающая из игры высших сил, именуется каббалистами *mors osculi*: но эта смерть есть вечная жизнь, зачатая на земле, готовая расцвести там". Ср. тж. у Ибн Фарида (см. Moreno. *Op. cit.*, p.215): "Когда я увижу красоту ее лица, прежде даже торжества любви я говорю "прощай" всей моей жизни". Даже в обычной жизни употребляемые слова "смертельный взгляд" о чем-то говорят. Напомним, что в испанской литературе "золотого века" (*siglo de oro*) встречаются упоминания о глазах, несущих любовь и смерть (*amor y muerte*).

аспекте, существующему у обычного человека только в зачаточном состоянии.¹ Путь истинного "Адепта Любви" и заключается в обретении новой реальности сознания и его преобразования благодаря и во имя своей интеллектуальной "жены-жизни". Кавальканти обращается к ней: "Вы, чей взгляд пробудил во мне дремлющее разумение вещей". Он добавляет, что *Амор* очищает пространство ума, в котором поселяется "возможный интеллект". Джиницелли называет сердце "жилищем благородства", приводимым в действие женским образом. Эмоциональное потрясение преобразуется в интеллигибельный акт — "возрождение разумения", в соответствии с "*Corpus Hermeticum*". При этом *Амор* есть "*Seigneur de la noblesse*" — это имеет двойной смысл: как "Господин благородства", так и "Государь благородных". "Благородство" же, стимулируемое Дамой, есть и совершенство как таковое, и начало действия в человеке "возможного интеллекта". Данте, цитируя Аристотеля,² говорит просто о "совершенствовании природы". При этом он использует категорию *обнажения*, символику нагой плоти: *Амор* — сила, освобождающая дух из его "жилища", делающая его "летучим, нагим, лишенным скорлупы".³

Главная тема "Адептов Любви" — тема раны, кризиса, потрясения, за которым следует начало *Новой*, преобразованной жизни, имеющей андрогинические черты. Де Барберино⁴ говорит об *Аморе*: "В его природе — сила удара; кажется, что это смерть, но это высшая жизнь". Речь идет о некоей инициатической иерархии — на одной из гравюр можно найти изображение как бы степеней любовного опыта. Мы видим симметрично, в ряд расположенные мужские и женские фигуры, разбитые на пары и поверженные на землю.⁵ Мужчины и женщины пронзены стрелами, при этом некоторые из пар

---

¹ В инициатической традиции это *puddhi*; помимо всего прочего "Великая Богиня" присутствует в бытии как *buddhi*, "и через нее происходит высветление (иллюминация, *djotanashila*) природы" (E.Avalon. *Hymnes to the Goddess*. cit., p.130).

² *Convivio*. IV, 16; XII, 4.

³ Ricolfi. *Rapimento e iniziazione*. cit., p.358.

⁴ *Regimento e costumi delle donne*. p.V.

⁵ Гравюры см.: Valli. *Op.cit.*, p. 247; тж. F.Da Barberino. *Documenti d'Amore*. ed. Egili, Roma, 1905-1924, III, pp.407, sq. — *Tractatus Amoris et operum ejus*.

или поднимаются с земли, или уже встали. Те, кто встал, держат в руках розы — символы инициации. Около последней, совсем прямой, пары мы видим надпись: "Их смерть стала жизнью". Дальше уже нет ни мужчин, ни женщин, но только фигуры — *Амора* на белом коне, держащего в руке розы, и андрогина, возле которого надпись: "Амор, проведя нас высшим путем брака, соделал из двух одно". Возможное объяснение гравюры очень просто: кризис и смерть, преодоление их через союз с женщиной и взаимное достижение андрогината "высшим путем брака". Обратим внимание, что андрогин на гравюре — тот самый герметический *Rebis*, о котором мы уже говорили. Кроме того, *Амор* находится как бы в восходящем полете (*raptus*); это подчеркивает его трансцендентность. Еще один "Адепт", Николо де Росси, говоря о "степенях подлинной любви", утверждает, что вершиной ее является экстаз *qua dicitur excessur mentis*, то есть выводящий за пределы разума. При этом он добавляет: "*sicnt fuit raptis Paulus*" — любовь уподоблена восхищению Апостола Павла до третьего неба, описанное в его Посланиях. Итак, любовь есть духовное откровение, ведущее на сверхличных и сверхрациональных уровнях бытия.

Добавим, что Данте называет *Амора* "повелевающим жизненными началами", то есть *натурой*, *уип*, пассивной стороной бытия. С ней он даже в какой-то мере отождествляет себя, а любовь уподобляет Богу: "*Esse Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi*".¹ Пробуждение по-разному именуемого высшего начала — "возможного интеллекта", *vous*, "благородства", "принципа Шивы" — устанавливает новую иерархию внутренних сил человека. Согласно *Convivio*, тексту скорее доктринально-аллегорическому, чем почитательному, "чудесная дама добродетели" пробуждает "вкус к правде", побеждает и разрушает все неправое и лживое. Она источает огонь, "воспламеняющий внутренние достоинства", огонь, "имеющий силу обновлять природу, созерцать эту даму, и это

---

¹ "Се Господь сильнее меня, который приходит повелевать мною". *Vita Nova*. II, 4.

чудо".¹ "Спасение", тождественное пробуждению внутренних сил, может вести к инициатическому бессмертию. Мы уже упоминали о корнесловии *Амор* как *Амор, бессмертие*, поправление и разрушение смерти, что было подробно разработано провансальским поэтом Жаком де Безье; о любящих говорится как о "тех, кто не умрет". В будущей жизни они пребудут "во славе и игре".² В любом случае "Адепты Любви" считали даму сердца" принципом высшей жизни, а отделение от нее — печатью и тенью смерти.³ Вот слова Секко д'Асколи:

"До третьего я был возвышен неба,
До недр Ея, но я не знал где, я.
От века я сильнее не знал блаженства.
Даровано вещей уразуменье,
Спасенье, жизнь — и все в ее глазах...
Я в них и доблесть зрел, и добродетель.
Потом Она исчезла, и тогда
Крыло меня накрыло тени смертной..."⁴

Коснемся еще двух аспектов творчества "Адептов Любви". Первый — символика чисел. Известна роль числа "3" у Данте, в частности, в *Vita Nuova*. Второе символическое число — три в квадрате, т.е. "9". При первой встрече Беатриче было девять лет. Это можно толковать по-разному; многие толкуют буквально. В 9 часов утра она "приветствует" его, то есть "дарует спасение"; в 9 утра его посещает описанное выше видение. Само имя

---

¹ *Convivio*. III, 2, 8.

² A.Ricolfi. *Studi sui Fedeli d'Amore*. cit., v.I, p.61. Ср. у современного православного автора: «Те, кто верит в определенного Бога (сейчас я буду говорить с точки зрения христианина) будут искать осуществления брака по таким образцам, которые нам даны в христианской Церкви: брак как единство, брак как образ вечной жизни. О браке как единстве я уже упоминал. И, кроме того, есть вечное измерение в браке, которое, может быть, лучше всего выразил французский писатель Габриэль Марсель. Он пишет: "Сказать человеку "Я тебя люблю" — то же самое, что сказать ему : "Ты будешь жить вечно, ты никогда не умрешь".» (Антоний, митрополит Сурожский. Тайнство любви. Беседа о христианском браке. Изд. "Сатис", 1994).

³ Данте: "Эта женщина, духовно ставшая единой с моей душой" (*Convivio*, III, 2): "оставление женщиной есть отлучение от спасения" (*Vita Nuova*. XXXII, 6.).

⁴ См.: ACESSANDRINI. *Secco d'Ascoli*. Roma, 1955, p.195.

Дамы, по Данте, "не может иметь иного числа, кроме числа 9". Этим числом он характеризует и длительность своей болезни — болезни явно духовно-инициативной.¹ Так происходит потому, что "тройка есть корень девятки, ибо, умноженная сама на себя, дает девять". Поэт, будучи христианином, ссылается на Пресвятую Троицу, которая "есть чудо сама по себе". И далее — "Моя Дама повсюду сопровождается числом 9, и это тоже чудо, ибо корень чуда — всепочитаемая Троица".² Вообще, в кругах, к которым принадлежал Данте, символизм числа "3" имел особое значение. Кстати, это происходит повсюду. В китайской традиции три — число *yang*. Оно образуется, когда Единое соединяется с женской сущностью, имеющей число "2". Это и есть воссоздание единства.³ В древнем Египте "три" — число *грома* — а также жизненной силы и невидимой сущности самого человека, его *Kha*. У китайцев *yang*, кроме того, атрибутируемо числами "9" и "81" — последнее, как мы об этом еще будем говорить, имеет особое значение и в даосских чисто сексуальных практиках. Девятка — усиление тройки, а 81 — "совершенная сила". Но это число, по Данте, находится уже по ту сторону "чудесной Дамы" — в *Convivio* (IV, 24) говорится, что семьдесят один год — возраст, которого достигают совершенные. Данте утверждает, что до этого возраста дожил Платон и дожил бы Иисус Христос, если бы не был распят. Он упоминается и в других традициях — в этом возрасте будто бы скончался Лао Цзы. Как известно, в герметизме становление Тернера рассматривается следующим образом. Второе начало, бинер, двойка, есть *женское*, она обуславливает развертывание и есть сила-в-себе, участвующая в становлении "благородства". То есть это герметический эквивалент "дамы

---

¹ *Vita Nuova*. II, 1; III, 1; XII, 9; VI, 2; XXII, 1.

² *Ibid.*, XXIX, 3.

³ Дорн (*Clavis philosophiae chemicasticae* в *Theatrum Chemicum*. v.I, p.214-215.) ссылается к Тернеру — соединению Единицы и Бинера. Бинер есть отчуждение человека от самого себя, а "Тернер" (Тройка) — возвращение к простоте Единого... Это восхождение хорошо известно повсюду, где присутствует Тернер; отвергая Бинер и восходя к Тернеру, мы поднимаемся к истоку Единого".

сердца", Беатриче, который не может быть исчерпана числом "3". Беатриче умерла 9 июня. Данте отмечает, что в Сирии июнь — девятый месяц, а смерть ее — "исполнение совершенной девятки", то есть числа "81", на восемьдесят первом году XIII столетия.

Так что же такое смерть Беатриче? Здесь мы и сталкиваемся с загадочным вторым аспектом тайнописи Данте. И Перес, и тем более Валли¹ отмечали связь между ее смертью и смертью библейской Рахили. Вспомним, что святой Августин, а за ним Ришар де Сент-Виктор писали о смерти Рахили как о символе, экстазе, восхождении, *excessus mentis*. Валли также предполагал, что в *Vita Nuova* смерть Дамы это такая же "аллегория преодоления феноменов, символ духовного восхождения, чистого созерцания, то есть мистического самоосуществления души, теряющей себя в Боге.² Нам, однако, такое толкование не представляется убедительным. Оно не только бесплотно и пронизано внетелесным мистицизмом, что в целом необходимо для "Адептов Любви", но еще и как бы выворачивает все наизнанку. На самом же деле смерть Дамы — заключительная фаза опыта, начинающегося "приветствием". В XXVII главе *Vita Nuova* мы находим тому подтверждение. Сообщив о смерти Беатриче, Данте добавляет загадочные слова: "Мне не подобает говорить об этом событии, ибо, говоря о нем, я должен был бы воздать хвалу самому себе". Получается, что смерть Беатриче как бы возвращает ее славу ему. "Мистическое" толкование Валли здесь не подходит: если бы речь шла об уничтожении ментала (по индийской йогической терминологии — *manas*), то никто из "Адептов Любви" не говорил бы о влиянии как Дамы, так и *Амора* на любящего. Кроме того, смерть, если толковать ее как мистическое "затопление корабля", то есть погружение, постигала бы не Даму, а самого "Адепта Любви". Здесь же все наоборот: Дама умирает *во славу* "Адепта". Получается совсем противоположное — женское начало уже *преодолено*, оно не нужно — осуществлена полная реинтеграция. Это

---

¹ Valli. *Op. cit.*, pp.94-99. F.Perez. *La Beatrice svelata*. Palermo, 1899.

² *Op. cit.*, p.100.

именно то, что в герметизме именуется "работой в красном". Опыт любви — "работа в белом", а пережитая в самом начале "смерть" — "диссолюция" или "работа в черном", *nigredo*. Иначе говоря, экстатическое откровение любви завершается восстановлением тотальной вирильности. В соответствии с герметическими правилами, "Даму" следует символически убить, ибо "Адепт Любви" был ею же убит прежде, а теперь должен возродиться. И, как следует полагать, здесь — "полнота девятки": следом за смертью Беатриче Данте говорит о наступлении восьмидесят первого года.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: если в христианской мистике душа — "невеста" Небесного Жениха, то в литературе "Адептов Любви" все наоборот — речь идет о посвятельном опыте мужской сущности.¹ Мы вообще могли бы говорить о них как об особой организации — но не мистической, а только инициатической. Очень значимая деталь: предполагаемый глава этой организации Гвидо Кавальканти связывал область пребывания *Амора* не с Венерой, а с Марсом — "он обитает на Марсе и спускается к нам оттуда". Похоже, Данте разделял эту установку.

Вообще же, на "Адептах Любви" мы так подробно остановились потому, что мотивы их творчества пронизывают и литературу, и жизнь до сих пор, в том числе и область профанической любви. Кнут Гамсун писал о любви, "способной умертвить человека, возродить, а затем вновь и вновь исполнять сиянием". Стендаль описывает действительно происшедший с ним случай, который он называет ударом молнии: "Высшая сила моего желания возвела меня к себе самому и к высшему разуму". У Гете Вертер, чувствуя дыхание Лотты, признается: "Оно для меня как удар грома". Надо полагать, у "Адептов Любви" присущие литературе воззрения на женщину выражены наиболее полно и обобщенно. Именно полно, именно обобщенно — вспомним, обо всем этом мы ведь уже говорили в связи с профани-

---

¹ Кстати, в суфизме то же самое. Божество почитается как женщина: это не "Небесный Жених", но "Невеста" или "Возлюбленная". Эти мотивы мы встречаем у Атара, Ибн Фарида, Джелаледдина эль Руми и т.д.

ческой любовью: *caritas* и смерть, значение сердца, его оккультный смысл ("самая тайная клетка сердца" по Данте, или "сердечное место"), очищение сердца и превращение в "сердце благородное", приближение к тайне троичности через воздействие "чудоносной жены", *segno di nobilitate*.

Подведем итоги. "Адепты Любви" не только и не столько эстетически и реалистически обобщили опыт любви к женщине, сублимируя его в стихи, сколько дали символическое описание доктринальных абстракций и персонификаций категории Гнозиса ("Святой Премудрости"), хотя и оживляемого образом женщины. Подобную точку зрения высказывал не только Валли, но и Р.Генон, и А.Регини. Они упоминали "Адептов" в связи с историей очень широкого мистического круга неоплатонической ориентации, включающего Дж.Бруно и даже арабо-персидских поэтов IX-XIV веков. Без "Адептов Любви" этот список не полон. Для них, "Адептов", альтернатива "земная и гностическая женщина" должна быть к конечному счету предопределена и открыта возможность эвокативных и инициатических соединений с оккультным принципом женственности в его предельном, сверхматериальном аспекте по ту сторону собственно половой магии, в предельных проявлениях непрофанического *эроса*. В самом начале мы говорили об этом как о *третьем* пути в области пола, то есть об аскетической или йогической трансмутации силы пола.

Но даже при таком, сверхприродном использовании этой силы следует отдавать себе отчет в существовании двух фундаментальных женских архетипов — Деметры и Дурги. Если идти по первому пути, то есть принимать деметрический архетип за посвятельный, то как сакральное начало адепт почитает материнство. Насколько мы знаем, на поклонении инициатической матери *τῆ μητρὶ τελοῦρη* было основано пифагорейство; не случайно после смерти Пифагора его жилище было преобразовано в святилище Деметры.¹ Главной мифологической фигурой в этом случае является Небесная Дева или Божественная Мать — посредница. Но есть и дру-

---

¹ См.: *I Versi d'Orfeo*, ed. G. De Sanctis, Roma, 1955.

гой путь, путь Дурги, то есть слияние с афродической женской бездной — это путь утрат и потерь, путь страдания и преодоления всего материнского и земного, под знаком звезды, озаряющей дорогу собственно к Великим Мистериям древности.

Приложение к V главе

48. О смыслах "шабаша" и "черных месс"

В приложении к уже сказанному о пробуждении сверхчувственного через эрос добавим известное нам о том, что обычно называют "шабашем" и "черной мессой".

Средневековая демонология — область, безусловно достойная исследования. Однако ни теологи, в частности сами инквизиторы, относившие изучаемые проявления к чистому сатанизму, ни ученые, для которых все это или просто курьезные предрассудки, или истерико-психопатические симптомы, не дали полных ответов на поставленные этими явлениями вопросы. Психиатры и психоаналитики стремятся упразднить все мистико-теологическое вообще и путем экспериментов прийти к соответствующей терапии, избавляющей своих пациентов от демонических влияний и контактов. Но именно здесь в наибольшей степени проявляется узость так называемого "научного" или "позитивного" знания. Врачи часто избегают помогать людям действительно больным, но почему-то, когда дело доходит до "сверхчувственного", они поднимают настоящий гвалт. Начинается война с одной единственной целью — прекратить или вовсе "запретить" указанные проявления без всякого осознания их природы, их глубинной экзистенциальности проявлений. И тем не менее конструкции, изобретаемые для лечения болезней, "не работают", а

отсылки к психопатическим исследованиям "провисают".¹

Во всем, что касается так называемого "шабаша", следует отделить множество предрассудков и предвзятостей от подлинных черт внутреннего опыта, повторяющихся и становящихся типичными. Прежде всего пробуждение этого опыта связано с употреблением некоторых веществ, аналогичных приворотным зельям. Часто это те же самые афродизиаки, наркотические и психотропные вещества — в текстах упоминаются белладонна, опиум, аконит, четырехлистник, белена, листья тополя, некоторые сорта мака; часто для приготовления соответствующей смеси используются животные жиры, создающие сугубое действие. Результат двойной: с одной стороны глубокое забытие, в котором рождаются сияюще-странные видения, с другой — пробуждение силы пола и возведение ее до экстатико-визионерского уровня. Некоторые исследователи отмечают и ритуально-посвятительные элементы этой практики. В частности, в одном из текстов сказано: "Приготовляя смесь, не забудь призвать демонов ее состава и совершить магические церемонии, им угодные".² Эти слова содержат свидетельство того, что не само по себе вещество служит носителем демонической силы, но тайно придаваемая ему человеком "направленность действия". Призвание демона как таковое является "стержнем" совершаемой операции. Не материя сама по себе, но именно символическая церемония дает силу, с которой участникам "шабаша" предстоит иметь дело. В этом, кстати, различие между обычным использованием афродизиаков

---

¹ Сегодня картина на первый взгляд противоположна. Огромное количество самозваных "целителей", "магов" и "экстрасенсов" почти опрокинули "традиционную науку". Однако по существу они точно так же не открывают, с кем конкретно имеют дело, низводя все до безличных "энергий". Речь поэтому идет о двух сторонах одной и той же "профанической" науки, как бы сегодняшние ее манифестанты ни отмежевывались от "профанизма" (Прим.перев.).

² Cf. I. De Nynauld. *De la lycantropie, transformation et extase des sorciers*. Paris, 1615; *Les ruses et tromperies du diable deseouvertes, sur ce qu'ie pretend avoir cuvers les corps et les âmes des sorciers, ensemble la composition de leurs onguens*. Paris, 1611, (apud. De Guaita. *Op.cit.*, v.II, p.172-174). Эти книги содержат большое количество описаний подобных магических смесей.

и психотропных средств и собственно пробуждением опыта "шабаша". Еще характерный признак — коллективный, групповой характер как призывания демона, так и всей последующей практики.

Еще Иоганн Виерус в своей книге "Daemonomania" выражал сомнения в подлинности опыта Бодэна из-за того, что "сверхъестественный" опыт последнего (встречи с "дьяволом") был пережит в состоянии бреда или транса при неподвижном состоянии тела. Бодэн же утверждал, что бывал на "шабаше". Геррес рассказывал об опытах, проведенных в XIV веке одним из бенедиктинцев (по некоторым сведениям, самим Гассенди) над лицами, привязанными к своим постелям, — им давали снадобья, "ведущие на шабаш". Все они были погружены в глубокий сон, каталептический или летаргический — ни огонь, ни уколы не могли разбудить их. Информация, полученная в результате опыта, была такой: чтобы "попасть на шабаш", надо было не только употребить соответствующее зелье, но и произнести формулы — только тогда, погрузившись в сон, подопытный "отправлялся по назначению". Можно, конечно, дать самое простое объяснение — в состоянии бреда подопытному казалось, будто бы он попадает на эротическую оргию. Однако, если встать на "индийскую" точку зрения, то очевидно, что речь тут идет об измененных состояниях и переходе на более "тонкий" план, а вовсе не только о бредовых фантазмагориях. Уже цитированный де Нино отделял составы, употребление которых просто вызывает опьяняющее, делириозное или бредовое состояние, от действительно "ведущих на шабаш", что никакого отношения к субъективным галлюцинациям не имеет. Напротив, налицо совершенно реальное пребывание человека сразу в двух местах. Подобное явление, вызванное, конечно, совершенно иными обстоятельствами, описано и в житиях христианских святых.¹ "Двойное пребывание" в случае употреб-

---

¹ Например, об аскете Миларепе известно, что телесно находясь в одном месте, он своим тонким телом пребывал на "собраниях невидимых существ" на святых местах: такая практика называется *phowa*. (См.: *Vie de la Milarepa* trad. du lama Kazi Dawa Sampud. éd. fr, Paris, 1955, p 68).

ления наркотика часто бывает таким: человек неподвижно лежит в постели, но придя в сознание подробно, описывает места, которые посетил (см. у Герреса). Полностью исключить чисто "психическое" происхождение описываемого местностей, вроде того, что происходит у шизофреников, конечно нельзя, речь явно идет о явлениях *sui generis*. Нельзя также исключить, что в средние века еще сохранились остатки древних экстатических культов, кульминацией которых были половые акты, — они-то и составляли основу "шабаша". Известно, например, рогоносное божество Цернунос — его скульптурное изображение было обнаружено под фундаментом Собора Парижской Богоматери, который, таким образом, можно считать посвященным на самом деле именно этому божеству. Известно, что адепты этого божества во время своих церемоний переживали подлинный транс, "просветление", как они утверждали. Смерть они всегда встречали спокойно, уверенные в том, что наследуют вечную жизнь. Молодые женщины, принадлежащие к их числу и "приводимые в восхищение" Цернуносом, считали шабаша в его честь "высшей религией" и шли на казнь радостно, внешне напоминая первых христианок.¹

Вообще по своему содержанию и всплывавшим в ходе церемоний архетипам "шабаш" очень напоминает разнообразные античные культы.

Если угодно, можно говорить о коллективном бессознательном, переходящем на тонкий план и в соответствующих ситуациях рождающем одни и те же сходные образы: это свидетельствует о том, что никакое вытеснение на индивидуальном уровне не способно их уничтожить, а следовательно, ни одна из "регулярных" традиций не имеет той внутренней силы, какую имели древние Мистерии. Наложение новой, христианской традиции исказило их первоначальный образ. В этих обстоятельствах древние воспоминания приобрели "антиномический", "сатанинский" аспекты. Сквозь призму нового культа более древний выглядит как демонический — так часто бывает в истории религий.

---

¹ Cf M.Murray. *The God of the witches* Sampson. Low, 1933.

"Остаточные движения" подсознания очень легко представить как враждебные, демонические, даже сатанинские влияния. Фантасмагорический, пестрый мир "шабаша", разумеется, никак не соответствовал "добрым нравам", входившим составной частью в сценарии, разработанные Святейшей Инквизицией.

Наконец, следует упомянуть об образах животных — участников этих фантасмагорий. Их появление связано с очень глубокими "дочеловеческими" аспектами и возможностями бытия. Это может быть тождественно пробуждению тотемических черт, особенно ярко проявляющихся у "примитивных" народов, — появление своего рода "росписи" тотема, связанного с определенным этносом. Но может быть и свидетельством вырождения, складывания "антиформ". Однако и в том, и в другом случае все это очень напоминает дионисийское "освобождение" в античных посвятительных эротико-оргастических ритуалах.

С. де Гуайта, основываясь на свидетельствах ряда авторов прошлых столетий — Буге, Н.Ремигуса, Бодэна, Дель Рио, Бинсфельдиуса, Дона Кальмета и др.¹ — описал основную структуру "шабаша" следующим образом. "Королева шабаша" — обнаженная молодая женщина необычайной красоты — появляется верхом на черном баране. Затем происходит посвящение одной из участниц, девственницы. Не кто иной, как козел, совершает над ней обряды, известные в тантре как *nyâsa* — затем ее или "помазывают" некоторым веществом, или просто насилуют на жертвеннике. После этого начинается свальная оргия — все совокупляются со всеми — без различия родственных связей, пола, естества и т.д. Оргией руководит новопоставленная "жрица". Сам же козел, возвышаясь надо всеми, постепенно превращается в человекообразное существо — "духа земли", воплощение плодородия. Затем и это существо приобретает черты птицы — символа "освобождения" участников сборища. Так происходит "пробуждение демона свободы" (характерно, что в Риме одним из имен Диониса было

---

¹ S. de Guaita, cit., v.I, pp.154 sqq. Библиография содержится в книге *Le Temple de Satan*, p.156-157.

Liber). Этот демон раздает участникам лепешки, пародируя Причастие. В конце "королева шабаша" произносит: "Молния Бога, порази нас, если осмелишься!" В XII веке в Славонии подобная формула произносилась еще более откровенно: "Сегодня мы объявляем, что Христос побежден".¹ Объективная сторона совершающегося становится понятной, если мы добавим, что опыт телесно участвующих в шабаше совпадает с переживаниями тех, на ком проводились уже описанные опыты с зельями, эликсирами и ядами.² Отметим, что на некоторых "шабашах" пробуждали и призывали Диану, на некоторых — самого Люцифера — именно в его "светоносную" мужеподобную фигуру превращался козел.³ В германском мире центральной фигурой была *Vrowe Holda*. Ее свойства амбивалентны — она одновременно нежна и страшна, милостива и всесокрушающа — именно ей в наибольшей степени свойственны черты женского архетипа вообще. Это та же самая Венера, место ее жительства — "Лысая гора" или "гора шабаша", время пробуждения — Вальпургиева ночь. С христианской точки зрения это место и время всего греховного и демонического.

Ясно видно также, что козел — не кто иной, как *hircus sacer* "священный козел" — символическое животное, черты которого вобрал в себя Пан-Дионис. В египетских культах именно с ним совокуплялись молодые женщины. Фигура обнаженной женщины — нагой богини — традиционна для средиземноморских стран. Египетского происхождения, эта богиня встречается и в ритуалах некоторых сект у славян. Некоторые элементы общей структуры "шабаша" использовали гностики — так, известно, что Марк Гностик на специально подготовленном для этого "жертвеннике" дефлорировал молодых девушек, утверждая, что таким образом делает из них пророчиц. По свидетельству Плиния,⁴ в Риме ночные шабашы совершались на горе Атланте — там пля-

---

¹ См.: Taylor. *Op.cit.*, p.298-299.

² В частности, речь идет о совокуплении женщин с нечеловеческими существами. См.: Malinowski. *The sexual life of savages*. London, 1929, p.40.

³ Collum; в ж. "Eranos Jahrbücher", 1938, pp.257 sqq. (apud. przyluski, *op.cit.*, p.167).

⁴ *Nat. Hist.* V, I.

сали до упаду, освобождая таким образом стихийные силы пола, а затем совокуплялись — опять-таки все со всеми, — посвящая это действие древним природным божествам. Основу "шабаша" составляют именно ритуалы, развязывающие на тонком плане силы, дремлющие при господстве дневного сознания. Вообще фактически получается так, что, по сути, не имеет значения, совершается ли "шабаш" с участием "реальных" лиц и предметов, или исключительно на тонком плане — ведь подлинно реально человек пребывает именно там.

Мы показали, как и почему подобный опыт в сознании людей приобрел черты "дьявольщины". Отсюда становится понятным, какую роль сыграло для обретения "шабашем" этих черт теологическое осуждение сексуальности в христианстве.¹ Важно понять, что речь здесь идет прежде всего о восстании демонически-бесформенного против положительно-определенной религии, о ломке как переходе, преодолении, шаге от условного к безусловному. Любая форма ограничивает — в теистических религиях в виде догматики, предписаний, запретов и т.д. Поэтому преодоление формы может приобретать черты контррелигии или просто религии наоборот. В этом контексте интересна одна деталь. Согласно описаниям "шабаша", выражением "символа веры" его участников является целование в зад, в *obsculum sub cauda* самого "божества", его изображения или же "представителя", иначе говоря, козла. Однако, согласно некоторым свидетельствам, это не обязательно. Есть и еще свидетельства совсем иного содержания: никакого непристойного целования не было — целовали обратное, второе, *черное* лицо, расположенное на месте затылка, может быть, маску. В таком случае речь идет о голове Януса.² Символизм очевиден: если переднее, видимое лицо представляет внешние проявленные черты Бога, то обратное, черное лицо — "божественная без-

---

¹ Скорее наоборот — большую роль в усилении враждебности к жизни пола сыграло ее использование в черно-магических и прямо богоборческих целях. Дело тут, однако, не в самой силе пола, а именно в ее конкретном использовании — как и в случае, например, оружия, огня и т.д. (Прим. перев.).

² См. Taylor. *Op.cit.*, p.134-135.

дна", бесформенная и одновременно превышающая всякую форму. Это то божество, к которому приложима тайная формула египетских мистерий: "Осирис есть черный бог". Развита неоплатониками, эта формула нашла отражение и в ранней греческой патристике, в частности у Дионисия Ареопагита. Поэтому вполне возможно, что вместо упоминаемого непристойного колдовского ритуала имели место совсем иные формы восхваления бесформенного, превышающего всякую форму, и непроявленного божественного начала, "божественной бездны", "темного бога". Какими могли быть оперативные аспекты такого сатанизма, действительного или мнимого, сказать очень трудно — мы, однако, знаем о существовании большого количества "черных культов", среди которых говорят прежде всего о черных мессах.

О последних мы знаем очень мало, так как они очень редки, да и вообще их существование под вопросом. Предполагают, что в них практикуется дьявольское превращение католического ритуала. При этом все дошедшие до нас сведения — о кощунствах, гротесках и ужасах, подобных описанным в романтическом духе Гюисмансом. Цели — скорее магические, чем экстатические; в частности, таковы черные мессы, которые служила Екатерина Медичи. Многие напоминает черты Мистерии Афродиты — во всяком случае, переживаемое в "шабаше" на тонком плане прямо переносится на физический. "Мессу" помогает служить перед "алтарем" обнаженная женщина, которой в то же время она и посвящается. Ее основная ритуальная поза — руки, указывающие на ее пол, — как и у многих средиземноморских богинь. Детали самой "мессы" почти точно совпадают с "шабашем". Особенностью, но и самой ужасной, является принесение в жертву закалываемого младенца — в соответствии с древними кровавыми жертвами Великой Богине. Сама процедура структурно в точности повторяет евхаристическое приношение. Важная деталь: это обязательно должно совершаться только рукоположенным в Римской Церкви священником. В соответствии с католической доктриной только такое рукоположение дает силу на приношение Даров; ничто и никогда не может лишить священника этой силы. Со-

вершающий описанные действия продолжает носить свой сан в соответствии с *character indelibilis* римско-католического рукоположения. Только оно дает силу на реальное перевоплощение не только неодушевленной гостии, но и приносимых в жертву живых существ. Осуществленная таким образом "мистерия" должна и участвующую женщину превратить в женский архетип, в трансцендентную женщину, в "богиню". Пробужденные таким образом сверхчувственные силы затем используются в оперативных целях. При этом надо отметить, что создание особой техники богоборчества и противорелигии, основанной на использовании энергий бесформенно-нижней области, есть экстрема и в истории явление исключительное. Это и можно назвать сатанизмом в собственном, прямом смысле этого слова, отрицательно-уничижительном. Кроме католической традиции, антитетической по существу, таких явлений не встречается — половая магия не используется в целях перевоплощения смыслов, не есть двигатель антиномизма как такового.

В заключение отметим, что опыт "шабаша" с использованием соответствующей оперативной техники, как и вообще жизнь на тонком плане, не сводимая к личным сновидческим фантазиям, почти невозможна для современного человека. В атмосфере всеобщей материализации жизни личность вообще закрыта от чего-либо кроме своего сугубо личного. Не считая отдельных, исключительных случаев, единственный возможный психический опыт (если, конечно, брать нормальных людей) — это тот, который легко подвергнуть пошлым интерпретациям в духе доктора Юнга.

49. Доктрина андрогина в христианской мистике

Говоря об Иоанне Скоте Эригене, мы видели, что доктрина андрогина существовала в христианской теологии. Очень явно проступавшая у Эригены и без сомнения разделявшаяся Якобом Беме, она оживает у неко-

торых менее известных мистиков и экзегетов, которые, оставаясь в рамках христианства, видели причину разделения полов в первородном грехе человека, созданного Богом по своему образу и подобию "мужчиной и женщиной", то есть андрогинном.

Мы уже видели, что каббалистическая экзегеза таким же образом толковала библейский мир вплоть до того, что Леон Еврей сближал его с "Пиром" Платона. Развивая близкие идеи, хотя и без прямых отсылок к Платону, исключительно на библейском материале, христианские авторы, начиная с Беме, предпринимали усилия, часто, впрочем, софистического характера, чтобы придать единство различным, часто противоречащим друг другу мотивам, содержащимся в Библии; порой это приводило к синкретизму. В книге Бытия, как и у Платона, говорится о первочеловеке-андрогине, однако разделение полов трактуется вовсе не как результат первородного греха; оно произошло до него по воле Самого Иеговы, ибо некий изъян в предшествующем семидневном творении показал, что нехорошо Адаму быть одному, и от него, в той же телесной форме, была отделена Ева. Таким образом, два поля существовали до грехопадения Адама, которому, как мы уже видели, никак нельзя придавать "сексуальное" толкование, а заповедь "плодиться и размножаться", как и предписание составить одну плоть с женой, расположены в Книге Бытия до описания собственно адамова неповиновения. Однако теория андрогината привлекала внимание стольких мистиков, что нет смысла искать в их трудах частных разногласий — главное, что мы находим ее в самой Библии. Несмотря на то, что его толкование^е очень позднее, Якоб Беме показывает знание не только герметизма как такового, но и разных его проявлений: символической терминологией алхимиков (в понятиях Серы, Меркурия, Селитры, Воды, Огня, Соли и т.д. выражены духовно-космические реальности). Это связано с тем, что Беме выводит проблему андрогината не из тайной еврейской теологии Каббалы; но из герметизма, прежде всего из доктрины о Rebis^е, и превращает традиционную тему в одно из многих независимых ответвлений

мысли в конечном счете мистериософского и гностического происхождения.¹

Толкование библейского мифа Якобом Беме следующее. Изначально бытие как таковое было сотворено андрогинным; оно объединяло в себе мужское и женское начало (именуемые Беме Тинктурой Огня и Тинктурой Света). Сон Адама — это не состояние, в которое тот был погружен, когда Бог пожелал извлечь из него Еву, но символ самого первородного греха; Беме делает намек на первоначальное состояние Адама, который, отяготившись своей свободой, отпал от Божественного мира, "прельщенный" природой, "оземлился" и начал деградировать. Некоторые последователи Беме отождествляли этот "сон" с охватившим Адама головокружением, когда он увидел совокупляющихся животных и пожелал того же. Появление полов — следствие этого первоначального грехопадения. Оно было Божественным лекарством, когда Бог, увидя состояние обездоленности и желание, охватившее падшего отныне Адама, дал ему жену, Еву, дабы избежать худшего.² Леон Еврей указывал, что первоначальной задачей человека было не разложение, но созерцание Божественного, дававшее ему бессмертие без какой-либо необходимости плодиться. Человек по своей вине стал смертным, и тогда Бог даровал ему способность самовоспроизводиться и Еву как соучастницу в этом — дабы род человеческий не исчез.³

Согласно Беме, случай с яблоком и змеем (собственно грех, согласно каноническим текстам) был уже вторым грехопадением, второй его фазой. Вот как о происхождении Евы по этой теории в изложении ученика Беме Й.Й.Вирца: "Увидев животное совокупление, Адам породил Еву своей мысленной силой как магический образ (можно сказать, как своего рода "лихорадку желания" — Ю.Э.), который он сам же спо-

---

¹ В книге Е.Бенца "*Der Mythos der Urmenschen*" (München, 1955, собраны основные высказывания христианских мистиков касательно андрогината. Большинство использованных здесь цитат заимствованы из этой книги.

² *Ibid.*, p.50-65.

³ *Dialogue d'Amore* p.432.

добил земной субстанцией; Бог вмещался в этот процесс на последней его стадии — вдохнул в Еву "дыхание жизни", дал ей подлинное существование, чтобы двое стали одним.¹

Во всех этих построениях мы находим характерную дихотомию женского начала, соответствующую доктрине Софии, божественной Девы. Нераздельное бытие начал внутри самого себя соединяется "священным и тайным браком" со "светящимся телом небесной девы Софии"; тот, кто осуществил такое сочетание, способен сообщаться с Богом и управлять любым чудом.² Г.Гихтель говорит о Софии как о "свете с душой огня", о самостоятельном бытии, могущем быть отождествленным с "Fiat" (Да будет... — прим. перев.), которым Бог создал каждую вещь,³ то есть с Его креативным могуществом, которое можно сопоставить с символом Шакти. Ею питаются корни "Древа Жизни", а сама она — "Вода Жизни" (М.Хан). В этом наименовании мы находим совпадения с различными, уже упоминавшимися традиционными символами женского начала.⁴ В конце концов София была именована "Небесной Премудростью". Беме и Гихтель высказывали еще одну версию первородного греха: "Как и Люцифер, первый человек возжелал господствовать над Девой и тем самым оказался от нее отделенным; от прежнего единства остался лишь сухой, бесплодный огонь. Иные, подобно Готфриду Арнольду, отождествляли его с телесным желанием, оставшимся в человеке от утерянного духовного стремления к "тайной супруге".⁵ В любом случае мужчина, любящий разных женщин, на самом деле любит только Деву Софию: только ее желает, но эта любовь и желание объективируется в земной и телесной похоти. "Немощная" земная женщина всего лишь суррогат, и воссоединение, как бы предлагаемое ею, — иллюзия.

---

¹ J.J.Wirz. *Zeugnisse und Eröffirungen des Geistes*. Barmen, 1863, v.I, pp.215-216 (Benz, 240, 241).

² См. Benz, p.73 sqq.

³ I.G.Gichtel. *Teosophia practica*. Leyden, 1722, III, 2-4; VI, 29-31.

⁴ Benz, p.200-202, цитирует Хана: "Если бы Адам духовно владел своей супругой, Древом Жизни, на нем выросли бы плоды жизни".

⁵ Benz, p.126, 127, 129.

Беме считает затворение небесного Эдема, в котором растёт Древо Жизни, символом невозможности достижения цели существования через соединение земных полов; это то же самое, что тянуться рукою к плоду, который садовник из нее вырвал; потому человек смешивает Софию и Еву, Деву и *Matrix Veneris*, притягивающую ложным желанием.¹ Вирц рассматривает вращаемый меч Архангела, охраняющего сад Эдема, как должный подрубить корни животных желаний, чтобы открыть путь к подлинному восстановлению Божественного образа. Переходя к мариологии, он указывает на Божью Матерь как на Жену, дающую рождение не только Своему Сыну, но и душе.

Так, в продолжение библейского повествования, которое христианство вобрало в себя, доктрина андрогината есть ключ к загадке взаимоотношения полов. Франц фон Баадер произносит такие слова: "Над всеми своими противниками торжествует теология, понимающая грех как распад человека, а искупление и возрождение — как восстановление".² Однако, в принципе, доктрина Софии привела к дуалистически-пуританскому аскетизму: стремящиеся к Софии отвергли Еву, земную женщину. Одна исключила другую. Произошло отождествление Софии с Марией и с Самим Христом, Который, по Эригене, соединил в Себе оба пола; получается, что не только мужчина стремится к Софии, но и женщина, как будто она, София, и есть Единое. Все это привело к упрощенному религиозному мистицизму, в котором лишь иногда сквозят некие припоминания. Так было, возможно, у Гихтеля, близкого к эзотеризму — у него можно, среди прочего, найти доктрину тайных телесных центров, очень близкую к йогической и тантрической.³ Гихтель утверждал: "У нас имеется звездное тело, состоящее только из духовных элементов, которое есть слава Софии и которую оно своею славой непрерывно притягивает".⁴ Однако в целом внутри этого течения нет никаких следов конкретного инициатического

---

¹ Boehme. *Von der drei Prinzipien des Göttlichen Wesens*. XIII, 40.

² F.von Baader. *Gesamm. Werke*. v.III.

³ Cf. *Introd. alla Magia quale scienza dell'Io*. cit., v.II, pp.16 sqq.

⁴ *Theosophia practica*. V, 31.

использования области пола. Единственное, к чему они пришли, — это к оправданию идеализированного брака вместо его аскетического отрицания.

Это оправдание мы находим у одного из самых поздних представителей этого направления Франца фон Баадера. Он писал: "Цель брака как таинство есть взаимное восстановление небесного или ангельского образа, слепком с которого является и мужчина, почему он внутренне, духовно не есть самец, как и женщина — не самка, но вместе они воплощают в себе идею человечества".¹ "Не может не присутствовать, — добавляет Баадер,² — элемент священного в этом союзе, ибо он имеет целеположение превыше времени, в бытии вечно правом, тогда как все просто земное или временное не может быть облечено в одеяния таинства и не есть таинство". Так "высшее значение половой любви не может быть сведено к продолжению рода — оно в том, чтобы помочь мужчине и женщине в душе и духе восстановить полный человеческий образ, так сказать, образ изначально божественный".³ Этот андрогинный образ, исчезнувший после грехопадения, должен быть восстановлен, установлен и закреплён любящими, так что "двое не только воспроизводят себя в третьем, в ребенке, оставаясь сами по себе еще не возрожденными, но оба вместе внутренне рождаются заново как сыны Божии".⁴

Но вне абстрактной схемы Баадер не может указать подлинно посвятельный путь в этой области: христианский дуализм и асексуальный мистицизм остаются при нем. Так, например, мы встречаем у него необычную и даже комическую теорию противопоставления простого объятия любящих их действительно сексуальному соитию, которое, "взятое само по себе, должно было бы быть актом любви супругов, но на деле усиливает безлюбовный эгоизм, ведущий не к союзу — в лучшем случае к равнодушию, а обычно вообще к разделению двух бездуховных космосов, и в конце концов па-

---

¹ *Gesamm. Werke*. v.II, p.315.

² *Ibid.*, v.III, 306.

³ *Ibid.*, p.306.

⁴ *Ibid.*, p.308.

дению в бездну одного вслед другому (Wechselseitiges Ineinander-zu-Grunde-Gehen) в состоянии оцепенения — родной сестры смерти; таков животный акт, который через объятия любящих, через саму любовь может быть изгнан".¹ Баадер ставит это противопоставление в один ряд с противопоставлением христианской мистики андрогина "языческой" теории, в которой появляется образ гермафродита: "Что касается половых сношений самих по себе, то любовь из них изгнана — та самая религиозная любовь, которая одна оживляет любой свободный союз; и, что бы ни выдумывали языческие философы и натурфилософы, ничего общего с восстановлением андрогинной — целостной природы человека не имеет безлюбное, эгоистическое, оргиастическое влечение мужчины и женщины, озаряющее только самого себя с двойным гермафродитическим жаром; в такой паре мужчина и женщина ищут только своего удовольствия — женщина служит орудием для мужчины и наоборот; так удовлетворение полового инстинкта влечет за собой не только презрение к человеку, но и ненависть к нему".²

Во всем, что касается доктрины андрогината и метафизики пола в аутентичных источниках, мы легко можем найти несообразности и односторонности, характерные для взглядов Баадера и других цитированных выше авторов, у которых очень глубокое побуждение к пониманию природы влечения полов, основанное на всеобъемлющем мистицизме, сочетается с ясно ощущаемым христианским отвращением к сексуальному опыту. Как и другие теоретики, Баадер просто плохо понимает реальное значение такого опыта. Взаимный сексуальный эгоизм и ненависть любовников, охарактеризованные им очень жестко, действительно имеют место в профанической любви. Но мы уже видели, что в оргиастическом опыте, не менее, чем в других формах острого переживания полового союза, разрушение и саморазрушение выступают как фактор "взлома" индивидуальной оболочки и экзистенциально противостоят

---

¹ *Ibid.*, p.236.

² *Ibid.*, v. VIII, p.301-302.

эгоизму, *Selbstsucht*, как и фактор "ненависти", о котором также упоминает Баадер. У Баадера (как и у Беме) можно принять миф о первочеловеке, оторвавшемся от Отца, о превращении истинного "огненного" бытия в ложное и то, что это внешнее, упадочное существование должно быть превзойдено, уничтожено, должно исчезнуть. Но мы ничего не узнаем у них о том, как любить, чтобы мистериально восстановить Единое.¹ Общее направление этих авторов мало чем отличается от ортодоксального требования по возможности подавлять сексуальность как проявление животного, а в "чистом браке" любить в Боге, не обращая внимания на сексуальные особенности друг друга. Наиболее близкий к нам по времени представитель этого христианизированного течения, Н.Бердяев, в соответствии с русским менталитетом переводит проблему в эсхатологическое измерение, относя "восстановление небесного андрогината" к грядущей мировой эпохе.²

В заключение можно сказать, что этот круг идей не вполне совпадает с тем, что говорится у Платона; скорее наоборот: обращение к христианству и библейскому мифу мешает построению эффективной метафизики пола, точнее, доктрины, способной установить не только правила иерогамии, но и пути восхождения, причем не в мистической любви, а в конкретных сексуальных отношениях. Дело в том, что в христианстве доктрина андрогината представляет собой зерно, высаженное в совершенно иную почву, вследствие чего оно на этой почве не способно плодоносить. Точки зрения, которые мы можем здесь резюмировать, в целом сводятся к тому, что, если мы будем искать в Еве Софию, но пробуждать ее и соединяться с нею на мистическом плане, помогая ей осуществить свой женский архетип, стать "женой

---

¹ Как имеющее некоторое практическое значение, можно указать на отождествление Беме мужского начала с "огнем", а женского — со "светом", на мысль о том, что "тинктура огня пламенно жаждет плоти тинктуры света", и на то, что образование андрогина в половом объятии сообщает возгорание свету и озарение (освобождение) огню. Это считается "самым коротким путем" трансформации человеческой природы. Цит. по: C.A.Muses. *Illumination on I.Boehme*. New York. 1951, p.149-150.

² N.Berdiaeff. *Der Sinn des Schattens*. Tübingen, 1927, p.211-213. (Benz., p.219-292).

Бога", то мы войдем в пространство, где христианство испытывает сильные гностические влияния.

Походя заметим: было бы интересно проследить происхождение верований Мормонов, согласно которым человек не может достичь после смерти высшей, седьмой ступени блаженства и вступить в божественное бытие, если он не имел жены.

VI. ПОЛ В МИРЕ ПОСВЯЩЕНИЯ И МАГИИ

50. Трансмутация и воздержание

Мы уже упоминали о таком модусе полового поведения, как аскетическая трансмутация *эроса* ради соприкосновения со сверхчувственным.

Большинство аскетических и инициатических традиций основано на принципе "чистоты", то есть воздержания от соития с женщиной. Строго говоря, речь идет не о требованиях морали. Морализм предполагает вовсе "исключить" или же разрушить силу пола ("и суть скопцы иже исказиша сами себе царствия ради небеснаго", как говорит евангелист Матфей); такой подход ошибочен. Сила пола присуща самим корням личности, и стремящиеся ее просто уничтожить впадают в иллюзию. В лучшем случае им удастся подавить грубые проявления пола, но это приводит только к нервно-психическим расстройствам, на природу которых проливает свет современный психоанализ. Оказывается, что альтернатив только две: утверждение пола или его преобразование. И если для кого-то невозможно оперативное преобразование на духовном пути, ему нельзя ничего запрещать, это приведет к парализующим внутренним противоречиям, растрате энергии, опасным психическим сдвигам. История глубоко эмоционального христианского мистицизма предоставляет нам множество примеров.

В то же время возможности и перспективы внутренней трансмутации открывают реальный путь аскетической, инициатической чистоты и воздержания. Здесь нет речи об "исключении" энергии пола, но лишь об отказе от ее растрачивания в обычных телесных отношениях (в частности, в целях деторождения) с противоположным полом. Весь потенциал половой энергии оказывается сохранен, но "переключается" с "дуального" плана на иной. Хотя мы упоминали уже случаи, когда даже на "дуальном" плане *эрос* в отно-

шениях между мужчиной и женщиной стоит по ту сторону простого чувственного совокупления, "мистерия трансмутации" относится совсем к иному роду возможностей, внутренних оперативно-технических приемов. Это надо ясно сознавать, дабы избежать ошибок, так часто происходящих вследствие господства психоаналитического подхода.

Прежде всего, в эзотеризме говорится о силе более глубокой и элементарной, чем та, которую фрейдисты называют *libido* или *lustprinzip*; природа этой силы чисто метафизическая — мы объясняли ее в связи с мифом об андрогине.

Важно и то, что трансмутацию, имеющую целью высокие восхождения, не следует путать с сублимационными приемами, применяемыми в психоанализе для решения чисто личных сексуальных проблем отдельных людей. Психоанализ бессилён способствовать подлинной трансмутации, начинающейся с *корня*, он только "подправляет" периферийные явления обычной, профанной жизни, чаще всего связанные с патологическими случаями, которые нас не интересуют вообще. Когда речь идет о технике трансмутации, подобной йогической, имеется в виду подлинная трансценденция, преобразующая всю сущность данного человека, и действительно происходит высокое восхождение, к которому психоанализ никакого отношения не имеет. В этих случаях естественное переходит в сверхъестественное — происходит глубинное преобразование *эроса* — искаженное влечение к ближайшему "сексуальному объекту" не "выпадает в осадок" и не рождает психических расстройств. Когда духовное существо человека действительно направлено к высокой цели, сила пола преобразуется сама собой, без насильственного вмешательства и подавления. Так происходит у святых, мистиков и аскетов высокого уровня, которые после определенного периода самоуглубления и духовных упражнений уже не нуждаются в "умерщвлении плоти" и "борьбе с соблазнами" — к таким вещам они просто теряют интерес, влечение к женщинам исчезает, и все существо как бы выходит на более прямой, менее опасный путь. В этих случаях уже

нет пуританского гнушения сексом, но спокойное к нему безразличие.

Цели здесь противоположны целям аналитиков, стремящихся избавить сексуального невропата от комплексов или действительного заболевания и превратить в "нормального" человека, морально и социально адаптированного. Задача высокой аскезы — превращение "человеческого" как такового, полное перерождение личности, ее онтологического статуса. Оправдание аскетического, йогического или инициатического воздержания не в "морали". Мистериософия говорит о едином потоке с двойным приливом, символизируемым Океаном. Опускаясь вниз, он рождает поколение людей, вздымаясь вверх — поколение богов.¹ Это и есть двойственность и поляризованность силы пола. На тот же самый смысл указывает XIV аркан Таро, именуемый "Умеренность" ("Время"). Он содержит изображение крылатой женщины, переливающей некую жидкость из серебряного сосуда в золотой, при этом не проливая ни единой капли, — на устремленность этого образа к высотам указывает расположенный в углу цветок, вырастающий из солнечного диска.

Так мы подходим к понятию "течения вверх", *uphva-
retas*, используемого в оперативной терминологии йоги. Речь об этом пойдет ниже. Но следует отличать указанные высокие цели от иных, как бы "смешанных", связанных с жизнью конкретного человека, по тем или иным причинам принимающего обет *brahmacârya* — полового воздержания. То, что половые излишества могут вызвать нервно-психические расстройства и неблагоприятно сказываться на умственных способностях, интеллекте и характере, общеизвестно; но это только личные проблемы обыденной жизни данного человека. Применительно к этой жизни вообще трудно говорить о действительно серьезных последствиях сексуального опыта, по крайней мере, для большинства, вообще не понимающего трансцендентальных начал *эроса*. Что же касается так называемых излишеств, то, конечно, последствия их находятся в зависимости от

---

¹ Hippolyte. *Philos*, V.I, II.

способов полового общения. Но если говорить о растрате жизненной и нервной энергии и профанной сексуальной жизни, то с духовной точки зрения такая растрата не имеет никакого значения, ибо данная энергия все равно не будет использована в высоких целях даже при ограничениях половой жизни.

В индийской концепции *ojas* и *ojas-çakti* мы встречаем определенное приближение к истине, в частности, у современного автора Шивананды Сарасвати, хотя и у него заметны чисто моральные и гигиенические привнесения. "Семя, — пишет он,¹ есть динамическая энергия, которую следует превратить в духовную (*ojas*)", и добавляет: "Ищущий подлинного огня духовной реализации должен жить в строгой чистоте". Здесь следует сделать оговорку. Сила, о которой говорит Шивананда, может быть аккумулирована любой формой самоподавления и самоограничения. Ведь самый сильный соблазн производит именно чистая и недоступная женщина, следовательно, энергетика ее максимальна. И это касается вовсе не только секса. Шивананда признает, что и "гнев, и мускульная сила могут быть преобразованы в *ojas*".² Согласно известному с древности эзотерическому закону, подавление любого импульса, физического в особенности, освобождает энергию более тонкую и высокую; это в полной мере относится, разумеется, и к сексуальным желаниям. Результатом такого накопления *ojas* становится образование "магнетической ауры", вызывающей "священный ужас" — ее обладатель способен влиять на окружающих словом или даже взглядом. Та же самая энергия, *ojas* или *ojas-çakti* может быть использована для медитативных созерцаний или духовной реализации.³

Так же объясняется и существование в самых разных традициях полового воздержания для воинов, до сих пор повсеместно сохраняющееся среди так называемых диких народов. Цель такого воздержания — прежде всего сохранение физической энергии ради ак-

---

¹ *La pratique de la méditation*. Paris, 1950, p.276-277, 100, 278.

² *Ibid.*, p.278.

³ *Ibid.*

кумуляции сверх-природной, магической силы такой же природы, как и ojas, силы, необходимой для успешного ведения боя. Рассказ об этом находим в известном эпизоде Mahâbhârata.

От ojas, тонкой энергии, порождаемой самоконтролем над сексуальными и иными эмоциями, следует отличать vîrya — принцип собственно духовной мужественности, вирильности, распыление которой ведет к смерти, а сохранение — к жизни. Vîrya часто смешивают с силой семени, но в индийской оперативномистической терминологии это все же разные вещи. Мы уже говорили о "сосущей смерти, которая приходит вместе с женщиной", что в метафизической и аскетической перспективе означает лишение мужчины не просто его половой, нервной или жизненной силы, но самого его бытия, vîrya, трансцендентной вирильности. Именно потому аскеза — высшая степень мужественности. В ней проявляются особенности трансмутации как таковой — "течение вверх" потока, который при обычной природной половой жизни течет вниз; тот, кто практикует воздержание, меняет полярность этой силы. Такое воздержание как путь восхождения требуется прежде всего при занятиях оперативной магией; Элифас Леви указывает, что для "мага" нет ничего губельнее, чем половая похоть. Но, поскольку это требование чисто "техническое", то надо иметь в виду, что трансмутация половой силы и достижение чистой вирильности могут быть использованы и "в дурных целях". Если использовать очень приблизительную простонародную терминологию, то воздержание в равной степени помогает при занятиях как "белой", так и "черной" магией.

51. Техника глубинной трансмутации в кундалини-йоге и даосизме

Только поняв это обстоятельство, мы можем начать разговор о йоге в собственном смысле слова. Понятия мистики и аскезы в широком смысле и собственно йоги

отнюдь не тождественны. Под последней следует понимать совершенно конкретную оперативную технику, подкрепляемую точным знанием целей и последствий ее использования. Эта техника имеет многовековую историю развития. Любая йога — это всегда тайная доктрина "прямой трансмиссии" (то есть быстрого и прямого перехода на иной план). И хотя многие классические тексты переведены на европейские языки, написанное на Западе не дает возможности верно ориентироваться в данном вопросе и оставляет фундаментальные его аспекты закрытыми.

С одной стороны йога, прежде всего тибетская, всегда принимает во внимание и указывает способы преобразования именно силы пола, ojas. "Мистическая теплота", tumo, есть энергия, используемая для вызывания паранормальных психических и психологических явлений.¹ В то же время западные исследователи, которые этой "теплоте" придают только значение силы, пробуждающей kundalinî, не выходят за рамки чисто "прикладных" подходов. Поэтому представляется уместным рассказать о собственно индийских свидетельствах, содержащихся в текстах по тантрической кундалини-йоге, более точно излагающие не только ее практику, но и доктрину.

В тантризме следует различать собственно йогу и конкретные сексуальные практики, о которых мы еще будем говорить; это два различных пути, и каждый из них рекомендуется людям того или иного типа, в соответствии с их глубинной природой. Однако любому, кто стремится преодолеть условно-человеческое и способен к этому, рекомендуется следование sattva, светоносному принципу "бытия", царственному пути rajas, принципу прорыва, огня, перехода — это может быть или чистая йога без соединения с женщиной, или, наоборот, практики, основанные как раз на этом. В этой связи выделяются два основных человеческих типа — духовный ("божественный", "divin", divya) и героический (vîrya). Оба типа в конечном счете "шиваичны", однако следуют они разными путями одной и той же традиционной религии.

---

¹ Об этом см. W.Y.Evans Wenz. *Tibetan Yoga and secret doctrines*. London, 1935

Вообще для тантра-йоги характерен вопрос: "Зачем мне желать внешнюю женщину? Я имею женщину в самом себе".¹ Это отсылка к носимому в глубине целостного и каждого отдельного бытия женскому началу, именуемому в западном герметизме "нашей Дианой", "тайной Евой" или "Гебой". Согласно тантре эта богиня присутствует в человеческом организме полностью и сама по себе, как стихийная сила, носящая имя "Та, Которая Свернута" (именно так можно перевести слово *kundalinî*). Йога, о которой мы говорим, является чисто внутренней: соединение мужского и женского осуществляется внутри самого йогина без внешнего соединения с лицом противоположного пола — воплощением и символом женского принципа. Используется знание гиперфизической физиологии тонких сил и элементов человеческого организма, дремлющих под спудом дневного сознания. В частности, речь идет о двух потоках, у обычного человека разворачивающихся из противоположных концов организма и текущих по позвоночнику навстречу друг другу — *idâ* и *pingalâ*. Первый связан с негативно-женским началом, Луной, второй — с позитивно-мужским, Солнцем. Это — проявления диады или полярности элементов в одном, едином человеческом теле. С помощью сложной техники йогин останавливает эти потоки и по боковым путям направляет их так, чтобы они встретились. Происходит замыкание кольца, после чего происходит пробуждение *kundalinî*.

Мы уже говорили, что *kundalinî* представляет внутри человека Великую Богиню, изначальную Шакти. Это "светоносная" жизненная сила, структурирующая тело, тайно живущая в нем и являющаяся источником его тонких энергий. Она именуется "Той, Которая Свернута", дабы подчеркнуть, что в условиях обычного человеческого существования ее природа не проявлена; она

---

¹ Говоря об этом, кратко повторим уже сказанное нами в книге *Lo yoga della Potenza*. Цитируемые тексты взяты оттуда. Слова, приведенные в этой связи, совпадают с герметической формулой: "Hermaproditum poster Adamicus, quamvis in forma masculi appareat, semper tamen in corpore occultam Evam" ("Гермафродит наш Адам, хотя и явившийся в мужской плоти, но носящий в теле своем тайную Еву") (Magnet, *Bibl. Chemyca Curiosa*. v.1, p.417).

"спит" в сокрытом центре у основания позвоночника. Когда она проявляет себя, возникает связь между ней, огнем желания и сексуальной функцией.¹ Потенциальная, скрытая супруга примордиального мужчины в символике kundalinî изображается в виде змеи, обвивающей lingam-phallus Шивы.

В момент соединения двух встречных потоков kundalinî пробуждается и "разворачивается". Происходит обмен полярностей жизненной силы человека, и kundalinî начинает подниматься по спинному позвоночному каналу, именуемому sushumna, а также "путем Шакти", или, в буддийской тантре, "путем нирваны". Из этого места, где она располагается у профанов, kundalinî проходит в область макушки головы. Атрибуируя этой силе огненную природу, многие тексты сравнивают ее пробуждение с пожаром, который, распространяясь, пожирает и уничтожает всякую условность и ограниченность. Поэтому о sushumna говорится как о "молниевидной дороге" внутреннего соединения мужского и женского, которое происходит непосредственно в ее конце, в макушке. Происходит excessus — Шива и Шакти, бог и богиня соединяются в объятиях, происходит их полное преобразование и полное вхождение шактического начала в шиваическое, тождественное "великому освобождению", трансцендентному восстановлению и преодолению двойственности на космическом уровне.

Все отсылки к физическому организму человека не могут вводить в заблуждение относительно мнимого истощения телесного состава. В тантризме тело "космизируется", в нем действуют те же начала и силы, что и в мире в целом, в природе. Это вообще традиционные представления о соотношении микрокосма и макрокосма. Подъем kundalinî у йогина является составной частью сверхчувственного опыта, прохождением сквозь стихии, "элементы" (как и в древних Мистериях), сквозь

---

¹ В тантрических текстах присутствует идея о том, что воплощенная Kundalinî "играет в любовнике". Это упоминается даже в трактатах по профанической любви. В числе рекомендаций мужчине по очарованию женщины присутствует в числе прочего мысленное пробуждение Kundalinî в ее сердце, голове и "жилище бога любви" (вульве). См. R Schmidt. *Indische Erotic*. Berlin, 1910, p.676, 672.

множественность проявлений бытия, по-разному символически обозначаемых в разных школах — конкретно в йоге как центры, расположенные по оси позвоночника. Они приводятся в действие kundalinî по мере ее подъема.¹

В данной йогической практике основным является ключ к раскрытию глубинной энергии, ее оживление и затем оперативное использование в достижении основной цели. Сила kundalinî, которая у обычных людей служит их сексуальным импульсам и животному размножению, ведет йогина к "освобождению".² Существует как бы двойная полярность: полярное преодоление полярности пола рождает трансмутацию и пробуждение. Тексты особо настаивают на "хранении силы семени", vîrya; на "подъеме ее потока ввысь" (urdhvaretas), говорится о практике "обратного ее направления" (wjanâ-sadhâna).³ Об операции "направления семени в противоположную сторону" говорится в Упанишадах (см. Maitrî-Upanishad, VI, 33; Mahânagarayâna-upanishad, XII, I) и вообще в текстах по Хатха-йоге. В Dhyâna-bindu-upanishad (86) читаем: "Тому, кто сохраняет семя внутри себя, не следует бояться смерти." А вот Candilya-upanishad: "Или научиться побеждать bindu, или не преуспеть в йоге"; bindu — один из терминов, обозначающих оккультную силу семени, vîrya. Согласно учению и символике тантры, пока kundalinî спит, она преграждает доступ к главному пути, sushumna; иначе говоря, обычная сексуальность человека, связанная с деторождением, закрывает путь к инициатическому возрождению. Спящая kundalinî затворяет отверстие

---

¹ В одном из тестов содержится такое обращение к kundalinî: "Соединись в тысячелепестковом цветке лотоса со своим супругом после того, как, пройдя по ней, ты очистишь дорогу могучих людей, идущих по земле — от своего жилища через огонь, через воздух сердца, через эфир очищения — в месте разума, там, где творится тайна царства." Все это сказано об осевой линии позвоночника (G.Ticci *Teoria e pratica dei mandala*. Roma, 1949, p.136).

² *Hathayogapradîpikâ*. III, 107; см.тж. *Dhyâna-bindu-upanishad*. 43-47, центр, который следует контролировать, "привязывает и развязывает жизненные силы".

³ Принцип школы Nâtha-Siddha гласит: "Не знающий тайны обратного процесса не достигнет вечной жизни" (D.Das Gupta. *Obscure religious cults*. 1946, p.266).

для вхождения phallus'a Шивы, и семя возрождения не может подниматься вверх. В то же время говорится, что после того, как поток жизненной энергии перешел через две "боковые черты", закрывающие у обыкновенного человека ее прохождение, когда sushumna свободна и начинается подъем, условное течение времени приостанавливается и "вспыхивает огонь смерти".

Так происходит ломка границ уровней бытия, которое многие традиции именуют "инициатической смертью". "О, ты, поднимающаяся как шлейф молнии", — поется в одном из гимнов Великой Богине, уже цитированном нами.¹ Но такие практики связаны с очень большими опасностями: в одном из текстов сказано, что тот, кто пытается поднимать kundalinî без руководства опытного йогина, может не только пережить огромные трудности, но и умереть, причем не инициатической смертью, а физической. Поэтому kundalinî-yoga предписывает строгую дисциплину и самодисциплину, концентрацию ума и очищение тела. Только муж, подлинно являющий собой образ Шивы, способен выдержать, когда она, обнаженная, поднимается, и, более того, способен заставить ее действовать как это ему надо. Один из текстов называет ее вдовой, по причине ее отделения от Единого и движения к упадку — этот упадок надо оставить — соединить два потока ida и pingalâ, отражающих внутри организма метафизическую диаду. "Вдову" следует "обнажить" и овладеть ею силой. Тогда она начнет двигаться к своему высшему предназначению — и высшей точке оргазма.²

Для достижения своей цели kundalinî-yoga предусматривает развитую технику, как дыхательную, так и особых положений тела (âsana). Этот режим дыхания должен привести к способности управлять тонкими энергиями организма. Некоторые дополнительные подробности: помимо ida и pingalâ в текстах говорится также о двух других потоках — rgâna-vaуи и ârapa-vaуи. Каждый из них следует также направить в противоположную обычному течению направлении. Rgâna-vaуи относится к вдох-

---

¹ Avalon. *Hymns to the Goddess*. cit., p.35.

² *Hathayogapradîpikâ*. III, 109.

новению и поглощению жизненной энергии, ârapa-vaуи, наоборот, — к секреторно-эякулятивной функции организма. Эта йогическая операция называется viraḡita-kaḡanî — операция обращения (переворачивания).

Нетрудно понять, что часть операции, относящаяся к обратному направлению ârapa-vaуи, имеет в виду предотвращение выброса семени.

Принимая во внимание общий характер данной книги, отметим соответствие ему всего, что сказано выше о kundalinî-yoga. Речь здесь идет о "глубинном", внутреннем пути, который требует строгой чистоты и воздержания. В мире условных проявлений, в мире внешнем, женщина, Шакти, — всего лишь воплощение kundalinî; безвредно иметь с нею теогамические отношения можно лишь по прошествии аскетического пути, дающего возможность осуществить в самом себе принцип абсолютно и трансцендентно мужского, шиваического начала Vajra-dhara ("Скипетроносца" — по тибетской терминологии).

Не только йога, но и другие тайные традиции знают пути подобного превращения. Таков китайский даосизм, такова западная и восточная алхимия, выражающая те же самые смыслы на языке трансмутации металлов. Всякий эзотерический символизм принципиально поливалентен. Неудивительно, что алхимические, герметические схемы могут быть истолкованы также и в категориях пола. Такое истолкование, конечно, не обязательно, скорее, наоборот, его лучше избегать. Надо также иметь в виду, что, насколько нам известно, мастера алхимии, кроме Николая Фламмеля, до получения золота, жили в строгом воздержании. Впрочем, у нас нет на эту тему ясных свидетельств, хотя современные авторы и используют герметическую символику достаточно широко для толкования предметов в том числе и данного исследования. Наше отношение к данной проблеме уже высказано — толкование алхимического Великого Делания — opus transformationis — в чисто инициатической терминологии находится вне пределов этого исследования и составляет тему другой нашей книги.¹

---

¹ Evola. *La Tradizione ermetica*. Bari, 1949.

Что касается даосизма, то в нем, как и в тантра-йоге, предусмотрены оба пути — внутреннего, глубинного преобразования йогического типа и открыто сексуальных практик. Ко второму пути мы еще вернемся. Что же касается первого, то в даосских руководствах для следующих этим путем мотивы пола не проявлены ясно. Более отчетливо их можно увидеть в достаточно позднем тексте T'ai J Chin hua Tsung chich. На европейские языки это можно перевести как "Тайна Золотого Цветка".¹ В нем содержится много интересных совпадений с индийской kundalinî-yoga.

Этот даосский текст, как и вся китайская традиция, констатирует наличие изначальной двойственности yang-yin; при этом речь идет не о строгом разграничении между мужчинами и женщинами, но о двойственности "мужское-женское" внутри одного человека. У мужчины yang — собственно мужское, светлое начало локализовано в области головы и особенно глаз; yin — женское — составляет его темную изнанку p'o и располагается в нижней части тела, именуемой "пространство силы", что в принципе совпадает с индийским женским принципом çakti. Диада также проявляет себя как принцип hsing — бытие и ming — жизнь (проявления, множественность). Когда возникает индивидуальное существование "бытие и жизнь разделяются и более уже не встречаются" — если, конечно, не следовать описанным в тексте инициатическим путем собирания всех внутренних сил к "Великому Полюсу" (T'si chi), "Великому Единому" или "Состоянию вне двойственности" (wu chi) — это и есть воссоединение бытия и жизни yang и yin.

Экзистенциальный статус обычного человека таков, что "его Центр не защищен", женское начало yin, также именуемое "низшей душой", господствует над мужским yang или "высшей душой" и заставляет служить себе, направляя силы человека изнутри вовне, к феноменаль-

---

¹ Немецкий и итальянский переводы этого текста предваряет вступление психоаналитика К.-Г.Юнга, которое искажает основной его смысл. Подробный анализ "Тайны Золотого Цветка" содержится в работе *"Introduzione alla Magia quale scienza dell'Io"* (в сборнике "Gruppo di Ur"). Roma, 1956, v.II, p 422 sqq. см.тж. E.Rousselle. *Seelische Führung im lebenden Taoismus*. "Eranos-Jahrbücher", 1943.

ному. Такая направленность во внешний мир называется "прямолинейно перевернутой" и связана с рассеянием жизненной энергии и "изначального семени". Отправная точка восстановления — "заставить свет вращаться" (в других вариантах — "кристаллизация света"). Для этого рекомендуется духовное сосредоточение ("неподвижное созерцание", *chih Kuan*), а также, как и в йоге, дыхательные упражнения. После перенаправления "прямолинейно перевернутой ориентации" вовнутрь и достижения "внутреннего вращения" практикуется опускание сознания в "пространство силы". Там происходит прорыв на другой уровень бытия и достигается соединение двух противоположных начал "дистилляция *yin* и чистого *yang*". С возвращением к изначальному, "вне двойственности" бытию, "Золотой Цветок распускается" и рождается *kuai*. Этот термин можно перевести как "божественное активное бытие". Интересно, что иероглиф, обозначающий *kuai*, обозначает также гром; мы уже отмечали наличие в разных традициях связи между восстановительными мистериями, числом *три* и символизмом грома.

Господство-владение "изначальным семенем" и его удержание внутри — основной мотив предписаний данного текста. Хотя это и не указано буквально, все интонации и смыслы заставляют предположить тождественность этого "семени" и именуемого в индийской традиции *vîṅṅa*, то есть тайной силой вирильности, перехватываемой женщиной в минуты любви, когда мужское семя изливается в ее тело. Мы находим в данном тексте слова, именующие основной принцип всякой половой магии — принцип превращения яда в лекарство: "Говорят о соединении мужчины и женщины, от которого происходят сыновья и дочери. Но безрассудное растрачивание внутренней сущности телесных сил в необузданных удовольствиях губит энергию семени, а тем самым и тело. Мудрецы не знают иного пути сохранения жизни, кроме уменьшения наслаждения и сбережения семени".¹ Прежде, всего бросается в глаза основная даосская тема — тема долголетия, которую, как и в случае

---

¹ p.151 (tr.it.).

с алхимическими эликсирами жизни, можно также понимать символически — как тему реинтеграции, восполнения жизни как таковой, но можно и буквально. Предполагаемый автор текста, древний мудрец P'eng утверждает, что для достижения долголетия требуется соединиться с женщиной, однако он же оговаривает, что речь идет не о физическом половом соитии, но о соединении двух сублимированных начал — светлого, светового начала yang и влажной силы yin. Трансмутация происходит внутри самого человека, на внутреннем плане. Это, если использовать герметический словарь, — "операция в одной вазе", а не "операция двух ваз", как именуется связь с женщиной. В более древних даосских текстах говорится и о возможности последнего, однако главные предпосылки — те же самые, что и в "Тайне Золотого Цветка".

52. Пол в Каббале и Элевзинских Мистериях

Нам остается рассмотреть случаи, когда переход на экстатический, мистический и инициатический уровни осуществляется непосредственно через физическое соитие мужчины и женщины в особом режиме полового сношения. Иными словами, предстоит краткое обозрение методов "оперативной магии", имеющих хождение в некоторых кругах с более или менее схожим мирозерцанием.

Все подобные явления можно разделить на соития сакрализованные и ритуальные. В первом случае акцент делается на символику и космические аналогии, во втором — на чистую практику. Одно не исключает другого; более того, мы часто видим, что существует особый режим "трансмутации" и "пробуждения", предполагающий строгие технические предписания. Однако цели второго, чисто практического подхода, все-таки иные. Он предназначен не для участия в *sacrum*, то есть чисто культово-институциональной сфере, но для оживления сугубо личного опыта, используемого в этом случае, подобно

йоге, для "разобуславливания Эго". Здесь просто сознательно доводится до крайности все присутствующее и в обычной профанической любви. Изучение различных документов, принадлежащих маго-мантическим цивилизациям, и сопоставление их с наблюдениями даже над современной жизнью, свидетельствует, что некоторые знания и практики в этой области сохранились донныне.

Сюда, несомненно, относится кое-что из еврейской эзотерики, в особенности из хасидизма. В книге *Zohar* (I, 55, в) читаем: "Святой — да будет он благословен — не обитает там, где мужчина и женщина не соединены". Талмудическое изречение гласит: "Три вещи сами по себе по ту сторону мира — солнце, суббота и соединение полов".¹ И снова *Zohar*, (III, 81, а): "Царь ищет только свойственное ему. Вот почему Святой — да будет он благословен — живет только там, где все (как и Он) едино. Когда святой человек сотворяет в самом себе это единство, то Оно живет в этом человеке. А когда человек сотворяет единство? Когда он осуществляет с женой соитие (*siwurga*). Иди и смотри! В минуту, когда человеческие существа — мужчина и женщина — соединены, и мысли их святы, человек совершенен и без единого пятна и зовется единым. Человек должен ясно понимать, что есть для него женщина: он и она одушевлены единой волей, и оба они несут один дух. Потому и сказано: "У кого нет жены, нет половины его самого" (*Jebamoth*, 83). И если мужчина и женщина соединяются, то соединяются и в теле и в душе, и человек становится единым, и Святой — да будет Он благословен — обретает жилище в этом едином и единое духовно".²

Мы ясно видим здесь мотив андрогината, однако и половая магия как таковая не чужда каббалистам. Достойна упоминания секта "саббатриан" (*Sabbatiens*, не путать с одноименной русской сектой "субботников" — прим. перев.), основанная на доктрине Якова Франка. В кругах, близких к этой секте, распространено эзотерическое толкование "прихода мессии", который они понимают не как историко-политическое коллективно-на-

---

¹ *B'rachoth*. 57 b в кн. M.D.g.Langer. *Die Erotic in der Kabbala* Prague, 1923, p.30.

² Этот отрывок из *Zohar* цит. по Langer, *Op.cit.*, p 23.

циональное явление, но как внутреннее пробуждение, озарение на пути к Вышнему. Специфически сексуальный момент здесь состоит в том, что женщине вменяется мистическая сила мессии — соединение с ней дает пробуждение и спасение. Франк особо подчеркивал: "Я говорю вам, что евреи столь несчастны потому, что ждут прихода спасителя, а не Жены." Некоторым образом преломляя доктрину Шехины, саббатиане учили о "Жене" или "Деве" как женском архетипе, отражаемом в каждой конкретной женщине: "Ее сила присутствует в большинстве молодых женщин, но если она их покинет, то и они лишатся силы — уже своей". Для Франка она "дверь Бога, через которую можно войти в Него". И далее: "Если вы достойны принять эту Деву, в которой вся сила мира, то будете способны совершить Работу". Совершение "Работы" — сексуально-оргиастическая мистерия, после которой произносятся слова: "Посредством этой Работы мы приблизились к той, которая нага, без всякой одежды". Очень легко заметна здесь связь с "видением обнаженной Дианы", о котором мы уже говорили; в любом случае "милость" каббалистической Девы измеряется "градусом" (т.е. степенью посвященности) каждого участника.¹ Существовали и иные близкие по духу течения² — что происходило в их рамках, обычно не разглашалось. Конкретно в Саббатианстве среди прочих была распространена доктрина "мессианского таинства пробуждения" и достижения Единого — этим целям и служила оргия, средоточием которой было поклонение молодой обнаженной женщине. В этом легко увидеть остатки древних культов Великой Богини, таких как мистерии Иштар. Так же, как у тантристов школы Каула и средневековых европейских "Братьев свобод-

---

¹ См. Langer, p.30-44.

² Очевидно, каббалисты использовали практику, в чем-то близкую йоге, основанную на мистической и гиперфизической физиологии; согласно их представлениям, внутри человеческого тела присутствуют sephiroth'ы — метафизические начала, изучаемые в Каббале. Они изображаются в виде дерева с десятью ветвями, одушевляемыми силой, идущей от осевой линии; союз sephiroth — это союз мужского и женского, Отца и Матери, Супруга и Супруги, Правого и Левого. По центральной линии расположены sephiroth'ы, именуемые Kether (Провидение), Tiphereth (Красота), Jesed (Милосердие) и Malkouth (Царство).

ного духа", в этих еврейских кругах господствовало представление о безгреховности подобного "пробуждения" с помощью женщины. Это соответствовало и каббалистической доктрине о том, что человек не может быть наказан, ибо в противном случае "это означало бы, что Бог наказывает Самого Себя".

Возвращаясь к античности, вспомним о наиболее известных Элевзинских Мистериях. Они прежде всего были праздниками не только символично-ритуальной, но и чисто сексуальной иерогамии. Акцент в них был сделан на культ женского начала, божественной Жены. Сохранились многочисленные свидетельства, в основном христианских авторов, представлявших Элевзинские Мистерии сугубо негативно. Оценка им давалась чисто моральная. Климент Александрийский, Феодор и Пселл писали примерно одно и то же: происходило поклонение женскому половому органу, который выставлялся на обозрение неофитов. Григорий Назианзин, упоминая о Деметре, главной богине мистерий, говорил, что ему "стыдно выносить на дневной свет свидетельства о постыдных ночных инициациях, именуемых мистериями". Он, однако, рассказывал, что Деметру называли *απασημενε*, то есть демонстрирующей свой пол приподнятием одежд. При этом он же писал, что "то, что раньше совершали ее любовники, теперь совершается только в символах".¹ Все это заставляет думать, что в поздней античности Мистерии действительно совершались символически, однако когда-то, совсем давно, действительно практиковалась ритуальная иерогамия жреца и жрицы. Мистерия восстановления осуществлялась через поклонение полу и женскому началу как таковому, как воплощению Великой Богини. После того, как совершалось брачное таинство, вспыхивал ослепительный свет и иерофант объявлял: "Великая Богиня дарует миру Священного Сына, Всесильная родила Всесильного" — *ἱερον ἕτερε πότνια χοῦρον Βριση Βρισηόν*. Затем, по некоторым свидетельствам², демонстрировались колосья

¹ *Orat. IV. contra Julian.* I, 115 — см. тж. Pestalozza. *Religione Mediterranea.* cit., p.217 sqq, 271, 300-301, 306.

² Hippolyte. *Philos.*, V, I, 8.

как символ инициатического возрождения и связи с первочеловеком-андрогином, с ἀρσενοθηλῦς и восстановлением. Текст гласит: "Духовное возрождение величественно, оно достигает неба, и исполнен сил возрожденный". Возможно, что когда-то под сенью Великой Богини по всему Средиземноморью совершались тайные сексуальные инициации, и известное нам об Элевзинских Мистериях — только их след. Сами же мистерии могли быть просто религиозным культом, открытым для всех, но сохранившим память о своих истоках.

Однако, конкретные сведения о чисто сексуальных посвячительных практиках исследователь может получить, лишь обратившись к учениям Востока, и прежде всего к тантризму, сохранившему традиции "Пути левой руки" и так называемый "тайный ритуал". Как мы уже говорили, эти пути даже в тантризме дозволены только для мужчин воинского типа, "вирильного" или "героического" (vīra), для тех, кого называют dvandvatîta, то есть стоящих по ту сторону дуальности добра и зла, достоинства и вины, вообще всякой противоположности чисто человеческих ценностей.

53. Тантрические сексуальные практики

Мы же упоминали, что философия тантры имеет вполне определенную концепцию человеческой истории. Она повествует о постепенном упадке человечества, проходящего через четыре "века" или "эры" (yuga). В настоящее время мы переживаем последнюю фазу последней эры — "темного века" (Kali-yuga). Кали-юга — эпоха всеобщего распада, преобладания стихийных сил, женского начала, "Шакти развязанной". Духовность почти полностью утеряна, и единственное, что еще остается, — это попытаться использовать саму же диссолюцию, сами силы распада в целях созидания — это называется "оседлать тигра" и означает — не избегать и не уклоняться от опасных сил, но и противостоять им прямо, всячески стремясь использовать их во благо, чтобы в

конце концов одержать победу. Поэтому тантризм уже не считает нужным держать в полном секрете доктрины и практики "Пути левой руки" только из-за того, что кто-то может ими злоупотребить.¹ Фундаментальный принцип как индуистского, так и буддийского варианта тантры (т.н. *Vajrayâna*) — "превращение яда в нектар", то есть использования в целях духовного освобождения тех самых сил, которые обычно ведут к гибели или распаду. Формула "оседлать тигра" тождественна формуле "яд как противоядие". Другой тантрический принцип заключается в том, что "наслаждение" и "освобождение" не всегда исключают друг друга, как это утверждают чисто аскетические школы. Цель тантрических практик — достичь и того и другого, иначе говоря, и страсть удовлетворить, и внутреннюю свободу приобрести. Однако даже многие учителя тантры полагают, что эти вещи все-таки нельзя раскрывать для всех. В одном из текстов сказано, что "это так же трудно, как идти по острию меча или держать тигра на привязи".² Именно поэтому мы все-таки склонны считать, что в наше время тантрические принципы не применимы, так как огромное большинство мужчин и женщин не обладают достаточной духовной зрелостью, чтобы идти на такой риск. Это надо особо подчеркнуть. В любом случае каждому, кто считает, что тантризм может быть удобным оправданием для удовлетворения его необузданных инстинктов, следует напомнить, что для любого адепта требуется инициация, посвящение и "введение в цепь" (*kula*) дабы обрести защитную силу. До этого адепту необходима строгая аскеза и самодисциплина, как и во всех мистических практиках. Абсолютно так же дело обстоит и в других течениях, основанных на "аномии" и духовном освобождении от обыденной текущей морали, — это путь очень и очень тяжелый. Так было у Исмаилитов периода "Шейха Горы", у "Братьев свободного духа", Бегардов и Ортлибиенов, о которых мы читаем: "Прежде чем прийти к тому, что всякое наслаждение им дозволено, они проходили через очень строгое послушание; жизнь

---

¹ См. *Mahânirvâna-tantra*. IV, 80; VIII, 203; *Kâlivilâsa-tantra*. V, 13 sqq.

² Woodroffe. *Shakti and Shakta*. cit., p.591, 619

их подчинялась суровым правилам; им предписывался полный отказ от собственной личности дабы исполниться чистой славой и божественным великолепием. Они молились, медитировали, выполняли самую грязную работу. Но однажды наступала свобода духа и разрешалось все".¹

Что же касается тантризма, то он коренится в архаичных пластах коренного (неарийского, то есть хамитского — прим. перев.) населения берегов Инда с его культами богинь шактического типа, а также оргиастическими практиками. Среди колдовских практик этого региона мы часто находим очень темные формы тантризма, в которых мужчина вступал в связь со стихийными женскими сущностями — *yakshinî*, *yoginî*, *dakinî* — считавшимися воплощениями Дурги, а также ее эманациями. Порой эти практики выступали в смешанных анимистических формах, а также в виде очарованности конкретной реальной женщиной, с которой адепт часто вступал в плотскую связь в дикой местности, на кладбище или в лесу,² принимая перед этим специальные одурманивающие вещества. Какими бы грубо-примитивными ни были подобные практики, они также имели целью пробуждение сверхчувственного, аналогичные уже описанным чисто йогическим. Главное отличие от техники *kundalinî-yoga* заключалось в наличии конкретного факта полового сношения. Молодую женщину "демонизировали" или даже просто насиловали — это и составляло ядро темного ритуала, средоточия такого направления тантрической половой магии, как *vajrayâni*.

В подобных практиках идея божественной пары переносится с общего плана иерогамии на конкретно-оперативный. Доктрина ставит задачу воплотить в самих себе принципы Шивы, Шакти и других подобных бо-

---

¹ H. Delacroix. *Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au XIV siècle*. Paris, 1900, p.121, 119-120, тж. p.72-73: "Они понимали, что и оргия и строгое послушание противостоят общественной морали, но и то и другое имеет религиозный смысл — они славили Бога — в первом случае Его творческую силу, во втором — жертвуя собой до конца, чтобы стать сосудами, этой силы исполненными".

² *Prapancasâra-tantra*. VII, 103-III. L. de Vallée Poussin. *Bouddhisme Etudes et matériaux*. Paris. 1898, p.138.

жеств, присутствующих в телесном составе мужчины и женщины. Ритуально и сакраментально мужчина становится Шивой, а молодая женщина — Шакти. Это и есть главная предпосылка их полового соединения из чисто телесного и физического превращающегося в магическое переходом на тонкий план (мы уже подчеркивали, что всякая любовь и половое желание своим магнетизмом и опьянением ведет к "сгущению астрального света"). Climax и экстаз подобной любви и есть "разрыв уровней", преодоление двойственности.¹

Вот некоторые аспекты тантрической практики.² Понять их невозможно, не поняв некоторых черт женской природы и в особенности свойств нагого тела. Тантрические школы видят в каждой женщине *çakti* или *Prakriti*, "онтологически обнаженную" женщину, а точнее, само женское начало, первичное и стихийное, не связанное ни формой, ни индивидуальностью; освобождаясь от своих одежд, женщина как бы открывает взорам свою истинную сущность. Еще М.Элиаде писал: "Ритуальная нагота *yoginî* в ее союзе с *vîra* мистически значима: если перед ее лицом мы не ощущаем ужаса космической мистерии, то соединение с ней не имеет никакого ритуального значения и является чисто профаническим актом со всеми вытекающими отсюда последствиями — вместо того, чтобы разорвать цепь условностей, мы ее укрепляем".³ Указанному мистическому состоянию соответствует пробуждение визионерства, а точнее, ментальных проекций женского образа в определенном ритуальном режиме, формы которого отработаны в тантризме "левой руки". Эти ментальные проекции соединяются техникой, именуемой *âgora*, что означает "установление иного качества", иначе говоря, транссубстанциация. Структурно оно аналогично пресуществлению даров в евхаристической практике христианства, в момент провозглашения священником реального присутствия Христа.⁴ В связи с этим уже цитированный ин-

---

¹ См. Das Gupta. *Obscure religions cults*. Calcutta, 1946, p. XXXVII, v. V, p. 155-156.

² Более подробно во второй части нашей книги *Lo Yoga della potenza*.

³ M. Eliade. *Le Yoga, immortalité et liberté*. Paris, 1954, p. 260.

⁴ "Âgora" может касаться только иного качества "космического" бытия (или связи с "преисподними" мирами). Ни о каком сравнении с Ев-

дийский автор подчеркивает, что в ходе âгора физическая форма (gîpa) не подвергается отрицанию, но каждый атом физического бытия соединяется со svâgîpa, первичной нефизической сущностью, онтологически составляющей основу физического.¹

Теперь о женщине-участнице практики. Ее специально готовят, еще в девушках она обучается искусству магических поз (mudrâ), а телесные ее силы пробуждают с помощью nyâsa² — особой сакраментальной процедуры, с помощью которой в определенных точках женского тела ("точках жизни") пробуждается и оживляется "божественный флюид". Это и есть "демонизация женщины", основа уже упомянутых темных практик, цель которых — "подпитка" полового магнетизма как основы "очарования". Сами девушки, участвующие в этих ритуалах, называются mudrâ — это часто ставит в замешательство ученых-востоковедов — ведь слово mudrâ в переводе означает "печать". Но на самом деле все очень просто — этим же словом называют и сами маго-ритуальные позы, оживляющие круговорот энергии в организме йогина. Ту же самую роль — роль отворяющего ключа — играет и женщина. Заметим, специальные позы, принимаемые ею в ходе сношения, также называются mudrâ. Надо иметь в виду, что девушки-"mudrâ" — не просто участницы ритуала или тем более беспорядочных оргий. "Адепты любви" говорили о "чудесной даме", мастера тантры — об "исключительной женщине" (viçesha rati), субстанциально тождественной божественно-женскому началу — Râdha, Durgâ, Candalî, Dombi, Sabaja-Surdañi и т.д., а иногда и просто о самой kundalinî в персонифицированной форме. Только в общении с viçesha rati, а никак не с обыкновенной женщиной, samanya-rati можно достичь

харистией речи, конечно, здесь быть не может, т.к. в последней осуществляется сверхкосмическое нетварное присутствие (если, конечно, Евхаристия совершается полноценно, под обоими видами) (Прим. перев.).

¹ Das Gupta. *Op cit*, p.XV, 156. С точки зрения мистического богословия Восточно-Православной Церкви данная сущность может иметь нефизический (т.е. ангельский или аггельский план — в данном случае мы этого не касаемся) характер, но это не отменяет ее *тварности*, и потому никак не соотносимо с Евхаристией (Прим. перев.).

² Das Gupta *Op.cit.*, p XV, 156.

"недвойственного состояния", примордиального состояния, именуемого saṅga и несущего "освобождение". В тантрических кругах считается, что для такого соединения лучше всего подходят женщины из низших каст. Это имеет символическое значение: их образ жизни, свободный от социальных, моральных и оформленно регулирующих преград является как бы способом существования "первоматерии". Иначе говоря, стихийной, бесформенной, ничем не связанной жизни.¹ Магическое соитие с mudrā существует само по себе, оно никак не связано с иерогамией, браком вообще как сакрально-возвышающим таинством. В развитом кастово-институционализированном обществе такие различия строго регламентированы и их нельзя смешивать. Тантрическо-вишнуистские школы при этом вообще считают наиболее возвышенной как раз юридически незаконную любовь, то есть соединение мужчины с очень молодой девушкой или женщиной, которая не является его женой (точнее, одной из жен, так как цивилизация, о которой мы говорим, полигамна). В риторических состязаниях, проводимых в Бенгалии и напоминающих средневековые европейские, защитники супружеских союзов неизменно терпят поражение от сторонников свободной и незаконной, точнее — внезаконной — любви; это связано с тем, что на уровне божественных архетипов, таких как пара Радхи и Кришны, любовь выглядит как чистый "адюльтер" — целью же тантры является именно подражание "божественной паре".² Для оправдания такого поведения используется как психологическое объяснение — супружество никогда не дает такого накала страсти, как "незаконная" связь — так и символически-уподобительное. Любовь стремится к осуществлению как необусловленный, тайный союз, лишенный "общественной санкции", который только и способен породить прорыв к подлинно религиозному (точнее, инициатическому) опыту.³ В связи с этим М.Элиаде

---

¹ См. Eliade. *Yoga cit.*, p.262.

² Das Gupta. *Op.cit.*, p.144.

³ По этой причине в народных культах Шива считается покровителем всех, кто не следует социально предписанным нормам — причем, как

отмечал, что для жителя Индии брачный символизм христианской мистики (связь "Супруга" и "Супруги") не выражает необходимого ему для прорыва к абсолюту отказа от социальной и моральной связанности. Идеальной мифологической парой здесь считаются Радха и Кришна,¹ для внутренне же свободного мужчины, типа *siddha* или *vîra* наиболее подходят молодые женщины, стоящие вне каст, у которых важна не столько их индивидуальность, сколько безличная "сжигающая сила". Но все это годится именно и только для мужчины, достигшего состояния *siddha-vîrâ*; слабохарактерному же, "инфантильному" человеку дозволяется только жена. Не говоря уже о том, что лишь посвященный высокого уровня имеет право обладать полностью обнаженной женщиной.

Требования, предъявляемые к женщине, также очень жесткие. Один из синонимов слова "женщина" — *ratî*. Буквально это можно перевести как объект *gasa* — жажды или сильного желания. Школа *sañajyâ* говорит о трех типах *ratî*: *sadharañi*, обыкновенная женщина, ищущая в половом сношении немедленного удовлетворения; *sâmanjasâ*, стремящаяся разделить его с мужчиной, и *samarthâ* — женщина, способная к полной и сверхличной самоотдаче. Только последняя признается пригодной для тантрической практики.² Некоторые тексты также подробно описывают градацию уровней самого желания — *kâma*. В частности, обычное, чисто животное желание противопоставляется "Великому Желанию, соединяющему тело и душу и находящемуся по ту сторону Малого Желания".³

Еще интересная деталь: женщины, используемые в тантрических практиках, перестают менструировать. Современные сексологи видят в этом просто "сексуальную дисфункцию", связанную с "ненормальностью" эротического опыта. На самом деле, напротив, речь идет о внешне-видимом проявлении полного, в том числе

с одной стороны, аскетов, так и с другой — бродяг, танцоров и даже преступников.

¹ Eliade. *Op.cit.*, p.265.

² Das Gupta. *Op cit*, p.163.

³ Это выражение R Schwaller de Lubicz. *Adam, l'homme rouge*. Paris, 1927, p 242

физиологического, изменения — превращения материнских, деметрических возможностей женщины в афродическо-дургические. Подобное может происходить и по другим, но так же связанным с прорывом в потустороннее причинам. Так, например, известно, что Жанна д'Арк не имела менструаций. Возвращаясь к тантрическим практикам, добавим, что женщины, ставшие матерями, из них исключались. Современный автор таким образом излагает причину подобного запрета: "При первом половом сношении женщина теряет физическую девственность, став матерью — магическую".¹

Что касается самого акта любви, воспроизводящего любовь "божественной пары", то, судя по сохранившимся изображениям, можно предположить, что тантризм "левой руки" считал основной позицией *vīparīta-maithuna*, при которой мужчина неподвижен. Помимо символического значения, этой позиции отдавалось предпочтение и по практическим соображениям — она позволяет мужчине достичь наибольшего сосредоточения. Предпочтение именно этой позиции также определило одно из тантрических наименований женщины — *latâ*, а сношения с ней — *latâ-sadhâna*. *Latâ* буквально означает "лиана" или "вьюн"; именно такое положение может занимать тело женщины, принявшей данную позу. В руководствах по чисто профанической любви используются также названия *latâveshtitaka* или *vrkshâdhirûdhakâ*. В некоторых текстах о мужчине сказано — "тот, кто находится в объятиях женщины", что позволяет предположить, что именно последняя играет в любви активную роль. В целом это соответствует метафизическому соотношению мужского и женского, о котором мы уже говорили.

---

¹ *Introduzione alla magia quale scienza dell'Io cit., v. II, p. 374.*

54. О правилах тантрических сексуальных практик и их опасностях

Мы уже не раз указывали, что тантрическая сексуальная инициация решительно отличается от обычного оргазма прежде всего жесткими правилами самого соития. Из них основное — строгий запрет эякуляции и, соответственно, семяизвержения именно в тот момент, когда женщина физически и психически готова к зачатию. Однако в текстах эти правила не должны быть выражены прямо, и в этом согласны все тантрические школы — *Hathayigapradîpikâ*, *goraksha-samhita*, школа песнопений *Kâhna*, *Subhâçita-samgraha*. Мистико-иносказательный язык используется и в трудах *Vajrayâna*. Согласно текстам, во время сношения *bindu* (семя) уже готово излиться в женщину, и вот тогда-то усилием воли его следует удержать и поднять вверх. Йогин, задерживающий таким образом семя, побеждает смерть, ибо смерть есть *bindu* излитое, *bindu* же остановленное ведет к Жизни".¹ Все это полностью совпадает с требованиями укрепления *vîrua*, нематериальной силы вирильности как таковой. В то же время не следует понимать указания текстов только как физическо-физиологические, выполнение коих дает возможность сохранить лишь чисто материальную сперматическую силу. Как в тантрических, так и в даосских текстах есть указания на особые сильнодействующие средства удержания семени, часто грубые. Так, даосы рекомендуют делать это рукой, а цитированный выше индийский текст говорит о "зажимании" мужского органа женским, хотя, как известно, в обычных случаях это может производить скорее обратное действие. В целом же только *Hathayigapradîpikâ* рекомендует столь brutальный способ, чаще же всего, как, например, в *Dhyâna-bindu-upanishad* говорится прежде всего о задерживании дыхания, благодаря которому факиры и йогины способны впадать в каталепсию. И тогда эякуляции не происходит, "даже если мужчина находится в объятиях молодой и пылкой

---

¹ *Hathayigapradîpikâ*. III, 85, 87-90.

женщины". И все-таки полностью сохранить свою жизненную силу, если он не отшельник, если сам себя не изолирует от возможных эротических ситуаций, всегда разрушающих флюидическое становление, мужчина не может. Тем не менее, люди с развитым самосознанием к этому всегда стремятся. Подсознательно — даже в любви. Вспомним античный анекдот: Фрина отказывается принимать от Сенократа плату за любовные услуги — дескать, ее приглашали любить мужчину, а не статую. И даже в профанических эротических трактатах рекомендуется задержка дыхания как средство продления акта любви. В йогической же практике используется более радикальное средство — полная остановка дыхания, при которой "семя перестает истекать".¹ При чем речь не идет об остановке внутреннего эротического процесса с помощью его "обрыва". Дело совсем в другом — в отделении самого по себе предельно эротического чувства от физиологической обусловленности, которой поработан обыкновенный человек, завершающий эротический акт эякуляцией.

Отсутствие эякуляции может в данном контексте быть как причиной, так и следствием особо утонченного и сильного желания, развитию которого, как об этом свидетельствуют тексты, в тантрических кругах посвящалась специальная подготовка. Даже в области профанического секса известны случаи, когда предельная степень желания не дает ему разрешиться физиологически обычным порядком. Можно сказать, что это вообще происходит всегда, когда сознание перемещается на тонкий план и собственно эротика отделяется от физико-физиологических отправления. В профанической любви такое отделение, хотя и не полное, тоже усиливает и утончает переживание; применяемые в ней специальные препараты-замедлители и даже простой алкоголь являются средством частичного перемещения сознания, и, следовательно, отсрочки эякуляции и усиления наслаждения, чего простому человеку самому добиться очень трудно. Продление наслаждения, напоминающего сновидение, но без поллюции, составляло

---

¹ См. G.Tucci. *Tibetan painted Scrolls*. Roma, 1949, I, p.242.

часть античного и восточного *ars amatoria* применительно к профанической любви; важным средством здесь были различные зелья и дурманы. Однако в отличие от этих, в общем-то обычных, средств, тантрическая любовная операция предполагает не утончение наслаждения, а ритуально-магическое "погружение в астральный свет", в транс, чего можно добиться только полностью исключив эякуляторный криз. У обычного мужчины подобные попытки имеют сугубо негативные последствия — они обычно заканчиваются неврозом — однако продление наслаждения в том или ином виде не только физиологически, но и психологически позитивно и для него тоже и в любом случае способствует пробуждению внутренних сил, что и является целью всякого использования женщины.

Другой аспект того же самого — обратный, когда остановка семяизвержения не является следствием, а причиной перемещения сознания, собственно, началом трансценденции как таковой. Насильственное перекрытие потока ощущений при соединении с женщиной в наивысшей точке эротического подъема, однако без утраты самообладания, как утверждают тексты, способно произвести травматический прорыв сознания на иной уровень, в то время как физический оргазм профанической любви мгновенно ослабляет человека и делает его внутренне пассивным. Способ все тот же — остановка дыхания в момент, непосредственно предшествующий семяизвержению; так достигается выход на иной план путем разрушения барьеров человеческого Я, "убийцы ментала"..

В одном из комментариев к тантрическим текстам М.Элиаде¹ писал, что семяизвержение ведет к остановке мысли. Ментал (*manas*) как активно-экстатическая субстанция оказывается "убит" (*excessus ientis*). В обратном же случае начинается процесс его насыщения через поглощение "чистого зерна лотоса", женского *rajas*.

К этому мы еще вернемся. Но уже сейчас для нас очевидно, что целью всех этих практик является стимуляция "физической" любви как "силы убийства" — в

---

¹ *Op cit.*, p.255

данном случае "убийства темного владыки", то есть индивидуального Я, по уже цитированным словам Джелаледдина Руми.¹ Своими флюидами и "огнем" женщина созидает растворяющую и освобождающую субстанцию — происходит превращение яда в живую воду. Вот почему в текстах по тантрическому буддизму *yoginî* (то есть подруге йогина) вменяется способность "освобождения сущности от Я", то есть именно женщина помогает человеку в достижении нирваны.² Для этого необходимо полное взаимное слияние — *samasara*, термин, неправильно, в чисто профаническом духе переведенный Шахидуллоу как "обоюдное наслаждение".³ На самом же деле речь идет о глубинной и радикальной трансформации, осуществляемой путем остановки потока физического семени и одновременно соединения семени "не физического" — *çukra* — мужского и *rajas* — женского. Подобно тому, как в йогических практиках задержка дыхания используется для подъема *kundalinî*, так и здесь — для остановки семенного потока; причем одновременно можно и поднимать *kundalinî* и достигать наивысшего восхождения в соединении. Экстатическое состояние постепенно усиливается вплоть до мгновения, предшествующего его спазматическому разрешению — тогда его резко останавливают. Вместо конца имеет место начало — *sukha* (наслаждение) преобразуется в *âgora* — транссубстанциацию, освобождение. Происходит "фиксация" длительности — "без усиления и ослабления" — это как бы остановка времени как такового. Соединение мужчины и женщины переходит с физического на иной план; происходит *sahaja-sukha*, то есть "НЕрожденный" или "НЕобусловленный" экстаз. Чтобы все это понять, вспомним традиционные представления о стихиях или элементах — вечных, всюду присутствующих и всеобщих. Согласно этим представлениям, например, огонь самотождествен и существует вне про-

---

¹ Говорится о "смерти через любовь" См. Das Gupta. *Op.cit.*, p.160.

² Н. von Glasenapp. *Buddhistische Mysterien*. Stuttgart, 1940, p.56.

³ Согласно переводу отрывка *Kanha (Dohâ-koça. v.19)*: "Тот, кто делает подвижным царя своего духа через единство наслаждения (*samasara*) и внутреннего Я (*sahaja*), становится магом; он не знает ни старости ни смерти (см. Элиаде, p.268).

странства и времени, однако процесса "сжигания" не происходит до тех пор, пока для него не открылись определенные обстоятельства. Йогин же способен "пробуждать" этот огонь в самом себе вне зависимости от наличия или отсутствия внешних обстоятельств. Продленное и необусловленное наслаждение тождественно космическому соединению мужского и женского — мифологически бога и богини, Шивы и Шакти, Радхи и Кришны. Оно "не приходит и не уходит" — состояние, достигаемое любящими бесформенно и вне-психологично, то есть свободно от всего, обычно сопровождающего любовь. В тантрических кругах культивируют "распускание бутона наслаждения самого по себе" — трудно объяснимого словами вневременного, неразделенного, высшего и необусловленного союза.¹ Акмеическое состояние, мгновенно исчезающее после того, как семя излито и "пленено" женщиной, здесь обретает длительность. Когда дыхание остановлено и семяизвержение предотвращено, оргазм теряет свою физиологическую обусловленность — происходит то, что буддийская тантра именует Великим Освобождением и "полным озарением". Волна этого озарения захватывает мысль и превращается в "мыслеозарение" (bodhichitta) — в области головы происходит тот же процесс, что и у йогингов.

Очевидно, что "питают" этот процесс тонкие энергии самой женщины, ее "сжигающее пламя". Трудно понять другое — что же имеют в виду тексты, говорящие о том, что после того, как семяизвержение остановлено, мужчина начинает поглощать "женское семя" — *rajas*. Ключом к пониманию может оказаться образ неподвижного Шивы и активной Шакти, супруги, чья активность и есть источник экстаза.

---

¹ По некоторым свидетельствам, некоторые стороны "жизни после жизни" напоминают эти состояния (см. G.Tucci. *Il libro Tibetano del Morto*. Milano, 1949, p.130, 201). В обычной жизни известны люди, темперамент которых таков, что они почти постоянно чувствуют это состояние "продленного оргазма" — обычно это считается ненормальным. По свидетельствам д-ра Кинси, в основном это встречается у женщин. Границы патологического можно определять по-разному; но среди тех, кто склонен к необычному поведению и ощущениям, чаще наблюдаются произвольные проявления чисто эзотерического опыта.

Но не вполне ясно из текстов и то, кем конкретно осуществляется чисто техническая процедура "остановки" — только лишь мужчиной или же вместе с его *mudrâ* (*çakti*). Кое-где упоминания об особой женской технике *amaroli-mudrâ*,¹ развивающей ее силы так, что она оказывается способна действовать синхронно с мужчиной. В любом случае это касается не только физиологической стороны процесса. Напомним и то, что и у женщины во время сношения происходит нечто похожее на эякуляцию; и ее тантрическая задача — также задержать выделение вещества, подобного мужскому семени. Как известно, вагинальная секреция, начинающаяся выделяться в состоянии полового возбуждения, не строго связана с моментом "конца", в отличие от мужской эякуляции. Слово *rajas* в тантрических текстах имеет несколько значений. Одно из них — *menstruum*; естественно, не о ней может идти речь. В другом значении *rajas* — особое тонкое вещество, противоположно соответствующее *vîrua* у мужчины и имеющее такое же отношение к *menstruum*, какое *vîrua* имеет отношение к вещественной сперме. Эту силу древние называли "женским семенем" — по их мнению, она необходима для деторождения. Эта концепция бытовала и в Европе примерно до XVII столетия, и ее просто невозможно списать в область фантастики. Равно как и напрямую отождествить *rajas* с *menstruum* или вагинальной секрецией. "Женское семя", как и *vîrua*, имеет сверхфизическую природу. Что же касается влияния его на возможность зачатия, то здесь также следует иметь в виду психофизическое, а не чисто физическое влияние. Когда в тантризме говорится о соединении мужского и женского семени как принципов, то имеется в виду это самое сверхфизическое семя, от взаимопоглощения которого рождается озарение, "иллюминация", в то время как при обычном сношении соединение сперматозоида и яйца порождает только эмбрион. Речь идет о параллельном парафизическом соответствии физическим процессам. *Vajrayâna* устанавливает такое же соответствие между практикой удержания и соединения двух потоков

---

¹ *Hathayigapradîpikâ*. III, 92-101.

— idâ и pungalâ, или lalanâ и rasanâ, как и в чистой аскетической йоге.¹ Если же в соответствии с многозначностью смыслов понимать rajas так же, как menstruum, то rajas означает не что иное, как ослабление или полное прекращение менструаций у девушек и молодых женщин, предназначенных для практики фиксации своего "семени", то есть mudrâ. Menstruum, как мы помним, всегда связана со специфически-двусмысленной магической силой, mana, ее превращение превращает деметрические возможности женщины в чисто афродические, насыщенные сексуально-очаровывающим демонизмом. Но есть и другие значения санскритского слова rajas. Одно из них — "красный цвет" (что соответствует и menstruum), другое — особо глубокий философский смысл вещей в доктрине gûna, третье — цветочная пыльца, в особенности лотоса. Слово rajas также означает tejas — огонь или лучистую энергию. Мы приходим, таким образом, к пониманию самой сущности тонкой женской материи, соединение с которой, согласно древним текстам, есть огненная жертва, а сама женщина, прежде всего ее половые органы — собственно огонь,² как субстанция процесса растворения-сжигания. Именно так можно герметически истолковать экста-тико-магический секс. Вот текст одной из древнейших египетских надписей, имеющий, очевидно, не только

---

¹ См. *Tucci. Tibetan painted Scrolls. cit., v.I, p.242.*

² Очень часто, когда говорят о соитии, женщина именуется surya, что означает "солнце, погруженное в женское начало, смешанное с ним. В этом случае подчеркивается позитивная сторона женского, его "блеск", "великолепие". К этому кругу представлений относится именование очаровывающих женщин, подобных Цирцее или Медее, Гелиадами, то есть "рожденными солнцем". См. Kerényi. *Le Figlie del Sole*. Torino, 1949. В дополнение можно привести целый ряд поэтических образов: присутствие любовницы создает ощущение того, что человек "окружен пламенем, словно вибрирующей аурой", он чувствует себя подобно ребенку, "пересекающему пустыню и окруженному блуждающими огнями, пляшущими вокруг него и доводящими до крика" (Д'Аннунцио). О женском дыхании: "По ту сторону смысла душа соединяется с диким всепроникающим запахом, как пылающая роса (курсив мой — Ю.Э.), растворяющаяся в замерзшей почке (Шелли, перевод прозаич. с франц. подстрочника — прим.перев.). А.Леже: "О, женщина и женский жар! Те губы, что тебя вкусили, вовеки смерти не вкусят."

профанический смысл: "Подобно огню пылает женская плоть".

Совершенно очевидно, что теория трансценденции путем соединения *çukra* и *rajas* не имеет в виду их материальное проявление — сперму и *menstruum*. Это всеобъемлющие принципы — мужской и женский, животной деградацией которых являются указанные вещества. Иначе синхронное поведение женщины в ходе *samasara* вообще необъяснимо. В *Dohâkoça* сказано, что не только *çukra*, но и *rajas* ("женское семя") должно быть приведено в неподвижное состояние — только тогда начинается указанный процесс.¹ Парацельс писал: "Бог предусмотрел рождение следующим образом. Фантазия живет в двоих существах, и каждое помогает другому — мужчина женщине и наоборот. Ибо мужчина имеет в себе лишь половину воображения, а совместно с женщиной — целое".² Мысль Парацельса, явно относящаяся не к физическому, а к иному рождению, соответствует уже сказанному: взаимовосполнение двух живых воображений, магнетизированных желанием, рождает внутреннюю тайную встречу тонких тел в тантрическом режиме половых объятий.

Относительно участия женщины в самой "фиксации" следует напомнить, что при *vīparīta-maithuna* роль *mudrā* активна. При обычном же сношении женщины чаще всего не умеют действовать синхронно, и именно по их вине осуществить указанный процесс не удастся.

Представляют интерес также и достаточно курьезные выражения, используемые школой *Sahaja* применительно к половым объятиям: "В любви есть дрожь радости — над этой дрожью прилив (переход к продолженному сношению — Ю.Э.), превыше же этого прилива — еще прилив (наступление иного состояния сознания — Ю.Э.)". "Есть подземные воды; над ними рождается волна — а над ней витает любовь (преодоление эротического кризиса — Ю.Э.)".³ И еще: "Тонуть в пучине

---

¹ См. Eliade. *Yoga. cit.*, p.261.

² *Scritti scelti. cit.*, p.139.

³ Das Gupta. *Op.cit.*, p.167.

океана и не замочиться". "Связать слона паутиной".¹ Нетрудно видеть, что все это — иносказания того же самого. Мы уже упоминали выражение "оседлать тигра". Оно означает — овладеть ситуацией без опасных для себя последствий и удержаться в таком владении: тигр обычно пожирает выпавшего из седла. И нам придется говорить о последствиях неудачной "операции".

Но сначала несколько слов о ее подготовке. Основное правило заключается в том, что женщину надо сперва "обожать", и лишь потом ею "овладевать". "Обожание" также строго регламентировано. Влюбленные должны спать вместе, не касаясь друг друга. При этом предполагаются две стадии и соответственно два положения пары. Первая стадия — женщина слева, вторая — справа от мужчины. "Обожать" дословно означает "делать предметом культа, видеть в женщине реальное присутствие богини, Târâ, дарующей спасение, или иных воплощенных культовых образов женского начала; эта стадия соответствует поклонению даме у европейских "Адептов Любви". Интересная деталь: на этапе "обожания" мужчине вменяется образ Кришны, женщине — Радхи. Это объясняется тем, что, пока мужчина находится на профаническом уровне, он заключает в себе "внутреннюю женщину", сам отчасти является ею и не обладает подлинной вирильностью; он пока еще не может претендовать на причастность к категории purusha (воплощение истинно, абсолютно и неподвижно мужского) — если, конечно, он хочет взойти по ступеням в область вечного.² Возможно, именно поэтому мистически роль супруги или невесты небесного жениха вменяется душе, которая имеет женскую природу, в том числе и у мужчины. В вишнуитском тантризме все несколько иначе — но это скорее исключение, чем правило — оно касается перемены полюсов. Женщину "обожают" как уже конкретное воплощение богини, как носительницу сверхчувственного, как всеозаряющую силу — поэтому она уже на этой стадии процесса находится справа.

---

¹ *Ibid.*, p.163.

² *Ibid.*, p.145-146.

Бенгальская рукопись, составленная Mohindra Mohan Bose,¹ содержит интересные детали о правилах подготовки к сексуальному ритуалу. Они включают очень длинный период воздержания и одновременно "питания желанием", со строгой дисциплиной. Первая часть подготовки — мужчина "прислуживает" женщине, что во многом аналогично европейскому "служению даме"; при этом он спит с ней в одной комнате, у ее ног. По истечении четырех месяцев ему разрешается спать с ней рядом — причем она находится справа. Начинается период "обожания". Еще через четыре месяца они меняются местами — теперь слева она. Их взаимное желание возрастает, но телесной близости нет — она запрещается. Все происходит в рамках платонической любви. Доводится до совершенства техника утончения желания и одновременно самообладание обоих. В конце концов мужчина оказывается "в объятиях женщины" — происходит взаиморастворение флюидов, но без семяизвержения — с "опрокинутым в бесконечность" эротическим акме.

Можно говорить о первых периодах всего цикла как об аскетизме *sui generis*, а в конце процесса как о сверхаскетизме, отличном, впрочем, от чисто мистического экстаза. Так происходит в тантрическом буддизме, а также в школе *Vajrayāna*. Эти школы созерцают иной, отличный от ортодоксального, образ Будды — для них Будда прежде всего тот, кто победил *Māra*, божество земли и смерти, тот, кто достиг абсолютного озарения через овладение сверхъестественными силами благодаря сексуально-магическим ритуалам с участием женщин ("они суть божества, они суть жизнь" — гласит текст).² С другой стороны, секс — лишь одно из средств достижения нирваны, далеко не единственное. Особо следует подчеркнуть, что, согласно *Vajrayāna* высшее состояние *mahāsukha*, в котором Будда соединен со своей Шакти, иерархически стоит по ту сторону собственно нирваны и является внемировым экстазом. В этом суть доктрины "четвертого тела" Будды — *mahāsukha-kāya* — единого с

---

¹ *An introduction to the study of the postchaitanya Sahajiyā cult.* p.77,78, apud. Eliade.

² См. De La Vallei Poussin. *Buddhisme.* cit., p.144.

Шакти: оно есть корень всего проявленного, а лица мистической пары — "цари" как имманентного (*samsâra*), как и трансцендентного (*nirvâna*). Последние категории обычно понимаемы как противоположные. Можно предположить, что речь идет даже о преодолении экстаза как такового, как *excessus mentis* в его пассивно-"мистическом" аспекте. Нечто подобное мы встречаем и в других течениях индийской метафизики. Например, в одном из текстов сказано: "Менталу не дозволяется вкушения счастья экстаза (*samâdhi*), но, посредством практики исключений следует освободить его от приверженности к такому счастью".¹

Так постепенно приоткрывается смысл того, о чем символически говорят упоминаемые нами школы. Если каждый мужчина несет в себе зерно Будды и таковым потенциально является, то же самое в отношении *çakti* можно сказать о женщине, а *vidya* или же "знание" в целом совпадает с понятием *prajñâ* — "озарение", то женщина и есть то, что способно "пробуждать Будду в каждом мужчине". Как и дама сердца у "Адептов Любви" есть воплощение Жены Познания, спасительного Гнозиса и "Святой Премудрости", открывающей "возможное разумение" у любящего (см. §47), тантрическо-буддийская женщина — живой символ *prajñâ* (озарения) как глубинной основы жизни. Данные школы часто выражают любое мистическое становление как союз *radma* и *vajra* — это многозначные понятия, используемые как в доктринально-мистическом, так и в чисто сексуальном смысле. Они приблизительно могут означать соответственно первое — "божественную матку будды", второе — "скипетр" или "алмаз". В этом случае *vajra* — символ чистого, верховного и нерушимого принципа. С другой стороны, используются термины *prajñâ* и *urâja*, то есть первый — "озарение", а второй — "орудие", "средство", "способ". Их соединение в результате порождает "реализацию". Понятно, что все это в абстрактно-метафизической форме чистых смыслов выражает соединение женского и мужского начал, в том числе и в половом акте. Понятна магическая, онтологическая и анало-

---

¹ *Mândûka-upanishad*. II, 45 (comm.).

гическая связь этих понятий с urâya и prajñâ.¹ Исходя из ведущей роли мужского начала и "озаряющей" — женского в иерогамической символике, не будет ошибкой также вменение vajra фаллического смысла.² В целом же мы указывали на "магическую направленность всех подобных течений — когда говорили о смерти Беатриче и Рахили и о герметическом символизме инцеста.

Необходимо отметить, что в конечном счете результаты тантрических сексуальных практик и його-аскетического подъема kundalinî одни и те же. Совершенно очевидно, что в профанической любви, и даже в случаях юношеской гебефрениии результат отчасти тот же самый — там происходит частичный подъем поясничной силы. Парафизическая физиология учит о центре yonishthâna по соседству с "местом покоя" kundalinî, в котором, словно символ союза Шивы и Шакти, отражается высшее соединение начал, имеющее место в области головного мозга. Порой делается вывод о возможности взаимопроникновения той и другой техники. Часто указывают, что любимая и желанная женщина есть внешне-видимое воплощение kundalinî-candâlî. В основном мастера тантры сходятся на том, что благодаря сексуальным практикам можно путем постепенных переходов достигнуть sahaja, высшего состояния "Недвойственности" по ту сторону Я и НЕ-Я, однако удержать его очень трудно, и вот тут-то и требуется владение техникой, связанной с kundalinî и соответственно подробно разработанной в кундалини-йоге. Но отметим, что в чисто йогических кругах господствует предубеждение против сексуальных практик как таковых. Это косвенно подтверждают и тантрическо-буддийские тексты, рассказывающие об учителях, которые, пройдя через сексуальные практики и достиг-

---

¹ Das Gupta. *Op.cit.*, p XXXVIII.

² Вспомним аналогичное соотношение в даосизме и отметим, что urâja располагается в верхней части тела, в области солнечного сплетения, а prajñâ — в голове. Отсюда понятна внутренняя практика, когда "богиня" спускается с "внутреннего полюса" к "ее господину", находящемуся в области головного мозга (см. Das Gupta., *Op.cit.*, p. XXXVIII). В тибетских изображениях, именуемых yab-yum, yun, "мать" и обнимающий ее мужчина также соответствуют prajñâ и urâya, создающих мыслеобразы через соединение (См. Tucci. *Op.cit.*, v.I, p.244).

нув "озарения", после этого избегают женщин и ведут строгий образ жизни, равно как и проповедают строгое воздержание.

Мы уже говорили, что практика чистой Кундалини-йоги может быть сопряжена с большими опасностями — безумием, болезнями и даже смертью. Это в еще большей степени относится к сексуальным практикам, особенно принимая во внимание природную направленность полового влечения на семяизвержение и деторождение. Контролировать и управлять описанным процессом крайне трудно. Подъем bindu (то есть как непосредственно семени, так и соответствующей ему тонкой сущности) может привести не к "освобождению", а напротив, к параличу сознания. Человеком овладевает безотчетный страх.¹ Это так называемое "сексуальное отравление" организма — чтобы заболеть им, достаточно не суметь растворить в себе хотя бы часть полученных женских флюидов. "Интоксикация" наступает и тогда, когда трансмутация и перемена полюсов не произошла и простое желание продолжает господствовать. Человек становится "одержим демоном", он перестает контролировать себя и безропотно выполняет приказы властвующей над ним невидимой силы. Это и есть опасность так называемой "красной магии". Если высшие формы тантризма лишь используют секс как средство для совершенно иных целей, то "красная магия", напротив, привлекает потусторонние силы, используемые аналогично наркотикам, для обострения сексуальных ощущений и прежде всего для продления самого сношения и оргазма без соответствующих изменений психофизического состава организма в целом. Опасность всех практик тантрического типа — в занятиях подобными вещами.

Существует древнегреческий миф, как раз посвященный этому разрушительному разрыву — миф о тунике Несса. Деянира, стремясь привязать Геракла к себе любовью и желанием, послала ему великолепную туннику, пропитанную приворотным зельем; но оно же было и зельем смерти. Геракл, в жилах которого заиграло неуга-

---

¹ См. Tucci.. *Op cit.*, v.I, p.242.

симое пламя, почувствовал, что его отравили. Самоубийство Деяниры было бесполезно. Только жертвенное преобразование огня, то есть сама смерть, могло спасти Геракла. И он был восхищен на Олимп, где и получил в супруги Гебу, вечно молодую. В этом мифе отчетливо видны его сущностные смыслы. Женское начало, растворенное Гераклом, пропитало его неутолимой и смертельной жаждой. И только подобное молнии олимпийское восхождение может быть оправданием и целью соития с женщиной.

Подобная ситуация описана в одном из романов Г.Майринка, связанного с тантрическими кругами и идеями. Герой пробуждал в себе силу богини, воплотившуюся в конкретную женщину (Асайю), и оказывается на грани утраты своей сверхприродной вирильности, символизируемой копьем, которое соответствует скипетру — vajra — восточных доктрин. Женщина, уже познанная физически, превращается в тонкий, источающий галлюцинации образ, вбирающий единство "ее глаз, ее тела, всего ее безжалостного бытия". Герой восклицает: "Отныне суккуб безраздельно властвовал над всеми моими органами восприятия. Отчаянная борьба моей души и разума с чувствами, отравленными отвратительным фантомом, ввергла меня в страшное горнило искушения, без всякого снисхождения заставив испытать на себе то, что отшельники и святые называют огненным крещением: когда человек, дабы снискать жизнь вечную, по собственной воле входил в разверстые врата преисподней, и там, в негасимом огне адских мук, либо лопался раскаленный добела сосуд скудельный, либо сам Господь вдребезги разбивал горнило. Мое Он разбил в самое последнее мгновение, когда я был на волосок от гибели Мои муки возрастали тысячекратно, ибо Асайя, соскользнув в иную плоскость моих чувств, не только не становилась дальше, но и наоборот — приближалась, и я ощущал ее обжигающую близость постоянно, в любое время дня и ночи". Сквозь множество мелькающих образов герою является "Нагая, Хищная, Вампиричная", и среди этих образов лихорадки, желания и наготы, женщина начинает "окутывать меня в свою ауру, в свое астральное тело Всей сокровенной

эссенцией своего существа она проникала под мой кожный покров, вползала в позвоночный столб, сворачивала свои кольца в головном мозгу; она прорастала в меня, вырастала из меня, перерастала" И героиня Майринка ступает "на порог чудовищной бездны — философы называют ее "восьмым миром", и в нем человеческое Я подвергается абсолютной диссолюции".¹

В заключение отметим, что ряд индийских текстов посвящен сексуальной технике преодоления *mahâ-sukha*, то есть достижению подлинного самообладания, необходимого для подготовки тела к собственно йогической практике. *Mahâ-sukha* — экстаз, "близкий к обмороку".² Эта деталь очень важна — она констатирует наличие очень серьезных негативных последствий, которые в профанической эротике могут наступать вместо непрофанической трансфигурации.

Мы так подробно остановились на тантрических сексуальных ритуалах только потому, что в них наиболее ясно видны и до конца доведены основные мотивы и возможности метафизики пола, присутствующие как в профанической эротике с ее пассивным следованием стихиям, так и в области традиционных сакрализаций. В этих ритуалах мы встречаемся с пробуждением сил человека того или другого пола, связанных с наиболее глубинными свойствами человеческой природы. Мы встречаем в них и "платоническую" любовь, и действие тонких сил, и опьянение *эросом*, и, наконец, развитие желания вплоть до его "акме", достигаемого в половых объятиях. Соотношение "любовь-смерть" (*amor-mors, amor-mors, amour-mort, etc.*), столь часто встречаемое нами в выражениях "любовь убивает", "умереть от любви", "смерть в оргазме" с романтического и чисто эмоционального уровня переходит на объективный, техникоинициативный уровень продленных состояний, а обычный любовный травматизм заменяется вполне сознательным. Это ведет к прорыву уровней, "ментальной смерти", а затем и "озарению" по ту сторону

---

¹ G.Meyrink. *L'Angelo della Finiestra d'Occidente*. Milano, 1949, p.467, 470. Цит. по "Ангел Западного окна". Пер. с нем. В.Крюкова, в изд. Густав Майринк. Избранное в 2-х тт. Киев, 1994, т.1, с.420-423.

² Das Gupta. *Op.cit.*, p.108.

мира "двойственностей". Становится понятным, почему с точки зрения доктрины андрогина — основы всей метафизики пола — сексуальность как таковая и животное размножение представляет собой своего рода падение. Именно преодолению животной сексуальности и посвящена техника "переполюсовки" и задержания семени. Kundalinî, поднимаясь вверх, перестает питать собою прокреативную функцию организма и становится путеводительницей к sahaja, к бессмертию, к безусловному. Все это вместе — как бы единая цепь, двигаясь по которой можно осознать глубинный смысл эроса и половой любви.

Существуют и другие тайные традиции той же направленности; наши знания о них фрагментарны, однако и они позволяют с определенной ясностью увидеть их конечные цели.

55. Тайные сексуальные практики в китайском даосизме

Сведения, собранные автором подробного очерка, содержание которого мы собираемся сейчас изложить, на сегодняшний день являются основным источником наших знаний о сексуальных практиках в китайском даосизме.¹

Прежде всего — об основных целях всякой даосской практики, не обязательно сексуальной. Согласно Масперо, автору данного очерка, основывающему свои исследования на выводах синологической науки, "основным течением" в оперативном даосизме является достижение бессмертия путем "растворения трупа" (shi kiaï): умирающий даос не оставляет после себя своего тела — оно превращается в меч или скипетр, сам же он становится бессмертным. В любом случае могила даоса его не содержит — она или пуста или же там вместо трупа покоится меч (скипетр). Эзотерические даосские

---

¹ M.Maspero. *Les procédés de "mourir e'esprit vital" dans la religion taoïste ancienne dans le "Journal asiatique"*, v.CCXXIX, basc. d'avril-juin, juillet-septembre, 1937.

практики включают в себя как дыхательные, так и сексуальные упражнения. Идеи, близкие к "растворению трупа", мы встречаем и в других традициях, причем не просто как обычные религиозные идеи, но именно как высшую цель духовного делания. Христианство также утверждает, что тело воскресшего Христа исчезло из гробницы, и апостол Павел, не в противоречии с идеями древних мистерий, говорит о "теле воскресения".

Но если конкретно даосские практики, о которых рассказывает Масперо, имеют целью только лишь избавиться от тела в виду его испорченности и развращенности, то есть дематериализовать его без остатка, то тогда, конечно, речь идет об очень низком уровне сознания и всей мистики в целом. Однако говорится как раз об обратном — о достижении "вечной жизни", или, во всяком случае, — что, кстати, чаще — долголетию, "долгой жизни", *ch'ang-sheng* — необычайной продленности индивидуального существования, соединенном с прекращением обычных и биологических процессов и началом совершенно новых — изменяющих всю психофизику организма. Способ этого — задержка, фиксация и "питание" "жизненного начала", о чем мы уже говорили в связи с "Тайной Золотого Цветка". При этом надо иметь в виду конкретное отличие даосской мистики от тантрических и йогических практик — последние ставят целью преодоление всякой жизненной обусловленности и "великое освобождение". Даосизм же имеет в виду именно жизнь во плоти. С другой стороны, даосы, как и представители других восточных школ, также исходят из соединения мужского и женского, *yang* и *yin*, а это совпадает с идеей преодоления двойственности. В то же время практических указаний того, как этого достичь, почти нет в даосских книгах — они носят характер устного предания.¹

Масперо отделяет чисто дыхательные упражнения от связанных с сексом. Первые очень напоминают правила глубинной трансмутации в кундалини-йоге. Тексты упоминают о существовании у человека особого "пространства силы", находящегося в "области *yin*", то есть

---

¹ Maspero, p.199.

ниже диафрагмы. Это так называемая "женская часть", которая есть и у мужчин. "Область yang" или "мужская часть" тела соответственно находится выше диафрагмы. "Пространство силы" размещено на расстоянии "трех больших пальцев ниже пупа". Определение его местонахождения даосы называют также "обнаружением Низшей Киновари", *tan-t-ien*. Доступ к этому пространству затруднен ("божества на пороге не открываются необдуманно"). Прежде всего требуется научиться контролировать свое дыхание, овладеть самим его принципом — это ключ к Низшей Киновари. Уже подвластное адепту дыхание встречается с "Эссенцией", иногда называемой "Дыханием таинственной Женщины". Соединяясь "взаперти, то есть в долгой дыхательной задержке, оба дыхания рождают особую, сверхфизическую энергию, которая словно флюид, начинает циркулировать по всему телу, оживляя его и животворя. В конечном счете эти потоки достигают места, именуемого в текстах "владением Высшей Киновари". Оно находится в области головы. Там сила соединения преобразуется в огонь, "поджигающий все тело так, что оно само приобретает великолепие огня". Все это называется "плавлением (физической) формы", иначе говоря, "сомы", "плоти". "Плавление" уподобляется воздействию огня на твердые металлы. Только по окончании процесса преобразованное тело способно господствовать над смертью.¹ Налицо прямые совпадения с практикой кундалини-йоги: обнаружение нижнего центра, огненной природы *kundalinî*, подъем ее по оси позвоночника, соединение мужского и женского (в йоге — Шивы и Шакти) в области головы.

Чисто дыхательная практика даосизма, как мы уже говорили, не исключает сексуальной. Как и тантра, даосизм полагает, что использование секса для некоторых людей абсолютно запрещено, для других же — все зависит от уровня и направленности сознания — может оказаться средством духовного осуществления. "Соединиться с женщиной, — гласит даосское изречение, — это управлять галопирующей лошадью с помощью гнилых

---

¹ *Ibid.*, p.208, 213-214, 234, 245-246, 394-395.

вожжей". По мнению даосов, соединение с женщиной не причинит ущерба владеющему ситуацией в отношениях с ней и знающему все их преимущества. "Император Чжан, — читаем мы в книге "Yo-fang-che-yao" — возлегал с двенадцатью сотнями жен и стал бессмертным; обычный человек тешится с одной и этим разрушает свою жизнь".¹

Даосизм включает в себя тайную доктрину; в том же самом тексте (I, в) сказано: "Бессмертные передают ее друг другу; распивая кровь, они клянутся ничего не разглашать случайным людям". То же самое повторяет и мастер Тенг Юнцзе: "Эти способы совершенно тайные. Говори о них только мудрецам".² Другой мастер дао Ко Хонг (IV в.), утверждая огромное значение "альковных практик", (fang-chong-che-fa) говорит: "Эти рецепты Совершенные передают друг другу устно; записывать их нельзя. Но если не использовать их, то, даже принимая самые знаменитые лекарства, бессмертным не станешь" ("Pao-p'o-tsen", 8, 3 в). Поэтому нам очень трудно понять, о чем действительно идет речь. И все же мастер Ко Хонг в самых общих чертах обрисовывает основные цели не-профанического секса. Для одних это выработка и использование жизненной энергии ради достижения долголетия. Для других — усиление в самом себе yang и растворении yin. Общим же для всех является лечение болезней головного мозга с помощью "возвращения Эссенции вспять". Правда, в самом тексте, в отличие от перевода Масперо, не употребляется слово "мозг"; вероятно, как и в случае дыхательных упражнений, речь идет об "области Высшей Киновари", расположенной в зоне головы. Вообще следует понять, что во всех подобных случаях речь идет не о физиологии, но об особой, гиперфизической, символической "анатомии".

Различаясь в своих конечных целях, все даосские практики так или иначе включают в себя соединение начал yang и yin; носителем первого является мужчина, второго — женщина. В зависимости от способов осуществления практики меняется и ее цель. Любопытное

---

¹ *Ibid.*, p 380-381.

² *Ibid.*, p.386.

выражение, используемое для чисто сексуальной практики, — "свертывание Дракона и игра Тигрицы". "Дракон" символизирует yang и относится к мужчине, Тигрица — это соответственно yin и женщина. Важно отметить, что, в отличие от других традиций, китайская представляет дракона как животное двойственное — с одной стороны, земное и подводное, с другой — небесно-царское. Исходя из двойственности человеческой природы как таковой, "игра Дракона и Тигрицы" соответствует шести позициям yang, шести знакам yang первой гексаграммы "Книги Перемен", в которой пойманный Дракон шаг за шагом, от одного знака к другому распрямляется, поднимается ввысь, переходит в эфирное состояние и в конце концов исчезает.

Возраст женщины, используемой в даосских практиках — от 18-19-ти до тридцати лет и не более. Как и в тантризме, она ни в коем случае не должна иметь детей: "Ни девственница, ни мать не может быть использована" (Yu-fang-pi-Kine). Обязательным для даоса является предписание менять женщин — об этом говорится во всех текстах без исключения. Это следует делать после каждого "экстаза". Одно из обоснований таково: число жизней, составляющих "вечную жизнь", также бесконечно. Кроме того, в тексте говорится: "Если соединяться с одной и той же женщиной, дыхание yin начинает ослабевать и успеха не будет. Эссенция женского дыхания постепенно лишается своей концентрации и не может быть столь же полезной для мужчины, как вначале".¹ Обычно предполагается, что мужчина использует женщин одну за другой, однако в одном из текстов говорится, что двух за ночь достаточно.

И все-таки скорее, чем об инициатических целях соединения, в этих случаях приходится говорить о своеобразном "мужском вампиризме". Такой вывод приходится сделать из-за того, что цели провозглашаются чисто "лечебные" — долголетие, исцеление от болезней, "обретение легкости", "утончение тела".² При этом все рекомендации носят чисто технический характер. Со-

---

¹ *Ibid.*, 295-296.

² *Ibid.*, p.384.

гласно P'eng tsu, женщина также способна "питать свое уип" и становится бессмертной; однако такая женщина не может приносить пользу своему партнеру.¹ Половой акт не является обменом энергиями, приносящим пользу обоим участникам, в нем нет подлинной взаимности.² Мужчина только потребляет флюидическую субстанцию, растворяет ее и усиливает уанг или "свойства Дракона", иначе говоря, свою вирильность перед лицом уип, "Тигрицы". И ему не надо, чтобы его партнерша была посвященной или владела магией половых обрядов, то есть питала и укрепляла свое уип. Исходя из такого, не "обменного", а чисто "питательного" подхода, и становится понятным переход от одной женщины к другой — чем больше, тем лучше. Речь идет исключительно о технике продления жизни — совершенно неважно, испытывает ли женщина оргазм и вообще получает ли удовольствие — важно получить и "вампирически растворить" ее жизненную энергию.³ Аналогичные мотивы присутствуют и в индо-тибетских практиках. Даже в упанишадах есть упоминание о "вдыхании женских флюидов и о том, что "семя" должно быть задержано еще и потому, что женщина не должна его "получить". Текст гласит, что целуя женщину в уста и одновременно проникая в нее снизу, мужчина должен мысленно произнести: "Моей силой, моим семенем я поглощаю твое семя". О "женском семени" мы говорили в §54.⁴ В данном индийском тексте содержится и положение, аналогичное даосскому — если мужчина владеет своим сознанием, он получает от женщины ее "благодать", если же нет, то его "благодатью" завладевает женщина. Сказано, что иногда даже брахманы теряют самообладание и становятся жертвами женщины.⁵

И все-таки можно предположить, что не все цели в тайных даосских практиках столь сомнительны. В конце концов, чисто технически все описанное почти ничем не отличается от тантризма. Первая фаза даосской тех-

---

¹ *Ibid.*, p.396.

² См. A.David-Neel. *Magie d'amour et magie noire*. Paris. 1938, p.104-105.

³ *Byhadâranuâka-upanishad*. IV, IV, 10.

⁴ *Ibid.*, IV, IV, 4.

⁵ Maspero. *Op.cit.*, p.384.

ники — выравнивание, гармонизация и смешивание дыханий: chang-k'i chen-chu. Такая подготовка оживляет естественный магнетизм yin-yang до степени взаимной экзальтации и "синтонии". Только после прохождения этого этапа, партнеры переходят к телесному соединению (Yu-fang che-yao, I b). Можно предположить, что как и в тантризме, здесь присутствуют стадии интимного, но не физического, контакта. Правила самого сношения hu-ho тоже примерно такие же — владея женщиной, мужчина не должен изливать семя, а перед началом эякуляции остановить ее, "удержать Эссенцию", то есть vîṅṅa или bindu — принцип магической вирильности. В тексте "Su-nin-king" прямо сказано: "Суть всякой техники в том, чтобы, соединяясь со многими женщинами, не извергать Эссенцию".¹ Уже после того, как соитие началось, следует поднимать вверх "первичную силу" (в тексте сказано: "она должна становиться все живее и живее"). Эякуляцию же следует остановить, причем тексты настаивают даже на грубых физических способах. Первичная сила (Эссенция), поднимается по позвоночнику в "мозг". Это называется "искусством заставить Эссенцию переместиться в мозг — huan-tsing pu-pao" (Yu-fang che-yao, I, b).² "Проникнуть, не изливая" — повторяется в тексте одна и та же формула. Мастер Ли Кинг учит: после гармонизации дыханий "проникать, пока () слаб и отступать, когда тверд и мощен". Еще в одном тексте об этом говорится так: "Кто входит сильным, а выходит слабым, терпит поражение" (Yang-sing yen-ming lu II, 13, a-b). Мастер однозначно подставляет в частности, в скобки, значение phallus или "нефритовый стебель". Но, видимо, все не так просто и грубо и, возможно, происходящее на физическом плане — только самое начало процесса. Возможно, речь идет не о физическом половом члене, но о трансцендентной силе yang, генерирование которой через прохождение сквозь yin и есть цель всякого процесса. Кроме того, существует определенный ритуализм: полным числом yang считается 81, и ровно столько касаний "струн лютни" должен совершить "неофитовый

---

¹ *Ibid.*, p.384

² *Ibid.*, p.384.

стебель";¹ кажется, что следить за механическим исполнением этого правила очень трудно, но, возможно, речь идет лишь о внутренней, даже магической символике.

Тенг Юцзе, легендарный "бессмертный", проявившейся во II веке при Ханьской династии, говорил о двойной цели: "Ослаблять *yin* через усиление *yang*" и "сгущать ликер Эссенции" (иными словами, утвердить *vîgua*).² Согласно изложению Масперо, существуют особые предупреждения — не заниматься указанными практиками без соответствующей подготовки. Кроме того, это можно делать лишь в определенные часы — даосы большое внимание уделяют астрологии — в частности, запрещена любовная практика в первой и последний день месяца, первую и последнюю четверть луны и в полнолуние. Таким образом, двести дней в году оказываются запрещенными для "магического союза Дракона и Тигрицы".³ Нельзя практиковать пьяным или после еды; избирается определенная время — "после полуночи, в пору живого дыхания *yang*". Мы вновь возвращаемся таким образом к связи между женской сущностью, эросом и ночью. Обязательна способность к медитации и концентрации. Никаких особых обрядов сакрализации, как в Индии, не требуется, но говорится, что сознание должно находиться в ином состоянии, отличном от дневного. "Всякий раз прежде начала практики, — указывает Тенг Цзе, — следует войти в медитацию; сознание тела должно стать иным, отделенным от внешнего мира".⁴ Речь идет о вхождении в состояние активного транса. Делать это надо, никоим образом не теряя ощущения женского тела, однако, скорее, на парафизическом уровне. И, что наиболее важно, подъем Эссенции в область головы после предотвращения семяизвержения следует сопровождать мен-

---

¹ *Ibid.*, p.385.

² *Ibid.*, p.386. Возможно общая формула оживления силы и есть "сгущение" или "фи'сация". См. С.Puini. *Taoisma Lanciano*. 1922, p.117-118.

³ *Ibid.*, p.397, 400.

⁴ *Ibid.*, p.386.

тальным сосредоточением, позволяющим управлять процессом в целом.¹

Тот же самый Тенг Юцзе указывает на то, что "те мужи, которые имеют "дух крепости" в почках, решительно удерживают Эссенцию, очищают дыхание и направляют противоток в сторону Ni-Huan по позвоночнику, достигают Истока, huan-yuan".² Женщины же содержат "дух крепости" в сердце и там у них происходит "дистилляция неподвижного огня" (ср. с индийскими категориями *rajas* и *tejas*). Через сердце дыхание двух сосков груди спускается в почки и уже оттуда по позвоночнику восходит к Ni-Huan.³ Все это в целом именуется "Преобразованием Царского Начала", hua-shen. Само "Преобразование" происходит через сто дней. Успешно его совершивший становится Истинным (Царственным) Человеком и может жить вечно, столетие за столетием. Это и есть метод достижения бессмертия.⁴ Он в принципе равнозначен алхимическому эликсиру, владеющий которым, "молод он или стар, становится как подросток".⁵

Реинтеграция физической или "витальной" жизни считается началом осуществления бессмертия в собственном, трансцендентном смысле этого слова. Учитывая двусмысленность всех подобных текстов, следует все время помнить, что подлинно инициатические знания у даосов передавались только устно.

Среди материала, собранного Масперо, нет указаний на опасности, связанные с сексуальными практиками yang-yin. Однако можно предположить, что именно это

---

¹ *Ibid.*, p.385. см. p.218, где говорится об особом "внутреннем пути" — *ni-she* или *nei-kuan*, находящемся внутри тела и позволяющем управлять им. Об открытии этого пути тексты говорят как о явлении необычайном.

² Вот еще пример: "Да станет Великая Эссенция Верховного Правителя через сгущение твердой, как кость! Да достигнут шесть дыханий Великого-и-Высочайшего-Царя внутреннего человека! Да повернет Эссенцию в мозг Таинственный Старец высшего Бытия и да будет зачат там зародыш сохраняемого Сокровища! (См. Maspero, p 386.).

³ Это единственный случай, когда предполагается сознательное поведение женщины. Все остальные тексты говорят о ней лишь как о средстве для преобразования мужчины.

⁴ Maspero. *Op.cit.*, p.386.

⁵ *Ibid.*

имеется в виду, когда тексты намекают на эротическую интоксикацию и "поражение" мужчины в магической игре с Тигрицей или *yin*. В том числе наверное, поэтому рекомендуется использовать непосвященных молодых женщин — посвященные могут злоупотреблять силой своей *yin*, извлекать из нее преимущества и искажать основные цели практики.

Помимо индивидуальных практик, многие даосские тексты упоминают древние коллективно-оргиастические, прежде всего сезонные — весенние и осенние, техника которых в целом та же самая. Однако есть различия. Прежде всего, они проводились в новолуние и полнолуние — дни, как раз запрещенные для индивидуального, парного секса. В целом считалось, что коллективные ритуалы освобождают и очищают человека через погружение в бесформенное, в стихию "Вод", о чем мы уже говорили. Однако, в отличие от антично-средиземноморских оргий, китайские коллективные ритуалы так же, как и даосские индивидуальные, строго следовали правилам удержания семени. В *Sua tao luen* сказано: "Предающиеся этой практике следуют тем же Царским Путем Киновари: они должны обращать внимание на тайную защиту и не разбрасывать на дороге свою силу".¹ Имел место как чистый промискуитет, так и "обмен женщинами". В качестве основных целей ритуала текст называет защиту от опасностей, от враждебных влияний и от демонов. Средство защиты — вырабатываемое в ходе практики чистое *yang*, сравнимое с античной магической силой фаллоса. В любом случае, очевидно, имело место совмещение коллективных оргий и коллективных практик — причем всегда без семяизвержения. Можно допустить существование особой магической цепи, вроде тантрических, о которых мы уже говорили, а не простого промискуитета. Но будем помнить, что мы говорим о "вещах, которые нельзя раскрывать в деталях".² И еще одно — с веками все указанные практики все же подвергались вырождению. Известно, что при Вэйской и Цинской династиях в даосских кругах уже

---

¹ *Ibid.*, p.404-405.

² *Ibid.*, p.405

рождались дети:¹ это означает, что не все даосы полностью избегали обычного, "влажного пути" в половой жизни.

56. Сексуальные практики в арабском мире и герметическая символика

Арабо-персидский мир также был знаком с мистико-оргастической практикой. Однако дошедшие до нас свидетельства очевидцев и путешественников были скорее вызывающими скандал, чем наполненными серьезным анализом данных явлений. Существует, правда, недавно опубликованное исследование группы авторов,² содержащее сведения о различных сексуальных практиках, встречающихся среди населения Северной Африки. Соитие с женщиной часто рассматривается там как один из способов накопления духовной силы (*barakah*), используемый при первоначальной подготовке будущего адепта к посвящению. Конечно, он применяется не для всех, а только для тех, чей темперамент предрасположен к сексу — и это только одна из стадий "подготовки первоматерии".³ Еще одна интересная деталь: часто секс используется чтобы научить человека противостоять гипнотическим воздействиям. Впрочем, "очарованность" в тантрической практике рассматривается как серьезная опасность, как любовный обморок и растворение в женском, исключая активный мужской экстаз *mañâ-sukha*. Как в тантре, так и в арабском мире средством противостояния такой расслабленности считается половое сношение с обычной точки зрения "противоестественное". "За норму при инициатических практиках принято сношение, не заканчивающееся семяизвержением. Мистические союзы, с участниками которых мы встречались, специально держат на содержании берберских девушек, используемых для такой

---

¹ *Ibid.*, p.409.

² *Introduzione alla magia quale scienza dell'lo* v.III, p.365-374. ("Experiences chez les Arabes").

³ *Ibid.*, p.371.

практики. В каждом случае применяется особая оккультная подготовка — *dhikr*, и ей подвергаются молодые женщины, прежде чем их допускают к этой практике. В течение всей ночи, во время которой продолжается непрерывное сношение, араб пьет особый чай, заваренный со специально приготовленными травами, сила которых стимулирует продолжение действия в течение очень долгого времени".¹

Автор цитируемого очерка добавляет: "Цель этой практики двойная. Прежде всего научение мужчин самообладанию, способности противостоять соблазнам, привносимым извне чувствам, физическим и психическим, дабы, господствуя над семяизвержением, суметь избежать его. Для молодых женщин, объектов практики, цель противоположна — научиться переносить и терпеть все извне происходящее. При этом, если мужчина видит, что женщина начинает плакать, то есть терпит "поражение", он должен научить ее подчиняться установленному порядку. Столкновение воли к власти и сопротивление ей создает психологическую травму — ее следует превратить в способ соединения со сверхчувственным."² Правда, в таких случаях, вплотную приближающих человека к паранормальным состояниям, очень велика опасность впадения в безумие, если, конечно, не соблюдена верная ориентация.³ Это надо иметь в виду.

Происхождение подобных практик явно суфийское. Суфизм описывает состояние *fanah* (тушение), за которым следует *badah* (утверждение). Мы уже цитировали Ибн Араби, который, разъясняя сакрализацию полового союза, отождествляет женщину с "космической натурой". Можно и дальше цитировать этого мастера суфизма: "Когда мужчина любит женщину, он желает наиболее полного соединения с ней, какое может дать любовь; но в рамках мира форм, составленного из элементов, нет союза более тесного, чем брачное соитие. Тогда желание охватывает все части тела, и поэтому священный закон предписывает полное омовение плоти

---

¹ *Ibid.*, p.371.

² *Ibid.*, p.372.

³ *Ibid.*, p.371.

после супружеского акта, подобное тушению пожара - ведь у мужчины любовная страсть к женщине охватывает все его существо. Но Бог ревнует Своего раба, не терпит страсти ни к кому, кроме Самого Себя. Потому требуется очищение, но еще лучше прямой разворот — в Его объятия — по существу, иного и не дано."¹ Такое ступение растворенного перед лицом женщины существования и обращение его к Божеству делает иллюзорным любое индивидуальное плотское желание: возможно, именно это и является ключом к оперативной мистике ислама.

В европейских традициях Средних и последовавших за ними веков легко проследить аналогичные подходы. Мы уже говорили о таких каббалистических течениях, как Братья Свободного Духа; у них, однако, были скорее просто проявления мистического эротизма, чем особые правила собственно полового сношения. Нельзя, конечно, исключить, что в более тайных кругах было иначе. Так мы уже упоминали приписываемый Исааку Голландцу герметико-каббалистический текст "Asch Mezareph", в котором используется символ копья Финея, пронзающего пару грешников так, что и грех преобразуется в чудо — возможно, здесь речь идет именно о тантрической технике подъема *vîrua* во время любовного акта. Есть и параллели с одиннадцатым "Ключом" Василия Валентина. Этот "Ключ" изображает двух женщин-наездниц, восседающих на двух пожирающих друг друга львах; каждая из них держит в руке сердце, из которого, подобно стеблям, растут, смешиваясь друг с другом, флюиды Солнца и Луны. В углу изображен пеший воин в накидке, он поднял шпагу, готовый нанести удар.²

Последний аркан Таро, называемый "Дьявол", также, по-видимому, имеет отношение к сексуальным процессам. Центральную его фигуру чаще всего отождествляют с тайным идолом тамплиеров Бафометом. Это андрогин³ с козлиной головой и пентаграммой во лбу. Правая и

---

¹ Ibn Arabi. *La Sagesse des Prophètes*. trad. T. Butckhaidt, Paris, 1955, p.187-189.

² B. Valentin. *Practica, cum cluodelim clavibus et appendice, de Magno Lapide antiquorum Sepientum*. Frankfurt, 1618.

³ Точнее — гермафродит. (Прим. перев.)

левая рука соответственно указывают на алхимико-герметические формулы *Solve et Coagula* ("растворь и сгущай").¹ В правой руке под знаком "Solve" фигура держит пылающий факел, указывая, по-видимому на внутренний свет, озаряющий действие. В левой руке — мужской и женский половые органы под знаком "Coagula", что, по-видимому, акцентирует магическую "фиксацию" образования андрогина. Кроме того, внизу, внутри иероглифа, расположенного на пьедестале, можно заметить демонов мужского и женского пола, возможно, обозначающих участвующих в практике мужчину и женщину, как бы под знаком андрогина с пентаграммой. Мужчина, поднимающий левую руку к горящему факелу, делает ритуальный благословляющий жест, в то время как правая его рука покоится на гениталиях; женщина же направляет правую руку во внутреннюю часть андрогина; левая ее рука также указывает на признаки пола. Находясь ближе к знаку "Coagula", изображение женщины несет смысл "сгущения астрального света" в состоянии флюидического опьянения, переживаемого именно ею в ходе "операции". Среди размытых темно-двусмысленных значений иероглифа, явно поливалентных, одно из наиболее очевидных относится к инициатической половой магии.

В подлинном герметизме — тайной Доктрине Запада, сохраненной в языке и работе алхимиков — толкование с точки зрения пола является одним из возможных толкований текстов; это, конечно, не означает, что следует осмысливать всю множественность этих значений и ограничиваться указанным толкованием. Но наличие эротической символики очевидно. Вообще в герметизме эротический символизм отчетливо заметен, а процессы, изучаемые этой наукой, могут быть описаны также в терминах половой магии. Мы уже упоминали о роли андрогина в данной традиции, *Rebis*'а. В старых греческих текстах также сказано, что сущностью Великого

---

¹ Не исключено, что здесь имеет место "контринициатическая" подмена первоначальной как тамплиерской, так и алхимической символики. Это требует дополнительного и беспристрастного исследования (Прим. перев.).

Делания является соединением и мужского и женского.¹ В алхимии мужское начало — Сера, тождественная принципу "Я" и божественному началу (греческое наименование серы $\theta\epsilon\iota\omicron\nu$ это подчеркивает). Женское же начало выступает под многими именами: Меркурий (Ртуть), Вода Жизни, Первома́терия, Универсальный Растворитель, Божественная Вода и т.д. Все это — "Дама Философов", в то время как "Золото Философов" или просто "Золото" — восстановление мужского начала. "Наше телесное Золото, — говорит Филалет, — это мертвец, соединившийся со своей супругой. В нем сокрыто присутствует и развивается внутренняя Сера." О женщине в алхимическом трактате грека Остонуса сказано: "В тебе сокрыта страшная и чудесная тайна".² Первая фраза "тайного союза" — растворение; при этом Женское или Ртуть (Меркурий) является активным растворителем. На этой стадии — "Работе в черном" или *nigredo*, мужчина или "Король" мертв. Сокрытая субстанция, претерпевающая прохождение сквозь этот кризис, именуется "Телесным Золотом" или "Вульгарной Серой"; эта форма предваряет проявление личного начала, "физического Я". После соединения с Меркурием или Божественной Водой его покров сорван. По прошествии кризисного состояния наступает состояние экстатическое, рождается свет, появляются "голубки Дианы" — Великое делание вступает во вторую фазу, *albedo*, "Работу в белом"; это уже более позитивное творческое проявление "женского порядка", "порядка Луны". Однако в ходе всего процесса мужское начало, называемое в текстах "Мечом Мудрецов" или "Несгораемой Серой", остается неизменным (не возгорается и не исчезает); оно, подобно Мечу, не подвержено никаким искажениям и сохраняет свою сущность среди текучести перемен, неизменно оставаясь "принципом" ("семенем") нового — стадии развития. Затем наступает то, что в *Opus alchemicum* называется третьей фазой, "Работой в Красном" или *rubedo*; экстатическая "увертюра" завершена. Сера и Огонь снова активны, мужское

---

¹ *Introtius apertus ad ocelusum regis palolium. ch.I.*

² *Apud. Berthelot. cit., p.8.*

начало, "выжив", вступает в реакцию с внизу лежащим миром и господствует над женским (в *Turba Philosophorum* сказано: "Мать всегда более сочувственно подвластна Сыну, чем Сын Матери"). Мужское растворяет в себе женское, преобразует его природу. Это и есть Союз Короля и Королевы, омытых и обнаженных, таинственно именуемый "Инцестом", образующий коронованного андрогина, "всесильного" и бессмертного, соединившего Солнце и Луну.¹

В той степени, в какой процесс герметического искусства относится к человеку и отражает процесс творения, космического проявления в его сущностных моментах, Великое Делание обнаруживает ту же герметическую символику, что пронизывает сексуальные практики тантрического типа. Однако, несмотря на широкое использование эротической символики (некоторые тексты прямо говорят о *coitus*'е Короля и Королевы, а изображения содержат эротические позы,² древние мастера герметизма соблюдали воздержание; для соединения с женским началом, обнажения Дианы, обладания Гебой и последующего *opus transformationis* — создания коронованного андрогина им не нужны были физические отношения с женщиной. Правда, во времена более поздние многие последователи герметизма не исключали для себя "пути Венеры" и интерпретировали его в соответствующих терминах.

Речь идет прежде всего о среде, к которой, видимо, принадлежал и о которой рассказывал Густав Майринк,

---

¹ Вот некоторые уточнения о ходе Великого Делания, особенно его второй стадии. Герметические тексты гласят: "Женщина берет преимущество над мужчиной, господствует над ним вплоть до привнесения в его природу изменений и не оставляет его до тех пор, пока не забеременеет. После этого мужчина собирает силы и берет над ней преимущество. Господствуя, он затем оставляет ее одну, но похожей уже на него". "Философская Ртуть есть растворяющая Вода. Король мертв и воскрес, ибо Вода убивает и оживляет. Философы называют ее Жизнью и Восстановлением; цвет ее белый". "Когда Вода создает совершенный и фиксированный раствор, она называется Ключом Жизни, Природой, обнаженной и свободной Дианой". "Прометей представляет собой Серу, оживленную Небесным Огнем". (A.I. Pernety. *Dictionnaire mitho-hermetique*. Paris, 1758, pp.220, 237, 267, 407.)

² См. воспроизведения у К.-Г.Юнга *Psychologie und Alchemie*. Zurich, 1944, p.167, 226, 266.

среде, в которой исповедывались весьма специфические доктрины, то тут, то там встречающиеся среди романских народов. Ярким представителем этих кругов был Джулиано Креммерц (псевдоним Чиро Форнисано), деятельность которого разворачивалась в Италии в конце прошлого и начале этого века, создатель особой организации "Цепь Мириам".

57. "Цепь Мириам" и "пиромagia"

В самом названии "Цепь Мириам" звучит множество отголосков. Христианское мистическое богословие говорит о Марии, Деве Богородице, theotokos, которая, будучи воплощением Церкви и Подательницей сверхприродной жизни, рождает Самого Бога, "Христа внутри нас". Еврейский эзотеризм содержит идею Шехины — мистической силы женской полярности, воплощенной также в инициатических сообществах. Л.Валли отмечает, что на тайном языке "Адептов Любви" "дама" означала не только "Святую Премудрость", но и их собственную организацию. Схожую концепцию мы встречаем и в школе Джулиано Креммерца: "Мириам", его "жена" или, что то же самое, — флюидический двойник, есть одновременно и мистическая сила возглавляемого им союза, витающая превыше каждого из его членов и посвячительно-"иллюминативная" цель всех их духовных практик.¹

Среди текстов, оставшихся после Креммерца, мы находим упоминания о "пути Венеры", возжигающем "психический огонь". Следование этим "путем" и есть "пиромagia" — она заключается в особой близости без физического контакта с лицом противоположного пола — совершенно аналогично средневековым формам поклонения "даме". Что касается самого слова "магия", то Креммерц говорил: "Магия — это активное завоевание сознания. Она есть полная и абсолютная компетенция

---

¹ В IV главе "Fascicoli della Muriam" сказано: "Как велик наш удел? — является Мириам — какой триумф! — она быстра, как тьмы тем — светится! — озаряет! — сияет!"

мужчины, но он не может ничего, если не использует женщину в качестве реципиента".¹ Женское начало — это одновременно и флюид, возбуждающий волю мужчины, и ее носитель в процессе "интеграции андрогина". С подобными идеями мы уже встречались неоднократно. Женщина оказывается своего рода медиумом, подчиненным мужчине, и одновременно его дополнением. Первоначальная задача мага — достичь единства в любви, "исключающего всякую нечистую мысль".² Креммерц считал, что задача оперативной половой магии — "овладеть женщиной как собственной флюидической противоположностью".³ Это — естественное продолжение идеи "комплементаризма" или "полярности" как основы всякого эротического притяжения. "Где начинается дух и кончается плоть — вот основной вопрос всякой любви".⁴ Вот как характеризует Креммерц переход непосредственно к "Пиромагии": "Любовь становится священной, когда встречаешь душу в магическом трансе. И физическое, и тонкое тело — все в человеке охвачено таким глубоким магнетизмом, что он начинает ощущать мир уже не как человек, но как гиперфизическое, гиперчувственное существо, лишь в истоках своих человеческое".⁵ Креммерц признает, что мгновения такого состояния свойственны всякой любви, однако "трудность заключается в том, чтобы их сделать определенными и длительными".⁶ Физическое влечение на самом деле здесь только мешает, парализует, препятствует. По терминологии Креммерца, в любви бывает два состояния: состояние *мага* — активное, и *транса* — пассивное. Когда то и другое налицо, тонкие тела мужчины и женщины не просто касаются друг друга — возникает возможность приведения в действие всего "нефизического", что есть в человеке и окрест его.⁷

---

¹ *Opera Omnia*. ed. "L'Universale di Roma". Roma, 1951, v.I, p.351-352.

² *Ibid.*, v.I, p.190.

³ *Ibid.*, v.I, p.146.

⁴ *Ibid.*, v.II, p.397.

⁵ *Ibid.*, v.II, p.326.

⁶ *Ibid.*, v.II, p.327.

⁷ *Ibid.*, v.II, p.327.

Креммерц утверждает, что "сквозь двери любви" мы входим в мир магии, пронизанной стихией Руг, "магического огня". Глядя на возлюбленную физическими очами, человек прозревает ее внутренне (*veniri sine veste Diana*). Но чем сильнее любовь, тем страшнее опасность "срыва". Ведь любовь — прежде всего искусство, и Креммерц раскрывает его тайные цели так: 1. Возжечь и усилить священный огонь. 2. Как сделать его постоянным и какими угольями питать. 3. Посредством звезды Соломона (состоящей из двух треугольников, Δ и ∇ , обозначающих мужское и женское, активное и пассивное), достичь соединения с внутренней сущностью.¹ Надпись на римском памятнике, именуемом "Герметическая дверь", *Rex igne redit et conjugo gaudet occulto*,² является как бы эпиграфом ко всему, связанному с Креммерцем и его школой.

В его многочисленных книгах мы можем найти конкретные детали и правила "флюидических объятий".³ Прежде всего, Креммерц говорит о необходимости того, чтобы эрос, главный "инструмент работы", не был просто половым влечением и жаждой, но именно любовью, тонкой и одновременно широкой, строго говоря, даже не поляризованной физически, но от этого не менее интенсивной. "Желать душу, все бытие в целом, так, как желают плоть". Такое духовное соединение без физического соития происходит следующим образом: "Эрос вызывает флюидическое соприкосновение, а флюидическое соприкосновение в свою очередь усиливает эрос. Возникает немислимое головокружение, непереносимое для обыкновенных мужчин и женщин. Любить, желать, неподвижно, продленно, взаимно и даже взаимно-вампирически, так чтобы все существо входило в зону головокружения. Вы оба соприкасаетесь всеми участками тел, но тел тонких, в тонких объятиях. Опьянение проникает в кровь и передается из крови в кровь, друг в друга. Все завершается взаимным и нескончаемым экстазом".

---

¹ *Ibid.*, p.332.

² Король воздал пламенем и возрадовался тайному браку (лат.).

³ *Introduzione alla Magia quale scienza dell'Io. cit.*, v.I, p.248 sqq.

В анонимной монографии "Магия союзов"¹ один из учеников Креммерца развивает взгляды учителя уже в чисто тантрическом духе, одновременно используя герметико-алхимическую символику. Согласно этому анониму, флюидические объятия без физического соития есть лишь начальная, подготовительная ступень. После их осуществления процесс должен перейти на физический план. "Поднявшись до магического *эроса* в бестелесных объятиях, следует опуститься вниз, в область секса, и устремиться в объятия телесные". Однако, чтобы не ослабить и вовсе не разрушить магическое поле, не стать жертвой "любви, которая убивает", надо следовать основному тантрическому, даосскому и арабскому правилу — не допускать семяизвержения.

Дополним сказанное несколькими деталями ритуального характера, изложенными автором, который приводит различие между двумя "режимами" — Воды и Огня, Женщины и Мужчины, Луны и Солнца — в классическом стиле герметизма. В частности, он утверждает:² "Когда двое соединяются, а финальный спазм превращен в делящийся процесс, можно говорить о достижении прекрасного, о космической экзальтации. Но и это состояние не является наивысшим, а потому не отождествляй себя с ним, не сливайся с ним, не сосредотачивайся на нем. Если с тобой это все-таки произойдет, то ты не овладеешь космосом, твой путь прервется на эротическом мистицизме, да и его погубит. Достигнув этой, почти нирванической, красоты, ты должен ее отвергнуть и тем обрести *силу Огня*, который некоторые даже называют "Огнем против природы". И только тогда режим Воды уже пройден. Женщина побеждена, Материя очищена от присущей ей влажности". Произошло возвращение к чистой активности — женщина "с присущим ей ядом" была лишь средством на пути к этому возвращению. Как при Великих Мистериях, достигнуто анти-экстатическое (точнее, сверх-экстатическое) состояние, о котором мы уже говорили, цитируя *Mandûkyâ-uranishad*. В связи с этим надо иметь в виду принци-

---

¹ *Ibid.*, v. II, p. 263-368.

² Здесь и далее *Ibid.*, p. 371-372.

пиальное различие между участниками процесса, мужчиной и женщиной: "Участие женщины ограничено экстазом и достижением сексуального акме. Дальше этого она по знакам собственной природы пойти не может". Это полностью соответствует тантрической-буддийской терминологии Vajrayâna и даосской доктрине выделения и усиления чистого yang.

Как и сам Креммерц, цитируемый автор настаивает на проведении "операции" в изолированной комнате, "насыщенной особыми ароматами и "посвятительными знаками". Это помещение должно стать "роковым местом, где ты должен сначала добиться полного изменения сущности женщины, а затем и войти в нее — там произойдет ваше взаимное головокружение, а затем двойная операция — объятия душ, а следом за ними и тел, и только потом — возгорание света".¹ Так мы вновь возвращаемся к âгора, тантрической транссубстанции и "реальному присутствию".

Из всего написанного на эту тему данные два текста указывают на тайны инициатической половой магии наиболее откровенно, почти без прикрытий. Те же мотивы встречаются и в других современных источниках, если, конечно, они не принадлежат к разряду простых мистификаций. Встречается и такое.

58. "Свет пола" и "телемский закон"

Первый из упомянутых в заголовке источников действительно очень сомнителен, "Свет пола" — название, объединяющее несколько брошюр, опубликованных в первой половине нашего века госпожой Марией де Нагловска. Помимо идей, уже нам известных, эти брошюры наполнены большим количеством чисто личных домыслов, ярких, но очень неточных формулировок. Кроме того, многое просто рассчитано на эпатаж: помимо всего прочего, хотя это и не главная ее тема, М. де Нагловска провозглашает свой "сатанизм". Судя по всему,

---

¹ *Ibid*, p.376.

сведениями своими М. де Нагловска обязана прежде всего связям с известными русско-кавказскими,¹ а также, возможно, хасидскими, кругами. В целом ее концепция совпадает с положениями, изложенными в § 34, с идеями циклического развития, символизируемого "космическими часами". Первая фаза — нисхождение Бога в "природу", "Сына" в "становление", мужского в женское. Именно женщина — Шакти — господствует на этой фазе. Это выражается цифрой 6, расположенной в низшей точке часового кадра, то есть, если смотреть с точки зрения "нисхождения арки", то в самом ее низу, "где женщина господствует над мужчиной, а дух пленен материей и бьется в ее внутренностях". Это граница бездны; дошедший до этой границы умирает и возрождается к вечной жизни. Шестерка — точка "опасного перехода", поворота, "наивысшего испытания".² Именно там, на краю бездны, возможно использование элементов половой магии, связанных со встречей женского начала и основанных на главном тантрическом принципе "победы над злом через его преобразование в добро".³ Женщина — дверь, отворяя которуюходишь как в область смерти, так и в область Жизни. Половая похоть "привязывает мужчину к женщине не ради Жизни (Жизнь = Бог), но ради Смерти (смерть = сатана). Ева — поле борьбы Жизни со Смертью.⁴ В решительный момент испытания мужчина "вновь встречает" "супругу", влекущую его в ней "потонуть", но не в смысле "падения", а в смысле погружения "в смерть и в становление". Задача его — сохраняя сознание, не потерпеть поражения, но достойно выйти. В этом контексте женщина оказывается Janua Coeli, средством освобождения. Пройдя фазу упадка, отмеченную шестеркой, победитель начинает восхождение к точке *Zero* космических часов, к нулю. В этой точке он — сакральный Ко-

---

¹ Речь идет о последователях Г.И.Гурджиева (Прим.перев.).

² M. de Naglovksa. *Le rite sacré de l'amour magique*. Paris, 1932, p.16-18.

³ M. de Naglovksa. *Le mystère de la pendaison*. Initiation, satanique selon la doctrine du troisième terme de la Trinité. Paris, 1934, p.11-12. Автор пишет: "Разлив страстей есть не что иное, как неумение владеть возрождающимся злом".

⁴ M. de Naglovksa. *La Lumière du Sexe*. Rituel d'initiation satanique. Paris, 1932, p.56-57.

роль, свободный от уз материи. Таков ритуал "второго брака, порождающего Мессию".¹ Все это, кажется, нашло отражение не только в абстрактно-символических рассуждениях, но и во вполне конкретных сексуальных практиках. И, кажется, техника их опять-таки как-то связана с тем же правилом не-извержения семени. Сама Мария де Нагловска различает при этом две "операции". Первая является как бы ключом ко всему процессу. "Проходящий испытание должен остаться сухим до конца, ибо сказано — не позволяй священной силе кристаллизироваться в жидкую смерть. Ведь есть опасность смерти (вероятно, все-таки не физической — Ю.Э.) в случае неудачи на этой стадии (как утверждает Нагловска — Ю.Э.), женщина бессознательно предаст себя дьявольской операции".² Абстрактно понимаемое слово "дьявольская" означает не что иное, как сверхъестественное "усиление yang", в точности по даосским рецептам "диссолютивного соединения", в то время как собственно инициация следует после и отдельно. Это — вторая "операция", в ходе которой мужчина "приносит себя в жертву сияюще женскому" в постоянно дрящемся сублимированном священном соитии, в котором женщина более не находится в дремлющем состоянии. Мужчина выходит из этого испытания с "потрясенным разумом", безумным, как об этом говорят все тайные учения. Он меняет свою природу и превращается в нового человека.³ Состояния женщины в ходе обеих операций — "дремлющее" и "бдящее" — можно отождествить с усыплением и пробуждением внутри нее "обнаженной Дианы", трансцендентной женщины; состояние же "потрясенного разума" тождественно йогической

---

¹ *Ibid.*, p.56-57. p.17-18. Об элементах сатанизма, хотя и очень примитивного, здесь, пожалуй, все же можно говорить. Согласно Отцам Церкви, антихрист, то есть ложный мессия, должен родиться "от мнимой девы-блудницы". Некоторые, очень отдаленные построения мы находим у М. де Нагловска, однако ясно, что здесь речь идет не о "глубинах сатанинских", но о профаническом "великосветском" флирте с данным персонажем, по уровню мало чем отличающемся от вульгарного столоверчения. Впрочем, любой сатанизм примитивен (Прим. перев.).

² *Lumiere du Sexe*. p.112-113.

³ *Ibid.*, p.136-137.

"смерти *manas'a*". Что касается второй "операции", с участием "пробужденной женщины", то Мария де Нагловска отсылает интересующихся ею к другому своему сочинению, довольно сложному для понимания. Там упоминается, что во время "второго ритуала" любовного акта "вибрации не должны приносить женщине локализованного удовольствия, ибо такое удовольствие есть прерогатива мужчины". Это не так банально, как кажется на первый взгляд, — все ранее сказанное о половой магии есть утверждение того, что именно мужчина должен избегать "локализации ощущений", к которой он, впрочем, склонен по своей чисто физиологической конституции. Очевидно, речь идет вообще о необходимости подавлять телесное наслаждение и заменять его "мистическим": "Вообрази ласку без соприкосновения, тепло, в котором нет ничего от плоти, поцелуй всюду и никуда".¹ Но это еще как-то можно понять. Все остальное в книгах этой писательницы носит совершенно фантастический характер, как, например, описание ритуала "инициатической казни через повешение", которой следует подвергнуть себя прежде чем переходить ко "второй операции". Согласно Марии де Нагловска, только прошедший этот ритуал может "небесполезно соединяться" с "адекватно обученной" женщиной. Чтобы познать "невыразимое счастье сатанического наслаждения", необходимо "прекратить проникновение внутрь женской плоти" — но в то же время, "тот, кто совершает со своей супругой ритуал земли, делает это, чтобы обогатить, а не истощить себя".² Все это, скорее всего, фантазии, да и "сатанические" выражения употреблены, пожалуй, для красного словца, однако что-то подобное мы встречаем в практике некоторых японских школ дзен-буддизма, где применяется полуудушение монаха, дабы вызвать у него травму сознания, переходящего в измененное состояние. Подобное культивирование травматизма, впрочем, может сводить на нет психическую опасность от прерывания практики, самого по себе травматического. То есть, "клин вышибают клином".

---

¹ *Le rite sacre. etc.*, p.42.

² *Ibid.*, p.132.

Можно также увидеть схожесть "сатанического наслаждения" и *saḥaja-sukha*, тантрического экстаза, который призван помешать наступлению обычного оргазма. Но то, что в тантризме выглядит серьезно, у Марии де Нагловска — курьезно. И эта курьезность только усугубляется ее возвышенно-романтическим тоном. Б.Анель Кам свидетельствует, что, когда группе журналистов было разрешено ознакомиться с "достижениями" "школы" М. де Нагловска, единственное, что им показали, была церемония приема молодых женщин в группу для будущего участия в "сатанической операции".¹

Другой источник, вынесенный в заголовок данного параграфа, связан с жизнью Алистера Кроули, англичанина, жизнью действительно очень разнообразной, динамичной и полной приключений. С одной стороны, налицо мистификация и напускной сатанизм — Кроули именовал сам себя не иначе как "Великим зверем 666". С другой — очевидно, что человек этот действительно обладал какой-то реальной силой, явственно ощущаемой всеми входившими с ним в соприкосновение. Это было подтверждено и засвидетельствовано очень многими, хотя вообще-то довольно трудно определить, связано ли это было с объективными следствиями интересующих нас практик или же с личными парапсихическими способностями А.Кроули. По некоторым свидетельствам, сами эти способности были очень невелики. Произведения А.Кроули почти недоступны — некоторые из них печатались очень малыми тиражами, другие вообще остались в рукописях, ибо предназначались для узкого круга учеников и доверенных лиц. Известно, что Кроули сам осуществил несколько "посвящений", а также о его связи со своеобразным арабским йогинем Сулейманом бен Аифха, и с индийскими тантристами "левой руки" Брима Пратобом и Шри Агамия Парахамсой.² Помимо "сатанинских" и "языческих" деклараций, скорее всего имевших целью эпатировать "профанов", Кроули известен как глашатай и про-

---

¹ *Théorie et pratique de la magie sexuelle*. Paris, s.d.

² См.: I.Symonds. *The Great Beast*. The life of Aleistor Crowley. London, 1952, p.118.

поведник так называемого "Закона Телема", явно вдохновленного идеями тантры.

Одним из девизов "Телемского ордена" были слова: "Любовь есть закон, любовь, подчиненная воле" (Love is the law, love is the will). Любовь понималась исключительно как любовь половая, открыть природу которой через особый эротический опыт и было целью адепта.¹ Кроули исследовал "религию наслаждения и радости", в которую можно войти через "высшую идею смерти как испытания и посвящения".² Мы снова встречаем здесь сочетание "любовь-смерть" (amour-mort, amor-mors, etc.), с которым неоднократно сталкивались в связи с магическим "путем Венеры". Кроули говорил о "ядах, изменяющих пищу",³ он призывал "искать вещей, наиболее для тебя ядовитых, таких, как любовь" ради разрушения "комплексов" (т.е. "условностей") природы.⁴ В частности, он имел в виду "преодоление напряжения диады через оргию противоположностей"; это якобы следует делать постоянно, соединяя свою природу "с новыми и новыми супругами" (mates) на каждом новом плане бытия". Вероятно, речь здесь идет о "парафизических браках", о которых говорили Парацельс и Креммерц.⁵ Кроули писал: "Мы берем противоположности и соединяем их воедино; этот союз есть экстаз растворения низшего элемента в высшем". Такой союз "призван разрешать от комплексов и уз материального мира и создавать все менее и менее материальный — это наш путь любви, путь восхождения от экстаза к экстазу".⁶ И далее: "Полярность велика, но еще более дикой является сила притяжения и энергия, освобождаемая при половом сношении". Постоянно говоря о сексе как источнике

---

¹ *Ibid.*, p.167. Вступая в "орден", "ученик" приносил клятву: "Я, имярек, в присутствии Зверя ббб всецело посвящаю себя Великому Деланию, цель которого — раскрыть свою истинную волю и осуществить ее. Любовь есть закон, любовь, подчиненная воле".

² *Ibid.*, p.126.

³ *Ibid.*, p.237.

⁴ Из неизданного *Liber Aleph, the Book of Wisdom or Jolly*, отрывки напечатаны в *Introduzione alla Magia quale scienza dell'Io*. v.III, p.422 sqq., 450.

⁵ *Ibid.*, p.447, 449.

⁶ *Ibid.*, p.447, 448.

энергии, Кроули считал привыкание к одной-единственной женщине отрицательным фактором.

Этот, если так можно выразиться, "полуметафизический" уровень общения с женщиной Кроули сочетал с использованием наркотиков и психотропных средств ради преодоления обыденного сознания и сверхчувственного пробуждения. Биограф Кроули, Симонде, полагал, что "секс был для него восхождением к Богу, его личным способом освящения себя и мира. Он вступал в половые отношения не ради развлечения и не ради размножения, но ради рождения новых потоков энергии, ради обновления сил. Для него сам половой акт был магическим актом, священным таинством". "A prolonged orgy in honour of the great god Pan — all in due order and proportion, very admirable".¹ Opus — так называл Кроули половой акт; слово это взято из герметической терминологии "Великого Делания". Акмеическая стадия Opus'a ломает границу уровней сознания и ставит адепта лицом к лицу с богами: "Operation prolonged and intense: orgasm multiple... — The gods clearly visualised and alive".²

Сексуально-магические ритуалы были наиболее тайной стороной деятельности созданного Кроули О.Т.О. (Ordo Templaris Orientis).³ Описаны они в книге "Agape — Liber C: The Book of Sangraal",⁴ которую нам не удалось достать. Поэтому нам трудно сравнивать тантризм с правилами, установленными Кроули. Возможно, режим агора, то есть пробуждения сверхчувственной реальности, так или иначе присутствовал у "Templaris Orientis". Об одной из своих подруг Кроули писал: "Она знает и любит во мне бога, а не человека, вот почему и в самой себе она победила отравляющий ее токсичный газ" (то есть иллюзию индивидуального Я). Но при этом он прекрасно осознает смертельные и животные аспекты женского начала. "Странная, извращенная богиня, богиня без чести и совести", — так пишет он о женщине. По-

---

¹ Продленная оргия в честь великого бога Пана — все в должном порядке и пропорции, поистине восхитительна" (англ.).

² Продленная и интенсивная операция: множественный оргазм — боги ясно видны и оживлены" (англ.). См. Simonds. *Op.cit.*, p.135.

³ Орден Восточных Храмовников (тамплиеров) (лат.).

⁴ "Агапе Либер (см. §48) С: Книга Святого Грааля" (англ.).

знать ее сущность как богини можно лишь употребляя женщин одну за другой — так считал Кроули.¹ Он дает и советы о способах завоевания "богинь". Утверждая, что у каждой женщины есть одна наиболее чувствительная зона, Кроули советует сосредотачивать именно на ней все внимание и так "завоевывать" жертву: "Единственное, что противоестественно, это промедление. Не обращайтесь внимания на ее жалобы, просьбы о милости, подавляйте ее сопротивление как можете. Через несколько часов она не будет способна пошевелить и рукой, и тогда сдастся". При этом рекомендуется избегать brutality, тем более, что женщина все равно всегда "вульгарна в своих желаниях". Brutality, конечно, может быть, но чисто психическая, а не "реальная".²

Для исследователей Кроули существует одна неясность. С одной стороны, у него были дети, с другой — он часто говорит о sex-magic в контексте гомосексуализма. Касательно первого, думается, он никогда не собирался оплодотворять своих "инициатических подруг"; скорее всего, как раз по контрасту с бурной жизнью, ему был необходим домашний очаг. И, будучи человеком "широким", он не возражал, если кто-то от него и родит. Что же касается второго аспекта — гомосексуальности — то, хотя и известно, что связей такого рода у Кроули было не так много, очевидно, цели их были именно магические, то есть выход на сверхчувственный план с помощью чего-то необычного, подобного наркотикам. Возможно, Кроули стремился таким образом вызвать у своих учеников особое состояние медиума, "озаренного" — практика, по некоторым сведениям, осуществлявшаяся и Калиостро, и Креммерцем. Что же до женщин, то и у них Кроули пытался вызвать "даже с одного раза состояние неистовства, разрешавшееся затем глубоким спокойствием в сочетании с пророческим трансом и часто с описанием своих видений".³

---

¹ *Ibid.*, p.148.

² *Ibid.*, p.131.

³ *Ibid.*, p.110.

В любом случае, основной "технический прием" Кроули — превышение, чрезмерность: в наслаждении и в боли, в сексе и в пьянстве — во всем следует "дойти до точки", а затем все-таки продолжать жить.¹ Среди инструментов, используемых Кроули, — наряду со знаками, пентаклями, одеждами и так далее, — "магический кинжал" — символ готовности "пожертвовать всем".² Один из тайных ритуалов, изложенных в "Esoteric Record" в главе XV, называется "смерть через оргазм" или *mors justi*.³ За границей безумия или опьянения всегда — магическая озаренность, транс, переживаемый как мужчиной, так и женщиной.

При всем том Кроули хорошо знал, что занятия половой магией могут как разрушить организм, так и оказаться своеобразной почти аскезой, его укрепляющей. По его мнению, следует быть готовым и к тому, и к другому, и в особенности знать обо всех опасностях употребления наркотиков. "Я научился полностью владеть

---

¹ В "Esoteric Record" Кроули утверждает, что "техника экстаза" может быть как гетеро-, так и гомосексуальной. Использование женщины даже "более опасно для мага", так как всегда есть опасность оплодотворения. Впрочем, это по изложениям других (в том числе см.: J.Symonds. *The magic of A.Crowly*. London, 1958, p.117); возможно, подход у него был чисто тантрический. Согласно тантре, гомосексуализм допустим как способ "вхождения в экстаз", но лишь для некоторых, и притом ненормальных (в отрицательном смысле слова) людей. Сам по себе он не имеет никакого отношения к метафизике пола, изначально связанного с гетеросексуальной полярностью.

² *Ibid.*, p.205.

³ *Ibid.*, p.131. Надо иметь в виду, что в своей книге, посвященной мистическому эротизму, Р.Шваллер де Любич пишет о практике "превышения": "Бесконечность человеческих возможностей дает смысл превышению Стремясь к абсолютному, всякое превышение мистично". Оргазм — тоже "превышение эротического напряжения, естественно, превышение, предусмотренное природой. Но и всякое превышение ведет к бесконечности, а значит, и к смерти. Непосредственный результат вторичен. Суть в том, что всякий, подлинно осознавший бытие, уже превышает ему данное жизнью, а значит, должен умереть. Это может быть логически обоснованным решением, а может быть смертью в экстазе, но если смерть последует, никто не несет за нее моральной ответственности. Никто не хочет смерти, а лишь высшего экстаза; но он несет с собой уничтожение самости, эгоизма, — очарованность, а значит, и смерть". (*Adam, l'homme rouge*. Paris, 1927, p.170 sqq.184). Шваллер утверждает, что неспособность человека умереть в половых объятиях, как это происходит у некоторых животных, — не сила, а слабость (p.104).

своим духом; моя мораль более строга, чем у кого-либо в мире, хотя все мое поведение — это абсолютная свобода".¹ Но если сам Кроули скончался в 72 года в полном физическом и душевном здравии, то почти все, вступавшие с ним в контакты, особенно женщины, окончили жизнь в психиатрических лечебницах или просто самоубийством: это именно те последствия, от которых традиция предостерегает идущих "путем левой руки".

Относительно наркотиков Кроули понимал, что к ним чаще всего возникает привыкание (еще большее, чем к женщинам), и большинство не может его преодолеть. Наркотики, говорил он, это пища "сильных духом мужчин, королей".² Но и от наркотиков все-таки можно освободиться: еще более опасно привыкание к пассивному медиумизму, к сверхчувственным контактам — "экзистенциальному рабству", которое страшнее материальной интоксикации.³ Употребление Кроули и его последователями наркотиков, очевидно, было тождественно употреблению "тайных зелий" в древности и на средневековых шабашах и радикальным образом, в том числе и по результатам, отличалось от того, чем занимается большинство наших современников, просто разрушающих свое здоровье. У самого Кроули употребление наркотиков не превращалось в наркоманию, но носило ритуальный характер и было включено в определенную "цепь". Но мы должны знать, что почти все его последователи не выдерживали поставленных "наставником" целей и скатывались от "доктринального" к индивидуально-разрушительному.

---

¹ *Ibid.*, p.170.

² *Ibid.*, p.170.

³ De Guaita (*Le Temple de Satan*. cit., v.I, p.354) утверждает, что чем более тонка организация человека и его склонность к сверхчувственному восприятию, тем безопаснее для него наркотики. "Это как бы безмолвный договор". Он добавляет (p.369-370), что в некоторых случаях наркотики "экстерриоризируют" образы, уже живущие внутри человека. В конце концов творческий дар всегда греховен.

59. Предположения относительно так называемой "оперативной половой магии"

Нам осталось поговорить лишь о половой магии в ее собственном, так называемом "оперативном" значении, то есть не о физическом или просто неизвестном современной материалистической психологии воздействии одного человека на другого или на окружающую среду. За рамками данной книги остается вопрос о реальности таких воздействий. Наша задача — не вынося никаких оценок, описать основные чисто технические предпосылки таких воздействий тогда, когда в качестве основного магического способа используются отношения, возникающие между лицами разных полов.

С точки зрения чистой метафизики, *эрос* — это стремление к реализации тайной структуры всеопределяющей троичности, иными словами — восстановление Единого там, где господствует диадическое деление. Одно лишь осознание этого факта, конечно, еще не "магия". Человек парализован экзистенциальной разорванностью, рас-троен-ностью. Разделение полов — лишь одно из проявлений дуализма, такое же, как диады "дух-природа", "Я — не Я". Если признать, что диада не разорвана абсолютно, иными словами, есть некие метафизические отношения между ее членами, — а это, как мы видели, особенно внятно признавал Скот Эригена, — то значит, не может не существовать и некоей взаимосвязи между полом и опытом трансценденции. А значит, при определенных обстоятельствах "технически" возможно и прямое, парафизическое воздействие на не-Я, на природу, на неблагоприятные стечения обстоятельств. Вспомним классическую платоновскую редакцию мифа об андрогинах, которые якобы и были рассечены пополам из-за гнева богов, вызванного как раз такими их способностями и возможностями, благодаря которым андрогины были способны с ними состязаться.

Это с точки зрения метафизики. С точки зрения психологической науки магия (любая) восходит к паранормальным состояниям, к экзальтации, к "маниям", опья-

нению и активному экстазу, разрывающему физические обусловленности и ставящему Я в активные отношения с тем, что Парацельс называл "Светом Натуры", с психической гранью реальности, где каждое слово и мыслеобраз обретают объективно-реальный характер. Тогда и эрос может стать не только мистико-инициативным, но и магическим в прямом смысле слова. Исключительная подвижность и жизненная сила эротических фантазий известна и в профанической любви — об этом мы много говорили. В какой-то момент, в какой-то степени и форме всякая любовь оказывается именно оживлением "живой магической фантазии". Но есть и особая техника, использующая силу пола в магических целях — в традиции известны и ее особые правила.

В современном, оторвавшемся от традиции мире, почти все подобные проявления имеют очень низкую природу — это колдовство, причем крайне примитивное, и оно нас совершенно не интересует. Лишь некоторые черты индийского тантризма могут привлечь внимание. Вот практика построения сакга или "цепей" (буквально "колес"), составленных из разнополых пар, расположенных по кругу и совершающих ритуальные совокупления. В середине круга размещался сакреçвага со своей çakti — он руководит всеми остальными. На эту роль избирался только посвященный адепт. Цель "операции" — оргиастическое пробуждение "богини", невидимо управляющей участниками. Ее движения они и повторяют между собой: в результате образуется "флюидический" или "психический" поток. Магический ритуал завершается за счет сакреçвага: "один, два, три!", то есть опять налицо значение числа "три". Однако, скорее всего, цели подобных практик носили прикладной характер. Вероятно, они устраивались местными князьями для "энергетической подпитки" различных "профанических" мероприятий, например, для воинов перед походами.¹

Правда, одной, хотя и самой существенной детали, мы не знаем — не было ли все это обычным оргиастическим промискуитетом, или же ритуал подчинялся пра-

---

¹ См.: Woodroff. *Shakti and shâkta*. cit., p.583.

вилам удержания семени. Наше предположение состоит в том, что полностью завершить половой акт мог только *sakreçvara* со своей *çakti* — остальные же должны были достигнуть состояния на грани *climax'a* и сохранить в себе его энергию для последующих, уже не сексуальных, действий, в частности, для битвы.

Некоторые подобные практики дожили до наших дней и существуют даже внутри нашей цивилизации. Очень важный документ приводится в книге "Magia Sexualis" Паскаля Беверли Рэндольфа.¹ П.Б.Рэндольф — заметная фигура среди писателей-"оккультистов" XVIII столетия. Он принадлежал к организации "Hermetic Brotherhood of Luxor", имевшей центр в Бостоне и несколько отличавшейся от похожих групп и сект, объединявших в основном чудаков и мистификаторов. Век спустя, в 1870 году, "братья" вновь заявили о себе, создав центр под названием "Eulis Brotherhood". Книга "Magia Sexualis" была составлена уже после смерти Рэндольфа из записей, сделанных им для личного пользования членов "братства", и то не для всех. Если быть точным, то сексуальные практики были дозволены только на "второй степени" внутри сообщества. Современной публикацией книги мы обязаны Марии де Нагловска, о которой здесь уже говорилось. Это надо иметь в виду, так как во многих аспектах изложенного очень чувствуются личное влияние и толкования последней.

Рэндольф начинает с констатации того, что "пол есть великая и главная магическая сила природы". И когда он утверждает, что "все силы и способности вообще истекают из женского аспекта Божества",² мы легко узнаем здесь метафизическую концепцию *Çakti*. Заметна интересная деталь: согласно Рэндольфу, если на материально-телесном уровне мужское образует положительный, а женское — отрицательный полюс, то на "ментальном" — "женщина активна, а мужчина негативен". И далее — если мужской и женский половые органы соответственно положителен и отрицателен, то противоположные знаки имеют особые "органы ментальных

---

¹ *Magia Sexualis*. Paris, 1952.

² *Ibid.*, p.81-82.

проявлений", расположенные в области головы".¹ Станислав де Гуайта утверждал нечто подобное о негативности мужского начала в состоянии "жадного желания" и о позитивности женского, причем именно в его "тонком", "привлекающем", "высасывающем", "не действующем" аспекте. Именно поэтому целью инициатических половых объятий является восстановление на духовном и тонком плане позитивного аспекта мужчины перед лицом женщины.² В этом смысле говорить об области головы как органе "ментальных манифестаций" в духе Рэндольфа неточно. Область головы — скорее орган "психологически-интеллектуальной" деятельности, в которой все-таки не женщина, а мужчина "заряжен положительно". "Переполюсовка" негативного аспекта мужского (о чем мы уже говорили в связи с символикой *vīraṅīta-maithūna*) касается более глубоких пластов бытия. В дальневосточной терминологии это прежде всего кристаллизация чистого yang, достижение состояния, при котором *non des mulieri potestatem animae tuae*.³ Если Рэндольф не упоминает об этом условии, все равно очевидно, что именно достижение такого состояния есть конечная цель *magia sexualis*.

Первейшее качество чистого yang — так называемая *летучесть*, то есть способность господствовать над любыми обстоятельствами, возвышаться над ними и пребывать при этом твердым и постоянным. Согласно Рэндольфу, "нет силы, подобной силе грозы, — она сияет и гремит, но себя при этом не истощает. Необходимо развить в себе эту силу — летучесть — неподвижную, ибо она подчиняется всем приказам ума, и холодную, ибо она превышает всякой страсти".⁴

Второе необходимое качество, которое в некотором смысле можно назвать внутренней антитезой первого, — "декретизм", или "диктаторские качества, без которых человек не может совершить ничего — ни хорошего, ни дурного", "умение отдавать приказания спокойно и су-

---

¹ *Ibid.*, p.23-24.

² *Introduzione alla Magia. etc.*, v.II, p.373-374.

³ Ни одна женщина не способна убить душу (лат.).

⁴ *Magia Sexualis*. p.33.

рово, без всякого внутреннего сомнения в том, что они будут выполнены". Мы уже говорили, что в индо-тибетском тантризме мужское начало имеет в качестве символа vajra — скипетр. Чтобы развивать эти способности, следует иметь воображение "свободным от всяких чувств и забот, способных воспрепятствовать отдаванию приказа".¹

Третье качество — "гибкость", то есть умение пластично, с помощью телесных движений, выразить и воплотить определенные мысли и чувства. Ритуальная гибкость тела очень важна в любой йогической практике, с ней связаны asâna и mudra, особые позы и положения тела, позволяющие открывать и закрывать циркуляцию тонких энергий организма. Когда определенная поза "осуществлена", это имеет и внутренний смысл. И тогда само положение тела становится лишь его внешней объективацией. Четвертое и основное качество yang по Рэндольфу — "тироклеризм", то есть способность пробуждать и формировать перед внутренним взором образы, покоящиеся в глубине подсознания.

Мы не будем останавливаться на магических свойствах запахов, звуков, цветов, равно как и на астрологических выкладках автора. Отметим главное. Рэндольф указывает, что целью всякой половой магии является, во-первых, исполнение предначертания, желания и в конечном счете приказа "оператора". Далее — "провокация сверхчувственных видений", подобная опытам Кроули. На третьем месте — восстановление жизненных сил и "магнетических способностей" (как и у даосов). На четвертом — подчинение женщины мужчине и наоборот. И, наконец, говорится о "тяжести" психо-флюидической силы, которой надо насытить объекты воздействия — это последнее вообще находится на грани человеческих возможностей.

Касательно правил самого сношения автор не высказывает ничего определенного, а то, что он говорит, мало убедительно. Общим моментом, разумеется, является утверждение, что "похоть и наслаждение не есть главная

---

¹ *Ibid.*, p.39-40, 59.

цель".¹ Однако достаточно трудно понять, как без наслаждения достичь "союза душ", — возможно, впрочем, что вся ситуация лишь средство, как и женщина — своего рода инструмент. Может быть, даже речь идет о простом флюидическом, а не телесном соединении. С одной стороны, Рэндольф пишет, что соединение должно стать "подобием молитвы", с другой непонятно, как молитвенность может сочетаться с "текучестью" и "декретизмом".² Кроме того, во время самого полового акта, как считает Рэндольф, надо "саморазрушаться" и "возноситься ввысь"... в момент, когда, всеми своими силами, соединенными в пучок, касаешься самого корня противоположного пола. С этого момента соитие становится магическим. "Лучше всего, когда мужчина и женщина думают об одном и том же и желают одного и того же, но даже и молитва одного бывает действенна, ибо во время любовного спазма один способен передавать свою творческую силу другому". Но чтобы она была "действенна", "необходим пароксизм двоих. Момент наслаждения женщины должен совпадать с излиянием мужчины, иначе магического соединения нет".³ При этом прямо говорится, что в этот момент "мужское семя проникает в тело женщины". И в то же время автор ополчается на "телесную страсть", "звериный инстинкт", который "самоубийствен для мужчины".⁴ Все это трудно примирить одно с другим, если, конечно, здесь не сокрыт некий эзотерический подтекст. Как мы уже знаем, семяизвержение есть прерывание всего процесса и с точки зрения сверхчувственного восприятия — опасное "ослабление".

Если верить Рэндольфу и относиться к его писаниям всерьез, то следует полагать, что он на самом деле отделяет "магическое семя", *vîgua*, от вещественного. Женские объятия пробуждают в мужчине силу, с помощью

---

¹ *Ibid.*, p.77.

² *Ibid.*, p.88, "Через декретизм, летучесть и гибкость усиливается желание в момент эякуляции и ими же достигается усиление воздействующей мысли после акта".

³ *Ibid.*, p.76-78. Автор, однако, забывает, что женский оргазм может продолжаться довольно долго, и даже после сношения.

⁴ *Ibid.*, p.80.

которой он в момент эякуляции способен отделить магическую вирильность от вещественной, и женщина оказывается как бы обманутой — она получает лишь безжизненную жидкость, лишенную гипербиологического компонента. В то же время, возможно, сакрализация и ритуализация чисто детородного полового акта, существующая в креационистских религиях, подобных исламу, придает биологической эякуляции и некоторое магическое значение. В любом случае ясно, что Рэндольф придает особое значение живительной и динамической силе воображения, которую следует поставить на службу "магическим целям". Это единственный ключ к относительному пониманию того, что он все-таки хочет сказать о правилах полового соития, если, конечно, он их действительно воспроизводит в своей книге, а не занимается мистификацией. Все-таки мы полагаем, что одновременный "эротический кризис" у мужчины и женщины понимается чисто как "творческий" и не может быть истолкован в материально-физическом смысле обычного полового акта. К животному зачатию способна и очень молодая, и фригидная, и изнасилованная женщина, а оплодотворяющее действие сперматозоида в яйце может наступить даже через несколько часов после оргазма. Возможно, к тому же, и искусственное оплодотворение. А, значит, не об этом говорит Рэндольф.

Отметим, что он приводит некоторые особые схемы позиций при половом сношении — это все вполне в ключе его теории "гибкости". В данной книге обо всем этом можно лишь упомянуть в самых общих чертах. Достаточно указать, что некоторые древние тайные традиции, пусть в искаженном виде, но дожили до наших дней, и те сексуальные "позиции", которые сегодня мы сплошь и рядом встречаем в профанической и "свободной" эротике, — всего лишь остатки древних и даже магических ритуалов.

Очевидно, что участие в описываемых Рэндольфом "операциях" в области половой магии требует большой подготовки и даже своеобразно-парадоксального "раздвоения личности": с одной стороны, неизбежно саморастворение и экстатическое слияние с женщиной вплоть до осуществления "не-дуальности", необходимой

для успеха "операции", с другой — адепт должен сосредотачивать свое внимание на собственном "втором Я", которое может быть связано как с "магической молитвой", так и с совершенно "профанным" предметом — здесь важна сама концентрация.

Рэндольф выдвигает и некоторые особые требования, как, например, семидневную подготовку, за которой следует "оперативный период" в четырнадцать дней и сам "ритуал" — три дня.¹ Говорит об особой подготовке места. Женщина должна спать в отдельной комнате; ее нельзя часто видеть; ее нельзя видеть даже тогда, когда между партнерами уже возникло магнетическое притяжение. После каждой "операции" женщина должна уединяться и пребывать в молчании. Все это свидетельствует о ее чисто инструментальной, вспомогательной роли в половой магии.

Наконец, Рэндольф предупреждает против общения с "инкубами и суккубами, которые воплощают ваши же сокрытые желания и пороки". Человек может стать их рабом, не способным от них избавиться.² О том же, хотя и иными словами, предупреждал и Креммерц, говоривший о "безмолвно заключенных соглашениях" с темной силой. С более серьезной и объективной точки зрения, эта опасность не обязательно связана с "желаниями и пороками" — она глубже. Как мы уже говорили, здесь проявляет себя обнажение и объективация стихийной, безличной силы пола (точнее, секса как такового) в том или ином проявлении. Человеческая пассивность и покорность этой силе порождает состояние "одержания", "одержимости", разрушения личности и души в прямом богословском смысле этого слова. Здесь оказываются затронутыми самые глубокие слои бытия, как, впрочем, и в профанической любви, когда человек оказывается "сражен" женщиной (или наоборот), и тогда у него (у нее) начинается распад личности и часто даже наступает смерть.

---

¹ *Ibid.*, p.86-89.

² *Ibid.*, p.210.

Заключение

Пол действительно есть "великая и главная магическая сила природы"; через него действуют силы, совершающие мистерию Единого. Однако в "реальных" отношениях мужчины и женщины силы эти деградированы — они пали до уровня животных объятий, истощены и расплынены пошлой сентиментальностью и пошлым идеализмом или же социально оформленными и обусловленными семейными отношениями. Метафизика пола сокрыта, подавлена и опошлена жалким зрелищем суестьегося человечества, вульгарностью недоразвитых любовников, детей недоразвитых рас. Перед нами мелькают бесчисленные маски разорванных и искаженных воплощений Абсолютного Мужчины, мечущихся в поисках Абсолютной Женщины. Этот поиск в каждом случае непрестанно и неминуемо прерывается животным деторождением — или же взрывом отвращения к жизни пола вообще, когда человек видит в ней опять-таки только животные инстинкты и грубую похоть. В редчайших случаях, если кто-то все же переживает опыт чего-то более "возвышенного", это всего лишь обостренное переживание того же *секса*. Но подлинная жизнь открывает свои глубины отнюдь не любителям социальных, интеллектуальных и даже "духовных" спекуляций, но только идущим узким путем героя. Или аскета. А тем временем для современного человечества один лишь секс с его восторгами, миражами и страданиями хоть как-то приоткрывает завесу сугубо индивидуального, замкнутого существования. И любовь, и секс всегда были и будут в жизни человечества импульсом, равного которому по силе нет.

Этими словами мы могли бы наш очерк и завершить. Но нам понятна их недостаточность, в особенности когда это касается профанической любви, как "нормальной", так и "ненормальной". При этом степень "нормальности" различать могут лишь специалисты — психиатры, невропатологи, гинекологи — они собрали огромное количество материала, не попавшего на наши страницы. Но, вообще говоря, все это для нас не важно.

Наша задача была иной — показать чисто метафизическую и парафизическую сторону явлений, обычно называемых любовью и сексом, то есть попытаться усмотреть за жизнью пола ее глубинное измерение.

Естественно, неизбежным оказалось рассмотрение примеров так называемого предельного опыта, явно выходящего за рамки "здорового и нормального", а также экскурсии в область мифологии и культово-ритуальных традиций отдаленных от нас в пространстве и времени цивилизаций. Однако мы всегда стремились акцентировать лишь те детали, которые позволяют увидеть "за деревьями лес", за внешним — внутреннее. Исследование соотношения части и целого, внешнего и внутреннего в области пола заняло почти все наше внимание, и мы сознательно сэкономили место в книге за счет всевозможных "странностей", которые, впрочем, скорее могли бы заинтересовать определенную категорию читателей.

Относительно так называемых "ненормальностей" можно добавить еще одно. Во введении к книге мы уже отмечали ошибочность обыденного понимания категории "нормального". В строгом смысле слова "нормальным" является нечто близкое к идеальному типу, а именно это встречается крайне редко. Так, человек совершенно здоровый, крепкий, внутренне гармоничный, соответствующий идеальному морфологическому типу, в нашем мире — явление исключительное, но от этого он не становится "ненормальным", скорее, наоборот. То же самое следует признать и в отношении различных аспектов *эроса*, любви и сексуальности — исключительным и "ненормальным" в наши дни считается вовсе не являющееся на самом деле таковым. Общепринятые критерии следует применять "с точностью до наоборот": "ненормальное" (то есть соответствующее идеальному типу человека) есть норма, а "нормальное" (свойственное арифметическому большинству) — вырождение.

Это становится предельно ясным при простом сравнении жизни наших современников с теми горизонтами, которые открывали и открывают перед человеком иные времена и цивилизации. Наш современник считает

нормальной лишь свою цивилизацию и создаваемые ею внешние удобства. Он не сомневается, что только по ее шкале можно судить и любую цивилизацию прошлого, и вообще любое существование. Как только "включается" подобное предпочтение, все, что касается "нормы" и "правила", сдвигается. Но если смотреть на явление в целом, охватывая большой объем времени и пространства, очевидно, что, в частности, в области половой любви, вся наша цивилизация глубоко упадочна. Ее "сексуальному демонизму" соответствуют примитивная чувственность, неврозы и банальный разврат. Таков и уровень современной сексологической, эротической и просто порнографической литературы, претендующей на роль "путеводителя" в области пола. Он никак не расширяет истинных горизонтов, скорее, наоборот; а мы как раз это и попытались сделать, обратившись к сюжетам, никак не затрагиваемым нынешними "адептами секса"; однако именно эти сюжеты, по нашему мнению, действительно определяют все, относящееся к области *эроса* и пола. Только то, что сохранилось от мира традиционных культур, включая свидетельства еще не столь давнего прошлого и современный уклад жизни Востока, свидетельствует о существовании совершенно иного образа человека, отличного от нас и не ограниченного материальными запросами, "психологией" и физиологией, человека, бесконечно более сложного, знающего свои подлинные возможности и действующего, в том числе и в области пола, в соответствии с их высшим порогом. В сравнении со всем этим можно уверенно сказать, что "секс" в современном мире настолько деградировал и настолько не отвечает стремлениям хотя бы чуть более "дифференцированного" человека, что его скорее можно назвать "сексуальным субпродуктом".

Перспективы, открываемые данным очерком, — не просто расширение нашего кругозора. Мы должны понять — почти все без исключения, встречаемое нами вокруг и почитаемое нормальным и естественным, таковым не является. Сексологические теории, пронизанные эволюционистской биологией и "зацикленные" на психоанализе, ничего не объясняют и, строго говоря, не нужны вообще. Они "не работают". Метафизика пола, в

чем должен был убедиться читатель, не есть "экстравагантность". Более того, многое из того, о чем мы говорили, способно помочь человеку чуть более "дифференцированному", чем человек толпы, и в решении его собственных проблем. Конечно, когда мы говорили о *sacrum* пола и в особенности обо всем, подробно истолкованном в последней части, со ссылками на тайные доктрины, мы понимали: все это было возможно лишь в рамках традиционных, кастово-сословных, сложно структурированных обществ. Какое-либо следование этим традициям для подавляющего большинства наших современников исключено; в крайнем случае они могут подниматься чуть выше обычного секса, но все равно в границах профанического *эроса*. Конечно, люди различны меж собой, различны и их претензии, кто-то считает себя исключением. В конце концов, и такое тоже возможно. В любом случае, как мы уже говорили в самом начале, да и в других наших книгах, увидеть подлинную цель древних доктрин в их собственном свете нам крайне трудно — как из-за тех условий жизни, в которых мы находимся, так и просто из-за неспособности преодолеть естественные пространственно-временные расстояния. Во всем, и в первую очередь в области пола, раскрытие подлинных глубин и первоначальных смыслов и неизбежно связанная с этим полная реинтеграция человека как такового связаны с преодолением абсолютно всех психических и духовных миражей материальной цивилизации. В конечном счете, в глубинах бытия полу, как мужскому, так и женскому, уготовано исчезновение, и секс утратит свой смысл. Однако в ближайшее время, в особенности для людей толпы, секс, низведенный до простой чувственности, будет оставаться иллюзорным успокоением, однако успокоением темным, полным отчаяния, взаимоотвращения и экзистенциальной тоски, манящим на широкий путь, путь в никуда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шактизм и "Адепты любви" (Из книги "Тантрическая йога")

Некоторые стороны индийского шактизма, в частности в том, что касается техники "пробуждения", родственны средневековым европейским движениям вроде "Адептов любви", в котором участвовал Данте Алигьери. В нашей предыдущей работе "Метафизика пола" был подробно описан обряд посвящения в это движение.

Место, отводимое женщине рыцарями, трубадурами и поэтами, так или иначе связанными с движением "Адептов любви", известно. Однако текущие труды по истории литературы, в силу своего академизма и профанности, оставили без внимания эзотеризм, присутствующий в этом материале, просочившийся, однако, словно вода, сквозь пальцы их авторов. Хорошо хотя бы то, что исследования Аруэ и Г.Росетти привлекли внимание к многосмыслию дантовского языка. Выполненное в Италии фундаментальное исследование Луиджи Валли "Dante e il linguaggio segreto dei Fedeli d'Amore" написанное весьма тщательно как в своей критической, так и в аналитической части, не получило официального признания, как будто оно вообще не было написано. Суть в следующем: подлинно существовавшие женщины, превозносимые авторами этих сочинений, вовсе не были сублимированы образами, аллегорическими и теологическими абстракциями. Каждое женское имя и каждая черта облика, появлявшаяся в их описаниях, свидетельствует о том, что имелась в виду одна-единственная женщина — своего рода Шакти, одновременно посвященная и посвящающая, как и в тантризме. Реальная женщина, попадающая в "круг игры", должна лишь содержать намек на преобразующее начало ("Святую Премудрость"), на трансцендентную жизнь, на бессмертие, которому на самом деле служили "Адепты Любви". Сходство, однако, исчерпывается тем, что речь, по-видимому, шла о том, что у нас принято именовать

"платонической любовью", то есть о тантрических проявлениях на тонком плане. У нас нет сведений о том, что в западной среде женщина оказывалась на уровне *rancatattva*, то есть о том, что "шактизации" подверглось ее тело, о том, что "абсолютную женщину" пробуждали в теле женщины земной.

Важно подчеркнуть, что в круге исследуемой литературы слово "amor", "amour" и так далее, то есть "любовь", имело два значения. Первое из них касалось категории бессмертия в прямом смысле слова, ибо Жак де Безье толковал о том как *a-mors*, по точному смыслу слова, что соответствует *amrta* — амброзии бессмертия в индийских текстах. Второе значение связано с восторгом, вызываемым у мужчин образом женщины, ведущим к переживанию реального *бес-смертия*, *восхищения* (переводимое как "восхищение", рыцарское приветствие "salut" прямо соответствует индийскому "освобождению"). Становится ясно, что в литературе "Адептов Любви" персонификация Любви (Амура, в мужском роде, как мы и будем его именовать) имеет шиваистские черты, но никакого отношения к стереотипным амурам и купидонам.

Таков Данте. Он не только именуется Амора "славным царем" (*Vita Nova*. II, 22), но и вкладывает в его уста слова: "Ego tamquam centrum circuli, cui simili modo se habent circumferential partes; tu non sic" (*Ibid.* I,12).¹ Амор владеет всем — в отличие от человека — он "централен" и самодостаточен, обладает качествами постоянства и неизменности, то есть всем, чем обладает Шива в отношениях с Шакти. В отношении живых существ он проявляет себя как грозный владыка, страшный в своей власти и трансцендентности. Амор призывает "женщину", "приглашает" ее к переживанию посвячительного опыта, являющегося крайне опасным, чреватым скорбью, не оставляющим иного выбора — пробудиться к новой жизни или погибнуть под обломками. Вот почему Амор говорит: "Страшась меня, ты спасаешься бегством" (1, 15). "Амор застиг меня неожиданно, — говорит Данте (1, 13), — и его сущность такова, что заставляет меня

---

¹ Я подобен центру круга, от которого равно отстоят окружающие его части, ты же не таков! (лат.)

трепетать". Амор предстает как "грозный владыка", "внутренний" хозяин: "Ego dominus tuus". "На руках его я увидел сияющую обнаженную женщину, показавшуюся мне окутанной легкой тканью "кровяного цвета", и я понял, что это та самая "Дама Спасения" (Dama de Salut), которая снизошла, чтобы пожелать мне здравия (saluer) накануне. Мне показалось, что в одной руке она держала некий предмет, охваченный пламенем. "Смотри, вот сердце твое," — произнесла она" (*Vita Nova*. I, 3).

Слово "Salut", обращенное к женщине в литературе "Адептов любви", имеет внутренний смысл, основанный на близости понятий "salut" и "sante"¹ (здоровье). Кто не служил "даме", "Беатриче", тот не может обрести "salut", "sante" (здоровье, здравие), то есть освобождения. Женщина, которая приветствует, благословляет человека, несет ему спасение или, точнее, вызывает в нем потрясение всех его внутренних основ, кризис, заканчивающийся выздоровлением, спасением, освобождением. Вот почему Данте говорит о salut как о чем-то, превышающем человеческие силы (I, 12). Один образ "дамы" вызывает потрясение; увидеть ее — пережить смерть. По этому поводу Данте говорит: "Я оказался с той стороны, там, куда лучше не вступать, если надеешься вернуться" (I, 14). И еще яснее (II, 19):

Тот, кто способен осилить дорогу,
Встретится с благородной вещью или умрет.
Увидев сокровище,
Он сумеет оценить достоинство
И тогда наступит выздоровление.²

Главная тема "Адептов любви" та же, что и в инициатическом шактизме — "любовь" и "женщина" пробуждают в человеке дремлющие силы (*Vita Nova*. II, 20-21). В аристотелевской терминологии это "Возможный интеллект" (то, что еще не проявлено, но существует в

---

¹ Существует связь между французским salut и немецким Heil. Символизм Миннезингеров (немецких Адептов любви) подчеркивает, что Heil (приветствие, пожелание здоровья) одновременно есть пожелание стать "сыном жены" (de Vrovre Salde), или, так сказать, хранимым в ее объятиях.

² Перевод подстрочный, буквальный (Прим.перев.).

возможности), а в тантрической — шиваизм, все то, что до соединения с женщиной сокрыто, инертно. После пробуждения этот опыт накладывается на проявления человеческого, "самсарического". Уже самое начало "*Vita Nova*" содержит намек на опыт контакта. Данте говорит о появлении "славнейшей дамы моего духа", которую "звали Беатриче, и я не знал, как называли ее по-другому" (то есть, кто она на самом деле — Ю.Э.). Но это и было полным преображением его человеческого существа: "В эту минуту я почувствовал, как жизненная сила, находящаяся в тайной сердечной клетке (согласно Упанишатам, там локализован *atman* в его индивидуальной форме — *jivâtman* — Ю.Э.) начала трепетать так сильно, что у меня ужасно задергались виски, и я услышал слова: "Esse Deus fortior me, qui veniens dominatur mihi"¹ Так пробуждается внутренний владыка, скипетроносец. "Животный же дух", тождественный жизненной силе, оказывается восхищенным и переживает перерождение: "Apparuit jam beatitudo vestra".² В конце концов, "естественная душа", соответствующая "самсарической природе", начинает плакать и стенать: "Neu miser! Quia frequenter impeditus ego deinceps"³; она осознает, что остается мало шансов сочетать в себе "Адепта любви" и обычного человека. И Данте провозглашает: "Теперь можно сказать, что Амор стал господином моей души, а она — его супругой". Кроме того, в соответствии с выше приведенным отрывком "женское" находится в связи с "ведением сердца", "озаряя его изнутри" — оно становится центром оживляющего магического огня. Все это предельно выражено в самом названии дантовского трактата "*Vita Nova*" ("Новая жизнь"). Обнаженная, дремлющая в накинутой на нее прозрачной "кровавой" вуалевой накидке, является важнейшим знаком. Он должен приблизиться к ней, "закрытой" от него завесой крови, к ней, именуемой в тантрической традиции *divya*, что означает "внеположенную", "внешнюю" женщину.

---

¹ Се Господь сильнее меня, который приходит повелевать мною (лат.).

² Блаженство ваше является (лат.).

³ Увы мне! Я буду попадать в тяжкое положение многожды! (лат.)

Как и шактический опыт, все, что связано с "Адептами любви" и аналогичными западными течениями, несет на себе следующие духовные черты:

1) Любовь вызывает глубокий кризис, способный одновременно убить и вызвать к жизни скрытые силы, дремлющие в человеке;

2) "Женщина" означает новое бытие, порождающее новую иерархию всех сил внутри мужчины, они становятся подчинены сверхприродному шиваическому элементу;

3) в случае победы этих сил происходит обновление ("выздоровление", salut) и начинается новое существование.

В каких экзистенциальных ситуациях это может произойти, определить трудно. Конечно, вступить в общение со сверхчувственным, "тонким" планом возможно и при встрече с совершенно реальной женщиной, которая становится точкой отсчета. Возможно, как это практикуется иногда тантристами, "желание" вызывает тонкое и не существующее на физическом плане существо, лишенное каких-либо материальных атрибутов и растворяющееся в высшем опыте (в качестве примера можно привести "мистерии платонической любви" в средние века). Вот еще некоторые сведения, которые здесь можно привести. Известна тантрическая практика, в которой мужчина, избравший себе девушку в качестве *шакти*, должен много ночей провести с ней в одной комнате и даже спать с ней, но не обладать ею телесно. Мы узнаем в этой практике то, что называется "тонким соединением". В средние века, не обязательно у "Адептов любви", но у некоторых, соблюдавших культ "дамы" рыцарей, существовала практика — требовалось провести ночь в постели с обнаженной женщиной, не вступая с ней ни в какое телесное общение, не ради дисциплинарного целомудрия, но для усиления самого желания.

От переводчика

"Я показал тебе это не для того, чтобы ты последовал за этим, но чтобы, пользуясь соответствующим этому знанием, мы восходили, как только можем, ко всеобщей Причине".

Corpus Aegoragiticum

Потомок старинного итало-германского рода и свидетель "заката Европы", знаток древних культур и ненавистник современной цивилизации, послушник католического монастыря и "языческий империалист", дадаист и фашист, порвавший и с теми, и с другими, поскольку сам "правее правых и левее левых", почитатель рыцарства и имморалист, аскет и либертин одновременно, "дифференцированный человек", как он сам себя называл, барон Юлиус Эвола был одним из живых обломков Европы, не до конца погребенных под фундаментом послевоенного новостроя. Сейчас его книги стали появляться и в России, причем в раскаленной добела русской действительности наших дней их прежде всего стремятся вписать в политический контекст. Надо сказать, что сами они часто дают для этого повод — будучи по складу своему человеком "предела", Юлиус Эвола часто ввязывался в битвы века, но почему-то никогда не находил общего языка с теми, в ком вначале видел союзников. И сейчас, здесь — для демократов он слишком правый, для патриотов — слишком умный, для либералов — "антисемит", для антисемитов — "масон" и "каббалист", и так далее и так далее. Да и сами книги Эволы, написанные в разное время, на первый взгляд противоречат друг другу — скажем, в "Языческом империализме" он ратует за строжайшую иерархию и подчинение толпы избранному, а в книге "Оседлать Тигра" — за столь же абсолютную свободу личности от всякого общественного диктата...

Из всех его книг "Метафизика пола", пожалуй, самая академичная, спокойная. Кстати, в Европе, несмотря на все тщания "фрейдистского лобби", ее не удалось замолчать, и она стала классической. Но сегодня и она, попав в предельно политизированную русскую жизнь, вызовет, по-видимому, отнюдь не академическую реакцию. Скорее всего, первой реакцией на нее также будет неприятие и в лагере "секс-порно-шоу-бизнеса", и в лагере блюстителей нравственности. Однако тот, кто наберется терпения и прочтет книгу до конца, сумеет убедиться, что она вообще "не о том".

Близкий к крупнейшему европейскому философу-традиционалисту и эзотерику Рене Генону — его часто считают прямым учеником Генона, и в этом есть большая доля истины — Эвола принадлежал к тем "пламенным реакционерам", причем не столько политическим, сколько метафизическим, которые считают историю не "прогрессом", но всесоставным упадком, вырождением, связанным с утратой в начале времени, а точнее, "по ту его сторону", примордиально-райского состояния. Критерий древности для него — один из основных критериев приближения к этому состоянию, и поэтому предпочтение он отдает наиболее древним, близким к "примордиальной точке" ритуалам, учениям и образцам поведения. В этом его сила, но в этом и слабость. Древность как таковая не всегда панацея от современности, ибо также принадлежит историческому времени, когда изгнание из рая уже совершилось. Из предпочтения *любой* древности проистекают и "ошибки слуха" писателя, и прежде всего достаточно воинственное отмежевание от христианства, которое Эвола считал "нетрадиционным" и "гибридным", при том, что "гибридности" он не мог различить, например, в тантризме — тоже за счет его большей древности. К этому мы еще вернемся, а пока речь пойдет о христианстве, в отношении которого точка зрения Эволы найдет в современной "пост-России" как горячих противников, так и не менее горячих сторонников. Но здесь необходимо понять, что за собственно христианство Эвола принимает те его формы, которые оно начало принимать на Западе уже с каролингской эпохи, сложившись ко

временам инквизиции, что породило затем реформационную деградацию. Вся православная традиция для него была просто белым пятном, вплоть до того, что труды преподобного Максима Исповедника он цитировал по изложению Иоанна Скота Эригены, антропология преп. Григория Нисского, преп. Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламы, имевшая самое непосредственное отношение к предмету его исследований, ему была неизвестна вообще. Даже пять томов "Добротолюбия" прошли мимо его внимания, как и вся русская мистико-аскетическая монашеская литература от средних веков до начала XX века. Удивительно, что даже книги русских религиозных философов XX века, живших в Европе и *прямо* касающихся затронутых в "Метафизике пола" вопросов, были Эволе неизвестны, в то время как сведениями о Григории Распутине, почерпнутыми явно из вторых рук, он обладал.

Поэтому, дабы читатель не оказался введенным в заблуждение рядом неточностей, лично-эмоциональных "перехлестов" и даже передержек, неизбежных, впрочем, для "человека предела", следует хотя бы кратко изложить некоторые аспекты именно *православно-христианского* отношения к проблематике, так или иначе в этой книге затронутой. Это важно еще и потому, что взгляды Генона, Эволы, Юнгера, Майринка, а следом за ними современных "новых правых" Европы оказываются в своей онтологической углубленности, как это ни странно, ближе к православному стилю мышления, чем воззрения многих (не всех!) католических и тем более протестантских богословов с их достаточно определенной "морально-социальной" "бытоустроительной" направленностью и легкой приспособляемостью к современному миру. Западное христианство во многом утратило свою "царскую" и "аристократическую" вертикаль, и "последние рыцари" Европы отвернулись не только от "среднего европейца", но и от христианства как такового. Но слышали ли они на самом деле весть о Царстве не от мира сего, на пути к которому "много званых, но мало избранных"?

Очертим область нашего рассмотрения границами проблематики данной книги, никак не претендуя на

полное изложение антиномично-парадоксального учения Церкви по этому вопросу, более того, признавая, что утверждения переводчика этой книги есть в некотором смысле "попытка оправдания".

"Тайна сия велика есть", — говорил св.Апостол Павел о тайне пола и брака. Признавая данную область за "тайну", Апостол выводит ее за рамки общественных, правовых, нравственных пределов и тем самым указывает на ее онтологический, космогонический и сотериологический аспекты. Очевидно, что, как и всякая "великая тайна", она может быть полностью раскрыта только в перспективе Царства Небесного, здесь и теперь — на вершинах святости, в конечном счете — в самом Царстве Небесном. Следовательно, всякие попытки *до конца* изъяснить "метафизику пола" в данной зоне неизбежно обречены на провал, на гибельную объективацию смысла и будут только "профаническими", даже если их авторы мнят о себе иное.

Заметим, что Апостол, помимо этой "тайны", упоминает в своих Посланиях еще две — "тайну беззакония" и "тайну благочестия" как два полюса — верхний и нижний — на пути человека в его телесной судьбе и человечества — в земной истории. Отсюда ясно, что "тайна пола" сама по себе не является ни "беззаконием", ни "благочестием". Это — нечто третье, находящееся как бы посреди них и в то же время вне. Они могут касаться друг друга, а "тайна пола" — иметь отношение как к одному, так и к другому, более того, выступать как орудие или "беззакония", или "благочестия". Но очевидно, что не единственное.

"Тайна пола" укоренена в самом акте творения как "проявлении", "исступлении" Бога Отца, в самом богочеловеческом единстве. Св.Григорий Нисский, раскрывая смысл Книги Бытия, писал: "сотворенный человек не имеет особого имени, это всечеловек, то есть заключающий в себе все человечество. Итак, благодаря этому обозначению природы Адама, мы приглашаемся понять, что Божественное Провидение и Сила охватывают в первоизданном весь род человеческий. Следовательно, человек, созданный по образу Божию, есть природа,

понятая как целое. Она же имеет в себе подобие Божие".¹

И далее: "Адам, не имеющий тварной причины и нерожденный, есть пример и образ не имеющего причины Бога Отца, Вседержителя и причины всего; рожденный сын Адама предначертывает образ рожденного Сына и Слова Божия; а происшедшая от Адама (но не рожденная от него) Ева знаменует исходящую ипостась Святого Духа".²

Таким образом, андрогинат, о котором много пишет и Ю.Эвола, действительно оказывается целью соединения мужа и жены. "Несте ли чли, яко сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть?" И рече: сего ради оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будеста два в плоть едину" (Мф.19, 4-6). Однако противоречие между воссоединением андрогина и "порождением", один из основных мотивов многих страниц книги, снимается. В перспективе Троической, а не дуалистической, как, например, в даосизме, онтологии, этого противоречия просто нет.

Природа человека не тождественна природе Ангела. Последний в силу грехопадения человека обладает бесконечно большим могуществом, однако, являясь "служебным духом", лишен основного дара, данного человеку, — свободы. Человек сотворен по образу и подобию Божию, а не по ангельскому — в этом отличие мистического богословия Православия от, например, мистики Сведенборга. Человеческая свобода простирается настолько далеко, что человек может, и это часто является более кратким путем ко спасению, добровольно избрать *ангельский образ* — то есть иноческое, *иное* бытие. Антиномию человеческого и ангельского, или, в иной, "светской" терминологии, "андрогината" и "нечетных духов" (мы специально подчеркиваем контекст, связанный с данной книгой) вмещает только Царство Небесное.

---

¹ См.: Богословские труды, вып.8, М., 1972, с.65.

² См.: Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950, с.157.

С одной стороны, всем известны слова Спасителя о том, что "в Царстве Небесном не женятся, не посягают, но пребывают яко Ангелы на небеси" (Мф., XXII, 30). С другой стороны, Он же прямо указал: "Еже убо Бог сочета, человек да не разлучит" (Мк.10, 6-7), и указал это, безусловно, в перспективе вечности, ибо было бы очевидной хулой утверждать, что, сочетая людей на земле, Он делает это как бы на "постояй", "дабы время скоротать" Конечно же, ни одна человеческая связь, ни в Боге, ни во грехе, не исчезает бесследно — ее смысл открывается и на частном, и на всеобщем Суде. Когда на Вселенском Соборе встал вопрос о том, что считать таинством, а что обрядом — брак или пострижение в иноческий образ, Отцы собора — сами иноки! — склонились в пользу брака. Брачный символизм пронизывает все Священное Писание, как и все учение Церкви. При этом следует ясно понимать различие между символом как истинной реальностью и аллегорией как сходством-уподоблением. Мы знаем, что Церковь в конечном счете отвергла аллегорическое толкование как Священного Писания, так и Предания, которое было основой экзегетики некоторых христианских авторов, в частности, Оригена. И когда сама Церковь именуется "Невестой Христовой", в отличие от Пречистой Божьей матери, Невесты Невестной, то мы знаем, что и то и другое — не иносказания, а это *так и есть*. Уготованный на конец времен Брак Агнца и есть и будет *браком* в прямом смысле этого слова, браком Царя и Царицы.

И даже совсем недавние (по меркам истории — просто вчерашние!) свидетельства преподобного Серафима Саровского, величайшего девственника и постника, избравшего себе "невесту для Царствия Небесного" и *указавшего* на нее,¹ указывают на некую "тайну чертога

---

¹ "Старица Евдокия Ефремовна еще свидетельствовала (тетрадь N 1), что батюшка ей сказал: "что у Господа 12-ть Апостолов, у Царицы Небесной 12-дев, так вас 12-ть у меня. Как Господь избрал Екатерину-мученицу себе в невесты, так и я из 12-ти дев избрал себе в невесты в будущем — Марию. И там она над вами будет старшею! Теперь я избираю вас в сестры себе, а которые будут после меня поступать в обитель, те дочки мои". Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Ни-

брачного", в котором, действительно, уже "не женятся, и не посягают", но это лишь одна из бесчисленного множества ее граней, сама же тайна укоренена в бесконечности и вечности.

Нам не даны ответы на "последние вопросы", на земле они всегда остаются для нас открытыми. Это и есть свидетельство врученного человеку *дара свободы*. В отличие от йоги, тантры и других "оперативно-магических" направлений, христианство ставит свободного человека перед Лицом Божиим и дает ему возможность обращаться к Нему прямо и на "Ты". Свободный человек, вероятно, и даже неизбежно, будет падать, и каждое падение несет в себе вечную муку, но в то же время — все наши падения искуплены пролитой за нас Святой Кровью Христовой.

Это лишь самые общие замечания — к их расшифровке мы вернемся. А пока вернемся к барону Юлиусу Эволе. "Метафизика пола" закончена в 1950 году. На русский название ее переводят как "Метафизика секса". Это не вполне верно, так как слово "секс" в его обычном употреблении относится к тому, что сам Эвола называл "профаническим сексуальным опытом" и что было главным предметом исследования "профанной сексологии" от Фрейда до Кинси. Пол — это то, что лежит в глубинах мироздания и определяет его антиномию; "секс" — в его современном понимании — предзакатная подсветка идущей к своему концу цивилизации.

Итак, 1950 год. Италия. Европа. Торжество англо-американской цивилизации. Автор "Мистерий Святого Грааля", "Языческого империализма", "Восстания против современного мира" мог легко оказаться в сумасшедшем доме, подобно Эзре Паунду, или подвергнуться остракизму и травле, как Кнут Гамсун или Мартин Хайдеггер. Эволе, если так можно выразиться, "повезло" — его просто забыли. И, возможно, как писателю, это пошло ему на пользу, впрочем, как и крушение надежд на торжество "языческого империализма". Оставаясь глубоким почитателем того, что более полстолетия назад Констан-

тин Леонтьев назвал "цветущей сложностью" (близость и в то же время полярное противостояние русского и европейского традиционалистов — отдельная и очень интересная тема), Юлиус Эвола начинает, видимо, понимать, что политика, пусть даже в форме "восстания" — не способ утверждения традиции — она может быть обретена лишь отдельной душой и лишь на внутренних, сокровенных путях. Жизнь пола для Эволы — одна из глубочайших точек размежевания традиции и "анти-традиции", она для него так же онтологична и сакральна, как и, скажем, дорогая ему "империя". Поведение человека в приближении к этой точке есть, собственно, критерий присущей человеку "животности", "человечности" или "божественности". Используем здесь его же терминологию, неважно в данном случае, верна она по существу или нет. Стремясь во всем отыскать архетип, он относится к его проявлениям в историческом времени как к вырождению, профанации, "гибридности". Так, оперы Вагнера оказываются для него лишь "вялой тенью" собственно мистического опыта св. Грааля, и в этом он *по существу* прав. Ведь при всем своем даре человек, работавший на музыкальном и поэтическом материале XIX века не мог не написать *не о том!* Можно было бы именовать мироощущение барона Эволы "абсолютным пессимизмом". Эвола вновь и вновь возвращается к раздумьям о связи вырождения Европы с христианством — тем более, что он ясно видел, как американские солдаты несли Библию на штыках. Нужен был великий дар *понять и вместить*. У Рене Генона он был. Сам сделав в конце жизни *личный* выбор в пользу ислама, своим европейским последователям он советовал не только не отделяться от католической Церкви, но напротив, осмысленно относиться к ее таинствам, что неизбежно ведет к принятию опыта более древней *неразделенной* Церкви. В частности, проводя параллель между приношением Авраамом десятины "царю Салима, священнику Бога Вышняго, без отца и матери, без родословия", таинственному и с тех пор еще не проявлявшему себя в истории Мелхиседеку, и обратным приношением символики трех миров — золота, ладана и смирны — тремя царями-волхвами младенцу

Христу, Генон пишет: "Оказанные таким образом почести новорожденному Христу в трех мирах, являющихся соответствующими областями, аутентичными представителями первичной традиции, представляют одновременно (и это очевидно) гарантию совершенной ортодоксальности христианства с его собственной точки зрения" (См.: Р.Генон. Царь Мира. Коломна, 1995, с.28-29). Некоторые французские генонисты, кстати, оказались среди афонских православных иноков, но это другая тема. Для Эволы же "антихристианство" не демократично, как для Фрейда, Маркса или, если говорить о сегодняшнем дне, например, Емельянова, а аристократично. Для него прежде всего неприемлема "мораль середины". Стремясь к "полюсу бытия", Эвола, как и Ницше, — антихристианин по "закономерному недоразумению". Почему-то никому не приходило в голову, что у Ницше "сверхчеловек" — по сути исихаст, творец умной молитвы, неважно, где и в каких условиях живущий. В случае с Ницше и Эволой, как ни в каком другом, применимы слова Н.Бердяева о том, что восстание против христианства часто оказывается восстанием во имя более высокого его понимания. Для Эволы совершенно невозможно предпочтение морали онтологии, и против этого, собственно, нечего возразить. Вопрос только в том, что, а точнее, Кто является собственно онтологией?

Кроме того, отталкивание Эволы от христианства вообще скорее "знаковое" — ему не нравится само слово "христианство" — почему, в данном случае не так важно. Во многом, прежде всего, в критике цивилизации, и в том числе "сексуальной революции", которая при Эволе еще только начиналась, его точка зрения не может быть не близка православному христианину. В "Метафизике пола", как и в других своих книгах, он не питает никаких иллюзий относительно так называемого прогресса и решительно отделяет себя от "бытоустроительной партии", которая, по словам преподобного Серафима Саровского, "выступает под разными именами" и прежде всего связана с "тайной беззакония". Учение о примордиальной точке и вырождении не терминологически, но по сути совпадает и с воззрениями о первородном грехе.

Говоря об отношении христианства к конкретным формам отношений полов в истории, следует помнить, что приход Сына Божьего в мир исторически совпал с периодом глубокого упадка "половой морали" на социальном уровне в тогдашнем человечестве, особенно в Римской империи, и во многом эта ситуация повторяется сегодня, в том числе в Третьем Риме. Стремление к воздержанию в подобных ситуациях часто, осознанно или неосознанно, становится еще и фактором социального протеста, в особенности у наиболее униженных людей. В таких случаях социально-моральное часто смешивается с духовно-онтологическим, что с одной стороны является положительным, ибо это реакция организма на гниение и вырождение, способствующая выздоровлению, с другой — отрицательным, привносящим в онтологию элементы "страсти", по принципу "вытеснения" принимающей форму того, что в святоотеческой литературе именуется "подвизаться не по мере".

Эвола говорит даже о "теологических проклятиях полу" в христианстве, о том, что оно допускает половые отношения лишь в крайних случаях и *только* для деторождения. Да, такая точка зрения есть. Она официально принята Римско-католической Церковью, однако в течение времени на практике в ее недрах стали применять разделение на "практикующих" и "непрактикующих" католиков, что позволило использовать своего рода "двойной критерий". Распространена она, хотя никогда не была соборно-канонически сформулирована, и в православных кругах, особенно в России. Вместе с тем, никакого "теологического проклятия" Православная Церковь никогда не произносила. Напротив, если уж употреблять такие слова, то они были произнесены как раз против ложного аскетизма и абстрактного морализаторства.

Правило св.Апостолов 51: "Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака, мяса и вина, не ради воздержания, но по причине гнушения, забыв, что все добро зело и что Бог, созидавая человека, мужа и жену, сотворил их, и таким образом хуля клеветуют на создания: или да

исправится, или да будет извержен из священного чина, и отвержен от Церкви. Такожде и мирянин".

Правило Гангрского собора I: "Аще кто порицает брак, и женою верною и благочестивою, со своим мужем совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яко не могущую внити в Царствие, да будет под клятвою".

Преподобный Максим Исповедник, как бы приоткрывая завесу над многогранностью эротической любви, писал: "Причина зла при распущенности — желание, действующее вопреки смыслу. Но само по себе желание — благотворящая сила, устремляющая словесных к истинному Благу, а бессловесных к тому, что необходимо для продолжения их рода".¹

Известные запреты — а они есть в любой традиции, но почему-то ни ислам, ни иудаизм, ни традиции Дальнего Востока Эвола не называет морализмом — носят прежде всего онтологический характер. Они связаны с глубокой поврежденностью всего антропокосмоса грехопадением. В условиях пространственно-временных пределов, порожденных утратой райского состояния, превышение предела андрогината двоих с порождением третьего, то есть то, что именуется прелюбодеянием, оказывается в той или иной мере поруганием образа и подобия Пресвятой Троицы в человеке, болезненным препятствием на пути теофании и встречной "антропофании". Существуют также онтологически обусловленные запреты на "воровское" восхищение сверхчеловеческих форм в человеческой плоти — в этих случаях "оградой сакрального" является ощущение стыда или даже "мерзости", которые оказываются естественной защитой неочищенного человека. Вспомним запрещение на изображение человеческого лица в Первом Завете — оно сохранено до сих пор в иудаизме и исламе. Тогда это воспринималось как "мерзость", но "мерзость" была оградой сакрального. Боговоплощение стало одновременно и разрешением человечества от этих уз, что дало

---

¹ Толкование на *Corpus Areopagiticum* в кн.: Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах. О мистическом богословии. СПб, "Глагол", 1994, пер. Г.М.Прохорова, с.177.

возможность развитию не только иконописи, но и вообще изобразительного искусства. Мы ничего не знаем о "новой земле и новом небе" и не будем "восхищаться" этого знания — всякое "украденное" знание искажено и губительно. Следует помнить одно — до Второго и славного Пришествия Христова *онтологические* запреты следует исполнить и претерпеть до конца, ибо только "претерпевший же до конца спасен будет" (Мф. XXIV, 14).

Более того, пролитая "за всех и за вся" Кровь Христова дает возможность в случае поругания в человеке образа и подобия Божия их восстановления даже во времени. Тем самым не отменяется, а преодолевается закон кармы. "Приходящаго ко Мне не иждену вон", — говорит Спаситель — "не иждену" в область роковой кармической зависимости, "самсарического" вращения, "экзистенциальной диалектики палача и жертвы", воплощением чего часто выступает в том числе и общественная мораль. Церковь не карает, а спасает — если, конечно, речь идет именно о Церкви, то есть о мистическом Телe и Невесте Христовой, а не о всегда возможных исторических и национальных искажениях.

* * *

Любовь не только не отвергается христианством, но христианство само и есть любовь, причем развернутая в эсхатологической перспективе, любовь, полный смысл которой может быть проявлен по изменении всего мироздания. Именно это имеет в виду Апостол в своем "Гимне любви" (I Кор., 13). Приведем его полностью:

"Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцай. И аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя, и предам тело мое во еже сжещи е, любве же не имам, никакая польза ми есть. Любы долготерпит, милосердствует; любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих сил, не раздражается, не мыслит зла, не радуется не-

правде, радуется же о истине, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает, аще же пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится. От части бо разумеваем, и от части пророчествуем, егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится. Егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовал, яко младенец смышлях. Егда же бых муж, отвергох младенческая. Видим убо ныне якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу. Ныне разумею отчасти, тогда же познаю якоже и познан бых. Ныне же пребывают вера, надежда, любы, три сея, больши же сих любы."

Совершенно очевидно, что под любовью Апостол не может понимать какую-то одну ее "разновидность". Это сугубо подчеркивает именно перевод с греческого на славянский язык, в котором слово "любовь" — "любвы" — изначально употребляется во множественном числе. Всеобъемлющая любовь включает в себя и эротический, и агапический (нисходяще-жалующий), и лишь в последнюю очередь филантропически-моральный аспект. И если *обособленно* эротический аспект превращается в чистую похоть и способен сколлапсировать в блуд и прелюбодеяние, то *обособленно*—"филантропический" вырождается в лицемерную социальную "праведность" демократии или же тирании общественных коллективов. Только полноценная, всеобъемлющая любовь пребудет всем и во всем, когда и "пророчества умолкнут, и знания упразднятся", то есть *после конца земного мира*, по воскресении из мертвых.

Подробно изъяснен смысл понятий "любовь" и "эрос" в "Corpus Areopagiticum". При этом св.Дионисий Ареопагит различает виды "эроса", точнее, его грани. Цитируя в трактате "О Божественных Именах" (4,15,16) "гимны о Любви святейшего Иерофея", он пишет: "Назовем ли мы Эрос божественным либо ангельским, либо душевным, либо физическим, давайте представим Его себе как некую соединяющую и связующую Силу, подвигающую высших заботиться о низших, равных общаться друг с другом, а до предела опустившихся вниз обращаться к лучшим, пребывающим выше". И далее: "Мы назвали многие, из единого Эроса происходящие Его виды, пе-

речислив их по порядку, как то знания и силы, пребывающих в мире и надмирных любовей, где превосходят, в соответствии с предложенной разумом точкой зрения, чины и порядки разумных и умственных видов Эроса, вслед за которыми умственные-в-собственном-смысле-слова и божественные стоят выше других поистине прекрасных тамошних видов Эроса. Они подобающим образом у нас и воспеты. Теперь, собрав их все в единый свернутый Эрос, давайте соберем и сведем из многих и их общего Отца, сначала слив в две из них все вообще любовные силы, которыми повелевает и предводительствует совершенно для всего запредельная Причина всякого эроса, к каковой и простирается соответствующая каждому из сущего образу общая и для всего сущего Любовь".

"Пойми, как великий Иерофей философствует о достохвальном эросе наилучшим образом, — комментирует преп.Максим Исповедник, — первым делом называя эрос божественный, поскольку запредельной и беспричинной Первопричиной небесного эроса является Бог. Ибо, если, как сказано выше, эрос это и есть любовь, ибо написано "Бог есть любовь" (I Ин., 4, 8), то ясно, что Бог — это всех объединяющий Эрос, или Любовь. От него она переходит к Ангелам, почему он назвал ее и ангельской — у них в особенности обнаруживается божественная любовь к единству. Физическим же он называл эрос бездушных и бесчувственных существ, соответствующий их естественной склонности. И они устремляются к Богу своим жизненным, то есть естественным движением (там же, с.131).

"Одним словом, влечение и любовь, — пишет св. Дионисий Ареопагит, — принадлежат Прекрасному и Добру, в Прекрасном и Добре имеют основание и благодаря Прекрасному и Добру существуют и возникают (О Божественных Именах, 4,13).

Когда же Эвола в некоторых местах своей книги утверждает, что христианство отказывает в сакрализации непосредственному опыту в области пола, ему можно было бы указать на чинопоследование браковенчания, где среди прочего испрашивается для жениха и невесты "благословение их входам и исходам". Сам образ соеди-

нения мужа и жены не только не скверен, но символично-иконографичен. Об этом свидетельствует прежде всего включение в церковный канон "Песни Песней" — этот откровенно эротический текст признан боговдохновенным. И даже человеческие падения таинственно несут на себе печать Высшего дара: "Заметь, что распутник, хоть и тем самым, что распутствует, не существует и не желает существовать, однако же самым обликом соединения и любви причаствует слабому отзвуку Добра" (Преп. Максим Исповедник, там же). Подробное же словесное изъяснение эротического, такое, как, скажем, в некоторых восточных традициях, в христианстве действительно изначально отсутствует — но молчание не есть отрицание. Напротив, это свидетельство глубины и, по сути, неизъяснимой тайны, которая, говоря словами Апостола, "велика есть". Принципиальное же молчание Церкви об оттенках эроса, ее "невторжение" в брачный покой можно сопоставить с невторжением, например, в конкретные вопросы, скажем, художественного стиля или государственного строя. В тех случаях, когда в истории это происходило, происходило, с одной стороны, ниспадение собственно Церкви с высоты ее Царства не от мира сего, с другой — лишение человека дара свободы, умаление многослойности и многокрасочности живого мира и, по сути, уклонение в манихейское гнушение.¹

В то же время "дар свободы" — это вовсе не правовая "свобода нравов". Сверхморализм не есть имморализм. Сверхъестественное не есть противоестественное. Собственно противоестество возникает как пародия на сверхъестественное, когда "тени" и "символы" сущего по ту сторону человеческого мира, того, что есть в тварно-ангельском и нетварно-божественном, некто *своей волей* переносит на *собственное физическое* бытие — вольно

---

¹ Прикоснувшийся в связи с проблемой "гнушения полом" к чрезвычайно глубоким и тонким струнам "метафизики христианства", В.В.Розанов в книгах "Темный лик" и "Люди лунного света" не понял до конца, что проявления "гнушения" еще и связаны в конечном счете не с "дево-содомским" (его выражение), а с объективированно-искаженным "сверхэротическим эросом", со "сверхчеловеческой человечностью превыше слишком человеческого", с неизъяснимыми глубинами англелологии, отчасти затронутыми св.Дионисием Ареопагитом.

или невольно. Ангелы Божии присутствуют в страшной истории Содома и Гоморры — тем страшнее, не в моральном, а в онтологическом смысле то, что происходило в этих библейских городах. Образ противоестества — обезьяна, или, в святоотеческой и средневековой русской литературе — "эфиоп".

Особенность "Метафизики пола" в том, что она, приоткрывая завесу над таинственной и потому постоянно искажаемой областью жизни, больше ставит вопросов, чем на них отвечает, а там, где она эти ответы дает, они часто оказываются очень спорны. Значение книги как таковой этим, кстати, не умаляется, она значительна уже хотя бы обилием собранного автором материала. Но многие вопросы требуют дальнейшего изучения и разработки. Это касается прежде всего вопросов о смысле древних мистерий и так называемой "оперативной половой магии".

Сначала о мистериях. Здесь, как и в других случаях, в силу незнания очень глубоких пластов традиции Эвола многого недоговаривает. Напомним, восточно-православная антропология знакома ему в основном по западным изложениям (в частности, Иоанна Скота Эригены). Но вот сам цитируемый Эволой только по Эригене преподобный Максим Исповедник:

"...И опять же, согласно обычному сравнению, [старец] уподобляет весь мир, состоящий из видимых и невидимых [существ], человеку, а человека, состоящего из тела и души, называл миром. По его словам, умопостигаемые [сущности] обладают внутренним соответствием с душой, а душа — внутренним соответствием с умопостигаемыми [сущностями]; [вещи] же чувственные имеют образ тела, а тело — образ чувственных [вещей]. Умопостигаемые [сущности] есть душа [вещей] чувственных, а последние, в свою очередь, есть тело умопостигаемых [сущностей]. Мир умопостигаемый находится в чувственном, как душа в теле, а чувственный мир соединен с умопостигаемым, как тело соединено с душой. И един мир, состоящий из них обоих, как один человек, состоящий из души и тела. Каждый из этих

миров, сращенных в единении, не отвергает и не отрицает другого, по закону Творца, соединившего их".¹

"...При всем том, мир — един и не разделяется с частями своими; наоборот, путем возведения к своему единству и неделимости, он упраздняет их, происходящее от природных особенностей их частей. Ведь они, неслиянно чередуясь, являются тождественными сами себе и друг другу, показывая, что каждая часть может входить в другую, как целое в целое. И обе они образуют весь мир, как части образуют единство; в то же время, они образуются им, единообразно и целокупно, как части образуются целым. Для обладающих [духовным] зрением весь умопостигаемый мир представляется таинственно отпечатанным во всем чувственном мире посредством символических образов. А весь чувственный мир при духовном умозрении представляется содержащимся во всем умопостигаемом мире, познаваясь [там] благодаря своим логосам. Ибо чувственный мир существует в умопостигаемом посредством своих логосов, а умопостигаемый в чувственном — посредством своих отпечатлений. Дело же их одно, и как говорил Иезекииль, дивный созерцатель великого, они словно *колесо в колесе* (Иез. I, 16), высказываясь, я полагаю, о двух мирах".²

Таким образом, человек есть мир, и мир — человек. Следовательно, каждый человек содержит в себе и все остальное человечество, и наоборот. Любой "сумасшедший", утверждающий, будто он — Наполеон или Александр Македонский, в известной степени прав. "Безумие" начинается там, где "Наполеон" подавляет данного Иванова или Петрова, но и здесь дело в конечном счете не в медицине. Человек есть *и все* прошлое, *и все* будущее, и он может проникать и осознавать себя в любом времени и любом пространстве, если ему это будет дано как дар. Многие воспринимают это как "переселение душ" в *линейном* времени, но линейного времени нет и быть не может. Положения современной

---

¹ "Мистагогия". См.: Творения преподобного Максима Исповедника, М., "Мартис", I, с.167-168.

² Там же.

физики о том, что в разных системах координат время течет по-разному, — лишь подступы к пониманию того, что "времен" бесчисленное множество. *Мистерия* как таковая есть осуществляющаяся космогония, причем именно в силу нелинейности времени каждый раз совершающаяся реально, а не аллегорически. То, что одни ее участники воспринимают совершающееся *под видом* чего-то иного, а иные — немногие! — *зрят* это как оно *есть*, лишь свидетельствует о "нераспечатанности" "сердечных очей" человека ради его сохранения в данном времени.

В райском состоянии Человека-Человечества умопостигаемые и чувственные сущности не находились в разорванном, трагически и антиномически противостоящем друг другу состоянии. Например, применительно к тематике книги, не было и не могло быть "аскетически-мужского" и "воински-мужского" или де метрически- и афродически-женского, ибо все и вся было Царь и Царица. Как и не могло быть "богов" и "богинь" — они порождение разорванного грехопадением целого, порождение *смерти и времени*, очень точно соединенных воедино в стихотворении Вл.Соловьева. Невозможность древнего уже раздробленного человечества смириться с этими "владыками" и породила *множественность* мистерий как попыток оживления того или иного архетипа в отрыве от целого. "Райское" же состояние есть все и целиком Мистерия.

Античные, египетские и другие мистерии, без сомнения, — свидетельство смутной памяти первоначального, райского знания человека, однако знания, утраченного в своей целостности и потому неизбежно искаженного. Смутно вспоминая первоизданное бытие и тоскуя по нему — вне зависимости от того, какие цивилизации где располагали его географически — это не имеет никакого значения, так как и наши представления о пространстве и времени тоже следствие греха и смерти (в обратной перспективе внутреннего зрения, например, Афон, Пиренеи и Урал могут быть одними и теми же "сионскими высотами"), люди стремились на физическом плане воспроизвести отношения "нефизического", точнее, "прежде-физического". Райское состояние человека не знало

запретов — запреты появились только после того, как рай оказался затворен — это, собственно, точка отсчета "человеческого времени", у начала и конца которого стоит Архангел с вращающимся мечом. Собственно, меч Архангела охраняет запреты, и он же разрубит их тогда, когда "времени уже не будет"; однако, чтобы это произошло, следует "до конца претерпеть". В Мистериях пытались воспроизвести *уже и еще* затворенное, *не претерпев* — и чем дальше, во времени, тем больше мистерии деградировали, "оплотнялись", грубели. Потому они были *отменены* и заменены единственной Мистерией — Мистерией Боговоплощения, Мистерией Тела и Крови Спасителя, ежедневно совершаемой до окончания физического времени. После того, как Кровь Богочеловека пролилась на Кресте и ежедневно проливается и вкушается верными Ему за каждой Божественной литургией, мистерии стали *не нужны*. Повторяем — речь идет о физико-пространственно-временном состоянии мира.

Преп.Максим Исповедник писал: "Также непозволительно утверждать, что своеобразные свойства, замыкающие каждый из миров в самом себе и ведущие к разделению и разъединению их, обладают большей силой, чем дружественное родство, таинственным образом данное им в единении. Сообразно этому родству [осуществляется] всеобщий и единый способ незримого и неведомого присутствия в сущих всесодержащей Причины, разнообразно наличествующей во всех и делающей их несмешанными и неразделенными как в самих себе, так и относительно друг друга, показывая, что эти сущие, согласно единообразующей связи, принадлежат скорее друг другу, нежели сами себе. И это до тех пор, пока не благоугодно будет Тому, Кто связал их воедино, расторгнуть сию связь, ради высшего и более таинственного Домостроительства, в годину всеобщего и чаемого нами свершения [веков]. Тогда и мир, подобно человеку, умрет в своей явленности и снова во мгновение ока воскреснет юным из одряхлевшего при чаемом [нами] воскресении. Тогда и человек, как часть с целым и как малое с великим, совоскреснет с миром, получив обратно силу непреходящего нетления. Тогда, по благо-

лепию и славе, тело уподобится душе и чувственное — умопостигаемому".¹

Для современного "всеприемлющего" сознания и популярного "космизма" существует чрезвычайно резко сказанное Псалмопевцем "боги язык суть беси" (Пс.95,5). Это сказано как раз о божествах мистерий, "мужских" и "женских" "богах" и "богинях". Но ведь очевидно, что архетипы, оторванные от единства и предоставленные самим себе, а порой вступающим в борьбу, суть блуждающие, *агасферические* сущности! Именно поэтому любые попытки искусственно восстановить древние мистерии после Боговоплощения неизбежно и неминуемо будут пародией, тем, что на языке Генона и Эвола называется "контринициацией", иначе говоря, "мерзостью заустения на месте святе". Это проявляется в современном масонстве, в особенности после появления так называемой "Конституции Андерсона" 1715 г., современном оккультизме, экуменических "богослужениях" и, не в последнюю очередь, в "оперативной половой магии".

Эвола подробно описывает средневековый опыт "шабаша" и "черной мессы". Там действительно и совершенно реально проявляют себя архетипы древних, в частности, античных мистерий. Но целью практики оказывается вовсе не соединение полов само по себе и даже не восстановление архетипов. И "шабаш", и "черная месса" "от обратного" свидетельствуют об *абсолютном христоцентризме* мироздания, проявленном после Боговоплощения. Содержащиеся в книге объяснения свидетельствуют о том, что все "пробужденные архетипы" и "энергии" оказываются лишь орудием богоборчества, выкриками бесноватых в их тщетной хуле на Богочеловека. И не в "метафизике пола" здесь оказывается дело, а в обычном бегстве в пучину свиного стада.

Здесь есть и еще одна сторона. Ю.Эвола упоминает, что "черную мессу" может совершать лишь правильно поставленный и имеющий посвящение от Ватикана католический священник. Мы встречаем здесь трагическую антиномию Римского католицизма, связанную с

---

¹ Там же, с.168.

его юридическим пониманием благодати, в том числе благодати священства. Она заключается в том, что священник, имеющий власть на принесение Бескровной Жертвы и ее совершающий (а католическое приношение действительно и реально, так как священство имеет преемство от Апостолов, а евхаристическая молитва произносится полностью и аутентично), в то же время, "употребив свою власть" на совершение иной жертвы, не теряет своего священства. И, пусть такие случаи крайне редки — мы могли бы даже допустить, что сегодня их нет вовсе — приходится признать, что черная месса как таковая "имманентно присуща" самой церковно-юридической стороне римо-католичества и выражает собой крайнюю степень правового понимания благодати. Не случайно православный мир, имеющий иную, также имманентно присущую ему изнанку, в виде "воинствующего атеизма" — не знает *этой* формы сатанизма, по крайней мере история не оставила нам свидетельств совершения черных месс в православном мире. Как не знает католический мир массового разрушения храмов или "безбожных пятилеток". Разговор об онтологических (никак не историко-политических!) корнях последнего выходит за рамки проблематики книги Эволы, и мы здесь вести его не будем.

Обратимся все-таки к самой книге и поговорим о так называемой "половой магии".

Происхождение всякой магии лежит прежде всего в представлениях о существовании некоей "добожественной сущности" — причем совершенно неважно, творится ли мир из нее "богом" или "демиургом", или же возникает самопроизвольно. Эту сущность можно именовать по-разному — от "Пралайи" или "Ungrund'a" до бердяевской "свободы" или "материи" Энгельса. Положение человека в данном случае всегда оказывается в подчинении у стихий и стихийных или отпадших духов — научаясь повелевать одними, он попадает в зависимость от других — и так до бесконечности

Свободное творение Богом мироздания *из ничего*, равно как и проявления Его, манифестации в виде Божественных энергий, предполагает наличие между Богом и тварным космосом (включая "умный" или, по-сла-

вянски "оумный", ангельский мир небесных сил) невыразимой бездны, "незаходимого мрака" (св. Андрей Критский), преодолеваемого только в молитвенном предстоянии, делающем человека "богом по благодати". Молитва, в отличие от магии, выводит за пределы космоса. Магия же есть бесконечное вращение в разнообразных, пусть и очень высокого уровня, космических кругах. Магические законы в принципе есть расширенное естествознание или, в определенном смысле, "нефизическая физика", и, вероятно, есть неправда манихейского свойства в историческом церковном гнушении знанием этих законов. Однако следует помнить, что собственно первородный грех и заключался в предпочтении магического древа общению с Богом лицом к Лицу.

Относительно конкретно половой магии можно сказать, что в ней имеет место перенесение законов чувственного мира в "область сверхчеловеческого", что является, по выражению Вл. Соловьева, "величайшей мерзостью" и причиной крайних падений¹. По сути, речь идет о содомском грехе в широком смысле слова — мы уже упоминали. что, согласно Книге Бытия, крайней степенью его стало посягновение содомлян уже непосредственно на Ангелов. Когда же в "половой магии" речь идет о суемудром перенесении чувственно-человеческого уже даже на сверх-ангельское, то приходится сказать — "отраднее будет Содому и Египту". Не случайно здесь появление гомосексуальных мотивов в деятельности Алистера Кроули, когда "содомский грех" воспринимается не как *немошь*, но, напротив, как *мошь*.

Кроме того, популярное и широкое распространение магических знаний и в особенности их *предпочтение* молитвенной практике являются признаками упадка цивилизации и близости ее катастрофической гибели. Средневековье вовсе не отрицало так называемых оккультных наук — оно просто знало их место именно как оккультных, то есть тайно-сокрытых, оно берегло оккультные науки от "оккультизма", как следовало бы ХХ-му веку беречь естественные науки от "сциентизма" (см.

---

¹ Речь идет о предисловии В.С. Соловьева к третьему изданию его "Стихотворений" (С.-Пб., 1900).

об этом статью современного православного философа Вл.Сорокина "Религия, сциентизм, оккультизм" в журнале "Искусство кино" № 1, 1995). Алхимики прекрасно знали секреты ядерного оружия, но держали их в строгой тайне. И здесь неважно, идет ли речь о половой магии, или о какой-либо еще. По сути, об этом же, хотя и иными словами, предупреждает Эвола, говоря о "почти невозможности" в современном мире древней половой магии и об опасностях подобных практик. Однако "очарованность" его древностью как таковой мешает высказаться с большей определенностью. В связи с этим вызывают большие сомнения и утверждения о "снятии запретов на путь левой руки" в связи с наступающим "концом Кали-юги". По крайней мере, само произнесение таких слов и как бы "снятие печатей" с абсолютно в данном зоне запретного или даже предельно сокровенного не будет способствовать "превращению яда в лекарство", но лишь разлитию яда. Вспомним почти пророческое леонтьевское слово "разлитие".

И здесь мы подходим к очень важной, если не главной, стороне труда Ю.Эволы — изложению основ так называемой тантрической практики. Здесь как бы два аспекта — общая оценка тантры, как культурно-историческая, так и с точки зрения "различения духов", и второй аспект — определение ее роли в культурно-ментальном разграничении Востока и Запада. Из второго аспекта вытекает как бы подвопрос о возможности использования данных доктрин и практик как в Европе, так и в России.

Ю.Эвола справедливо констатирует, что тантрическая практика изначально принадлежала неарийскому населению нынешней Индии. Лишь постепенно, в ходе совместного взаимно терпимого проживания ариев и автохтонов — в основном потомков хамитической расы — тантрическая практика обрела для себя санскрит как терминологический язык. Таким образом, тантра в современном виде — действительно, пользуясь выражениями Эволы, "гибридный продукт", не аутентичный ни по отношению к арийству, ни по отношению к изначально владевшим ею расам. Это относится к большинству других форм йоги (в наименьшей степени, возмож-

но, к наиболее духовной, наименее "оперативной" раджа-йоге). Этого, кстати, нельзя сказать о даосизме, который, по терминологии Р.Генона, "совершенно ортодоксален со своей собственной точки зрения". Это, разумеется, не значит, что структура антропокосмоса, разработанная как в тантрических, так и в даосских доктринах, не верна. Напротив, она верна. Но верно и другое — как арийское дохристианское мировоззрение, так и христианское отвергают использование знания этой структуры как способа воздействия на природу и человека.

Кундалини без всякого сомнения существует — и ее вполне определенная связь с женским началом так или иначе отражена в символике первородного греха — в образе таинственного соединения Евы со змеем, который одновременно "мудрее (ср. *mudra*) всех тварей полевых".¹

Это никак не означает, что сам по себе грех как таковой заключен в половом соединении Евы с Адамом, как то утверждает католико-протестантская традиция. Грех, наоборот, в их *несоединении* (Адам при встрече Евы со змием отсутствовал!), в предпочтении этому соединению змия и магического древа. Поэтому подлинная "вирильность", как супруго-воинская, так и аскетическая в *данном историческом зоне*, заключается не в "подъеме Кундалини", но в змееборстве, в принятии внутрь себя иконографического образа св.Георгия или, если угодно, Зигфрида, поражающего дракона, Добрыни-змееборца и иных подобных героев.

Ритуально-магическое обращение к Кундалини есть обращение к космосу и его "миродержателям", но никак не выход за его пределы. Абсолютно противоположной является практика сердечного умного делания, наиболее

---

¹ Это не означает никакой изначальной проклятости змея как такового. Не змей — источник падения, а диавол, вошедший в него. Но змей наиболее антиномичен среди всего живого. Его положительный аспект утверждается в образе Медного Змия в книге "Исход", а также в требовании Спасителя "Будьте мудры как змии и просты как голуби" (Мф.Х,16-17). В преображенном мире змей обретет свою сияющую мудрость во всей полноте. Ср. также мифо-поэтическую историю Царского рода "Горыньских", имеющую связь как со св.Георгием, так и со змеем, в "Повести о Светомире царевиче" Вяч.Иванова.

полно разработанная в православном исихазме. Согласно исихазму, "инициатическим" центром антропокосмоса является не *sushûtna*, а сердце, точнее, "тайное место сердечное", о котором Эвола говорит как раз в связи с "профанической", по его толкованию, любовью. Именно оно, согласно исихазму, является "жилищем неприступного света". Через вселение Имени Иисусова в это место осуществляется реальный выход за пределы космоса как такового, человек становится причастны энергиям Св.Троицы. В отношении же "миродержателей тьмы века сего" исихазм предписывает "бить врагов Именем Иисусовым", то есть самому стать в той или иной степени змееборцем. Постоянное поминовение Имени Иисусова как основа "мысленной брани" вовсе не обязательно связано с монашеством и соответственно половым воздержанием, как это часто полагают. Напротив, как первый "распечатавший" это учение св. Григорий Палама, так и следовавшие за ним (в том числе наши русские подвижники св. св. Нил Сорский, Паисий Величковский, Оптинские старцы) говорили о полной применимости этой практики к людям "всякого чина" (под "чином" понимается, конечно, не социальное, а внутреннее устройство). Даже такая сугубо принадлежащая времени и месту книга, как "Домострой", начинается с описания Иисусовой молитвы, рекомендуемой для простых мирян. Всякое же ритуально-"молитвенное" подключение к практике областей ниже "сердечного места", даже нижней части самого сердца, в исихазме исключается. Это связано не с "проклятостью" тех или иных частей антропокосмоса и тем более не с отрицанием существования соответствующих им тонких планов, но с поврежденностью и неготовностью человека к их полноценному "использованию" опять-таки в историческом времени. Сопоставить это можно опять-таки с запретом на изображения, содержащимся в Первом Завете. Как и тот запрет, этот следует "пре-терпеть", а не заниматься "воровским восхищением".

"Небеззаконная", и в то же время глубоко мистико-эзотерическая альтернатива половой магии вычерчена в анонимной русской "Повести о некотором купце, како мертва тело у жидовина скупи и царство себе приоб-

рете". Она приведена полностью в одном из томов "Памятников литературы Древней Руси" (XVII век, ч. I), под ред. академика Д.С.Лихачева, с.71-78). Повесть эта, являясь, по-видимому, в своем роде "инициативным текстом", имеет множество смыслов, в том числе и, как и почти вся русская словесность, "метаполитический" и историософский, на что обратил внимание Николай Козлов в своей работе "Последний царь" (М., 1994). Нас здесь, однако, интересует лишь одна конкретная ее сторона, связанная с проблематикой книги Эволы и соответствующими тантрическими и даосскими текстами именно как образец онтологически православного видения антропокосмоса в перспективе пола.

Молодой купец, покинувший своего отца, сжалившись над непогребенным мертвецом, выкупает его на отцовские деньги у некоего иудея-ростовщика, дабы предать земле. Отметим, что в православной традиции "купцом" именуется именно мистик, ищущий стяжания Святого Духа. "И тако познаеши *незаходимый мрак*, и будеши великий купец", — говорится, в частности, в Каноне св. Андрея Критского. Сделав это, он вынужден удалиться в странствие в поисках средств, которые потом должен вернуть своему отцу. Он попадает *на границу леса* (ср. с началом "Divina Comedia" Данте), где встречается ему "человек вельми велик, в руках держит клещи железные". "Человек" этот проводит его через лес — прямой дорогой, сопряженной с опасностями "впасть в разбойницы" (аналогично как воздушным мытарствам, так и Элевзинским топям) в некое царство. Купцу выдвигаются два условия: тот во всем слушается своего провожатого, а провожатый не отступает от него ни на шаг. Царь отдает купцу в жены свою дочь — известно, что все предыдущие женихи погибали — при этом совершается полное таинство бракосочетания (обряд которого начинается, как известно, словами "Благословенно Царство"). После обряда слуга с клещами оказывается в спальне новобрачных, что вначале смущает невесту, но затем она принимает это как неизбежность. Оказывается, что *во чреве у нее живет змей*, который и убивал всех ранее сватавшихся к ней женихов. Совершенно очевидно, что речь идет о древнем змие, принимающем

окультурно-эзотерический образ Кундалини.¹ Купец охвачен ужасом, но слуга расчленяет змия клещами и убивает его, после чего муж владеет своей женой "по закону". Узнав о том, что супруги живы, царь одаривает молодых, и они отправляются в путь. Однако по дороге происходит сцена, которую мы не будем излагать, но приведем здесь полностью:

"Потом приехаша к тому месту, где у него напелся, слуга же стал говорить: "Господине, а теперя от тебя иду даси мне ряжено". Купец же дади ему и разделиша возы пополам. Слуга же рече: "Да не обидно ли мне будет? Ты владеешь царевною, а мне что?" Он же спроси его: "Да кака нам ея делити? Возьми ты все триста подвод, а ея не замай у меня!" Он же ему отвеща: "Тебе обидно будет. Ты ея разруби пополам!" Купец же заплака: "Возьми ея один к себе, а не замай ее". Она же паде на землю, аки мертва. И выскочиша из нея, иза уст, *змеиное гнездо*, в нем же *змеенков* семьдесят, аки черви колыщуца. Слуга же подняв ее и перекрести и даде ему живу: "И поди ты живи с нею без опасения, а то бы она тебя съела от сих змеев. И возьми все подводы себе и мое наемное". И рече: "Знаеши ли ты меня?" Купец же рече: "Воистину, не знаю". Он же ему поведал: "Аз есмь Ангел Божий. Послал меня Господь Бог к тебе, за добродетель твою царство даровати, что ты у жидовина мертвое тело скупил и похаронил, и за то тебе царство и богатство". И пусти их, а сам невидим бысть".

Заметим, что в слове "похаронил" звучит имя перевозчика душ Харона, но это к слову.

Таким образом, полностью совершить брачное единство можно только победив *внутри жены* "древнего змия", что невозможно сделать без водительства Ангельских сил. Второй аспект — "царство" приобретается только принесением жертвы — в данном случае жены, что в известном смысле повторяет жертвоприношения

---

¹ Н.Козлов толкует этого "змия" и его "детей" как "подмененный царский род", овладевший царской дочерью, и связывает его с незаконным владельцем мертвого тела, выводя проблематику на метаполитический и эсхатологический уровень, что никак не противоречит выделяемому нами аспекту и естественно связано с полисемантичностью любого мистического текста.

Авраама. Но в данном контексте "царство" есть подлинное соединение любящих как по эту, так и по ту сторону бытия, единый ангельско-человеческий, духовно-физический *эрос*. Кстати, вполне возможно и "алхимическое" толкование повести как стадий "Великого Делания". Так, стадия от выкупа *трупа* через прохождение сквозь *лес* есть и "работа в черном", *nigredo*; стадия от венчания с царской дочерью до ее воскресения — "работа в белом", *albedo*, обретение царства — "работа в красном", *rubedo*. Эта "Повесть" может вполне быть названной православным прочтением знаменитой "Химической свадьбы".

Нам осталось обрисовать те аспекты "метафизики пола", которые связаны с глубинными сторонами того, что обычно именуют проблемой "Восток-Запад", но на самом деле следовало бы именовать несколько иначе.

Архетипические стороны метафизики пола ("боги и богини") описаны Эволюй достаточно подробно, и нет нужды повторять им сказанное. Не будет преувеличением сказать, что метафизика пола (и даже точнее, самого полового акта, как бы это кого-то ни шокировало) есть "темный корень" любой цивилизации, и не случайно традиционные культуры всегда стремились регламентировать эту сторону жизни, рассматривая как "извращение" то, что посягает на основы этой культуры и даже на ее "государственно-политический менталитет".¹ Культура есть культ, что было развернуто показано о.Павлом Флоренским, но, хотим мы того или нет, в любом культе, прямо или аскетически отсекаемо, присутствует пол.

Большой заслугой барона Ю.Эволюй как ученого-исследователя (мы здесь не берем во внимание его собственную "посвященность" или "непосвященность", равно как и личные предпочтения) является характеристика западного сексуального поведения как стремления к завершению полового акта (изначально прокреацион-

---

¹ Несмотря на крайнюю нехудожественность и грубую профаничность, известные книги Г.Климова, например, отражают специфическую реакцию русско-советского менталитета на некоторые также специфические "сексуально-социальные" проявления в русско-советской же среде и потому представляют определенный интерес.

ного, по мере вырождения — гедонистического) и, напротив, восточного — как стремления к его продлению и, в идеале, приостановлению. Вопрос о семяизвержении или же "повороте его вспять" может показаться парадоксально-шокирующим, но связь его с динамическим стремлением к "завершению" культуры Запада и статическим характером культуры Востока очевидна. Знаменитая католическая парадигма "или полное воздержание, или секс в крайних случаях и только ради деторождения" была лишь фиксацией в этих условиях для Запада аутентичности соотношения эзотерического и экзотерического, необходимого для выживания *этой* цивилизации. Изобретение на Западе контрацепции действительно обрушило *основы* здания, возводимого Папами и Королями, и привело к коллапсу Запада, стало одним из важнейших факторов "заката Европы", ее действительно "динамического завершения". В том числе и в этом контексте следует понимать знаменитую энциклику Папы Павла VI "Vitae humanae".

Попытки же перенесения на западную почву восточных практик, как это имело место в описанных Эволой эпизодах с А.Кроули и М.де Нагловска, в лучшем случае курьезны и напоминают сказанное по другому поводу В.Ходасевичем: "Привил-таки классическую розу к советскому дичку". Мы вслед за Эволой также не склонны преувеличивать "сатанизм" данных персонажей: "глубины сатанины", скорее всего, им были, слава Богу, неизвестны. На всем этом просто лежит печать всесмершения, претензий профанической цивилизации на глубины, которых у нее нет и быть не может.

Представляется интересным высказывание К.Г.Юнга, сделанное по гораздо более серьезному поводу, чем указанные случаи: "Мое столь критическое неприятие йоги вовсе не означает, что я не вижу в ней одного из величайших достижений восточного духа, я достаточно дал понять, что моя критика направлена лишь против применения йоги западными народами. Духовное развитие Запада шло совсем иными путями, чем на Востоке, а потому и создало, пожалуй, самые неблагоприятные условия для применения йоги. Западная цивилизация едва

достигла возраста одного тысячелетия,¹ она должна прежде избавиться от своей варварской односторонности. Это означает в первую очередь более глубокое видение человеческой природы. Посредством подавления бессознательного и контроля над ним никакого видения не добьешься — тем более путем имитации методов, возвращенных совсем иными психологическими уровнями. Со временем Запад изобретет собственную йогу, она будет опираться на фундамент, заложенный христианством".² Добавим — и на древние знания арийских народов, не смешанные с хамито-ханаанской культурой, которую следует просто предоставить самой себе.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. "Ключ к уразумению" тех или иных феноменов очень часто дает корнесловие. Понятие "ложной этимологии" — выдумка "академической", то есть "профанической" науки. Все языки, по сути, — один язык, точнее, разные осколки, при внимательном сложении образующие пусть тусклое, но все же зеркало праязыка. Какими же предстают ключевые понятия "восточной" "метафизики пола" сквозь "тусклое стекло" русского корнесловия? Что слышит в них ухо?

Итак, *тантра*. Не слышно ли в этом слове звучание греческого "танатос" и имя египетского бога солнца Ра? "Черное солнце"? "Солнце смерти"? Согласно традиции, "второе", или "черное" солнце невидимо расположено как бы напротив Солнца видимого — в противоположной точке эклиптики. Это — "отсутствие солнца", как и пустота — отсутствие полноты, а зло, если угодно — отсутствие добра, точнее, его нехватка, истощение. Упоминания "черного солнца" есть и в русской литературе. Вспомним Московскую летопись XV века: "Явися на Москве волк гол, и людей ел, и два черных солнца стояли". Или еще — черное солнце, которое видит в

---

¹ Характерно, что по Юнгу получается, что началом западной цивилизации является период примерно от образования империи Карла Великого — до отделения Западной Церкви. В этом случае оказывается, что вся меровингская эпоха из так называемой "западной цивилизации" выпадает.

² К.-Г.Юнг. О психологии восточных религий и философий. М., 1994, с.46.

последней главе "Тихого Дона" Григорий Мелехов, — солнце, вставшее над Россией XX века.

И не слышны ли в названии "Инония" — богоборческой поэмы Сергея Есенина, уже совсем "дальневосточные мотивы"? *Инония — иное оно, ин и ян.* О неславянских, монгольско-тюркских и просто восточно-азиатских корнях "Инонии" писал Иван Бунин в очень жесткой, но предельно "смысловыявляющей" статье "Инония и Китеж". Но если "Инонию" способен одолеть "Император Чжан, который имел двенадцать тысяч наложниц и стал бессмертным", то этого, увы, не скажешь об одном из тех, кто невидимо вписан в строку Д.Мережковского "Поэты на Руси не любят долго жить".

Органическое развитие возможно лишь на основе обретения собственной "сродности" (выражение Григория Сковороды), самоидентичности.

Положение России и русских в данном контексте не просто проблематично, но поистине трагично. Архетипически (прежде всего в плане метафизики пола и самого полового акта) мы принадлежим к Западу, точнее, к арийской общности. Однако в плане экономическом, политическом и культурном через Золотую Орду и преемственный от нее московский тягловый строй мы восприняли статико-деспотическую государственность, азиатский способ производства, статико-принудительный труд и так называемый коллективистский менталитет, без сохранения которых просто все рухнет, чему мы сегодня свидетели. Все это, разумеется, не носит оценочного характера, просто это так. Евразия существует как геополитическое пространство, месторазвитие, но говорить о русском народе как о синтезировавшем в себе Восток и Запад трудно. Разрыв между Европой и Азией проходит через каждого русского, и все дело в том, что мы никогда не вернемся в Европу и никогда не станем до конца Азией. Русская аутентичность вообще не поддается определению, она неопределима по своей природе, и это можно оценивать негативно, как делал, например, Чаадаев, но можно иначе — как изначально "неевклидово пространство", "тот свет на этом" (М.Цветаева). Как бы там ни было, но вопросы, поднимаемые книгой Ю.Эволы, для нас могут быть интересны лишь

до тех пор, пока на нас не обрушилось очередное иноземное нашествие или очередная внутренняя "переборка людишек". Иначе говоря, русская аутентичность может быть узнана и проявлена лишь в эсхатологической перспективе, но это совершенно иной разговор. А пока мы здесь, во всем, в том числе и в области пола, будем стараться просто нести *свой* крест.

Барон Юлиус Эвола считал "сексоманию" одним из главных признаков упадка современного мира. Сегодня это касается не только Запада, но и России. В то же время читающий "Метафизику пола", как, впрочем, и другие книги этого автора, сам того не желая, попадает в "зону повышенной опасности". И — "нам не дано предугадать, как наше слово отзовется". Появление в глубинах черной Африки смертельного вируса с таинственно-созвучным именем "*эбола*" — грозное предупреждение цивилизации заката. Слово воплощает бесконечное множество смыслов, устремленных как вверх, так и вниз. И потому каждое слово обладает потенциалом, влекущим сознание либо в восходящем, либо в нисходящем направлении. Защитой от "отрицательного потенциала" имен является только *умное делание*.

Владимир Русинов

Оглавление

Предисловие

Метафизика Эроса Юлиуса Эволы 5

Введение

1. К определению предмета 25

2. Пол в современном мире 32

Глава I. Эрос и половая любовь

3. Эволюционистские предубеждения 36

4. Любовь и секс 37

5. *Эрос* и инстинкт продолжения рода 40

6. Миф о "гении рода" 45

7. *Эрос* и стремление к удовольствиям 49

8. О сладострастии 51

9. Магнетическая теория любви 56

10. Уровни "сексуализации" 64

11. Пол физический и пол внутренний 70

12. Условия существования и формы эротической притягательности 75

Глава II. Метафизика пола

13. Миф об андрогине 84

14. *Эрос* и различные состояния опьяненности 91

15. "Биологизация" и падение *Эроса* 95

16. Афродита Урания. *Эрос* и красота 103

17. Вождение. Миф о Поросе и Пенни..... 108

Глава III. Явления восхождения в профанической любви

18. Пол и "человеческие ценности" 115

19. "Вечная Любовь". Ревность. Половая гордыня 120

20. Явление трансценденции при наступлении половой зрелости 124

21. Любовь, сердце, сон, смерть 129

22. Союз любви, боли и смерти..... 134

23. Сладострастие и страдание. Садомазохистский комплекс..... 138

24. Экстазы эротические и экстазы мистические 146

25. Об опыте половых объятий 153

26. Стыд: его метафизика и виды..... 161

27. Смысл оргии 167

28. Маркиз де Сад и "Путь левой руки" 171

29. Распутин и секта хлыстов..... 179

Глава IV. Боги и богини, мужчины и женщины

30. Мифология, онтология и психология..... 182

31. Метафизическая диада..... 189

32. Архетипы деметрические и афродические. Девственность. Глубинная нагота..... 199

33. Различие типов мужского начала в мифологии 209

34. Мужское и женское в проявлениях.....	212
35. О демонизме женского. Символика перевернутого объятия.....	220
36. Phallus и menstruum.....	226
37. Мужская и женская психология.....	232
38. Женщина как мать и как любовница	240
39. Жалостливость, сексуальность и жестокость у женщин.....	247
40. О женском очаровании. Активность и пассивность в половой любви.....	250
41. Об этике полов	259

Глава V. Сакрализация и пробуждение

42. Брак как "таинство" в традиционном мире	263
43. Христианство и сексуальность.....	269
44. Священная проституция. Иерогамия.....	275
45. Инкубы и суккубы. Фетишизм, припоминание и пробуждение.....	283
46. Процессы пробуждения в средневековой рыцарской любви	290
47. О посвятельном опыте "Адептов любви"	295
48. О смыслах "шабаша" и "черных месс".....	305
49. Доктрина андрогина в христианской мистике	313

Глава VI. Дол в мире посвящения и магии

50. Трансмутация и воздержание.....	322
51. Техника глубинной трансмутации в кундалини-йоге и даосизме.....	326

52.Пол в Каббале и Элевзинских Мистериях.....	
53.Тантрические сексуальные практики.....	
54.О правилах тантрических сексуальных практик и их опасностях	
55.Тайные сексуальные практики в китайском даосизме.....	
56.Сексуальные практики в арабском мире и герметическая символика	
57."Цепь Мириам" и "пиромагия"	
58."Свет пола" и "телемский закон"	
59.Предположения относительно так называемой "оперативной половой магии"	
Заключение.....	
Приложение	
Шактизм и "Адепты любви" (из книги "Тантрическая йога").....	
От переводчика	

Русский Традиционалистский Исследовательский Центр
"Беловодье"

Беловодье — сокровенное русское понятие, встречавшееся у староверов, странников, искателей совершенства, священная страна на Востоке, место исполнения заветных человеческих желаний, где по преданиям живут праведники и высокие мудрецы, сохранившие в чистоте духовные знания и истинную веру. Легенды утверждают, что многие люди уходили искать эту страну и не возвращались, а если и возвращались, либо хранили молчание, либо выдавали скудные сведения о совершенных обитателях и укладе жизни священной страны, закрытой от постороннего взгляда непроходимыми чащами и горами.

Беловодье следует понимать не только географически как реальную страну, пусть и легендарного характера, но и метафизически — как символ высочайшей духовной реальности и красоты, которая живет в человеческой душе. Это понятие перекликается с другими понятиями, дорогими для русского человека — Град Китеж, Святая Русь, Небесный Иерусалим, Тридевятое Царство. Искание Беловодья — это прежде всего внутренние, духовные искания истины и совершенства, происходящие в глубине сердца и связанные с традицией русских исканий. Русское странничество, поиски иного царства, устремление к небесным идеалам — все это очень близко соприкасается с исканием Беловодья. Найти Беловодье — значит найти Белую Воду Вечной Жизни и Духовности, отыскать внутреннюю гармонию, равновесие, источник здоровья, счастья и мудрости в своей душе.

Сегодня найти и сохранить такое гармоничное состояние духа очень трудно — Белая Вода Вечной Жизни затемняется мутной водой проявлений современной цивилизации, агрессии, хаоса, уныния. Для очищения потока бытия одного лишь желания мало — необходимы духовные знания эзотерического плана как в древней, так и в современной версии.

Русский Традиционалистский Исследовательский Центр "Беловодье"

Русский Традиционалистский Исследовательский Центр "Беловодье" занимается изучением духовных традиций прошлого и настоящего. Предметом исследований центра является духовно-психологическая практика христианства (прежде всего православия), буддизма, ислама, индуизма, зороастризма, герметизма, сакральная символика этих традиций, их влияние на отечественную и мировую культуру, связь с архетипическими свойствами национального характера, а также историческая перспектива в XXI веке.

Результаты исследований, проводимых центром, обсуждаются на семинарах и публикуются в издательстве "Беловодье". Центр приглашает всех последователей перечисленных выше традиций, специалистов в области духовной культуры, философов, культурологов, религиоведов, психологов для участия в работе.

В издательстве "Беловодье" в 1994-1995 гг. вышли:

1. Б.Кхантипалло. *Спокойствие и прозрение.*
2. Ч.Трунгпа. *Шамбхала: Священный путь воина.*
3. Р.Генон. *Царство количества и знамения времени.*
4. С.Ю.Ключников. *Психоэнергетическая защита.*
5. Ю.П.Миролюбов. *Русский языческий фольклор.*
6. Н.П.Рудникова. *Сокровенная мудрость Египта.*
7. С.Ю.Ключников. *Священная наука чисел.*
8. И.Купер-Оукли. *Сен-Жермен. Тайны королей.*

Готовятся к выпуску в 1996 г.:

1. Р.Генон. *Символы священной науки.*
2. *Восток в русской мысли (Сборник трудов евразийцев).*
3. В.И.Щербаков. *Тайны Эры Водолея.*
4. С.Ю.Ключников. *Идеология Новой России.*
5. *Путеводитель по Агни Йоге.*
6. С.Ю.Ключников. *Агни Йога в вопросах и ответах.*

 257-07-41, 930-18-09, 120-08-07

**Русский Традиционалистский Исследовательский Центр
"Беловодье"**

Помимо исследовательской работы, призванной собирать духовные знания, в центре *"Беловодье"* ведется большая культурно-просветительская
лекции, вечера
и учебно-практическая
тренинги, семинары, курсы
деятельность, благодаря которой эти знания становятся доступными более широкому кругу людей

Психологические семинары-тренинги:
Тайны пола
Тайны семейного благополучия
Духовный путь воина
Управление сновидениями
Психоэнергетическая защита

Школа духовного совершенствования

Найти нас вы можете по адресу:
3-я ул. Ямского поля, 14/16
ДК "Ямское поле", 3-й этаж
м. "Белорусская" радиальная

257-07-41, 930-18-09, 120-08-07

Новая постоянно действующая ярмарка
"ЭКСПО МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ"
(кристаллы, книги, украшения и множество необычных вещей)
Работает по пятницам, субботам и воскресеньям
с 12.00 до 19.00

В клубе открыт магазин здорового питания и
вегетарианское кафе
тел.257-04-90

3-я ул. Ямского поля, 14/16, м.Белорусская радиальная

Юлиус Эвола
Метафизика пола

Главный редактор *Платонова Т.Ю.*

Редактор *Шлионская И.А.*

Компьютерная верстка и макетирование *Силиванов С.В.*

Подписано в печать 29.01.96. Бумага офсетная.

Формат 84x108/32. Гарнитура TimesET. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14. Тираж 3500. Зак. 16

***Русский Традиционалистский
Исследовательский Центр
“Беловодье”***

(095) 257-07-41, 930-18-09, 120-08-07

Издательство “Беловодье”

117296, г.Москва, Ленинский пр-кт., 68-514

Издательская лицензия ЛР № 030635 от 15.03.95

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.
Плр № 050003 от 19.10.94 г.